

Российская академия наук
Институт психологии

Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев

ПСИХОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2018

УДК 159.9

ББК 88

Н 56

Все права защищены.

*Любое использование материалов данной книги полностью
или частично без разрешения правообладателя запрещается*

Рецензенты:

Агеев А. И. — доктор экономических наук, профессор

Войтоловский Ф. Г. — доктор политических наук, профессор

Зубок Ю. А. — доктор социологических наук, профессор

Малинецкий Г. Г. — доктор физико-математических наук, профессор

Мироненко И. А. — доктор психологических наук, профессор

Урсул А. Д. — доктор философских наук, профессор

Нестик Т. А., Журавлев А. Л.

Н 56 Психология глобальных рисков. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. — 402 с.

ISBN 978-5-9270-0385-3

УДК 159.9

ББК 88

В монографии представлен теоретико-методологический анализ социально-психологических аспектов глобальных рисков (природных, технологических, экономических, социальных, геополитических). Особое внимание уделено формированию глобальной идентичности, коллективным страхам перед будущим, отношению личности к новым технологиям, психологическим проблемам ядерного сдерживания, групповой жизнеспособности. Приводятся результаты поисковых эмпирических исследований отношения личности к глобальным рискам.

Книга адресована в первую очередь специалистам в области социальной, политической, организационной и экономической психологии, психологии личности, труда и управления, теории организации, социологии и культурной антропологии, она будет полезна преподавателям и студентам психологических, социологических, политологических и экономических факультетов вузов.

Исследование выполнено по гранту РНФ № 18-18-00439

«Психология человека в условиях глобальных рисков»

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2018

ISBN 978-5-9270-0385-3

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 7

ГЛАВА 1

Глобальные риски как социально-психологический феномен 14

Психологические особенности глобальных рисков
и отношения к ним в обществе 15

Представления о глобальных рисках
и социально-психологические характеристики личности 30

Социально-психологические механизмы конструирования
социальных представлений о глобальном изменении климата
и природных катастрофах 45

Социально-психологические предпосылки
предотвращения глобальных рисков 57

ГЛАВА 2

Психологические факторы отношения личности и группы к глобальным рискам 65

Личностные факторы отношения к глобальным рискам. 65

Межличностные, групповые и организационные факторы отношения к глобальным рискам. 71

Межгрупповые и социетальные факторы отношения к глобальным рискам 76

Эмпирическое исследование отношения личности к глобальным рискам и его социально-психологической детерминации. 80

ГЛАВА 3

Социально-психологические механизмы глобальной идентификации 95

Подходы к изучению глобальной идентичности.	96
Эмпирическое исследование глобальной идентификации у представителей российской молодежи	105
Мнимая дилемма между глобальной идентичностью и патриотизмом: перспективные направления исследований.	115

ГЛАВА 4

Коллективные эмоции и дезинформация в эпоху глобальных рисков 120

Феномен коллективных эмоций и групповая идентичность	121
Динамика коллективных эмоциональных состояний, вызванных коллективной травмой	127
Коллективные эмоции в эпоху «послеправды»: психологические механизмы распространения дезинформации в социальных сетях	129
Эмпирическое исследование эмоциональных состояний, связанных с глобальными рисками.	137

ГЛАВА 5

Отношение к глобальным рискам и постапокалиптические компьютерные игры 149

Роль кинематографа и компьютерных игр в формировании представлений о глобальных рисках	149
Опыт игры в компьютерные игры и отношение личности к глобальным рискам	152
Отношение к глобальным рискам у геймеров, играющих в постапокалиптические игры.	154
Отношение к глобальным рискам и личной смерти у геймеров, играющих в компьютерные игры разных жанров	160

ГЛАВА 6

Отношение к технологическим рискам: технофилы и технофобы XXI века 167

Социально-психологические механизмы отношения личности к новым технологиям	167
Технофобия как культурный и психологический феномен	175

Психологические особенности новых технологий.	178
Эмпирическое исследование отношения личности к новым технологиям	182

ГЛАВА 7

Психология отношения личности к искусственному интеллекту и роботизации 201

Психологические особенности взаимодействия человека с искусственным интеллектом и роботами	201
Эмпирическое исследование социально-психологических характеристик личности, влияющих на отношение к системам на основе искусственного интеллекта.	209
Перспективы психологических исследований взаимодействия человека с искусственным интеллектом.	225

ГЛАВА 8

Психологические аспекты ядерного сдерживания и стратегической стабильности 234

Состояние исследований психологических аспектов ядерной угрозы и ядерного сдерживания	235
Психологические особенности ядерного противостояния	248
Социально-психологические детерминанты отношения к ядерной угрозе: результаты эмпирического исследования.	253
Психологические механизмы распространения ядерного оружия и готовности к его применению	269
Психологические детерминанты готовности к применению ядерного оружия: результаты эмпирического исследования	277

ГЛАВА 9

Психологические предпосылки жизнеспособности социальных групп в обществе риска 290

Феномен жизнеспособности группы.	290
Психологические факторы жизнеспособности малых групп	292
Психологические факторы жизнеспособности организаций	296
Жизнеспособность крупных социальных групп.	300
Групповая временная перспектива как фактор жизнеспособности группы	302
Заключение	312

Приложение 1	
Опросник «Отношение к глобальным рискам» Т.А. Нестика . . .	319
Приложение 2	
Шкала «Ценность выживания человечества» Т.А. Нестика . . .	324
Приложение 3	
«Шкала темного будущего» З. Залеского.	325
Приложение 4	
Методика «Глобальная социальная идентификация» Г. Риза . .	327
Приложение 5	
Методика «Глобальная идентичность» А. Дер-Карabetяна и И. Руиз.	328
Приложение 6	
«Шкала идентификации с человечеством» С. Макфарленда . .	329
Литература.	332

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних 10 лет глобальные риски все больше смещаются из разряда периферийных тем в центр внимания психологии риска. Растет число психологических исследований, посвященных отдельным аспектам или отдельным видам глобальных рисков: психологическим барьерам при прогнозировании глобальных катастроф, психологическим последствиям глобального потепления, отношению людей к риску ядерной войны, отношению людей к новым технологиям. Вместе с тем обобщающих работ в данной области по-прежнему очень мало. Проблематика психологии глобальных рисков все еще остается раздробленной между различными дисциплинами: психологией принятия решений, психологией международных отношений, психологией инноваций, психологией ресурсоберегающего и природоохранного поведения и др. Между тем, задачи практического управления процессами глобализации (Глобальное управление, 2015) требуют более комплексного представления о социально-психологических аспектах отношения человека к глобальным рискам.

Целью данной работы является выявление психологических механизмов, определяющих отношение людей к глобальным рискам. Психология глобальных рисков рассматривается в контексте более широкой области научных исследований, которую можно обозначить как глобальную психологию. Предметной областью данного научного направления является отношение личности и группы к глобальным явлениям и процессам. Его отличие от традиционных областей макропсихологии, политической психологии, психологии международных отношений, а также психологии риска состоит в том, что психологические феномены рассматриваются здесь с точки зрения их влияния на судьбу всего человечества и планеты в целом (Журавлев, Юревич, Мироненко, 2018; Ковалева, Журав-

лев, 2017; Нестик, 2016а; Психологические исследования глобальных процессов, 2017). Глобальные проблемы лишь частично связаны с глобализацией, их появление и пути решения напрямую связаны с превращением человечества в геологическую силу, оказывающую влияние на биосферу Земли и дальнейшую эволюцию жизни (Апель, 2001; Вернадский, 1991; Ильин, Леонова, 2016; Ильин, Урсул, 2009; Моисеев, 1987; Урсул, 2014, 2017). При этом в данной книге основное внимание уделяется не природным, а порожденным людьми, антропогенным глобальным рискам, связанным с ядерным оружием и развитием новых технологий.

В центре внимания данной работы находятся проблемы формирования глобальной идентичности, психологических особенностей глобальных рисков и отношения личности к различным их типам (ядерная война, изменение климата, риски новых технологий), а также социально-психологических предпосылок предотвращения глобальных катастроф.

В первой главе книги рассматриваются психологические особенности глобальных рисков, характеризующихся неподтверждаемостью повседневным опытом; субъективной отдаленностью во времени; сопряженностью с коллективными тревожными состояниями; необходимостью ряда социально-психологических условий для их предвидения и предотвращения, которые не могут быть обеспечены в одночасье (доверие, глобальная идентификация, групповая рефлексивность); разрушительностью для веры человека в свою способность влиять на будущее; психологической амбивалентностью способов предотвращения, которые сами по себе могут рассматриваться как новые источники глобальной угрозы; включенностью представлений о глобальных рисках в межгрупповые отношения, их подверженностью манипуляциям. Отношение к глобальным рискам рассматривается как характерные для личности или группы особенности антиципации, переживания и осмысления не только самих глобальных угроз, но и совместной деятельности представителей своей и чужих групп, направленной на их создание, использование или предотвращение. Выделяются содержательные и структурно-динамические характеристики отношения личности и группы к глобальным рискам. Предлагается структура отношения к глобальным рискам, выделяются его ценностно-мотивационные, когнитивные, аффективно-оценочные и предповеденческие компоненты. На материале эмпирических исследований рассматривается связь представлений о глобальных рисках с социально-психологическими характеристиками личности.

Во второй главе проанализированы социально-психологические механизмы, лежащие в основе отношения личности и группы к глобальным рискам: личностные, межличностные, групповые, организационные, межгрупповые и социетальные. Приводятся результаты апробации авторского опросника «Отношение к глобальным рискам», измеряющего различные компоненты отношения личности к глобальным рискам: аффективные (тревога в отношении глобальных рисков); когнитивные (убеждение в необходимости сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков; фаталистическое игнорирование; религиозный авторитаризм как средство спасения; допустимость радикальных решений и выживания одних за счет других; оптимизм в отношении глобального будущего; апокалиптизм), а также поведенческие компоненты (готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков; готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких). Рассматриваются типы отношения личности к глобальным рискам, выделенные в результате эмпирического исследования: «радикальные пессимисты», «активисты», «игнорирующие», «встревоженные традиционалисты», «пассивные прагматики», «оптимисты». Обсуждаются психологические функции выделенных нами предикторов отношения личности к глобальным угрозам (групповой идентификации, тревоги по поводу будущего, а также социальных аксиом и моральных оснований). Выделены представления о мире, поддерживающие три различные стратегии совладания с тревогой по поводу глобальных угроз: ориентацию на выживание своими силами при дефиците социальной поддержки, повышение приверженности традиционным ценностям и поддержку ограничительных мер, а также преадаптацию к угрозам будущего через повышение толерантности к неопределенности.

Третья глава посвящена предпосылкам и механизмам формирования глобальной идентичности – отождествления личностью себя с человечеством. Рассмотрены подходы к изучению глобальной идентичности и близких к ней психологических феноменов. Приводятся результаты эмпирических исследований глобальной идентификации, проведенных нами среди россиян. Предложены основания для выделения типов глобальной идентичности. Показано, что глобальная идентификация может выполнять функцию компенсаторного механизма, защищающего позитивную идентичность личности при негативной оценке собственного прошлого и неверии в возможность повлиять на происходящее в стране. С опорой на результаты эмпирических исследований делается вывод о том, что глобальная иден-

тичность поддерживается позитивной гражданской и этнической идентичностью и нет оснований противопоставлять ее патриотизму.

В четвертой главе рассматривается проблема переживания коллективных эмоций социальной группой в ответ на коллективную травму. Выделены типы коллективных эмоций, проанализирована их связь с травмирующими событиями, описана динамика коллективных эмоциональных состояний при переживании коллективной травмы, их роль при совладании с травмой, связь коллективных эмоций с групповой идентичностью членов группы. Особое внимание обращается на целенаправленное провоцирование коллективных эмоциональных состояний в ходе психологических операций и кибервойн в эпоху «послеправды», анализируются психологические механизмы подверженности пользователей социальных сетей воздействию дезинформации. Приводятся результаты поискового исследования характерных для различных социальных групп эмоциональных состояний, связанных с новостями о приближающихся глобальных угрозах.

В пятой главе проанализированы психологические особенности компьютерных игр, действие которых разворачивается после глобальной катастрофы. Приводятся результаты поисковых исследований отношения геймеров к глобальным рискам. Показано, что опыт игры в компьютерные игры обратно связан с тревогой по поводу глобальных рисков и ценностью выживания человечества. Тем не менее сопоставление выделенных нами типов игровых предпочтений показывает, что геймеры, играющие в постапокалиптические игры, характеризуются более высокой озабоченностью глобальными рисками и социальным пессимизмом. Они более готовы участвовать в предотвращении глобальных рисков, но при этом более склонны верить в то, что глобальную катастрофу можно пережить, если подготовиться к ней заранее. Геймеры, предпочитающие многопользовательские онлайн-игры, отличаются более высоким оптимизмом в отношении будущего человечества, менее склонны к игнорированию глобальных рисков и менее подвержены страху личной смерти, что может быть связано с их опытом успешного создания альянсов для решения сложных социальных задач.

Шестая глава обобщает серию исследований, посвященных социально-психологической детерминации отношения личности к новым технологиям и их воздействию на общество. Определены когнитивные, аффективные и поведенческие составляющие отношения к новым технологиям, а также его характеристики и психологические функции. Проанализированы крайние проявления отношения

личности к новым технологиям: технооптимизм и технофилия, технопессимизм и технофобия. Показана амбивалентность социальных представлений о будущем технологий: признавая неизбежность технологического развития, респонденты связывают с ним как комфорт, так и социальную деградацию. Показано, что отношение к разным технологиям определяется разными предикторами: в отличие от оценки опасности нанотехнологий, оценка опасности ГМО тесно связана с характеристиками социальной идентичности. Предикторами технооптимизма являются доверие к заинтересованным сторонам технологического прогресса, ориентация на будущее, вера в награду за усилия, низкая религиозность и низкий уровень уважения к авторитетам. Показано, что отношение к научно-техническому прогрессу и ориентация на будущее в целом играют менее существенную роль при использовании новых технологий, чем ориентация на получение удовольствия в настоящем, оценка привлекательности технологии и легкости в ее использовании.

В седьмой главе приводятся результаты проведенной нами серии эмпирических исследований, посвященных социально-психологическим предпосылкам отношения россиян к внедрению систем искусственного интеллекта (ИИ) в повседневную жизнь. В главе приводится обзор современных исследований отношения личности к искусственному интеллекту, анализируются особенности доверия человека к ИИ и роботам. Выделены разные психологические типы технологий ИИ («технологии киборгизации» и «технологии умного города»), на отношение к которым влияют различные психологические факторы. Показано, что воспринимаемые угрозы искусственного интеллекта связаны не столько с надежностью и предсказуемостью самой технологии, сколько с ее использованием государством и другими людьми. Показано, что оценка технологий специализированного ИИ и их возможного влияния на общество прямо зависит от уровня социального доверия личности. Обнаружено, что готовность к взаимодействию с общим ИИ как с партнером, обладающим сознанием и переживаниями, требует сочетания технооптимизма с социальным оптимизмом, с доверием к социальным институтам и другим людям. Поддержка внедрения ИИ для повышения эффективности социальных институтов оказалась связана не с просоциальными и коллективистическими установками, а с ориентацией на личный успех и низкой ценностью безопасности.

В восьмой главе рассматриваются социально-психологические аспекты стратегической безопасности. Особое внимание уделяется психологическим особенностям ядерного сдерживания, социально-

психологическим механизмам принятия решений по поводу распространения и применения ядерного оружия, психологическим типам отношения личности и группы к ядерной угрозе. Выделены психологические факторы, влияющие на распространение ядерного оружия и демонстрацию государствами своей готовности его использовать. На внутриличностном уровне это авторитарность, этноцентризм, уровень самооценки, а также мотивационно-когнитивные искажения (сверхуверенность, упрощение ситуации, метафора эскалации, реактивная девальвация уступок, эффект перехода Рубикона, эффект «рамки»), эффекты управления ужасом и внутриличностный нормативный конфликт. На уровне межличностных отношений это уровень доверия и закономерности социального восприятия: дилемма безопасности и фундаментальная ошибка атрибуции, эффекты самосбывшащихся пророчеств. На уровне группы это эффекты группового мышления, сдвига к риску, роста конформности в условиях дефицита времени. На уровне межгрупповых отношений это аутгрупповая дискриминация, стереотипизация и формирование образа врага. Наконец, на уровне общества в целом это виртуальность ядерной угрозы, недооценка рисков, которых нет в жизненном опыте и ложные представления о постапокалиптическом будущем, формируемые индустрией развлечений. В главе также приводятся результаты наших эмпирических исследований отношения к ядерной угрозе среди российской молодежи.

Девятая глава посвящена жизнеспособности группы в условиях глобальных рисков как социально-психологическому феномену. Под жизнеспособностью группы понимается способность членов группы к совместной деятельности, направленной на преодоление внутригрупповых конфликтов и неблагоприятных для группы внешних обстоятельств, воспринимаемых как угроза развитию и существованию группы. Предлагается ее структура, выделяются ценностно-мотивационные, когнитивные, аффективные, поведенческие компоненты. Анализируются психологические факторы жизнеспособности группы (семьи, локального сообщества, организации, больших социальных групп). Особое внимание уделяется характеристикам групповой временной перспективы как фактора, влияющего на групповую жизнеспособность в условиях общества риска.

В конце каждой главы, подводя итоги, мы намечаем направления дальнейших исследований в соответствующих областях психологической науки.

В отличие от обширной литературы, посвященной психологическим последствиям катастроф, мы сосредоточили основное внима-

ние на социально-психологических факторах, повышающих вероятность глобальных рисков, а также на психологических предпосылках их предотвращения. Психология ликвидации катастроф заслуживает отдельного внимания и специально оставлена нами за рамками исследования.

Книга является первым отечественным теоретико-эмпирическим исследованием, посвященным социально-психологическим механизмам отношения личности и группы к глобальным рискам. Оно носит поисковый характер и намечает те направления социально-психологических исследований в данной области, которые представляются нам перспективными. Авторы выражают надежду на то, что вопросы, затронутые в данной работе, послужат отправной точкой для дальнейших теоретических и эмпирических исследований отечественных психологов.

Глава 1

ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Современные риски глобализуются: даже повседневные решения отдельных людей оказываются связанными с глобальными последствиями (Giddens, 1994). Риски, накапливающиеся в последовательностях решений и действий, принимают обезличенный характер и уже не могут быть полностью и рационально просчитаны. Слова К. Маркса о том, что человек формулирует лишь такие проблемы, которые может решить, уже не относятся к современному обществу. Риск оказывается неотъемлемой характеристикой любого социального действия (Luhmann, 1993), а современный человек живет в мире «институционализированных рисков», когда от фондовых бирж и цен на энергоресурсы зависит экономическое благополучие каждого (Giddens, 1994). На место производства и распределения общественных благ приходит непрерывное производство рисков, которые сами по себе превращаются в источник прибыли.

При этом полемика вокруг того, что считать риском и с какой вероятностью, опирается не только на личные и групповые интересы, но и на социокультурные механизмы, конструирующие массовые страхи (Бовина, 2011; Гаврилов, 2009; Beck, 2005). Образ будущего, в том числе коллективные надежды и страхи, определяется групповыми ценностями. Культура влияет не только на то, что мы считаем желательным, но и на то, что мы определяем как угрозу социальному порядку. При этом риск неизбежно интерпретируется как нарушение культурных норм, как отклоняющееся поведение конкретных людей и социальных групп (Douglas, 1992; Douglas, Wildavsky, 1982).

В обществе риска представления об угрозах будущего становятся мощным фактором, влияющим на текущую политическую и экономическую ситуацию. Риски оказываются «политически рефлексивными», т. е. вызывают к жизни новые политические силы, подвергают перестройке социальные институты. В обществе риска солидарность

на почве страхов оказывается мощной силой (Бек, 2000). Переживание глобальных угроз и осознание схожести реакции на эти угрозы у жителей других государств ускоряют формирование воображаемых глобальных сообществ (Кузнецов, 2014; Tiryakian, Beck, 2011).

Психологические особенности глобальных рисков и отношения к ним в обществе

Под глобальными рисками понимаются вероятные события или условия, которые могут нанести серьезный урон одновременно нескольким странам или отраслям мировой экономики (The Global Risks Report, 2016). Согласно другой точке зрения, катастрофу можно считать глобальной, если масштабы человеческих жертв составляют не менее 10% населения Земли (The Global Catastrophic Risks, 2016). В отчетах Всемирного экономического форума глобальные риски сгруппированы в 5 категорий (Волков, 2015; Миркин, Фомченков, 2013): экологические (изменение климата, нехватка воды, экстремальные погодные явления и т. д.), экономические (структурная безработица, резкие изменения в цене на энергоносители и т. д.), геополитические (в том числе международные военные конфликты, крупномасштабные террористические атаки, ослабление государственной власти и т. д.), социальные (крупномасштабная вынужденная миграция, общественные волнения, продовольственные кризисы, массовые эпидемии и т. д.) и технологические (сбой критически важных информационных систем, кража данных и кибератаки, а также негативные последствия технологического прогресса, связанные с искусственным интеллектом, геоинженерией, синтетической биологией и т. п.). Опубликованный в январе 2016 г. одиннадцатый отчет Всемирного экономического форума указывает на 29 глобальных рисков, выявленных на основе опроса 742 экспертов. Наиболее серьезными рисками признаны климатические изменения, угроза применения оружия массового поражения, вынужденная миграция, нехватка воды и резкое изменение цен на энергоносители (The Global Risks Report, 2016). Эксперты Института будущего человечества при Оксфордском университете в качестве наиболее вероятных в настоящий момент рисков называют угрозы ядерной войны и глобальной эпидемии (The Global Catastrophic Risks, 2016).

В последние годы внимание экспертов все больше привлекают глобальные катастрофические риски. Согласно одному из определений, это события, которые могут повлечь за собой гибель более 10 млн человек или нанести ущерб более 10 трлн долларов (Bostrom,

Ćirkovic, 2008). К предельным формам глобальных рисков относятся экзистенциальные риски, т. е. события, ведущие к исчезновению человечества или радикальному ухудшению условий жизни.

Подчеркивая всю условность разграничения между тесно связанными друг с другом рисками, составители наиболее полного обзора по данной тематике выделяют три основных типа катастрофических рисков (The Global Catastrophic Risks, 2008): 1) природные риски (например, извержения супер-вулканов, столкновение с астероидом, космическое излучение), 2) непреднамеренные последствия человеческих действий (например, изменение климата, пандемии, последствия развития искусственного интеллекта или экспериментальных запусков коллаидера), 3) враждебные действия (ядерный конфликт, использование террористами средств массового уничтожения, использование биологического оружия и нанотехнологий, угроза тоталитарных режимов).

В более позднем варианте эта классификация включает в себя несколько типов рисков, грозящих уничтожением всего мира: цивилизационные, технологические (в том числе ядерное оружие, генная инженерия и нанотехнологии, искусственный интеллект, коллаидеры и т. п.), антропогенные (изменение климата, исчерпание ресурсов, массовая утрата интереса к жизни, генетическое вырождение и т. п.), риски глобальной экономической нестабильности (социальное расслоение, финансовые кризисы), а также природные риски, такие как пандемии, астероиды, космические лучи и сверхвулканы (Волков, 2015).

А. П. Назаретян делит глобальные катастрофы на экзогенные (например, извержение вулкана) и эндогенные (например, когда технический прогресс и экстенсивное развитие опережают рост внутреннего разнообразия и духовности), обращая внимание на то, что именно последние приводили к наиболее существенным изменениям в истории человечества (Назаретян, 2001). С математической точки зрения, глобальные риски являются «режимами с обострением» С. П. Курдюмова, когда измеряемая величина неограниченно растет за ограниченное время. И в этой ситуации гуманитарные технологии и система управления оказываются более критичны для выживания, чем собственно масштаб угрозы (Воробьев и др., 2000; Малинецкий, 2013, 2015). Согласно известному разграничению Н. Луманна, рисками вообще можно называть лишь ту неопределенность, которая связана с последствиями человеческих решений, именно это отличает риски от опасностей, порождаемых внешними природными силами (Луманн, 1994). Следует признать, что с со-

циально-психологической точки зрения в современном обществе противопоставление риска и опасности все более утрачивает смысл, так как любая возможная катастрофа, даже не связанная с деятельностью человека, оценивается не сама по себе, а в связи с решениями и действиями (или бездействием) различных лиц и социальных групп, сквозь призму технических возможностей, интересов и взаимоотношений государств или отдельных организаций. Проще говоря, попадая в поле общественного внимания, любая опасность превращается в риск.

Н. Бостром и М. Циркович предлагают три основания для классификации рисков (Bostrom, Cirkovic, 2008). Во-первых, риски могут быть разными по масштабу (от индивидуального к локальному, глобальному, охватывающему множество поколений, вплоть до космического, когда исчезает не только человечество, но и сама возможность развития жизни во вселенной). Во-вторых, риски различаются по значимости последствий (от незаметных – таких как потеря волоса на голове человека, глобальное потепление на 0,001 градуса по Цельсию, исчезновение одного вида насекомых, к существенным – таким как кража машины, рецессия в стране, эпидемия испанки, резкое сокращение биологического разнообразия на планете, и к терминальным – таким как гибель человека в авткатастрофе, геноцид, глобальное старение, вымирание человечества). В-третьих, риски могут иметь разную вероятность, оценка которой, впрочем, зависит от используемых способов измерения.

Как видим, существующие классификации рисков основаны на содержании объективных угроз, лежащих в их основе природных и антропогенных процессах, а также причинно-следственных связях между ними. Тем не менее глобальные риски – это еще и социально-психологический феномен, коллективные представления, влияющие на поведение людей в различных сферах жизни. С этой точки зрения, речь идет не столько об объективных угрозах, сколько о самосбывающихся и самоотменяющихся пророчествах, об образе будущего, который влияет на развитие событий в настоящем (Нестик, 2015а). Субъективно оцениваемые угрозы в среде обитания провоцируют межличностное и межгрупповое взаимодействие, в ходе которого индивидуальные представления о рисках становятся социальным знанием, воспринимаются как объективная реальность, влияющая на общественные настроения. Тем самым средовые риски превращаются в деятельностные, связанные с реагированием людей на те или иные угрозы (Зубок, Чупров, 2017, 2018; Кравченко, Салыгин, 2015). Иными словами, отношение человека к глобальным

рискам включает в себя и отношение к связанной с ними деятельности, к тем или иным способам их преодоления.

Глобальные риски характеризуются несколькими *психологическими особенностями*.

Во-первых, подавляющее большинство глобальных рисков не подтверждаются повседневным опытом, не обнаруживаются органами чувств, носят неосознаваемый характер. Исследования свидетельствуют о том, что редкость или отсутствие тех или иных событий в личном опыте приводят к недооценке их вероятности (Hertwig, Erev, 2009). При этом людям свойственно переоценивать маловероятные риски, после того как они столкнулись с наглядными примерами их последствий, «прочувствовали» их на своем или чужом опыте. Наоборот, гораздо более вероятные риски недооцениваются, если они описываются абстрактными прогнозами (Smith, Leiserowitz, 2014; Weber, 2006). Например, после ряда смертельных случаев с водителями машин Toyota американское общество было охвачено страхом перед сбоем в системе управления своих автомобилей, так что японской компании пришлось отозвать 9 млн машин, выпущенных с 2002 по 2009 гг. Между тем, вероятность погибнуть от самопроизвольного ускорения двигателя для владельцев Toyota составляла всего 1 шанс из 3000000 в год. Вероятность же того, что к концу века последствия глобального потепления будут намного более суровыми, составляет 95%, т.е. близка к 1 : 1. Но для обывателей это всего лишь цифры, а не часть эмоционального опыта (Stoknes, 2015).

Отсутствие таких рисков в автобиографической и коллективной памяти приводит к тому, что они достраиваются воображением по аналогии с другими катастрофами, носящими локальный характер, имеющими совсем иные причины, предвестия и последствия. В обществе отсутствует опыт противодействия таким рискам, не выработаны адекватные механизмы прогнозирования и адаптации. Примером может служить гигантское землетрясение в Индийском океане в декабре 2004 г., за которым последовало цунами и 300 тыс. погибших. Эта катастрофа не была предсказана, так как считалось, что для анализа данных достаточно датчиков на площади 1330 тыс. кв. км, т.е. никто не верил в возможность 9-балльных землетрясений, зарождающихся на площади диаметром в 3000 км (Малинецкий, 2008).

Между тем скоротечность развития событий при наступлении глобальной катастрофы не оставляет времени на их осмысление и организацию ответов. Следовательно, психологический парадокс состоит в том, что для подготовки к таким катастрофам чело-

веку не хватает опыта и воображения, а при их наступлении наиболее вероятны шаблонные реакции без возможности для обучения на собственных действиях. По мнению Э. Гидденса, чем тяжелее возможные последствия, тем более расплывчаты наши представления о том, чем мы рискуем, так как если что-то «пойдет не так», то будет «уже слишком поздно» (Гидденс, 1994).

Во-вторых, глобальные угрозы воспринимаются как отдаленные во времени (Турчин, 2007, 2011). Это приводит к ряду когнитивных искажений: осмысление в абстрактных категориях, нечувствительность к масштабу возможных жертв и блокирование эмпатии, неготовность личности включить эти возможные события в свои жизненные сценарии и планы. Подробнее речь о них пойдет ниже — в связи с факторами отношения личности к глобальным рискам.

В-третьих, переживание глобальной угрозы затрудняет поиск способов ее предотвращения. Иллюзия отдаленности и маловероятности глобальных рисков в массовом сознании провоцирует активистов и СМИ на использование алармистского подхода, т. е. на целенаправленное нагнетание коллективной тревоги. Между тем фрустрация и тревожные состояния снижают способность отдельных людей и социальных групп к поиску нестандартных решений, блокируют групповую рефлексию, подталкивают к упрощению ситуации и затрудняют достижение договоренностей (Нестик, 2014b). Эмоциональное переживание противоречия между опережающими потребительскими ожиданиями и негативным образом будущего, характерное для «предкризисных» обществ, снижает когнитивную сложность, размерность сознания, делает более вероятным проявление агрессии (Назаретян, 2001). Наконец, в соответствии с известным «эффектом рамки», стремление избежать вероятной потери повышает нашу склонность к рискованным решениям (Корнилова, 2014). Иными словами, алармизм с целью предупреждения глобальных катастроф парадоксальным образом повышает, а не снижает риски.

Психологический парадокс глобальных рисков состоит в том, что мы долгое время недооцениваем их вероятность и последствия, но достаточно одного прецедента, чтобы бездействие сменилось избыточной реакцией и неэффективным растрачиванием ресурсов. Дело в том, что при оценке вероятности глобальных рисков мы подвержены эффекту представленности информации. Недавно произошедшие техногенные катастрофы или теракты привлекают наше внимание наглядной, эмоционально заряженной картиной ужасных последствий и заставляют нас переоценивать вероятность повторения подобных событий в ближайшем будущем. Это приво-

дит к сверхреакции на одни худшие сценарии и к недооценке других (Sunstein, 2007). Иными словами, сверхусилия по предотвращению одних глобальных рисков отвлекают наше внимание от других, не менее вероятных.

В-четвертых, существует асимметрия между техническими возможностями породить глобальные риски и когнитивными и социально-психологическими ресурсами для поиска способов управления ими. Например, опыт управления рисками радиоактивного заражения, а также опыт финансового кризиса 2008 г. свидетельствуют о том, что сами способы прогнозирования рисков нередко дают обратный эффект, поддерживая иллюзию безопасности и приводя к изобретению инструментов управления рисками, которые еще более опасны, чем угроза, от которой они призваны защитить (Horlick-Jones, 2013). Но проблема не только в ограниченности когнитивных ресурсов человечества, не позволяющей нам оценить последствия рисков. Согласно концепции техно-гуманитарного баланса А. П. Назаретяна, чем выше мощь производственных и военных технологий, тем более совершенные механизмы сдерживания агрессии необходимы для сохранения общества (Назаретян, 1993, 2001, 2013). Для предупреждения таких рисков необходим не только интеллектуальный, но и социально-психологический капитал: высокий уровень межличностного и межгруппового доверия, идентификация членами группы себя с человечеством и будущими поколениями, оптимизм, способность к групповой рефлексии и коллективному прогнозированию. Между тем в обществе риска способность к доверию сокращается из-за растущей неуверенности в социальных институтах, конфликта различных социальных ролей и правил, накладываемых лояльностью к конкретным социальным группам (Селиген, 2002; Столяр, 2008).

В-пятых, техногенные источники глобальных рисков способны к самовоспроизводству (цепная реакция, саморазвитие искусственного интеллекта, размножение нанороботов и т. п.), т. е. являются не разовым событием, а нарастающим процессом. С психологической точки зрения это означает, что в ходе катастрофы и даже при ее приближении будут усиливаться фаталистические установки. Убеждение личности или группы в способности влиять на свое будущее легко может смениться на выученную беспомощность, еще больше ускоряя и усугубляя катастрофические последствия.

В-шестых, глобальные риски осмысляются в моральных категориях и требуют самоопределения личности. В отличие от рисков, с которыми человек сталкивается в повседневной жизни, отношение

к глобальным угрозам осмысливается с опорой на моральные ценности, которые могут по-разному трактоваться (Feinberg, Willer, 2013). По сравнению с другими рисками возможность гибели человечества и судьба будущих поколений более непосредственно затрагивает идентичность личности и ее ценностно-смысловую сферу. Связь глобальных рисков с ценностями также снижает эффективность алармизма, различного рода попыток привлечь внимание общественности к проблемам планетарного масштаба. Например, как показывают исследования, разрыв между ценностями и поведением невозможно преодолеть с помощью одного лишь информирования о долгосрочных последствиях разрушения окружающей среды (Pappas, Pappas, 2015).

В-седьмых, представления о глобальных угрозах конструируются под влиянием межгрупповых отношений, используются элитами в своих политических и экономических интересах (Данлэп, 2001; Чашин, 2013; Dunlap, 2014; McCright, Dunlap, 2011). Поэтому массовые представления о глобальных катастрофах и способах их предотвращения далеки от научных, они тесно связаны с групповыми стереотипами и политическими взглядами. При этом сами люди могут не осознавать влияния политических убеждений на их отношение к глобальным рискам. Например, настроенные против политики «зеленых», американские консерваторы были менее склонны покупать лампы с пониженным потреблением энергии, когда на них были наклеены «экологические» символы, чем тогда, когда таких ярлыков не было. Странники М. Ромни в США, по сравнению со сторонниками Б. Обамы, значимо чаще покупали «зеленые» товары (солнечные батареи, энергосберегающие лампы и т. п.) в предшествующие 5 лет, хотя объясняли это мотивами экономии, а не заботой об окружающей среде (Hoffman, 2015).

По мнению Н. Бострома, важной особенностью экзистенциальных глобальных рисков представляется тот факт, что их предупреждение является общественным благом и плохо регулируется рыночными механизмами. Поскольку такие риски влияют на будущие поколения, оценка их вероятности и последствий, как правило, сильно искажена текущими экономическими интересами элит. Вместе с тем выживание человечества рассматривается как более существенная ценность, чем суверенитет отдельных государств (Bostrom, 2002; Taylor, 2008).

На наш взгляд, это открывает возможность использовать глобальные риски как аргумент в пользу нарушения международного права, когда общественным мнением манипулируют ради достижения опре-

деленных геополитических целей (примером может служить вторжение США в Ирак под предлогом предотвращения использования химического оружия). Гуманитарные риски глобального масштаба могут стать поводом для вмешательства в гражданские силовые конфликты других стран, особенно с учетом слабой проработанности таких вопросов в международном праве (Войтоловский, 2013). Иными словами, угроза одних глобальных рисков используется для того, чтобы создать другие, возможно, гораздо более масштабные и долгосрочные по последствиям социальные катастрофы. Кроме того, следует учитывать, что принятие решений в таких ситуациях подвержено когнитивным искажениям: когда речь идет о предотвращении вероятной потери или ущерба, мы более склонны к рискованным действиям, чем тогда, когда на кону возможность выигрыша (Schunk, Winter, 2009; Tversky, Kahneman, 1992). Существует вероятность того, что инструменты предотвращения глобальных рисков сами станут их новыми источниками. Например, система отклонения астероидов может быть использована для удара по земным объектам (Турчин, Батин, 2013). Другим примером может быть ядерное сдерживание: огромные арсеналы ядерного оружия, призванные предотвратить глобальную войну, сами превратились в источник экзистенциального риска для жизни на планете (Журавлев, Нестик, Соснин, 2011). На наш взгляд, это означает, что успешность деятельности, направленной на предотвращение глобальных рисков, в сильнейшей степени определяется межгрупповым взаимодействием.

Таким образом, как только глобальные риски осознаются в качестве угрозы определенной социальной группой, они становятся социальными вне зависимости от того, являются они антропогенными или чисто природными по своему происхождению.

Человечество достигло такого уровня технического развития, когда вероятность его выживания напрямую зависит от *отношения к глобальным рискам*, т. е. характерных для членов определенной социальной группы особенностей антиципации, переживания и осмысления 1) глобальных угроз, 2) совместной деятельности представителей своей и чужих групп, направленной на их создание, использование или предотвращение.

К *ценностно-мотивационным компонентам* отношения личности и группы к глобальным рискам можно отнести относительную субъективную значимость разных типов глобальных рисков для настоящего и будущего личности и группы, ценность человеческой жизни, продолжения человеческого рода и благосостояния будущих поколений. Сюда же относится оценка моральной допустимости различ-

ных способов использования, провокации или предотвращения глобальных кризисов.

К его *когнитивным компонентам* относится содержание представлений о глобальных угрозах, их источниках и последствиях; оценка вероятности рисков и возможности выживания; оценка способности отдельных людей, социальных групп и человечества в целом прогнозировать риски и влиять на развитие будущих событий; оценка отдаленности рисков во времени, долгосрочности их воздействия и последствий; представления о своем и чужом вероятном поведении в условиях катастрофы; представления о способах предотвращения рисков, их последствиях; представления о социальных группах, с действиями которых связана реализация риска или его преодоление.

В числе *аффективно-оценочных компонентов* следует выделить уровень тревоги в связи с определенными рисками, выраженность позитивной или негативной оценки ближайшего, среднесрочного и отдаленного будущего человечества, общий уровень оптимизма в отношении будущего — своего и своей социальной группы.

Наконец, к *конативным (предповеденческим) компонентам* отношения личности и группы к глобальным рискам относятся готовность участвовать в тех или иных совместных действиях по прогнозированию, предотвращению, использованию или провоцированию глобальных угроз; готовность к тем или иным действиям во время и после катастрофы.

Среди *содержательных характеристик* отношения личности и группы к глобальным рискам можно выделить индивидуальные и групповые представления о рисках, их причинах и последствиях, вероятности и отдаленности во времени, возможных и допустимых способах их предотвращения, а также представления о социальных группах, вовлеченных в формирование глобальных рисков и управление ими. Отношение личности и группы к глобальным рискам может быть генерализованным или, напротив, парциальным, когда представления об одних угрозах достаточно отчетливы, а представления о других — не сформировались.

Среди *формально-динамических характеристик* отношения к глобальным рискам следует выделить значимость их для личности и социальной группы, структуру, внутреннюю согласованность и когнитивную сложность представлений о глобальных рисках, устойчивость этих представлений во времени, скорость их конструирования и трансляции в обществе, степень распространенности и однородности отношения к глобальным рискам среди различных социальных групп. Будучи эмоционально окрашенными, восприятие,

переживание и осмысление глобальных рисков могут формироваться при разных коллективных эмоциональных состояниях, они могут быть в разной степени связаны с коллективным прошлым и повседневным опытом совместной жизнедеятельности. Отношение к глобальным рискам может быть включено в процессы межгрупповых отношений, может стимулировать или блокировать коллективную рефлексия, может быть сопряжено не только с определенными ценностями, но и с групповыми стереотипами и предрассудками.

Эмпирические исследования отношения личности к глобальным рискам свидетельствуют о том, что острота их переживания различается в разных регионах мира. Это подтверждается результатами около 80 тыс. интервью, проведенных в 40 странах агентством Pew Research в 2015 и 2017 гг. (Carle, 2015; Poushter, Manevich, 2017). Итоги опроса 2015 г. показывают, что в Латинской Америке, Южной Африке, Индии и Китае жители считали наиболее серьезной угрозой глобальное изменение климата, тогда как у жителей стран Ближнего Востока, США и Европы наибольшие опасения вызвала угроза со стороны ИГИЛ¹, в Польше и Украине наибольшей угрозой считали Россию, в Израиле — ядерную программу Ирана, а во Вьетнаме — Китай (см. таблицу 1.1). Есть и угрозы, беспокоящие большинство жителей земного шара. Опрошенными жителями 19 из 40 стран, в которых проводилось исследование в 2015 г., назвали в качестве наиболее серьезной угрозы глобальное потепление. В других странах, в том числе в России, наиболее значимой является угроза экономической нестабильности (Carle, 2015).

В 2017 г. картина изменилась незначительно (см. таблицу 1.2). В 18 странах, большинство из которых были затронуты терактами в последние два года, на первое место по значимости вышла угроза со стороны ИГИЛ (Европа, Россия, Ближний Восток, Азия и США). В 13 из 38 стран, участвовавших в опросе, наибольшую тревогу вызывает глобальное потепление (прежде всего, в странах Латинской Америки и Южной Африки, которые сильнее всего страдают от сокращения площади лесов, эрозии почв и продовольственных кризисов). Исследователями из Pew Research была обнаружена прямая связь тревоги по поводу экономической нестабильности с уровнем неудовлетворенности экономической ситуацией в своей стране ($r=0,76$). Например, состояние мировой экономики назвали в 2017 г. самой серьезной угрозой большинство жителей Венесуэлы и Гре-

1 Террористическая организация, запрещенная в России и большинстве других стран мира.

Таблица 1.1

Глобальные риски, вызывающие наибольшую тревогу у жителей Земли, по данным Pew Research на март–май 2015 г. (% опрошенных, см.: Carle, 2015)

Глобальные риски	Всего в мире, %	США, %	Европа, %	Ближний Восток, %	Азия и Тихоокеанский регион, %	Латинская Америка, %	Африка, %
Глобальное изменение климата	46	42	42	35	41	61	59
Глобальная экономическая нестабильность	42	51	40	33	35	54	50
ИГИЛ в Ираке и Сирии	41	68	70	54	45	33	38
Ядерная программа Ирана	31	62	42	29	29	33	29
Кибератаки на правительственные учреждения, банки и корпорации	30	59	35	22	35	33	30
Напряженные отношения между Россией и ее соседями*	24	43	41	18	22	22	20
Территориальные споры между Китаем и его соседями**	18	30	17	14	31	21	22

*Примечание:** – вопрос не задавался респондентам в России; ** – вопрос не задавался респондентам в Китае.

ции, национальная экономика которых находится в состоянии тяжелейшего кризиса. Кибератаки занимают первое место по значимости в Японии и второе место – в странах, которые подверглись атакам в течение нескольких месяцев, предшествовавших опросу: США, Германии и Англии. Вынужденная миграция рассматривается как серьезная глобальная угроза 39% опрошенных по всему миру, причем на первое место она вышла лишь в Венгрии, – стране, где проблема мигрантов стала ключевым элементом политической программы победившей на выборах партии евроскептиков (Poushter, Manevich, 2017).

Согласно исследованию, проведенному в марте 2018 г. агентством Ipsos, среди жителей 28 стран (Ipsos MORI, 2018с) наибольшую тревогу вызывают социальные угрозы: финансовая/государствен-

Таблица 1.2

Глобальные риски, вызывающие наибольшую тревогу у жителей Земли, по данным Pew Research на февраль–май 2017 г. (% опрошенных, см.: Poushter, Manevich, 2017)

Глобальные риски	Всего в мире, %	США, %	Европа, %	Ближний Восток, %	Азия и Тихо-океанский регион, %	Латинская Америка, %	Африка, %
ИГИЛ	62	74	74	*	62	40	54
Глобальное изменение климата	61	56	64	44	61	74	58
Кибератаки со стороны других стран	51	71	54	40	52	54	53
Глобальная экономическая нестабильность	51	37	37	59	46	61	51
Большое число беженцев из таких стран, как Ирак и Сирия	39	36	41	48	35	31	55
Мощь и влияние США	35	**	31	50	35	47	37
Мощь и влияние России	31	47	41	35	29	23	31
Мощь и влияние Китая	31	41	30	20	47	25	32

*Примечание:** – вопрос, на который ответили только четыре страны на Ближнем Востоке и в Северной Африке, медиана % не подсчитывалась; ** – на вопрос не отвечали респонденты в США.

ная коррупция (35% опрошенных), безработица (34%), бедность и социальное неравенство (34%), преступность и насилие (31%), а также здравоохранение (24%). Замыкают список экологические риски (10%), сокращение программ социальной поддержки (9%), глобальное изменение климата (9%), рост экстремизма (8%), рост ожирения среди детей (3%) и снижение доступности кредитов (1%). В таблице 1.3 проиллюстрирована озабоченность глобальными рисками жителей различных стран.

Приведенные нами данные опросов Pew Research и Ipsos указывают на то, что представления о глобальных рисках конструируются прежде всего на основе наблюдаемых и широко освещаемых СМИ событий. Примером может быть проблема иммиграционного контроля, широко обсуждаемая в европейских СМИ (Европа XXI века, 2017).

Таблица 1.3
 Озабоченность глобальными рисками у жителей различных стран, по данным Ipsos в марте 2018 г.:
 «Какие три из перечисленных ниже угроз вызывают наибольшую тревогу в вашей стране?»
 (% опрошенных, см.: Ipsos MORI, 2018)

Глобальные риски	Всего в мире, %	Россия, %	США, %	Великобритания, %	Франция, %	Германия, %	Китай, %	Индия, %	Южная Африка, %
Экономическая и политическая коррупция	35	52	23	11	15	9	—	51	58
Безработица и угроза потери рабочих мест	34	35	17	16	40	11	25	40	61
Бедность и социальное неравенство	34	56	19	33	36	54	—	29	35
Преступность и насилие	31	9	35	22	22	40	10	30	56
Здравоохранение	24	33	33	42	15	12	36	14	13
Образование	20	19	15	14	14	13	29	18	22
Налоги	18	16	14	11	31	9	—	17	16
Падение нравов	15	15	23	15	14	17	35	10	7
Иммиграционный контроль	14	7	23	27	24	35	1	3	4
Терроризм	14	8	29	28	33	22	5	—	1
Инфляция	11	17	7	10	3	3	34	9	9
Угрозы окружающей среде	10	7	10	8	12	14	41	12	2
Программы социальной поддержки	9	11	5	18	4	6	31	3	1
Изменение климата	9	3	12	8	11	17	25	12	4
Доступ к кредитам	2	7	2	2	1	1	7	2	2

Следует признать, что помимо объективных демографических и социально-экономических процессов, обсуждаемых в СМИ, на тревоги по поводу будущего могут влиять и другие факторы. По-видимому, все более значимую роль в формировании коллективных страхов играют социальные медиа и целенаправленные психологические операции, когда те или иные риски начинают использоваться во внутринациональной политической борьбе (например, угроза кибератак, организованных правительствами других стран).

Наиболее существенными оказались идеологические и политические различия в оценке рисков. Так, в Европе и США представители правых более высоко оценивали угрозу вынужденной миграции и угрозу со стороны ИГИЛ, чем представители левого политического крыла. Наоборот, угрозу глобального изменения климата респонденты левых политических взглядов оценивают выше, чем сторонники правых. Так, в США 86% опрошенных либералов признали глобальное потепление серьезной угрозой, тогда как среди консерваторов таких оказалось всего 13% (Poushter, Manevich, 2017).

Интересно также, что в исследовании не вошли технологические риски, на которые указывает экспертное сообщество (например, искусственный интеллект, автоматизация вооружений, в том числе в области ядерного оружия). Помимо дизайна исследования, это может объясняться не только низким уровнем информированности опрошенных, но и краткосрочным временным горизонтом, в рамках которого оцениваются угрозы.

Обобщая результаты исследований, можно сделать вывод о том, что среди респондентов развитых стран преобладает социальный пессимизм (Eckersley et al., 2007; Halal, Marien, 2011). Согласно данным международного онлайн-опроса, проведенного в 2004 г., 45% респондентов убеждены, что рано или поздно человечество прекратит свое существование (Tonn, 2009). По данным другого кросс-культурного исследования, больше 54% респондентов считают, что люди с вероятностью более 50% будут вынуждены изменить свой образ жизни в ближайшие 100 лет, а 24% опрошенных считают, что в этот период времени с вероятностью более 50% человечество исчезнет с лица Земли (Randle, Eckersley, 2015).

Имеющиеся данные об отношении людей к конкретным рискам (ядерной угрозе, изменению климата, терроризму и др.) позволяют с уверенностью говорить о существовании множества *типов отношения к глобальным рискам*.

Например, в одном из исследований были выделены четыре основные измерения, на основании которых можно проводить

кросс-культурное сравнение отношения к землетрясениям: фатализм, отношение к науке, временная перспектива и желание быть информированными. Так, афроамериканцы сильнее всего отличались от белых англосаксов-протестантов и мексиканцев по уровню фатализма («Землетрясения будут сопровождаться большими разрушениями и человеческими жертвами, вне зависимости от того, будем мы к ним готовиться или нет»). Во-вторых, белые англосаксы-протестанты больше верили в возможность научного предсказания землетрясений. В-третьих, американцев мексиканского происхождения больше тревожила вероятность землетрясений в будущем. Наконец, белые англосаксы-протестанты были более ориентированы на получение немедленной и полной информации о возможных землетрясениях, чем другие группы (Turner, Kiecolt, 1984).

Исследования представлений о глобальном потеплении у американцев позволили выделить несколько сегментов аудитории (Maibach et al., 2010; Myers et al., 2012): «алармисты» (12%), «озабоченные» (27%), «осторожные» (25%), «безразличные» (10%), «скептики» (15%), «противники» (10%). При изучении отношения к ядерной угрозе в массовом сознании были выделены девять возможных ориентаций (Hamilton, Chavez, Keitlin, 1986): «романтики» (вера в здравомыслие политиков), «гедонисты» (стремление успеть перед концом света взять от жизни все), «стоики» (вера в неизбежность войны и выживание части человечества), «сторонники устрашения» (вера в то, что угроза ответного удара предотвратит войну), «альтруистические фаталисты» (признание неспособности предотвратить войну в сочетании со стремлением сделать как можно больше для окружающих), «сторонники разоружения» (вера в возможность предотвратить катастрофу силами общественности), «теисты» (убеждение, что «все в руках Господа»), элиминационисты (вера в необходимость уничтожения потенциальных агрессоров превентивным ядерным ударом), «стремящиеся выжить» (вера в то, что, подготовившись, можно пережить катастрофу).

В своих исследованиях Р. Эрксли выделяет три основных психологических типа отношения к возможному исчезновению человечества с лица земли: нигилистическое, фундаменталистское и активистское (Eckersley, 2008; Randle, Eckersley, 2015). При нигилистическом отношении признание неизбежности катастрофы сопряжено с гедонизмом и стремлением жить во благо близких людей («Будущее мира не сулит ничего хорошего, так что лучше сосредоточиться на своей жизни и благе своих близких»; «Следует наслаждаться той жизнью, которая у нас есть, а не тревожиться по поводу возможного будущего»).

го человечества»). Фундаментализм характеризуется убеждениями в том, что мы вступаем в окончательную войну добра и зла и для сохранения человечества необходимо вернуться к традициям и религиозным ценностям («Мы присутствуем при финале борьбы добра и зла в мире»; «Чтобы разрешить глобальные противоречия и угрозы, нам нужно вернуться к традиционным религиозным учениям и ценностям»). Наконец, активизм предполагает веру в то, что для спасения мира необходимы радикальные изменения и объединение усилий («Если мы хотим лучшего будущего для нашего мира, нам нужно изменить свое мировоззрение и образ жизни», «Моя надежда на будущее связана с растущим глобальным движением людей, которые хотят построить свободный от войн, честный и устойчивый мир»). Кросс-культурное онлайн-исследование, проведенное в США, Англии, Канаде и Австралии, показало, что активизм значительно преобладает над нигилизмом и фундаментализмом: 78% ответов — по сравнению с 48% и 36% соответственно (Randle, Eckersley, 2015). Возможно, это объясняется тем, что для большинства респондентов, принявших участие в опросе, очевидна невозможность дальнейшего сохранения сложившегося положения в мире. Другое объяснение может быть связано с тем, что опрос проводился онлайн и на него откликнулись в основном те, кто верит в способность людей влиять на будущее.

Построение хорошо обоснованной социально-психологической типологии отношения к глобальным рискам по-прежнему является задачей будущих исследований.

Представления о глобальных рисках и социально-психологические характеристики личности

Для изучения отношения личности к различным типам глобальных рисков в 2012 г. и в 2016–2018 гг. Т. А. Нестиком была проведена серия эмпирических исследований.

Целью первого исследования было определить место глобальных рисков в представлениях молодежи г. Москвы об угрозах, связанных с будущим. Исследование проводилось в 2012–2017 гг. среди студентов московских вузов (N=191 в 2012 г., N=365 в 2016 г. и N=335 в 2017 г.; 31% — мужчины, 69% — женщины; средний возраст 21,2; при сравнении выборки были выровнены по полу и возрасту). Была использована методология анализа структуры социальных представлений, предложенная П. Вержесом и позволяющая выделить ядерные и периферийные ее элементы на основании сопоставле-

ния частоты встречаемости семантических категорий и очередности их указания респондентами в свободных ответах (Бовина, 2011; Емельянова, 2016; Vergès, 1992).

При сравнении ядра и периферии представления об угрозах будущего в 2012 и 2016 гг. заметны существенные различия (таблица 1.4). В 2016 г. в состав ядра вошли понятия, бывшие в 2012 г. на его периферии: безработица (частота 61; средний ранг 1,66), ядерная война (32; 1,84), терроризм (32; 1,88), политические риски (30; 1,87). Из периферии в близкую к ядру зону «поднялись» страхи инфляции, социальной нестабильности, авторитаризма, миграции, страх за свою старость и судьбу детей. Напротив, из ядра и потенциальной зоны изменений на периферию сместились такие страхи, как «конец света», «одиночество», «трудности в учебе», «неудачный брак», «коррупция». Стабильными элементами ядра остаются страхи войны (153; 1,65), экономического кризиса (98; 1,76), бедности (31; 1,71), ухудшения экологии (40; 1,90), неудовлетворенности жизнью (101; 1,64), потери близких (58; 1,78) и неизвестности будущего в целом (37; 1,51). При этом страх войны вышел на первое место и по частоте упоминания, и по рангу.

Таким образом, тревоги по поводу будущего становятся все более связанными с глобальными процессами. В целом анализ представлений об угрозах будущего показывает, что они глубоко социальны, связаны в основном с политической и экономической ситуацией в стране.

Анализ значимых различий между «глобалистами» (назвали в числе страхов в основном глобальные риски, $N=178$) и «локалистами» (назвали в основном страхи, связанные с личной судьбой, $N=173$), показал (см. таблицу 1.5), что студенты, озабоченные глобальными рисками, больше ценят свое прошлое, обладают более протяженной временной перспективой и более убеждены в своей способности влиять на будущее, отождествляют себя с большим числом социальных категорий. Они более готовы участвовать в общественных инициативах, направленных на предотвращение глобальных катастроф, менее склонны поддерживать гонку вооружений и допустимость применения ядерного оружия.

Иными словами, озабоченность глобальным будущим прямо связана со способностью ценить свое прошлое, долгосрочной ориентацией, верой в способность влиять на будущее и способностью относить себя одновременно к нескольким социальным группам.

Для уточнения состава глобальных угроз, значимых для российской молодежи, в 2017–2018 гг. Т. А. Нестиком и Е. В. Волошиной ре-

Таблица 1.4

Протоипический анализ социальных представлений студентов об угрозах будущего в 2012 и 2016 гг.

Элементы социальной структуры представления	Понятия-ассоциации (с указанием частоты встречаемости и среднего ранга)
	2012 (N=191) * 2016 (N=365) **
Ядро социального представления	<p>2012 (N=191) * Неудовлетворенность жизнью: «ничего не добиться», «не найти интересной работы», неудачи в карьере и т. п. (71; 1,76) Война (63; 1,67) Потеря близких (35; 1,83) Одиночество (33; 1,91) Конец света (24; 1,92) Ухудшение экологии: загрязнение природы, вымирание животных (21; 1,71) Бедность: нищета, неспособность обеспечить себя и семью (21; 1,95) Неопределенность: неизвестность, «что будет в жизни, будем» и т. п. (19; 1,42) Экономический кризис (18; 1,94)</p> <p>2016 (N=365) ** Война (153; 1,65) Неудовлетворенность жизнью: «ничего не добиться», «не найти интересной работы», неудачи в карьере и т. п. (101; 1,64) Экономический кризис (98; 1,76) Безработица (61; 1,66) Потеря близких (58; 1,78) Ухудшение экологии: загрязнение природы, вымирание животных (40; 1,90) Неопределенность: неизвестность, «что будет в жизни, будем» и т. п. (37; 1,51) Ядерная война (32; 1,84) Терроризм (32; 1,88) Бедность: нищета, неспособность обеспечить себя и семью (31; 1,71) Политические риски: непродуманные решения политических лидеров, некомпетентность правительства, отсутствие перемен в стране и т. п. (30; 1,87)</p>
Потенциальная зона изменений социального представления (две подгруппы)	<p>2012 (N=191) * Политические риски: непродуманные решение политических лидеров, некомпетентность правительства, отсутствие перемен в стране (11; 1,55) Трудности в учебе: «не закончить», «не поступить» и т. п. (11; 1,64) Ядерная война (11; 1,91) Неудачный брак (7; 1,43) Коррупция (3; 1,67) Нехватка ресурсов (2; 1,50)</p> <p>2016 (N=365) ** Инфляция (24; 1,75) «Конец света» (17; 1,88) Социальная нестабильность: массовые беспорядки (15; 1,87) Авторитаризм: ужесточение законов, закрытие границ, запрет на технологии и т. п. (15; 1,93) Старость (13; 1,92) Глобальное потепление (8; 1,63) Судьба детей: «в каком обществе будут жить мои дети» и т. п. (4; 1,25) Митранты: исламизация, вытеснение русских и т. п. (4; 1,50)</p>

<p>Потенциальная зона изменений социального представления (две подгруппы)</p>	<p>Тяжелые болезни и смерть (52; 2,00) Глобальные природные катастрофы (25; 2,04) Бездуховность; утрата обществом моральных ценностей, ожесточение, деграляция общества и т. п. (18; 2,06)</p>	<p>Тяжелые болезни и смерть (79; 2,16) Глобальные природные катастрофы (33; 2,21) Одиночество (40; 1,95)</p>
<p>Собственно психосоциальная система социального представления</p>	<p>Крах государства; гражданская война, революция (14; 2,36) Безработица (11; 2,27) Технологенные экологические катастрофы (10; 2,00) Старость (9; 2,11) Авторитаризм; ужесточение законов, закрытие границ, запрет на технологии и т. п. (9; 2,11) Судьба детей: «в каком обществе будут жить мои дети» и т. п. (9; 2,00) Социальная нестабильность: массовые беспорядки (8; 2,13) Терроризм (7; 2,00) Мигранты: исламизация, вытеснение русских и т. п. (6; 2,00) Эпидемии (6; 2,00) Голод (5; 2,20) Глобальное потепление (4; 2,75) Выход технологий из-под контроля (4; 2,75) Крах мировой экономики (3; 2,67)</p>	<p>Эпидемии (29; 2,24) Бездуховность; утрата обществом моральных ценностей, ожесточение, деграляция общества и т. п. (22; 2,14) Крах государства: гражданская война, революция (19; 2,05) Голод (12; 2,00) Нехватка ресурсов (11; 2,18) Трудности в учебе: «не закончить», «не поступить» и т. п. (11; 2,00) Коррупция (10; 2,30) Неудачный брак (8; 2,25) Выход технологий из-под контроля (6; 2,33) Технологенные экологические катастрофы (6; 2,00) Перенаселение (5; 2,40) Крах мировой экономики (4; 2,25) Нехватка питьевой воды (3; 2,33) Рост преступности (2; 2,00).</p>

Примечание: * — Условия включения понятия в зону 1: частота $\geq 15,4$; средний ранг $< 1,98$; условия включения понятия в зону 2: частота $< 15,4$; средний ранг $< 1,98$; условия включения понятия в зону 3: частота $\geq 15,4$; средний ранг $\geq 1,98$; условия включения понятия в зону 4: частота $< 15,4$; средний ранг $\geq 1,98$. ** — Условия включения понятия в зону 1: частота $\geq 29,9$, средний ранг $< 1,94$; условия включения понятия в зону 2: частота $< 1,94$; средний ранг $< 1,94$; условия включения понятия в зону 3: частота $\geq 29,9$; средний ранг $\geq 1,94$; условия включения понятия в зону 4: частота $< 1,94$; средний ранг $\geq 1,94$.

Таблица 1.5
Место глобальных рисков в тревогах по поводу будущего
и социально-психологические характеристики:
анализ значимых различий

	Глобалисты (назвали в числе страхов в основном глобальные риски; N=178)	Локалисты (назвали в основном страхи, связанные с личной судьбой; N=173)	Значимость различий по тесту Манна–Уитни
Позитивное прошлое	4,1	3,9	0,021
Гедонистическое настоящее	3,6	3,7	0,025
Протяженность временной перспективы	7,6	6,6	0,001
Контроль судьбы (вера в то, что судьба predetermined)	2,8	2,9	0,019
Число социальных категорий, с которыми идентифицирует себя респондент	5,7	3,9	0,001
Убеждение в том, что ядерную войну можно предотвратить, если пропорционально наращивать арсенал оружия массового уничтожения и поддерживать баланс сил	2,6	2,9	0,032
Убеждение в том, что лучший способ предотвратить ядерный удар – нанести его первыми	1,5	1,9	0,002
Готовность своими действиями поддерживать общественные инициативы, направленные на предотвращение глобальных катастроф	3,7	3,1	0,002
Оправданность применения ядерного оружия	2,2	2,4	0,027

спондентам было предложено назвать три наиболее серьезные угрозы человечеству ($N=335$). Прототипический анализ по методу Вержеса показал (таблица 1.6), что в ядро представления о глобальных рисках входят природные катастрофы (частота 130; ранг 2,0); гражданские и региональные войны (112; 1,6); терроризм (85; 1,7); ядерная война (60; 1,8), а также изменение климата и экстремальные погодные явления (48; 2,0). В зону потенциальных изменений ядра вошли экономические угрозы, такие как финансовый кризис, бедность, безработица (43; 2,0); антропогенные риски в целом, связанные с действиями человечества (19; 2,0); угроза голода (17; 1,9); распространение различных зависимостей, таких как алкоголь, наркомания, интернет-зависимость и т. п. (16; 1,9), а также негативные последствия развития новых технологий, таких как роботизация, искусственный интеллект, и ускорение НТР в целом (10; 2,0).

Наши предшествующие исследования показали, что коллективные страхи в три раза менее разнообразны по своему содержанию, чем коллективные мечты (Нестик, 2014с). Мы мечтаем о разном, но боимся одного и того же, поэтому страхи оказываются благодатной почвой для манипуляций общественным мнением. В обществе риска коллективные страхи используются для повышения солидарности и политической мобилизации. Наши данные указывают на то, что глобальные риски становятся все более значимыми для молодежи, а значит, могут стать «оружием» в информационных войнах и политических компаниях.

Второе исследование было проведено в 2017–2018 гг. с целью изучения представлений о глобальных рисках в различных социальных группах. Мы предположили, что значимость глобальных рисков будет различаться в зависимости от культурных и профессиональных характеристик личности. Чтобы проверить это предположение, мы сопоставили социальные представления о глобальных рисках в контрастных социальных группах: среди российских, казахских и китайских студентов; среди россиян, представляющих разные поколения (X и Y); а также среди россиян, представляющих разные профессиональные группы: священников, директоров школ, руководителей оборонных предприятий и специалистов по международным отношениям.

Представителям различных социальных групп предлагалась шкала озабоченности глобальными рисками, разработанная на основе отчетов Всемирного экономического форума (*The Global Risks Report*, 2017, 2018). Шкала обладает высокой внутренней согласованностью ($\alpha=0,926$) и позволяет измерять отношение к природным

Таблица 1.6
Прототипический анализ социальных представлений молодежи
об угрозах будущего (N=335)

	Элементы структуры представления*	Частота (n=335)	Средний ранг
Ядро социального представления	Природные риски (стихийные бедствия, экологические катастрофы, загрязнение окружающей среды)	130	2,0
	Гражданские и региональные войны	112	1,6
	Терроризм (терроризм, экстремизм, преступные действия, убийства)	85	1,7
	Угроза ядерного оружия и ядерной войны	60	1,8
	Климатические изменения (глобальное потепление, глобальное похолодание, изменение климата)	48	2,0
	Экономические угрозы (финансовый кризис, коррупция, изменение цен, бедность, безработица)	43	2,0
	Антропогенные риски (сами люди, сам человек, само человечество и т.п.)	19	2,0
	Голод	17	1,9
	Распространение различных зависимостей (курение, алкоголь, наркомания, интернет-зависимость и т.п.)	16	1,9
Потенциальная зона изменения представления (2 группы)	Негативные последствия новых технологий (роботизация, искусственный интеллект, ускорение НТР)	10	2,0
	Эпидемии и смертельные заболевания (СПИД, рак)	78	2,2
	Деградация личности (отсутствие самосознания и мотивации к развитию, зависть, агрессия, бездуховность, низкая стрессоустойчивость и эмоциональное выгорание)	48	2,1
	Истощение природных ресурсов (водных, сырьевых)	46	2,1

Периферическая система социального представления	Изменение нравственных ценностей (нравственная деградация, равнодушие, фашизм)	38	2,1
	Социальная нестабильность и политические кризисы (проблемы власти, ксенофобия, межрасовые отношения, тоталитарные режимы, неучастие государства в жизни людей)	26	2,2
	Техногенные катастрофы	25	2,4
	Демографические риски (перенаселенность, рост миграционных потоков)	22	2,4
	Космические угрозы (метеоритный дождь, озоновые дыры, пришельцы)	18	2,4
	Религиозная нетерпимость (религиозная фанатичность, исламизация, религиозные войны, безбожность, влияние РПЦ)	14	2,3
	Международная напряженность (Трампа на посту президента, международные конфликты и т. п.)	13	2,2

Примечание: * — Условия включения понятия в зону 1: частота $\geq 14,9$; средний ранг $< 2,1$; условия включения понятия в зону 2: частота $< 14,9$; средний ранг $< 2,1$; условия включения понятия в зону 3: частота $\geq 14,9$; средний ранг $\geq 2,1$; условия включения понятия в зону 4: частота $< 14,9$; средний ранг $\geq 2,1$.

рискам (7 пунктов, $\alpha=0,900$; $M=3,29$; $SD=0,895$), социально-политическим рискам (6 пунктов, $\alpha=0,809$; $M=3,22$; $SD=0,869$), технологическим рискам (6 пунктов, $\alpha=0,742$; $M=2,85$; $SD=0,973$), экономическим рискам (4 пункта, $\alpha=0,715$; $M=3,16$; $SD=0,958$), рискам войны и терроризма (4 пункта, $\alpha=0,756$; $M=3,69$; $SD=0,921$).

Исследование, проведенное среди студентов России ($N=225$; 24% – мужчины, 76% – женщины; средний возраст 21,7 года), студентов Казахстана ($N=268$; 40% – мужчины, 60% – женщины; средний возраст 22,2 года), а также студентов Китая ($N=100$; 32% – мужчины, 68% – женщины; средний возраст 21,4 года)¹, было направлено на поиск различий в оценке значимости различных глобальных рисков (таблица 1.7). Для выравнивания выборок по полу во всех трех группах нами была проведена процедура перевзвешивания (50% – мужчины; 50% – женщины). В оценке 20 из 30 рисков нами были выявлены статистически значимые различия. Так, в пятерку наиболее значимых рисков для российских студентов вошли масштабная террористическая атака (4,1 по 5-балльной шкале), изменение морально-нравственных и культурных норм поведения людей (3,9), международные конфликты (3,8), эпидемии инфекционных заболеваний (3,7), а также крах государства (3,7). Студентов Казахстана наиболее беспокоят возможность масштабной террористической атаки (3,7), техногенные экологические катастрофы (3,7), оружие массового уничтожения (3,7), крах государства (3,5), а также нехватка питьевой воды (3,4). Китайские студенты обеспокоены эпидемиями инфекционных заболеваний (3,5), массовой кражей личных или государственных данных в Интернете (3,5), возможностью инфраструктурного кризиса (3,5), вымиранием различных видов животных и растений, разрушением экосистемы (3,4), а также изменением морально-нравственных и культурных норм поведения людей (3,4).

По-видимому, различия в озабоченности террористическими атаками ($F=15,84$, $p<0,001$) связаны с историческим опытом стран. В России, пережившей за последние 20 лет множество терактов с большим числом жертв, он особенно травмирующий. Существенные различия в оценке масштабных интернет-атак ($F=9,59$, $p<0,001$) и риска массовой кражи личных или государственных данных в интернете ($F=14,97$, $p<0,001$) могут быть связаны с разницей в уровне технологического развития стран и уровне киберпреступности: по-видимому, в Китае последствия такого рода рисков значительно серьезнее, чем в России.

1 Авторы выражают благодарность за помощь в сборе данных А. С. Самекину, С. Ф. Баюканской, М. Т. Баймукановой и Ли Яньжань.

Таблица 1.7

Обеспокоенность глобальными рисками по результатам опроса студентов России, Казахстана и Китая

Глобальные риски	Обеспокоенность (среднее по 5-балльной шкале)			Достоверность различий (F ANOVA, p)
	Россия (N=225)	Казах-стан (N=268)	Китай (N=100)	
Глобальное изменение климата	2,73	2,39	3,01	8,15 <0,001
Оружие массового уничтожения (ядерное, химическое, биологическое)	3,51	3,68	3,34	2,58 0,077
Нехватка питьевой воды	3,22	3,44	3,07	2,95 0,053
Массовая вынужденная миграция населения	3,04	2,54	2,84	6,76 0,001
Резкое изменение цен на энергоресурсы	3,20	2,77	3,15	5,61 0,004
Вымирание различных видов животных и растений, разрушение экосистемы	3,43	2,99	3,44	5,99 0,003
Кризисы, вызванные ростом государственного долга	3,01	2,68	2,99	3,46 0,032
Эпидемии инфекционных заболеваний	3,72	3,07	3,54	11,97 <0,001
Финансовые «пузыри» в экономике (обрушение необоснованно завышенных цен на акции, недвижимость и т. п.)	3,11	2,58	3,02	8,73 <0,001
Социальная нестабильность (протестные движения, массовые беспорядки)	3,33	3,24	3,30	0,29 0,749
Экстремальные явления погоды (наводнения, ураганы, засухи и т. п.)	3,28	3,39	3,32	0,39 0,679
Крупные природные катастрофы (землетрясения, цунами и т. п.)	3,33	3,30	3,41	0,22 0,807
Ослабление государственного управления (коррупция, нарушение верховенства закона, политические кризисы)	3,53	2,97	3,34	8,13 <0,001

Продолжение таблицы 1.7

Рост безработицы	3,61	2,97	3,22	10,70	<0,001
Незаконная торговля (нелегальные финансовые потоки, уход от налогов, торговля людьми, организованная преступность и т. п.)	3,05	2,65	3,21	6,90	0,001
Дефляция (укрепление национальной валюты, приводящее к падению цен и росту безработицы)	3,13	2,66	3,33	10,93	<0,001
Инфраструктурный кризис (выход из строя дорог, трубопроводов и т. п.)	3,15	2,68	3,48	13,32	<0,001
Международные конфликты	3,82	3,44	3,20	9,63	<0,001
Масштабная террористическая атака	4,10	3,73	3,26	15,84	<0,001
Крах государства (гражданская война, военный переворот и т. п.)	3,67	3,47	3,31	2,47	0,086
Плохо спланированное развитие городов	3,07	2,77	3,37	8,34	<0,001
Голод	3,31	3,20	3,03	1,25	0,287
Техногенные экологические катастрофы (загрязнение окружающей среды радиоактивными выбросами, разливами нефти и т. п.)	3,54	3,69	3,36	2,44	0,088
Масштабные интернет-атаки	2,67	2,68	3,31	9,59	<0,001
Выведение из строя электронных средств связи и жизненно важных автоматизированных систем (спутников связи, цифрового оборудования и т. п.)	3,04	2,90	3,38	4,94	0,008
Неуправляемая инфляция	3,10	2,87	3,32	4,73	0,009
Непредвиденные последствия развития технологий (геновая инженерия, искусственный интеллект, нанотехнологии и т. п.)	2,71	2,67	2,68	0,06	0,94
Крах мировой финансовой системы	2,99	2,84	3,16	2,40	0,092
Массовая кража личных или государственных данных в интернете	3,09	2,75	3,52	12,97	<0,001
Изменение морально-нравственных и культурных норм поведения людей	3,87	3,43	3,43	4,20	0,016

Сравнение четырех контрастных профессиональных групп также выявило значимые различия (таблица 1.8). Участниками исследования, проведенного в 2017–2018 гг., стали священники Русской православной церкви, обучающиеся в Общецерковной аспирантуре и докторантуре им. св. Кирилла и Мефодия (N=86, 100% – мужчины; средний возраст – 34), директора московских школ (N=32, 16% – мужчины, 84% – женщины; средний возраст – 42,6); руководители предприятий оборонно-промышленного комплекса (N=63, 75% – мужчины, 25% – женщины; средний возраст – 39,6), а также специалисты по международным отношениям – участники летних и зимних школ Российского совета по международным делам (N=42, 55% – мужчины, 45% – женщины; средний возраст – 27,8).

В результате однофакторного дисперсионного анализа значимые различия в обеспокоенности глобальными рисками были выявлены лишь по 14 рискам из 30, что отличается от приведенных выше результатов кросс-культурного сопоставления (20 из 30). Это может указывать на то, что представления о глобальных рисках формируются региональными и общенациональными СМИ и в большей степени зависят от общечеловеческих ценностей и гражданской идентичности, чем от профессии. В целом наименее озабоченными по поводу глобальных угроз оказались священники и руководители оборонных предприятий. Все профессиональные группы обеспокоены изменением морально-нравственных норм, риском гражданской войны и военного переворота, международными конфликтами, террористической угрозой, ослаблением государственного управления и социальной нестабильностью. Тем не менее групповые ценности влияют на восприятие остроты некоторых угроз. Так, глобальное изменение климата и оружие массового уничтожения беспокоят специалистов по международным отношениям значительно больше, чем остальные профессиональные группы (соответственно, $F=17,15$, $p<0,001$ и $F=6,55$, $p<0,001$). Изменение морально-нравственных и культурных норм поведения людей вызывает наибольшее беспокойство у священников ($F=7,25$, $p<0,001$).

Чтобы проверить гипотезу о существовании межпоколенных различий в отношении личности к разного типа рискам, мы сопоставили проживающих в Москве представителей поколения X (годы рождения 1969–1984; N=127; 50% – мужчины, 50% – женщины, средний возраст – 40) и поколения Y (годы рождения 1985–1999; N=210; 50% – мужчины, 50% – женщины, средний возраст – 21,75). Оказалось, что по сравнению с поколением X, представители поколения Y более озабочены рисками оружия массового уничтожения (соот-

Таблица 1.8
Обеспеченность глобальными рисками у представителей разных профессиональных групп

Глобальные риски	Обеспеченность (среднее по 5-балльной шкале)					Достоверность различий (FANOVA, p)
	Священники (N=86)	Директора школ (N=32)	Руководители ОПК (N=63)	Специалисты-международники (N=42)		
Глобальное изменение климата	1,81	2,44	2,32	3,33	17,15	<0,001
Оружие массового уничтожения (ядерное, химическое, биологическое)	2,65	3,41	3,30	3,71	6,55	<0,001
Нехватка питьевой воды	2,57	2,97	3,05	3,55	4,71	0,003
Массовая вынужденная миграция населения	2,46	3,34	3,24	3,29	8,19	<0,001
Резкое изменение цен на энергоресурсы	2,96	3,31	3,22	3,10	0,89	0,449
Вымирание различных видов животных и растений, разрушение экосистемы	2,80	3,25	3,29	3,45	3,05	0,03
Кризисы, вызванные ростом государственного долга	2,56	3,31	3,05	3,10	3,73	0,012
Эпидемии инфекционных заболеваний	3,05	3,53	3,49	3,19	2,17	0,093
Финансовые «пузыри» в экономике (обрушение необоснованно завышенных цен на акции, недвижимость и т. п.)	2,33	2,97	3,15	3,17	7,08	<0,001
Социальная нестабильность (протестные движения, массовые беспорядки)	3,20	3,44	3,48	3,31	0,72	0,542
Экстремальные явления погоды (наводнения, ураганы, засухи и т. п.)	2,55	3,16	2,85	3,12	3,33	0,02
Крупные природные катастрофы (землетрясения, цунами и т. п.)	2,54	3,13	2,79	3,00	2,46	0,064
Ослабление государственного управления (коррупция, нарушение верховенства закона, политические кризисы)	3,27	3,41	3,46	3,50	0,46	0,713

Рост безработицы	2,84	3,44	3,39	3,29	3,06	0,029
Незаконная торговля (нелегальные финансовые потоки, уход от налогов, торговля людьми, организованная преступность и т.п.)	2,72	2,94	3,05	3,26	1,79	0,151
Дефляция (укрепление национальной валюты, приводящее к падению цен и росту безработицы)	2,43	3,28	2,93	2,71	4,27	0,006
Инфраструктурный кризис (выход из строя дорог, трубопроводов и т.п.)	3,05	3,25	3,31	3,20	0,54	0,653
Международные конфликты	3,45	3,66	3,65	3,69	0,58	0,631
Масштабная террористическая атака	3,38	3,94	3,76	3,80	2,48	0,062
Крах государства (гражданская война, военный переворот и т.п.)	3,65	3,84	3,78	3,57	0,32	0,812
Плохо спланированное развитие городов	2,54	3,06	2,92	2,74	2,19	0,091
Голод	2,90	2,97	2,78	3,07	0,43	0,733
Техногенные экологические катастрофы (загрязнение окружающей среды радиоактивными выбросами, разливами нефти и т.п.)	3,08	3,47	3,37	3,48	1,44	0,233
Масштабные интернет-атаки	2,22	3,13	2,48	3,05	6,63	<0,001
Выведение из строя электронных средств связи и жизненно важных автоматизированных систем (спутников связи, цифрового оборудования и т.п.)	2,45	3,25	2,73	3,24	5,26	0,002
Неуправляемая инфляция	2,84	3,38	3,17	3,00	1,62	0,185
Непредвиденные последствия развития технологий (генная инженерия, искусственный интеллект, нанотехнологии и т.п.)	2,81	2,84	2,95	3,00	0,27	0,851
Крах мировой финансовой системы	2,52	3,09	2,86	2,69	1,73	0,162
Массовая кража личных или государственных данных в интернете	2,49	3,25	2,70	3,29	4,69	0,003
Изменение морально-нравственных и культурных норм поведения людей	4,64	-	3,82	3,36	7,25	0,001

ответственно, 3,14 и 3,61; $t=-3,155$, $p=0,002$), нехватки питьевой воды (2,87 и 3,26; $t=-2,544$, $p=0,011$), голода (2,71 и 3,09; $t=-2,527$, $p=0,012$), крупных природных катастроф (2,96 и 3,25; $t=-1,997$, $p=0,047$). Наоборот, по сравнению с поколением Y, поколение X сильнее озабочено непредвиденными последствиями развития новых технологий (2,98 и 2,62; $t=2,477$, $p=0,014$). На наш взгляд, данные различия можно интерпретировать как поколенческие. Сточки зрения формирования ценностей поколения наибольшее значение имеют события в стране и мире, о которых человек узнает в возрасте 11–17 лет (Емельянова, Дробышева, 2017; Нестик, Ролдугина, 2018). Если для поколения X в этом возрасте основные события были связаны с политическими и социально-экономическими потрясениями в стране, то у поколения Y на тот же возраст пришлись новости, связанные с глобализацией, техногенными и природными катастрофами, а также возобновлением конкуренции между блоками стран. Выросшие в эпоху глобального интернета, «игреки» более чувствительны к информации о глобальных рисках. Исследования, проводившиеся в других странах, свидетельствуют о том, что представители поколения Y проявляют большую тревогу по поводу глобальных угроз, чем предшествующие поколения (Randle, Eckersley, Miller, 2017). Меньшая озабоченность поколения Y развитием технологий может объясняться не только тем, что речь идет о «цифровых аборигенах», но и тем, что технооптимизм может быть компенсацией социального пессимизма. Как будет показано в 6-й и 7-й главах, внедрение новых цифровых технологий может восприниматься как способ улучшить плохота работающие социальные институты.

Целью третьего исследования было выявить социально-психологические предикторы субъективной значимости глобальных рисков ($N=241$, студенты г. Москвы, 30% – мужчины, 70% – женщины; средний возраст – 21 год). Были использованы как адаптированные методики, так и специально разработанные для данного исследования. В частности, использовалась описанная выше шкала озабоченности глобальными рисками, основанная на перечне глобальных рисков (The Global Risks Report, 2017). Использовалась также шкала принадлежности к глобальному сообществу (Malsch, Omoto, 2007; McFarland, Hornsby, 2015; $\alpha=0,678$; $M=2,94$; $SD=0,647$), Стэнфордский опросник временной перспективы (Zimbardo, Boyd, 1999); опросник «Социальные аксиомы» (Leung, Bond, 2010); методика «Базовые убеждения личности» (Janoff-Bulman, 1989; Kaler, 2009).

Проведенный нами линейный регрессионный анализ ($N=241$, $F=9,37$; $p<0,001$; $R^2=0,217$) показал, что субъективная значимость

глобальных рисков прямо зависит от выраженности идентификации с человечеством ($\beta=0,317$), веры в предопределенность судьбы ($\beta=0,137$) и случайность событий ($\beta=0,213$), ориентации на фаталистическое настоящее ($\beta=0,184$) и обратно зависит от веры в контролируемость мира ($\beta=-0,129$). У готовности участвовать в коллективных действиях, направленных на предотвращение глобальных рисков, другие предикторы ($N=241$, $F=16,79$; $p<0,001$; $R^2=0,228$): помимо глобальной идентичности ($\beta=0,278$), это ориентация на планирование будущего ($\beta=0,146$) и вера в благосклонность мира ($\beta=0,234$).

Полученные нами результаты указывают на то, что предотвращение глобальных рисков требует не только способности граждан различных стран отождествлять себя с человечеством, но и формирования у них позитивных установок в отношении мира, уверенности граждан в своей способности влиять на индивидуальную и коллективную судьбу. В случае отсутствия этих важных составляющих коллективной жизнеспособности нагнетание тревоги по поводу глобальных рисков в СМИ лишь усилит фаталистические установки, готовность поддерживать популистские, радикальные решения и подверженность манипуляциям.

Социально-психологические механизмы конструирования социальных представлений о глобальном изменении климата и природных катастрофах¹

Экстремальные погодные явления и крупные природные катастрофы, по мнению экспертов Всемирного экономического форума, входят в пятерку самых вероятных глобальных рисков (Нестик, Стекланников, 2018; *The Global Risks Report*, 2018). Между тем данные риски практически не вызывают озабоченности среди россиян. По данным ФОМ за 2015–2018 гг. число россиян, озабоченных изменением климата, снизилось с 15% до 11%, а стихийными бедствиями – с 20% до 13%. Наибольшую тревогу вызывают антропогенные, а не природные глобальные риски: угрозы ядерной войны, химического и радиационного заражения воды, воздуха, продуктов и засорения планеты отходами (Тревоги и опасения, 2018). Низкая значимость природных рисков в массовом сознании может быть одной из причин неготовности региональных и федеральных органов власти к экстремальным погодным явлениям и природным катастрофам.

¹ Данный параграф написан в соавторстве с Н. Н. Хашенко и Т. А. Линник.

Подавляющее большинство научных публикаций (97%), посвященных изменению климата, указывает на антропогенный характер этого явления (Cook et al., 2016). Тем не менее, несмотря на то, что изменение климата отражается на личном опыте россиян через переживание и обсуждение необычных погодных явлений, данная проблематика находится на периферии общественного сознания (Емельянова, 2016а). С точки зрения конструкционистского подхода к социальным проблемам П. Ибарры и Дж. Китсьюза, их формирование в общественном сознании опирается на целый ряд дискурсивных стратегий: риторика опасности, вызывающая ностальгию риторика утраты, риторика бедствия и разрушений, указывающая на заговор риторика глупости, риторика наделения правом. Наряду с этим выделяются стратегии депроблематизации, направленные на лишение того или иного явления статуса социальной проблемы: натурализация, контрриторика затрат, декларация бессилия, перспективизация, критика тактики, антитипизация, опровергающие истории, обвинение в неискренности, приписывание истерии. Социальные проблемы могут освещаться в СМИ и конструироваться в повседневных разговорах с опорой на разные стили: научный, бюрократический, саркастический, театральный, журналистский, активистский, правовой или субкультурный. Наконец, конструирование проблем в общественном дискурсе происходит за счет использования знакомых всем метафор — лейтмотивов обсуждения, определяющих представления о причинах и динамике явления. Такими лейтмотивами могут служить «чума», «кризис», «трагедия» и т. п. (Ибарра, Китсьюз, 2007). Исследование Т. П. Емельяновой репрезентации аномальной жары 2010 г. в российских СМИ показывает, что риторика депроблематизации была сфокусирована на представлении событий как естественных и независимых от человека, а также на привлечении внимания к другим, более серьезным социальным проблемам (Емельянова, 2016).

Когда Н. Смит и Х. Джофф (Smith, Joffe, 2013) попросили 56 лондонцев нарисовать или описать глобальное потепление, рисунки и текст оказались воспроизведением картинок из публикаций СМИ по данной теме. В ходе последующих интервью были выделены три темы, используемые для осмысления изменения климата: «мы (здесь)/они (там)» (мы как потерпевшие и другие страны как загрязнители окружающей среды; «мы в городе и таяние ледников где-то там»), «естественное/противоестественное» (идеализированная ностальгическая картина погоды в детстве и неестественная, непредсказуемая погода теперь) и «определенность/неопределен-

ность» в отношении антропогенных и естественных причин потепления.

Иконические представления об изменении климата могут быть культурно обусловлены. В кросс-культурном сравнении ассоциаций, связываемых в Великобритании с «изменением климата» и с «глобальным потеплением» в США (Lorenzoni et al., 2006), было обнаружено, что образы «погоды» чаще упоминались респондентами из Великобритании, тогда как образы, касающиеся «таяния льда», «стихийных бедствий» и «скептицизма», чаще встречались среди респондентов из США.

Озабоченность глобальным потеплением жителей европейских стран прямо зависит от уровня локальных температур (Oppenheimer, Todorov, 2006). Тем не менее, динамика представлений о глобальном изменении климата напрямую связана с групповыми процессами. Когда социальные группы сталкиваются с новыми, неизвестными или потенциально угрожающими явлениями, их представления преобразуются в ходе коллективного коупинга. Например, М. Жерве показал, как местные жители символически справились с разливом нефти в Шетланде (Gervais, 1997). Если экологи осмыслили эту катастрофу в глобальном контексте, как угрозу исчезновения уникальных экосистем, то многие шетландцы прибегли к альтернативному представлению природы как достаточно сильной, чтобы справиться с разливом нефти естественными процессами. При этом местные жители концептуализировали разлив нефти как нападение на общину и как «случай иностранного вторжения в местные дела». Таким образом, члены социальной группы пытаются уменьшить «угрозу», увязывая ее с привычными идеями и практиками.

В рамках теории социальных представлений выделяют три типа репрезентации социальных явлений: консервативные (доминантные), либеральные (эмансипированные), неопределенные (полемические). Консервативные представления разделяются большинством членов группы; они принудительны и единообразны. Представление о том, что климат изменяется в значительной степени в результате вызванных человеком промышленных изменений в западном мире, — это пример консервативного представления в глобальном научном сообществе. Либеральное представление развивается подгруппами в результате распространения новой информации. Как правило, это незначительные поправки к всеобъемлющему консервативному представлению. Например, консервативное представление состоит в том, что антропогенное изменение климата будет иметь отрицательные последствия, а либеральное представление среди мальдив-

цев заключается в том, что изменение климата, вероятно, приведет к полному затоплению Мальдив и проблеме беженцев (Jaspal, Nerlich, Cinnirella, 2014). Неопределенное представление конструируется в ходе социального конфликта и определяется антагонистическими отношениями между группами. Примером может служить соперничество между климатологами, которые говорят о негативных последствиях изменения климата и его антропогенном характере, и скептиками, утверждающими, что глобальное потепление — фикция. Консервативные представления спланируют группу, потому что они являются принудительными, разделяются большинством и, таким образом, образуют неизменное ядро социального представления. Напротив, неопределенные представления часто воспринимаются как периферийные и недостойные внимания.

Существование противоречивых репрезентаций социальных явлений рассматривается в теории социальных представлений как проявление «когнитивной полифазии» — гибридных представлений, которые могут объединять старые и новые идеи. Оказалось, что в массовом сознании могут уживаться традиционные антропоцентрические представления о человеке как царе природы и экологические установки (Castro, Lima, 2001).

Конструирование представлений о глобальном изменении климата в публичном дискурсе опирается на механизмы якорения и объективации (Линник, Нестик, 2018). Последняя представляет собой трансформацию проблемы во что-то физическое и конкретное, что может принимать форму символа, метафоры, фигуры, человека или группы. Например, фотографии бывшего вице-президента США Альберта Гора регулярно сопровождали новостные статьи об изменении климата. Оказалось, что для англоязычной аудитории он олицетворял не только сам вопрос, но и международные попытки урегулирования этого вопроса (Smith, Joffe, 2009). Другим вариантом объективации является формирование фигуративной схемы — метафоры, которая выделяет одни аспекты явления, концепции или ситуации и прячет при этом другие. Так, например, изменение климата метафорически описывается в терминах парникового эффекта, войны или игры (Asplund, 2011). Метафора парникового эффекта используется для приписывания научных характеристик тексту об изменении климата, метафора игры — для рассмотрения позитивных последствий изменения климата, а метафора войны — для текстов о его негативных последствиях. Наконец, изменение климата может объективироваться через онтологизацию — сведение к физическим элементам повседневной реальности. В своем анализе шведской

пресса У. Олауссон отмечает, что изменение климата онтологизировано как дымовые трубы, выхлопные трубы, тяжелые транспортные средства и дым (Olausson, 2010).

Конструирование представлений через якорение может осуществляться за счет эмоциональных образов, социокультурно детерминированных тем, а также с помощью противопоставлений. Изменение климата отражается в коллективных переживаниях страха, надежды, вины, сострадания и ностальгии. Увязывание в СМИ экологических проблем с эмоциями вины, страха и сострадания формирует более яркие представления, изменяющие отношение аудитории к экологическим проблемам (Höjjer, 2010). Большинство документальных фильмов про экологию строятся на эмоциональном якорении с использованием визуального ряда со «страдающей» землей, животными и т. д. Еще одним видом якорения является увязывание глобального изменения климата с социокультурно детерминированными темами — такими, например, как демократия, права человека, равенство. Так, оказалось, что в шведских СМИ двумя главными темами при обсуждении экологической проблематики были индивидуализация и национализация. Поддержка национализации присутствует в таких формулировках, как «единственная страна в мире» и «если мы не сможем это сделать, никто не сможет» (Berglez, Höjjer, Olausson, 2009). Представления об изменении климата могут конструироваться также через противопоставления. Во всех культурах существуют такие антиномии, как жизнь/смерть, человек/природа, мы/они, страх/надежда, свобода/угнетение и т. д. В конкретных социально-исторических контекстах антиномии, связанные с тем или иным социальным явлением, могут становиться источником напряженности. Именно в таких ситуациях появляются новые социальные представления. Например, обсуждение изменения климата в шведских СМИ ведется через противопоставление «мы», т. е. ЕС, который признает изменение климата серьезной угрозой и принимает меры, и «они» — США, которые отказываются даже обсуждать вопрос.

Осмыслению изменения климата как значимой социальной проблемы мешает также вера в справедливость мира. Чем более тяжелые последствия глобального потепления рисуют средства массовой информации, тем меньше желание людей верить этой информации. Убеждение в справедливости, упорядоченности и стабильности мира настолько сильно, что некоторые исследователи даже пришли к выводу о необходимости «смягчать» в новостях тяжесть последствий глобального потепления, для того чтобы информация о нем приводила к осознанию рисков и побуждала к действиям (Feinberg, Willer, 2011).

Еще одним защитным механизмом является когнитивный диссонанс. С одной стороны, мы постоянно слышим о приближающихся природных катастрофах, с другой стороны, мы сознаем, что с этим ничего не можем поделать. Возникает когнитивный диссонанс между тревогой за будущее и собственным бездействием. Это противоречие люди склонны разрешать за счет снижения вероятности угроз, перекладывания ответственности за них на внешние обстоятельства и других людей и т. п. (Stoknes, 2015). Чувство беспомощности может усиливаться ментальными моделями, т. е. сложившимися схемами знакомых явлений, которые определяют восприятие новой информации. Например, новости в СМИ о глобальном изменении климата, сопровождаемые визуальным рядом метеорологической тематики, могут актуализировать модель «погоды». И поскольку погода воспринимается как нечто неподвластное влиянию человека, такие новости усиливают чувство бессилия в связи с изменением климата. И так как большинство глобальных рисков не поддается непосредственному восприятию, подобные ментальные модели оказывают сильное влияние на то, как мы интерпретируем информацию (Psychology and Global Climate Change, 2009).

Для изучения социально-психологических характеристик личности, связанных с тревогой по поводу природных катастроф, мы проанализировали данные исследования среди студентов вузов г. Москвы ($N=241$, 30% – мужчины, 70% – женщины; средний возраст 21 год). Были использованы как адаптированные методики, так и специально разработанные для данного исследования. В частности, использовалась шкала озабоченности глобальными рисками ($\alpha=0,926$), основанная на перечне глобальных рисков (The Global Risks Report, 2017). Использовалась также шкала глобальной социальной идентификации (GSI) Дж. Риза, Стэнфордский опросник временной перспективы Ф. Зимбардо, «Социальные аксиомы» (SAS) М. Бонда и К. Леонга, методика «Базовые убеждения личности» (WAS) Р. Янофф-Бульман.

Проведенный нами линейный регрессионный анализ методом обратных шагов ($N=241$, $F=4,49$; $p<0,001$; $R^2=0,250$) показал, что субъективная значимость угрозы экстремальных климатических явлений и природных катастроф прямо зависит от парадоксального сочетания характеристик личности: с одной стороны, веры в зависимость от судьбы ($\beta=0,240$), в случайность происходящих в мире событий ($\beta=0,232$) и их неконтролируемость ($\beta=0,197$), а с другой стороны, веры в справедливость мира ($\beta=0,243$), вознаграждение за усилия ($\beta=0,217$) и обратно зависит от убеждения в том, что противоречи-

вость человеческого поведения и его зависимость от ситуации естественны ($\beta = -0,238$). Субъективная значимость угрозы глобального изменения климата определяется сочетанием ($N=241$, $F=7,41$; $p < 0,001$; $R^2=0,311$) глобальной идентичности ($\beta=0,380$), ориентации на будущее ($\beta=0,206$), ориентации на фаталистическое настоящее ($\beta=0,363$) и негативно связана с позитивной оценкой своего прошлого ($\beta = -0,318$). На тревогу по поводу изменения климата влияет фактор пола, т. е. она более характерна для женщин, чем для мужчин ($\beta=0,162$). Таким образом, тревога в отношении природных катастроф связана с фатализмом в отношении будущего, а в случае тревоги перед глобальным изменением климата фатализм сопровождается готовностью идентифицировать себя с человечеством. Иными словами, природные катастрофы воспринимаются как predetermined выше и неконтролируемые людьми изменения, нарушающие естественный и справедливый порядок жизни. Весомая роль фатализма в отношении к природным катастрофам ставит вопрос о том, какими еще могут быть установки в отношении глобальных рисков и от каких личностных характеристик они могут зависеть.

Чтобы уточнить социально-психологические характеристики, влияющие на отношение личности к природным и антропогенным глобальным катастрофам, мы провели эмпирическое исследование, участниками которого стали 547 студентов вузов четырех городов: Москвы ($N=114$; 39% – мужчины; 61% – женщины; средний возраст 26 лет), Симферополя ($N=206$; 22% – мужчины; 78% – женщины; средний возраст 22 года), Норильска ($N=126$; 40% – мужчины; 60% – женщины; средний возраст 19,7 лет) и Архангельска ($N=101$; 25% – мужчины; 75% – женщины; средний возраст 21 год).

Для измерения индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик личности в анкету были включены шкала глобальной социальной идентификации (GSI) Дж. Риза (6; α Кронбаха = 0,891), разработанные нами скрининговые шкалы идентификации с россиянами (2; α Кронбаха = 0,850) и с родным городом (2; α Кронбаха = 0,885), «Социальные аксиомы» (SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации Н. Н. Лебедевой и А. Н. Татарко (Татарко, Лебедева, 2008), краткий пятифакторный опросник черт личности TIPI-R С. Гослинга в адаптации А. С. Сергеевой, Б. А. Кириллова и А. Ф. Джумагулова, скрининговая версия Теста жизнестойкости С. Мадди в адаптации Е. Н. Осина; шкала социального доверия из опросника World Values Survey, «Шкала темного будущего» З. Залеского (5; α Кронбаха = 0,855), а также Опросник моральных оснований (MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О. А. Сычева (Сычев и др., 2014).

Для измерения отношения личности к глобальным рискам использовался опросник Т. А. Нестика «Отношение к глобальным рискам» (см. подробное его описание в главе 2).

Для выявления предпочтения индивидом тех или иных способов решения экологических проблем была использована шкала «Экологическая ответственность» из Опросника экологического сознания, разработанного сотрудниками лаборатории экпсихологии развития Психологического института РАО под руководством В. И. Панова (Панов и др., 2012).

Для выявления отношения к природе нами также использовалась «Шкала связи с природой» Ф. Мейера и К. Франца в адаптации К. А. Чистопольской (Чистопольская и др., 2017). Сопричастность к красоте природы вносит вклад в душевное здоровье, а также в осмысленность жизни благодаря ощущению связи с природой, чувству единения с ней. Методика состоит из 14 суждений, отражающих различные варианты взаимосвязи человека и природы. По каждому из суждений необходимо определить, «как вы обычно себя чувствуете» и оценить степень своего согласия по 5-балльной шкале оценок (от «полностью не согласен» до «полностью согласен»). Исследования показывают, что чувство связи с природой коррелирует с биосферными ценностями (забота о живых существах), ориентацией на природосохраняющее поведение, а также с идентификацией личностью себя как борца за сохранение природы (Mayer, Frantz, 2004). Оказалось, что чувство связи с природой является предиктором субъективного благополучия и природосохраняющего поведения (Capaldi, Dopko, Zelenski, 2014). При этом остается открытым вопрос о связи данного феномена с отношением личности к глобальным рискам, исходящим не только от человека, но и от самой природы.

По-видимому, осознание человеком себя как части природы связано с включением в социальную идентичность личности не только людей, но и других живых существ. При таком мировоззрении возможно переживание личностью своей ответственности за сохранение биосферы не только перед последующими поколениями людей, но и всеми живыми существами на планете. Устойчивое развитие человечества в условиях изменения климата и экосистем требует опоры на экологическую этику, иными словами, человек должен отказаться от представления о себе как «центре» природы и мироздания и руководствоваться в жизни принципом экологической целесообразности (Дерябо, 1999). Условием подобного изменения сознания людей является принятие экологического императива – такого взаимодействия с природой, когда «правильно и разрешено только то,

что не нарушает существующее в природе экологическое равновесие» (Дерябо, Ясвин, 1996, с. 13). В соответствии с представлениями В. И. Панова, из экологического императива следует, что для формирования экологического сознания необходимо понимание, что человек является частью системы «человек—природа». С одной стороны, природа выступает для человека средством развития его естественных возможностей по преобразованию себя и окружающего мира, а с другой стороны, человек сам выступает по отношению к природе средством ее саморазвития (Панов и др., 2012).

Мы предположили, что чувство связи с природой влияет на экологическую ответственность, озабоченность экстремальными погодными явлениями, природными катастрофами, а также экологическими проблемами. Также мы предположили, что связь с природой является одним из аспектов идентичности личности, что должно проявляться в тесной связи этого феномена с различными основаниями социальной идентификации — глобальной, гражданской и локальной идентичностью (Нестик, Хашченко, 2018). Проведенный нами линейный регрессионный анализ методом обратных шагов показал, что предикторами озабоченности угрозой экстремальных климатических явлений и природных катастроф ($R=0,769$; $R^2=0,592$; $F=162,81$, $p<0,001$) являются связь с природой ($\beta=0,420$), экологическая ответственность ($\beta=0,124$), религиозность ($\beta=0,173$), ориентация на соблюдение традиций и религиозных норм ($\beta=0,073$) и вера в предопределенность судьбы ($\beta=0,132$). Озабоченность ухудшением экологической ситуации в городах, истощением почв и вымиранием биологических видов оказалась в прямой зависимости ($R=0,835$; $R^2=0,697$; $F=214,446$, $p<0,001$) от чувства связи с природой ($\beta=0,335$), социального цинизма, т. е. убеждения в несправедливом устройстве общества и недоверия к социальным институтам ($\beta=0,158$), ориентации на гармонию между людьми ($\beta=0,162$) и моральное основание заботы о людях ($\beta=0,126$), социальной сложности, т. е. убеждения в том, что поступки людей не всегда последовательны ($\beta=0,234$), а также в отрицательной зависимости от морального основания уважения к авторитетам ($\beta=-0,108$). Как видно из полученных нами данных, чувство связи с природой вносит наиболее весомый вклад в озабоченность рисками природных катастроф и экологическими проблемами. Связь тревоги по поводу природных катастроф с религиозностью и верой в предопределенность судьбы указывает на то, что данные риски воспринимаются как неуправляемые и могут осмысливаться как своего рода наказание за отступление от традиционных ценностей и от жизни человека в согласии с природой. Связь тревоги по поводу экологичес-

ких угроз с ориентацией на заботу о людях и социальным цинизмом, наоборот, указывает на их осмысление как социальных проблем, решение которых зависит от эффективности социальных институтов и способности находить нетрадиционные решения.

Чувство связи с природой оказалось одним из предикторов ($R=0,765$; $R^2=0,584$; $F=70,976$ при $p<0,001$) общей экологической ответственности личности ($\beta=0,309$). Экологическая ответственность также прямо связана с идентификацией с Россией ($\beta=0,088$) и родным городом ($\beta=0,1$), контролем как показателем жизнестойкости ($\beta=0,093$), ориентацией на справедливость ($\beta=0,115$), социальным цинизмом ($\beta=0,166$), социальной сложностью ($\beta=0,225$) и возрастом респондентов ($\beta=0,111$). Она отрицательно связана с глобальной социальной идентичностью ($\beta=-0,101$), вовлеченностью как показателем жизнестойкости ($\beta=-0,125$) и значимостью уважения к авторитетам ($\beta=-0,115$). По-видимому, одобрение ограничительных мер для защиты природы может быть следствием чувства отверженности, нахождения «вне жизни», вне иерархии престижа и авторитетности.

Как показывают результаты нашего исследования, глобальная идентичность снижает ориентацию на запреты во имя сохранения природы, тогда как биосферная, гражданская и локальная идентичность ее усиливают. Это указывает на то, что принадлежность к человечеству не связывается с какими-либо стандартами природоохранного поведения и механизмами принуждения к их соблюдению. Экологический императив актуализируется через чувство родины, а не чувство принадлежности к человеческому роду.

Предикторами чувства связи с природой являются ($R=0,548$; $R^2=0,300$; $F=31,702$ при $p<0,001$) глобальная социальная идентичность ($\beta=0,316^*$), идентификация с родным городом ($\beta=0,094^*$), ориентация на заботу о людях по опроснику «Моральные основания» ($\beta=0,138^*$), тревога по поводу глобальных рисков ($\beta=0,247^*$), ценность выживания человечества ($\beta=-0,212^*$), а также экологическая ответственность ($\beta=0,142^{***}$). Таким образом, находит подтверждение наша гипотеза об идентификационной природе чувства связи с природой: нами выявлена его прямая связь с глобальной и локальной идентичностью. Также нами выявлена обратная зависимость чувства связи с природой и ценности выживания человечества, т. е. представления о человеке как «центре» природы и мироздания. Она может указывать на то, что категории человечества и биосферы являются альтернативными основаниями для идентификации при совладании с мыслью о конечности жизни. Это предположе-

ние хорошо согласуется с концепцией управления ужасом конечности существования (Denying death, 2016), но требует дальнейшей проверки.

Поскольку при освещении природных и социальных рисков в СМИ используются разные дискурсивные стратегии проблематизации (Емельянова, 2016), нами была выдвинута гипотеза о том, что на субъективную значимость угрозы экстремальных климатических явлений и природных катастроф влияют консервативные установки, тогда как на значимость социальных рисков влияет оценка уровня доверия в обществе. В целом гипотеза подтвердилась. Как показывают уже приведенные выше данные линейного регрессионного анализа, среди предикторов озабоченности угрозой экстремальных климатических явлений и природных катастроф оказались религиозность ($\beta=0,173$), ориентация на соблюдение традиций и религиозных норм ($\beta=0,073$) и вера в предопределенность судьбы ($\beta=0,132$). Предикторами озабоченности угрозой международных конфликтов и терактов являются ($R=0,702$; $R^2=0,493$; $F=182,45$, $p<0,001$) социальный цинизм ($\beta=0,553$), а также ориентация на заботу о людях при оценке нравственности поступков ($\beta=0,194$) и глобальная идентичность ($\beta=0,102$). Предикторами озабоченности техногенными угрозами, такими как риск выведения из строя электронных систем и непредвиденные последствия развития новых технологий ($R=0,795$; $R^2=0,632$; $F=241,78$, $p<0,001$) также оказался социальный цинизм, ($\beta=0,246$), вера в вознаграждение усилий ($\beta=0,244$), убеждение в способности человека самому определять свою судьбу ($\beta=0,151$), а также ориентация на гармонию в отношениях между людьми ($\beta=0,229$). Таким образом, чем сильнее вера в предопределенность судьбы и традиционные ценности, тем выше озабоченность природными рисками; наоборот, чем выше вера в способность влиять на судьбу и вознаграждение усилий, тем больше озабоченность антропогенными рисками. Среди компонентов отношения к глобальным рискам предикторами озабоченности ростом числа природных катастроф и экстремальных погодных явлений ($R=0,471$; $R^2=0,222$; $F=32,0$, $p<0,001$) оказалась общая тревога в отношении глобальных рисков ($\beta=0,332$), апокалиптическое ожидание близкого конца человечества ($\beta=0,135$) и убеждение в необходимости возврата к традиционным моральным и религиозным ценностям и жесткому контролю со стороны государства ($\beta=0,177$, самое высокое значение этого фактора в сравнении с его вкладом в озабоченность другими типами рисков); озабоченность природными рисками отрицательно связана с оптимизмом в отношении будущего человечества ($\beta=-0,151$)

и допустимостью радикальных решений ради спасения человечества ($\beta = -0,081$).

Можно предположить, что глобальные риски воспринимаются как своего рода «наказание свыше», следствие разрыва связи человека с природой. При этом, в отличие от других типов рисков, тревога по поводу природных катастроф не обнаруживает статистически значимой связи с убеждением в том, что глобальные риски поддаются прогнозированию и что предотвращение их негативных последствий требует сотрудничества между людьми. Как оказалось, те же факторы, которые подстегивают озабоченность природными рисками, снижают готовность личности к участию в предотвращении рисков. Как показал линейный регрессионный анализ ($R=0,453$; $R^2=0,205$; $F=14,36$, $p<0,001$), готовность участвовать в коллективных действиях по предотвращению глобальных угроз тем выше, чем ниже социальный цинизм ($\beta = -0,203$), вера в зависимость от судьбы ($\beta = -0,177$) и в сложность общества ($\beta = -0,182$); она прямо зависит от жизнестойкости ($\beta = 0,156$), ощущения человеком своей связи с природой ($\beta = 0,294$), ориентации на заботу о людях ($\beta = 0,143$) и справедливость ($\beta = 0,182$). Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков выше у женщин ($\beta = 0,079$), у тех, кто озабочен ухудшением экологической ситуации в городах и вымиранием животных ($\beta = 0,138$), а также у тех, кого беспокоят вынужденная миграция населения и отношения с мигрантами ($\beta = 0,116$).

На основании проведенных исследований можно сделать вывод о *специфике отношения личности к природным катастрофам*: в отличие от антропогенных угроз, климатические изменения и природные катастрофы воспринимаются как неизбежные и непрогнозируемые, не поддающиеся влиянию человека. Озабоченность такими рисками прямо связана с фатализмом и верой в предопределенность судьбы, а также с убеждением в том, что для спасения человечества необходимо возвращение к традиционным ценностям и жесткому контролю государства за поведением граждан. При этом оказалось, что тревога по поводу глобальных рисков и готовность участвовать в их прогнозировании и предупреждении – разные психологические феномены, имеющие разную детерминацию.

Освещение проблемы глобального изменения климата и природных катастроф в СМИ сегодня носит преимущественно алармистский характер, что ярко отражается в названиях публикаций: «Климатологи напугали мир: землю ждет аномальная жара»¹, «Человечеству

1 См.: <https://www.pravda.ru/amp/news/science/17-08-2018/1391433-science-0>.

предрекли „адскую“ жару¹, «Предсказано скорое наступление глобальной катастрофы»² и т. п. Полученные нами данные указывают на то, что нагнетание тревоги в СМИ публикациями о приближающихся природных катастрофах может приводить к обратному эффекту: такие публикации могут укреплять фаталистические установки и нетерпимость к другим, снижая готовность людей к действиям в условиях природной катастрофы. При информировании населения о природных катастрофах не следует противопоставлять человека природе, важно поддерживать доверие к социальным институтам и предлагать четкую программу действий, которая поддерживает самоуважение, ориентацию на заботу о других людях и веру в способность влиять на свою судьбу.

Социально-психологические предпосылки предотвращения глобальных рисков

Одним из ключевых отличий современности является ее историчность, понимаемая как все большие рефлексивность, осознанность, субъектность (Турен, 1998). Именно рефлексивность общества («аутопойэтическая коммуникация» у Н. Лумана, «социальное действие» у А. Турена, «коммуникативное поведение» у Ю. Хабермаса) дает нам надежду на выживание в обществе риска. Страхи перед будущим играют не только позитивную роль, привлекая внимание к возможным угрозам, но и негативную: они провоцируют «эгоизм национальных государств» и ксенофобию, снижая рефлексивность общества, его способность менять само себя в результате самоотстранения, оценки себя «со стороны».

Ответ на глобальные риски требует отказа от шаблонных решений и готовности анализировать ситуацию во всей ее сложности. Согласно известному принципу У. Р. Эшби, управление сложными системами требует еще более сложных систем и поддержки разнообразия. Между тем на практике реакция на глобальные риски проявляется в упрощении, централизации и радикализации. Что же способно повысить проспективную рефлексивность отдельных социальных групп и общества в целом перед лицом глобальных рисков?

Рефлексия начинается с повышения внимательности людей к информации о растущих глобальных рисках. Это само по себе крайне

1 См.: <https://news.rambler.ru/tech/40570780-chelovechestvu-predrekli-adskuyu-zharu/amp>.

2 См.: <https://lenta.ru/news/2018/02/06/permafrost>.

трудная задача. Исследования психологических барьеров, связанных с восприятием глобальных рисков, хорошо резюмирует П. Э. Стокнис: нам свойственно переоценивать риски, которые зримы, новы и непривычны, персонифицированы в конкретных жертвах, находятся вне личного контроля, постоянно обсуждаются, непосредственны и внезапны, затрагивают нас персонально и связаны с конкретным врагом; и наоборот, мы склонны недооценивать риски, которые скучны, обыденны и привычны, обезличены, отчасти поддаются контролю, не обсуждаются публично, отдалены во времени, нарастают постепенно, имеют природный характер, сказываются на других людях и не связаны с «плохим парнем» (Stoknes, 2015). На наш взгляд, практические рекомендации, которые дает Стокнис для пропаганды борьбы с изменением климата, можно отнести и к большинству других антропогенных глобальных рисков. Вместо запугивания грядущей катастрофой следует говорить о способах застраховать себя и близких; вместо разговоров о разрушении природы — указывать на выгоды от здоровья и благополучия; вместо неопределенности будущего — делать ставку на подготовленность к неожиданностям, на моральные чувства и солидарность; вместо необходимости жертвовать чем-то — говорить о возможности повышения конкурентоспособности, инноваций и роста.

Т. Майерс со своими коллегами в 2010 г. провела опрос по репрезентативной выборке из 1127 американских студентов. Им предлагалось оценить свою готовность к действиям по защите природы после прочтения различных текстов СМИ. Оказалось, что на реакцию влияет не только тип отношения к глобальным рискам (от алармистского и тревожного до скептического и крайне негативного), но и сами формулировки, используемые журналистами и экспертами в обращениях к общественности (Myers et al., 2012). Авторы исследования приводят пример текста, который вызвал положительные реакции надежды и поддержки у 57% читателей, включая скептически настроенных: «Перепроектирование наших мегаполисов и городов с целью облегчить движение пешеходов, велосипедистов и общественного транспорта позволит сократить число машин на дорогах, снизит уровень диоксида серы в воздухе, уменьшит число аварий и несчастных случаев, а также поможет людям почувствовать себя более физически здоровыми, сбросить лишний вес, укрепить кости, и, возможно, даже поможет нам сохранять остроту ума независимо от возраста». А вот пример формулировок, которые у скептически настроенной аудитории вызвали чувства раздражения и гнева: «В последнем из отчетов, которые Пентагон готовит каждые четыре

года для Конгресса США, эксперты пришли к выводу о том, что глобальное потепление является ключевой угрозой, способной нанести ущерб национальной безопасности разными способами. Они также напоминают, что усилия по предотвращению глобального потепления выгодны всем заинтересованным сторонам, так как они снижают глобальные риски и укрепляют национальную безопасность Америки». Как видно из этих примеров, подчеркивание положительных последствий природоохранных действий находит больший отклик, чем алармизм.

Действительно, многочисленные исследования, посвященные информированию о глобальном потеплении, свидетельствуют о том, что запугивание менее эффективно, чем увязывание проактивных действий с повседневным опытом и возможностями улучшить свою жизнь (Bore, Reid, 2014; Corral-Verdugo, 2012; Maibach et al., 2010; Myers et al., 2012; O'Neill, Nicholson-Cole, 2009; Rakow, Heard, Newell, 2015).

Еще одно условие рефлексии рисков – это наличие возможности публично обсуждать свои опасения, находить поддержку, совместно искать решения и воздействовать на будущее. Одним из инструментов мониторинга и рефлексии глобальных рисков могут быть корпоративные и глобальные *сетевые сообщества*, формирование которых стало возможным благодаря интернету. Такие глобальные сетевые «сообщества совести» позволяют преодолевать эгоизм и близорукость национальных правительств (Крылова, 2013). Опыт преодоления последствий локальных катастроф и природных бедствий показывает, что сетевые сообщества могут выполнять функции информирования, психологической поддержки и мобилизации волонтеров (Морозова, Мирошниченко, 2011). Но такие сообщества могут и прогнозировать риски. Речь идет не только об интернет-сообществах социальных активистов (например, Avaaz), а также сообществах клиентов крупных компаний, критически оценивающих корпоративные решения и активно участвующих в разработке новых продуктов и услуг. Это могут быть международные форсайт-сообщества в социальных сетях, участники которых обмениваются информацией о слабых сигналах приближающихся радикальных изменений (например, European Foresight Platform, The Futurist, Strategic Foresight, Forecasting Net, The Futurist Group, Scenario Planning & Future Strategy Group). Более того, объединение добровольцев и любителей вокруг научных проектов принимает масштабы, позволяющие говорить о создании «гражданской науки», основанной на сообществах по интересам, партиципативных исследованиях и краудсорсин-

ге (Hand, 2010; Sauermann, Franzoni, 2015). Такие сообщества могут не только собирать данные для профессиональных ученых, но и помогать в их обсуждении и интерпретации, а в отдельных случаях — разрабатывать исследовательский проект на равных правах с профессиональными учеными, включая формулирование целей и гипотез (Naklay, 2012). Наибольшую эффективность гражданская наука демонстрирует в области экологических исследований, хотя разнообразие «гражданских» исследовательских проектов значительно шире — от астрономии и авиастроения до генетики и разработки квантовых компьютеров. Являясь формой демократизации науки, партиципативные исследования являются прообразом рефлексивных социальных механизмов нового типа, когда последствия технологических и социальных изменений регистрируются и обсуждаются с опорой на точные данные. Дальнейшее развитие интернета вещей, алгоритмов работы с большими данными, лазерных резаков и 3D-принтеров создает условия, при которых интернет-сообщества и гражданская наука становятся потенциально мощным инструментом прогнозирования рисков и тестирования научно-технических идей. По-видимому, интернет-сообщества ученых-любителей могут вносить свой вклад в прогнозирование глобальных катастроф, участвуя в работе сетевых «когнитивных центров» по мониторингу рисков (Десятов и др., 2011).

Правда, эти же сообщества могут стать еще одним источником глобальных рисков. Развитие технологий дает в руки инженеров-энтузиастов («мейкеров», «биохакеров» и т. п.) мощное оружие, которое может привести к непреднамеренным фатальным последствиям. Чтобы убедиться в этом, достаточно сложить вместе несколько фактов: публикацию в открытых источниках генетического кода человека, появление дешевого оборудования и технологий, которые уже сегодня позволяют не только печатать биоматериалы, но и заниматься генной инженерией в домашних условиях и конструировать новые вирусы с уровнем образования не выше средней школы. Кроме того, наиболее вероятный сценарий развития интернета вещей предполагает сосуществование множества технических платформ и рыночных ниш, не регулируемых едиными стандартами и используемых множеством сообществ разработчиков. Все это указывает на необходимость не только законодательного регулирования гражданской науки и научно-технического творчества, но и таких социальных технологий, которые позволяли бы участникам сообщества поддерживать групповую рефлексию, обнаруживать риски и страховать друг друга от ошибок.

Вклад социальной психологии в предотвращение глобальных рисков может состоять в разработке технологий, повышающих долговременность временной перспективы не только отдельных лиц, принимающих решения, но и всего общества. Еще одно важное направление работы – развитие глобальной идентичности, способности личности отождествлять себя не только со своим этносом и государством, но и со всем человечеством (Нестик, 2015b). Анализ успешных преодоленных антропогенных кризисов показывает, что условием успеха оказывалось расширение групповой идентификации, рост внутреннего разнообразия и формирование ценностей, облегчавших межгрупповую интеграцию (Назаретян, 2001).

Важным психологическим условием предотвращения и преодоления глобальных кризисов является позитивный образ будущего, способность ставить *долгосрочные позитивные цели*. Анализ преодоления кризисов свидетельствует: чем более долгосрочные цели мы ставим перед собой при выходе из кризиса, тем больших жертв удается избежать (Арманд и др., 1999). Для ответа на вызовы все более сложного мира нам нужны позитивные образы будущего, а не дегуманизирующая власть страха (Асмолов, 2015; Асмолов, Гусельцева, 2016). Исследования управленческих команд российских организаций, показывают, что позитивная оценка коллективного прошлого и будущего облегчает постановку более отдаленных целей, групповую рефлексию, а также веру членов команды в свою способность изменить ситуацию (Нестик, 2014b). Экспериментально доказано, что стремление избежать негативного исхода снижает креативность и повышает аналитические способности, тогда как стремление к позитивным целям подстегивает способность находить нестандартные решения, активируя правополушарную префронтальную кору нашего мозга. В частности, студентам было предложено провести воображаемую мышь из центра бумажного лабиринта к выходу. Одна группа испытуемых делала это, ведя мышь к швейцарскому сыру, а вторая группа избегала негативного исхода, уводя мышь от совы. После эксперимента оказалось, что первая группа решала на 50% больше задач на креативность (Friedman, Foerster, 2005). Не алармистский подход, не нагнетание тревоги повышают устойчивость человечества в отношении глобальных рисков, а повышение коллективной осознанности, постановка долгосрочных совместных целей и развитие доверия. Наибольшая вероятность преодолеть глобальные кризисы для человеческого общества связана не с избеганием апокалиптического будущего, а с постановкой совместных долгосрочных целей, по отношению к которым глобальные риски будут рассматриваться как препятствие.

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод о том, что в современном обществе отношение к глобальным рискам и гуманитарные, социально-психологические технологии повышения групповой проспективной рефлексивности становятся важнейшим фактором, определяющим выживание человечества.

Психологическая специфика глобальных рисков определяется целым рядом особенностей: 1) неподтверждаемостью повседневным опытом, автобиографической и коллективной памятью; 2) субъективной отдаленностью во времени, увеличивающей вероятность когнитивных искажений при их оценке; 3) сопряженностью с коллективными тревожными состояниями, затрудняющими поиск решений; 4) необходимостью ряда социально-психологических условий для их предвидения и предотвращения, которые не могут быть обеспечены в одночасье (доверие, глобальная идентификация, групповая рефлексивность); 5) разрушительностью для веры человека в свою способность влиять на будущее; 6) психологической амбивалентностью способов предотвращения, которые сами по себе могут рассматриваться как новые источники глобальной угрозы; 7) включенностью представлений о глобальных рисках в межгрупповые отношения, их подверженностью манипуляциям в интересах конкретных политических и экономических элит.

Отношение к глобальным рискам — сложный социально-психологический феномен, несводимый к индивидуальным характеристикам человека, принимающего решения. Отношение к глобальным рискам — это не только особенности антиципации, переживания и осмысления глобальных угроз, но и определенная оценка действий, направленных на их создание, использование или предотвращение. Отношение к глобальным рискам включает в себя ценностно-мотивационные, когнитивные, аффективно-оценочные и предповеденческие компоненты. Оно имеет содержательные и структурно-динамические характеристики.

При этом, как показали наши эмпирические исследования, значимость глобальных рисков прямо связана со способностью личности ценить свое прошлое, с долгосрочной ориентацией, верой в способность влиять на будущее, со способностью относить себя одновременно к нескольким социальным группам и верой в контролируемость и благосклонность мира. Особенно важным нам представляется тот факт, что готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков и тревога, связанная с такими рисками, — разные феномены, имеющие разные психологические предикторы.

Подводя итоги, можно выделить несколько перспективных направлений психологических исследований отношения к глобальным рискам.

Во-первых, психология может не только пролить свет на то, почему остаются незамеченными постепенно накапливающиеся изменения, ведущие к глобальной катастрофе, но и должна предложить социально-психологические технологии повышения коллективной рефлексивности в отношении источников глобальных рисков. В связи с этим пристального изучения требуют механизмы групповой рефлексии в больших социальных группах и сетевых сообществах.

Во-вторых, мы все еще плохо понимаем динамику коллективных эмоциональных состояний, распространяющихся через социальные медиа и влияющих на оценку глобальных рисков, приемлемость тех или иных способов их предупреждения. Несмотря на богатый опыт изучения коллективных эмоций в малых группах и организациях, собственно психологические исследования макрогрупповых эмоциональных состояний находятся пока в зачаточном состоянии.

В-третьих, требуют дальнейшего изучения социально-психологические закономерности прогнозирования рисков как совместной деятельности, а также формирования коллективного образа будущего в больших социальных группах, объединенных на основании ценностей, а не конкретных целей. Особое значение приобретают исследования групповых факторов долгосрочной ориентации на будущее (Нестик, 2014а). Чрезвычайно перспективным в этой связи является изучение того, как межличностное и групповое взаимодействие влияет на протяженность временной перспективы, эффекты дисконтирования будущего, чувствительность к масштабам риска.

В-четвертых, требуют изучения социально-психологические механизмы, провоцирующие и усиливающие глобальные социальные кризисы: терроризм как реакцию на фрустрацию и потерю идентичности, формирование гностического мировоззрения, приверженцы которого обретают смысл жизни через уничтожение существующего мира, культуру смерти (Неклесса, 2015; Соснин, Нестик, 2008).

Наконец, для предотвращения глобальных рисков ключевое значение имеют психологические механизмы, поддерживающие формирование глобальной идентификации в условиях межгрупповой напряженности. Теория групповой идентичности и самокатегоризации успешно использовалась для поддержки межгрупповой интеграции за счет актуализации альтернативных, надгрупповых социальных категорий (материнство, профессия и т. д.). Значительно менее изученными психологами являются механизмы идентификации лич-

ностью себя с человечеством, предыдущими и будущими поколениями. Как повысить значимость глобальной идентичности и мирового гражданства без разрушения национальной гордости и патриотических чувств? Может ли глобальная идентификация повысить способность к межличностному доверию между представителями различных групп в условиях высокого субъективного риска? Как облегчить мобилизацию граждан различных государств для решения глобальных проблем, повысив при этом их защищенность от манипулятивного воздействия со стороны политических и экономических элит, различных пропагандистских машин, создаваемых государствами и террористическими организациями? Решение этих вопросов не может быть найдено без участия психологической науки.

Глава 2

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ГРУППЫ К ГЛОБАЛЬНЫМ РИСКАМ

На отношение личности и группы к глобальным рискам влияют психологические механизмы различного уровня: внутриличностные (мотивационно-когнитивные искажения, временная перспектива, уровень тревожности, эффекты «управления ужасом смерти», ценностные ориентации, социальная идентичность); межличностные (сеть контактов, дискурсивные практики), групповые (самосбывающиеся пророчества, сдвиг к риску, когнитивные процессы в условиях групповой тревоги и дефицита времени); межгрупповые (уровень ксенофобии, межгрупповая напряженность, групповые стереотипы), организационные (механизмы интерпретации «слабых сигналов» о приближающихся изменениях, когнитивные искажения при коллективном прогнозировании и принятии решений в организациях); социетальные (социально-экономическая ситуация в обществе, обсуждение рисков в СМИ и социальных медиа, формирование коллективных эмоциональных состояний, коллективная «память о будущем», создаваемая футурологами и индустрией развлечений).

Личностные факторы отношения к глобальным рискам

К личностным факторам относятся прежде всего когнитивные искажения, затрудняющие адекватную оценку вероятности и серьезности последствий глобальных рисков: сверхоптимизм, стереотипизация отдаленных во времени событий, эвристики доступности и представленности, эффекты «черных лебедей», пренебрежение масштабом риска и др. (Турчин, 2007; Clarke, Eddy, 2017; Yudkowsky, 2008). Кроме того, на отношение к глобальным рискам влияют такие личностные характеристики, как тревожность, ценностные ориентации, доверие к миру, особенности временной перспективы (Нестик, 2014с).

Удаленность будущих событий, о которых мы склонны думать, является устойчивой характеристикой *временной перспективы* личности. Протяженность индивидуальной временной перспективы различается в разных культурах, но в среднем не превышает 15–20 лет. Иными словами, мы не склонны заглядывать в будущее более чем на одно поколение вперед (Нестик, 2016d). Более того, протяженность временной перспективы сокращается в условиях социальных кризисов (Муздыбаев, 2000; Нестик, 2014с).

Хорошо известный эффект *сверхоптимизма* проявляется в склонности большинства людей исключать из своего образа будущего негативные события, а также недооценивать вероятность того, что неприятности приключатся именно с ними, а не с другими (Нестик, 2018d). Одно из объяснений этого эффекта состоит в том, что отсутствие соответствующего опыта мешает нам адекватно оценить риски, кроме того, мы стараемся сравнивать себя с теми людьми и группами, которые заведомо наиболее подвержены данному риску.

Как показали исследования З. Залеского, *тревога* в отношении будущего, т. е. страхи, относящиеся к ожиданию негативных событий в собственном отдаленном будущем, связаны с пессимистическими прогнозами относительно способности человечества разрешить глобальные проблемы (Zaleski, 1996). Обнаружена также сильная связь тревоги по поводу будущего с тревожностью как личностной чертой. Например, личностная тревожность усиливала опасения по поводу компьютерных сбоев, связанных с переходом в новое тысячелетие (Goldstein et al., 2002).

Осознание вероятной и близкой угрозы человеческому роду может вызвать психологические эффекты, получившие известность благодаря теории управления ужасом Дж. Гринберга, Т. Пищинского и Ш. Соломона: при напоминании о конечности существования и событиях, потенциально опасных для жизни, у людей отмечается стремление поддержать положительную самооценку, подчеркнуть позитивную групповую идентичность, повышается конформность, стремление следовать групповым ценностям и нормам, актуализируются групповые стереотипы, отмечается также склонность к импульсивному потреблению (Гаврилова, 2011; Denying death, 2016; Greenberg, 2008; Greenberg, Pyszczynski, Solomon, 1986).

Эти *эффекты «управления ужасом»* могут оказывать разнонаправленное влияние на отношение личности к глобальным рискам. Страх смерти может как повышать значимость глобальных проблем, так и блокировать внимание к ним (Dickinson, 2009). С одной стороны, растущая приверженность своей социальной группе (актуа-

лизация национальной, гражданской, религиозной идентичности) может затруднять поиск способов предотвращения угрозы или минимизации ее последствий в интересах всех людей. С другой стороны, полученные нами эмпирические данные указывают на то, что компенсация ужаса конечности своего существования может вызвать усиление идентификации личностью себя с человечеством в целом и увеличение протяженности временной перспективы. В частности, после посещения экспозиции в Геологическом музее им. В. И. Вернадского, посвященной эволюции жизни на Земле, у студентов-психологов увеличивалась протяженность индивидуальной временной перспективы. Свидетельства неумолимой смены геологических эпох и многочисленные останки исчезнувших биологических видов служат для посетителей музея напоминанием о конечности их собственного существования. После посещения экспозиции участники эксперимента указывали на чувство причастности к чему-то большому, включенности в историю жизни на Земле и мира в целом (Нестик, 2014с). Таким образом, тревога перед лицом глобальной катастрофы, по-видимому, может вызывать стремление продлить себя в будущее через идентификацию с человечеством и будущими поколениями.

Тем не менее отсутствие глобальных рисков в *автобиографической памяти* затрудняет их адекватную оценку, так как при прогнозировании мы опираемся на собственную память. Как показывают проведенные недавно исследования, за воспоминания о прошлом и конструирование будущего в нашем воображении отвечают одни и те же структуры мозга. В частности, речь идет о зонах, расположенных в теменной и височной долях мозга, ретроспленальной коре, а также коре задней части поясной извилины (Gaidos, 2008; Spreng, Mar, Kim, 2009). Известно также, что важную роль в прогнозировании играет гиппокамп, отвечающий за память (Buckner, 2010). Как выяснилось, нарушения в гиппокампе и потеря способности связывать друг с другом события прошлого в памяти приводят к утрате способности представлять собственное будущее (Kwan et al., 2010). Наконец, представлять будущее помогают знакомые пространственные образы: если мы помещаем будущие события в знакомое пространственное окружение, они представляются ярче. Именно с этим связана относительная яркость образов ближайшего будущего по сравнению с нашими представлениями о будущем отдаленном (Arnold, McDermott, Szpunar, 2011). И, напротив, мы склонны занижать вероятность событий, для представления которых нам не хватает образов собственной автобиографической памяти.

Однако, как известно, автобиографическая память пластична, она реконструируется нами под влиянием текущих событий и возможных угроз. Примером может служить известный эффект «я знал это», т. е. нежелание признавать неизвестность причин того или иного события или произвольность своих решений, стремление приписать событиям и решениям те или иные основания «задним числом». Как показывают исследования, этот эффект может сказываться и на прогнозах вероятности риска (Нестик, 2018d; MacKay, McKiernan, 2004). Таким образом, способность к прогнозированию будущего тесно связана со способностью извлекать уроки из прошлого. По-видимому, рефлексия накопленного опыта в предотвращении катастроф и в борьбе с последствиями масштабных бедствий может помочь в осознании глобальных рисков.

Предупреждение глобальных рисков психологически затруднено кажущейся *отдаленностью во времени*. Согласно теории уровней темпорального конструирования, временная или пространственная удаленность событий влияет на то, как мы их осмысляем (Liberman, Trope, 2003, 2014). Психологически близкие события представляются нами на низком уровне абстрагирования – в деталях, через уникальные, конкретные особенности. Напротив, психологически удаленные события осмысляются с высоким уровнем абстракции, через общие категории и наиболее существенные характеристики. В отношении отдаленных во времени людей и событий стереотипы используются чаще, чем в отношении близких. То есть, чем дальше личность заглядывает в будущее своей группы (семьи, организации, профессионального сообщества, страны, человечества), тем больше она опирается на сформировавшиеся ранее стереотипы и тем более вероятна шаблонность нашего ответа на коллективные угрозы.

Одним из способов психологической защиты личности от негативной и травмирующей информации о глобальной катастрофе является не только сверхоптимизм, но и склонность отодвигать угрозы из настоящего и ближайшего будущего в будущее отдаленное. И чем с более отдаленным будущим связывается катастрофа, тем меньше мотивация к активным действиям, которые могли бы ее предотвратить. Этот эффект, известный как *дисконтирование будущего*, или *временная близорукость*, имеет нейропсихологическую подоплеку (Berns, Laibson, Loewenstein, 2007). При принятии решений, связанных с возможностью получения немедленного вознаграждения, помимо префронтальной коры головного мозга, активизируется эволюционно более древняя лимбическая дофаминэргическая система (McClure et al., 2004). При выборе между 100 \$ сегодня и 120 \$

через 1 месяц люди склонны иррационально выбирать немедленное вознаграждение. Но при выборе между 100 \$ через 12 месяцев и 120 \$ через 13 месяцев большинство выбирает второй вариант. То есть при отсутствии альтернативы «здесь и сейчас» мы склонны к более рациональным решениям.

Способность к долгосрочной ориентации и к жертвам в настоящем ради будущих благ является результатом длительной эволюции. Эксперименты, проведенные на обезьянах, свидетельствуют о том, что при выборе между немедленным получением пищи и получением в три раза большего ее количества позже наши ближайшие эволюционные родственники способны терпеть лишь около 8 секунд (Stevens, Cushman, Hauser, 2005). Тем не менее подверженность эффекту дисконтирования будущего различается в зависимости от социально-демографических и личностных характеристик (Halfmann, Hedgcock, Denburg, 2013; Odum, 2011), а в случае с экологическими рисками дисконтирование будущего связано еще и с этическими соображениями (Hendrickx, Nicolaij, 2004).

При принятии экономических решений доходы дисконтируются по более высокой ставке, чем возможные потери, — так называемый «эффект маркировки» (Thaler, 1981). Дисконтирование будущих выгод и рисков, по-видимому, подчиняется разным психологическим механизмам. Например, уровень рефлексивности личности прямо связан с готовностью откладывать вознаграждение, но не оказывает никакого влияния на выбор между потерями сейчас и потерями в будущем (Hardisty, Weber, 2009). Данные нейробиологии указывают на различия между когнитивными механизмами дисконтирования будущего и избегания потерь: у испытуемых, подверженных эффекту маркировки, наблюдается более высокая мозговая активность при росте величины и ожидания потерь, чем при увеличении выгод и времени их ожидания (Tanaka et al., 2014).

По мере увеличения временной дистанции недооценка будущего растет неравномерно и в долгосрочном горизонте уменьшается (Frederick, Loewenstein, O'Donoghue, 2002). Например, в эксперименте, проведенном Т. Гриджалва и ее коллегами, 119 студентов принимали решения о вложениях в государственные сберегательные облигации для борьбы с глобальным потеплением, вознаграждение по которым могли получить не только они сами, но и их потомки. При временном горизонте 100 лет разница между немедленным и отложенным вознаграждением составила в среднем 4,9% в год и 0,5% при приближении к 100 годам. При этом испытуемые, оптимистически оценивающие технологический прогресс и растущие возможнос-

ти по управлению климатом, были менее склонны вкладывать свои деньги на длительный срок (Grijalva, Lusk, Shaw, 2014). Эти данные говорят о том, что отношение личности к глобальным рискам в значительной степени зависит от того, нужно ли жертвовать чем-либо в настоящем ради среднесрочного будущего или же выбор делается между разными вариантами будущего.

Предотвращение глобальных катастроф требует высокой и устойчивой ориентации на долгосрочные цели. Между тем в работах З. Залеского и Т. Гисме был обнаружен эффект ослабления мотивации при отдалении цели в будущее (Zaleski, 1987). Причем этот эффект наблюдался у испытуемых, ориентированных на достижения, тогда как у тех, кто ориентирован на избегание неудач, он был выражен значительно слабее. Выяснилось также, что чем более личностно значима цель, тем более близкой во времени она нам кажется (Gjesme, 1981). Людям с протяженной временной перспективой отдаленные события кажутся более близкими, чем тем, у кого временная перспектива короче. Иными словами, политические лидеры с высокой ориентацией на достижения и краткосрочной временной перспективой могут быть более склонны пренебрегать долгосрочными глобальными последствиями своих решений.

При прогнозировании глобальных рисков когнитивным барьером является не только удаленность событий, но и *неопределенность исхода*. Рассуждая о будущем с высоким уровнем неопределенности, мы начинаем использовать более абстрактные, обобщенные мыслительные конструкции. Экспериментальные исследования показывают, что при рассмотрении будущего события как уже случившегося — как если бы мы наверняка знали исход — мы учитываем примерно на 30% больше возможных конкретных причин, чем при анализе событий, которые представляются как вероятные в будущем (Mitchell, Russo, Pennington, 1989). То есть прогнозирование катастрофы «из будущего в прошлое» может быть более точным, чем «из настоящего в будущее». На выявленную закономерность опираются многие технологии прогнозирования, используемые в современных организациях. Однако, как подчеркивают сами авторы эксперимента, видеть больше не означает видеть лучше. Например, можно предположить, что повышение уверенности в неизбежности глобальной катастрофы при обмене слухами снижает уровень неопределенности и облегчает поиск возможных причин, тем самым еще больше подкрепляет убедительность слухов.

Еще один когнитивный эффект, влияющий на отношение к глобальным рискам, получил название «*пренебрежения масштабом*

риска». В известном исследовании, инициированном компанией Exxon, респондентам было предложено оценить, на какое увеличение налогов они согласны, для того чтобы спасти разное количество птиц, страдающих от разлива нефти. В среднем за спасение 2000 птиц участники эксперимента были готовы заплатить 80 \$, за спасение 20000 – 78 \$, а за спасение 200000 – 88 \$ (Desvousges et al., 1993). В другом исследовании было установлено, что чувствительность к числу человеческих жертв подчиняется психофизическому закону, т. е. представляет собой логарифмическую кривую. Испытуемые должны были определить, какое число человеческих жизней должен спасти медицинский исследовательский институт, чтобы получить грант 10 млн долларов. Две третьих испытуемых готовы были выделить финансирование при условии, что будет спасено 9000 из 15000 заболевших, но при 290000 заболевших должны были быть спасены 100000. Таким образом, стоимость жизни в первом случае оценивалась в 1111 \$, а во втором – лишь 100 \$ (Fetherstonhaugh et al., 1997). Оценка тяжести случившегося опирается на прототипический образ страдающего человека или утраты человеческой жизни, поэтому увеличение числа жертв не увеличивает силы сопереживания, т. е. имеет место так называемая «эвристика аффекта». Исследования свидетельствуют о том, что люди с большей готовностью сопереживают конкретному человеку на фотографии, чем какой-то абстрактной статистической общности из нескольких миллионов человек в Руанде. Чем больше число жертв глобальной катастрофы, тем слабее наша эмпатия (Slovic, 2013). Когда речь заходит о глобальных рисках, люди, не переносящие плача одного ребенка, могут с легкостью утверждать, что человечество, возможно, недостойно выживания (Yudkowsky, 2008; Bostrom, 2013).

Межличностные, групповые и организационные факторы отношения к глобальным рискам

Среди *межличностных факторов* следует выделить, прежде всего, содержательные и структурные характеристики социальных сетей, в которых осуществляется межличностная коммуникация по поводу будущего и передаются коллективные страхи. Исследования указывают на то, что обсуждение с коллегами по работе и личный пример руководителя могут влиять на экологические установки личности (Kim et al., 2014). Благодаря сети непосредственных личных контактов, а также социальным медиа возникает так называемый эффект «каскада доступности» информации о рисках. Его суть заключается

в том, что эмоционально значимое событие, информация о котором оказалась более наглядной и доступной, чем о других рисках, начинает обсуждаться все чаще и чаще, быстро охватывая большое число людей. И чем острее эмоциональное переживание риска, тем быстрее информация о нем распространяется через личные сети контактов (Sunstein, 2005).

Межличностные факторы представлений о будущем пока еще изучены крайне недостаточно, поэтому мы позволим себе сформулировать предположения, требующие эмпирической проверки.

Исследования в области коллективных воспоминаний показывают, что при межличностном взаимодействии воспоминания обоих собеседников трансформируются: усиливаются связи между событиями, появляются события, которых ранее в индивидуальных представлениях не было (Hirst, Echterhoff, 2012). По аналогии с коллективной памятью можно предположить, что на формирование представлений о глобальных рисках влияет межличностный дискурс в социальной сети. То есть большая или меньшая степень знакомства и уровень доверия между людьми влияют на содержание их представлений об угрозах в будущем.

Известно, что оценка вероятности событий отдаленного будущего зависит от способа их описания: при более детальном описании они оцениваются как более вероятные. При этом на оценку вероятности событий ближайшего будущего степень подробности их описания не влияет (Bilgin, Brenner, 2008). Таким образом, абстрактность наших представлений об отдаленном будущем делает их более гибкими, более подверженными изменениям в межличностном дискурсе. Обсуждение будущего с друзьями и коллегами приводит к тому, что отдаленные гипотетические события «обрастают» деталями и от этого кажутся более вероятными.

Можно также предположить, что при конструировании своих представлений о катастрофических сценариях будущего личность опирается не только на собственную автобиографическую память и жизненный опыт, но и на опыт других людей — жизненные истории, ожидания и опасения близких знакомых, значимых других. Таким образом, важным фактором формирования отношения к глобальным рискам становится не только то, как часто мы задумываемся о совместном будущем, но и то, с кем конкретно мы его обсуждаем.

К *групповым факторам* формирования отношения к глобальным рискам можно отнести целый ряд феноменов, связанных с механизмами внутригруппового социального влияния, в том числе групп-

повую рефлексивность, эффекты самосбывающегося пророчества, сдвига к риску и группового мышления.

По-видимому, ключевым фактором отношения к глобальным рискам на групповом уровне является *групповая перспективная рефлексивность* – ориентация группы на анализ своей деятельности с учетом будущих событий, а также на изменение этой деятельности по итогам проведенного анализа (Журавлев, Нестик, 2012; Нестик, 2014с; West, 1996). Высокорефлексивные группы регулярно обсуждают свой опыт, продвижение к цели и способы работы, будущие возможности и риски. Такие группы характеризуются отчетливым пониманием последствий своих действий и высокой проактивностью. Напротив, низкорerefлексивные группы «плывут по течению», реагируя на изменения с опозданием. Эмпирические исследования свидетельствуют о том, что условиями высокой групповой рефлексивности являются внутригрупповое доверие, оптимистический образ будущего и отчетливые, амбициозные, совместно выработанные цели, поддержка лидером регулярного диалога о будущем, инноваций и отношения к ошибкам как к возможности обучения. Напротив, рефлексивность группы снижается при авторитарном стиле руководства, внутригрупповой конкуренции, коллективных тревожных состояниях (Нестик, 2014с).

Несмотря на то, что наши представления о поведении других людей и социальных групп могут быть ошибочными на момент прогноза, они вполне могут осуществиться, благодаря реакции других на наши же действия. Этот эффект получил название «*теоремы Томаса*», или «*самосбывающегося пророчества*». В 1928 г. американские социологи У. Томас и Д. Томас заметили, что, если люди считают ситуации реальными, эти ситуации становятся реальными по своим последствиям. Эти слова были сказаны по поводу преступника, который убивал прохожих, имевших неосторожность размышлять вслух и тем самым дававших повод думать, что они бранятся. Позднее в своей статье «Самореализующееся пророчество» Р. Мертон воспользовался этой удачной формулой У. Томаса для описания социологической закономерности: публично сделанные предсказания ситуации становятся частью этой ситуации и влияют на дальнейшие события. Именно самореализующееся пророчество послужило причиной краха американских банков в 1930-е годы и нарастания расовых конфликтов в 1940-е (Merton, 1948). Согласно Мертоу, основой самосбывающихся пророчеств являются нормы и ценности, поддерживаемые политическими, культурными и экономическими институтами общества.

Мертон обратил внимание и на другие, так называемые «самоуничтожающиеся» пророчества: публичное предсказание порождает действия, которые делают его осуществление невозможным (Merton, 1936, p. 904).

Групповые представления о будущем обладают свойством «самоподтверждения» и «самореализации»: наблюдая за словами и действиями друг друга, члены группы находят все больше подтверждений своим ожиданиям и все больше опираются на них в собственном поведении. Если рассматривать глобальные риски как коллективные представления, становится очевидным, что пессимистические сценарии вероятного будущего могут оказаться не только самоуничтожающимися, но и самосбывающимися пророчествами.

Эта психологическая закономерность пока не принимается во внимание интеллектуальными и политическими элитами. Например, все три сценария мирового развития к 2030 г., разработанные с участием 250 экспертов Мирового экономического форума, крайне пессимистичны. Первый из них рисует картину мира «Городов, защищенных стенами», в котором наиболее состоятельные и благополучные жители отгораживаются от большинства, беднеющего, лишенного поддержки слабеющего государства, оторванного от культурных корней и радикализованного. Эту картину уже сегодня можно наблюдать в ряде регионов Южной Америки, Ирака, Сирии, Палестины и Ливана, Западной и Центральной Африки. Второй сценарий «Сильные регионы» предполагает формирование сильных национальных государств, которые наращивают свое региональное и глобальное влияние, создавая политические и экономические союзы с соседями. В этом сценарии политические лидеры получают поддержку граждан, гарантируя безопасность в обмен на отказ от целого ряда свобод и наращивание систем тотального контроля. Интернет распадается на изолированные друг от друга национальные и региональные кластеры, а ответ на глобальные риски затруднен геополитическим соперничеством нескольких центров влияния, таких как США, Китай, Россия и Европа. Наконец, третий сценарий самый пессимистический: конкуренция между региональными союзами приводит к крупному военному конфликту с использованием обычных вооружений и гибридной войны в отношении стран-сателлитов. В этом сценарии стороны останавливаются за один шаг от применения ядерного оружия, но к этому моменту успевают нанести друг другу серьезный урон. Формирующийся после войны новый мировой порядок основан на предотвращении угрозы фатальных конфликтов, по сравнению с которой традиционные темы международного сотрудничества

(такие как защита человеческих прав и свободной торговли, контроль Интернета и т. п.) воспринимаются как малозначимые. Хотя ООН продолжает свое номинальное существование, политика определяется новыми международными соглашениями между центрами силы (The Global Risks Report 2016, p. 31–33).

Воздействие таких сценариев на общество может идти не только по пути самоуничтожающегося пророчества, но и по пути самореализующегося. Не допуская возможности разрядки, политические и экономические элиты начинают готовиться к худшему, провоцируя друг друга и приближая описанные в сценариях социальные и геополитические катастрофы.

Взаимная провокация в условиях высокой неопределенности и воспринимаемой внешней угрозы проявляется в том, что стороны идут на все более крайние и рискованные шаги. Эффект *сдвига к риску* был впервые обнаружен в 1961 г. Дж. Стоунером: после группового обсуждения индивидуальные мнения участников сдвигались в направлении более рискованных вариантов решения (Stoner, 1968). Сдвиг может происходить и в обратном направлении – к более осторожным, консервативным оценкам будущего.

Как оказалось, большую роль в групповых прогнозах будущего играет представление участников о ценностях группы, к которой они себя относят. Чем сильнее групповая идентичность участников обсуждения, чем выше их сплоченность, тем больше вероятность поляризации при прогнозировании (Abrams et al., 1990). Таким образом, *групповая сплоченность* снижает чувствительность группы к будущим рискам и повышает ее склонность переоценивать свое влияние на будущее.

Наконец, рискованные решения становятся более вероятными при *субъективном переживании дефицита времени*. Исследования групповой динамики свидетельствуют о том, что при дефиците времени у членов группы повышается потребность в определенности, простых и окончательных решениях, повышаются групповое давление и конформность. В целом высокая ориентация группы на ближайшее будущее, которую можно выразить формулой «сейчас или никогда», приводит к «зашориванию группового разума» (Kerr, Tindale, 2004). В таких условиях группа становится невосприимчивой к экспертным оценкам и прогнозам, расходящимся с уже сложившимися представлениями и мнением лидера. Иными словами, если прогнозы делаются в быстро меняющейся ситуации и при высоком риске, их качество зависит от внутригрупповой динамики сильнее, чем от компетентности экспертов или руководителей.

Организационные факторы отношения к глобальным рискам связаны прежде всего со способностью организаций интерпретировать «слабые сигналы» приближающихся глобальных изменений и адекватно на них реагировать. Можно выделить три ключевых барьера, затрудняющих предвидение долгосрочных рисков для крупных организаций (Нестик, 2018d; Rohrbeck, 2011). Во-первых, это ускорение изменений: сокращение жизненного цикла продуктов, увеличение скорости разработки и распространения инноваций снижают определенность будущего и мешают строить долгосрочные планы. В отраслях экономики с высокой скоростью изменений (производство компьютеров и полупроводников, киноиндустрия и т. п.) ключевым фактором успеха становится стратегическая гибкость, т. е. чувствительность к изменениям, и способность управленческой команды к многовариантному, сценарному мышлению. Во-вторых, это нечувствительность организации к информации об изменениях. Цикл планирования чаще всего увязан с финансовым годом и оказывается слишком коротким, чтобы учесть долгосрочные тренды; топ-менеджеры перегружены потоком информации, который затрудняет выделение приоритетов; наконец, информация об изменениях может просто не достигать верхних эшелонов власти, так как фильтруется руководителями среднего звена, защищающими интересы своих подразделений. Наконец, в третьих, даже заметив изменения, организации не успевают на них отреагировать в силу своей инерционности. Эта инерция может быть связана с многоуровневой организационной структурой, широкой сетью стратегических партнеров, неготовностью жертвовать пока еще эффективными направлениями деятельности ради финансирования новых.

Распознавание и интерпретация «слабых сигналов» приближающейся катастрофы в организациях затруднено психологическими барьерами, такими как избегание неопределенности, сверхуверенность, ограниченность воображаемого будущего опытом прошлого, избегание когнитивного диссонанса (Базаров 2009; Нестик, 2016a; Штроо, 2001).

Межгрупповые и социетальные факторы отношения к глобальным рискам

К *межгрупповым факторам* формирования отношения к глобальным рискам относятся феномены межгрупповой интеграции и дифференциации: ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация, межгрупповые стереотипы и ксенофобия.

Исследования в области социальной психологии риска показывают, что представления о риске выполняют функцию *защиты позитивной групповой идентичности*. Ключевую роль в их формировании играет стремление личности символически дистанцироваться от опасности, относя ее к внешним по отношению к своей группе силам, приписывая источник риска или его последствия не своей, а чужой группе (Joffe, 2003). Люди недооценивают вероятность и переоценивают отдаленность событий, которые угрожают положительной оценке их группы: например, угрожают их патриотическим чувствам, гордости за свою профессию и т. п. (Stoknes, 2015). Иными словами, коллективные представления о сценариях столкновения с глобальными рисками и их преодоления в значительной степени определяются степенью напряженности межгрупповых отношений и значимыми группами сравнения: *представляя будущее, мы конструируем отличия своей группы от других*.

Рост напряженности межгрупповых отношений и ксенофобия сопровождаются снижением долгосрочной ориентации, негативной оценкой будущего, выраженной ориентацией на прошлое. Об этом убедительно свидетельствуют эмпирические исследования отношения к времени у жителей стран постсоветского пространства в 1990-е и 2000-е годы (Муздыбаев, 2000; Наумова, 1997; Нестик, 2014с; Попова, 1999).

Рост напряженности межгрупповых отношений может влиять на оценку рисков экспертами и политиками, принимающими решения. Например, А. Комптон, один из руководителей Манхэттенского проекта, оценил вероятность взрыва атмосферы Земли вследствие ядерных испытаний как 1 шанс из 3 млн, по-видимому, назвав цифры, взятые из головы, так как считал, что из-за гонки вооружений в ходе Второй мировой войны таких испытаний все равно не избежать (Kent, 2004).

К *социетальным факторам* формирования отношения к глобальным рискам относятся прежде всего ценности и нормы, регулирующие отношение к будущему в культуре, а также социально-экономическая ситуация в государстве и мире. Прогнозирование рисков и оценка их вероятности опирается не только на личные и групповые интересы, но и на социокультурные механизмы, конструирующие массовые страхи.

Ключевую роль в конструировании коллективных представлений о глобальных рисках играют *средства массовой информации*, привлекающие внимание аудитории к определенным событиям. Рассматривая представления о потенциальных рисках хранения ядерных

отходов, Р. Касперсон, Н. Пиджон и их коллеги предлагают концепцию социальной амплификации риска. С их точки зрения, тревоги по поводу будущего связаны с определенными событиями, освещаемыми СМИ, и могут усиливаться или затихать, подобно кругам на водной поверхности от падения камня. Внимание к рискам зависит от групповых представлений о мире, культурных и политических ценностей, информационных каналов, доверия людей друг к другу и социальным институтам (Kasperson et al., 2003).

Ухудшение *социально-экономической ситуации* может как провоцировать ожидания глобальной катастрофы, так и притуплять чувствительность общества к угрозам будущего. Так, тревога по поводу будущего в Польше 1990-х годов оказалась ниже, чем в развитых странах Западной Европы (Zaleski, 2005). С одной стороны, это может объясняться тем, что радикальное ухудшение социально-экономической ситуации снижает планку для сравнения: людям кажется, что «хуже уже не будет». С другой стороны, можно предположить, что в период кризиса повышается интерес к прогнозированию ближайшего будущего, тогда как отдаленное будущее становится менее значимым и начинает играть функции защиты позитивной самооценки.

Исследование представлений о будущем на протяжении последних трех тысяч лет, проведенное Ф. Полаком, показывает, что формирование неопределенного и апокалиптического образа будущего является признаком угасания культуры (Polak, 1973). Опыт двух мировых войн в XX в. привел к тому, что образ будущего в обществе был преимущественно негативным. Причем всплеск технологического оптимизма 1950-х годов был тут же погашен гонкой вооружений на все последующие 30 лет.

Вместе с тем, ряд исследований указывает на наличие *культурных различий* в прогнозировании будущего. Например, сопоставление протяженности национальных форсайтов в области социально-экономического и научно-технического прогнозирования показало, что наиболее долгосрочная перспектива, — на 100 лет вперед, — характерна для стран Восточной Азии, тогда как наиболее краткосрочным горизонт форсайтов оказался в Восточной Европе — всего 5–10 лет (Keenan, Porrege, 2008). С одной стороны, это может объясняться темпом экономического роста: чем он выше, тем дальше страны заглядывают в будущее. С другой стороны, долгосрочность прогнозирования в азиатских странах может быть связана их с культурными характеристиками: по данным Г. Хофстеда и М. Бонда, именно страны Восточной Азии характеризуются наиболее высокой долгосрочной ориентацией (Тайвань, Гонконг, Япония, Южная Корея). Долго-

срочная ориентация рассматривается как совмещение ориентации на долгосрочное планирование своей деятельности с ориентацией на уважение традиций прошлого. В целом исследователи сходятся в признании долгосрочной ориентации как фактора, тесно связанного с коллективизмом (Нестик, 2016d).

Как показывают исследования восприятия угрозы глобального потепления, существуют и кросс-культурные различия в представлениях о глобальных рисках. Эти различия связаны не с реальными межстрановыми различиями в вероятности рисков, а с частотой обсуждения соответствующих тем в СМИ. Так, во Франции гораздо больше озабочены генно-модифицированными продуктами, тогда как в США обеспокоены угольными электростанциями, наличием радона в домах, негативными последствиями солнечной радиации; в Канаде больше боятся атипичной пневмонии, а в США – терроризма (Sunstein, 2005). Эмпирические исследования свидетельствуют о том, что ценности влияют на восприятие глобальных рисков. Так, индивидуализм и иерархические ценности снижают значимость риска глобального потепления, тогда как эгалитаризм повышает ее (Leiserowitz, 2006).

Наконец, образ возможных катастроф основан на работе, проделанной коллективным воображением в прошлом. Иными словами, существует *коллективная память о будущем* (Barbrook, 2007; Samuel, 2009). Такая память, содержащая сделанные когда-то авторитетные прогнозы, образы фантастической литературы и кино, служит опорой при социальном конструировании будущего. Анализ англоязычной постапокалиптической литературы, проведенный журналом *Economist*, показывает, что с 1947 г. до начала 1990-х годов в художественных описаниях глобальной катастрофы преобладали сюжеты, связанные с угрозой ядерной войны (Charting trends..., 2017). С 1960-х годов, наряду с ядерной тематикой, наблюдается рост числа произведений, посвященных природным катастрофам, в том числе связанных с экстремальными погодными явлениями. Наконец, с 1980-х годов растет интерес читателей к фантастическим романам и фильмам об угрозе смертельных вирусов и глобальных эпидемий. После распада СССР в начале 1990-х годов именно темы глобального изменения климата и пандемий лидируют в романах о конце света. Интересно, что всплески интереса к постапокалиптической литературе совпадают с ростом вероятности ядерной войны, индекс которой публикует американский «Бюллетень ученых-атомщиков» в рамках проекта «Часы судного дня». Поскольку международная обстановка накаляется, а США выходит из климатических и ядерных диплома-

тических соглашений, в ближайшие годы можно ожидать роста числа книг и фантастических фильмов, описывающих те или иные варианты конца света. Очевидно, что рост охвата и доступности средств массовой информации, в том числе интернет-медиа, делает публичные прогнозы и художественные образы все более важным фактором наших повседневных представлений о будущем.

Эмпирическое исследование отношения личности к глобальным рискам и его социально-психологической детерминации

Для измерения отношения личности к глобальным угрозам и способам их предотвращения нами был разработан опросник «Отношение к глобальным рискам». Первоначально он состоял из 61 утверждения, но в ходе конфирматорного факторного анализа был сокращен до 47 пунктов, степень согласия с которыми респондентам предлагается оценить по 5-балльной шкале. При его разработке мы исходили из теоретической структуры установочных образований, в которую входят ценностно-мотивационные, аффективные, когнитивные и поведенческие компоненты (Нестик, 2016а). При разработке опросника использовались некоторые пункты из методики «Отношение к ядерной угрозе» М. Ньюкомба и методики «Отношение к угрозам существования человечества» Р. Экерсли. Апробация опросника проводилась в 2018 г. на выборке взрослых россиян $N=924$ (32% – мужчины, 68% – женщины; возраст испытуемых составлял от 17 до 57 лет, средний возраст – 24,06 года). Конфирматорный факторный анализ с использованием структурного моделирования в программе Amos v. 20 подтвердил выделенную нами структуру отношения к глобальным рискам ($\chi^2=2741,804$; $df=946$; CMIN/DF=2,898; $p<0,001$; CFI=0,909; GFI=0,884; RMSEA=0,045; $Hi\ 90=0,047$; $Rclose=1,000$). Все коэффициенты ковариации и регрессии статистически значимо отличаются от нуля. Мы подтвердили факторную валидность методики и показали, что выделенные факторы являются индикаторами общей шкалы. Итоговая версия опросника состоит из 9 субшкал.

Аффективный компонент представлен шкалой «Тревога в отношении глобальных рисков» (α Кронбаха = 0,722; $M=3,08$; $SD=0,951$; 4 пункта, например: «Я чувствую страх, когда задумываюсь о будущем наших детей и внуков»; «Я никогда не волновался по поводу глобальных рисков, таких как ядерная война, глобальные эпидемии, изменение климата и т. п.»).

Когнитивные компоненты представлены шестью шкалами, отражающими представление о вероятности глобальных катастроф и ориентацию на те или иные способы совладания с ними. Первая шкала отражает веру в прогнозируемость и возможность предотвращения глобальных рисков, она получила название «Убеждение в необходимости сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков» (α Кронбаха = 0,733; $M=3,52$; $SD=0,744$; 6 пунктов, например: «Чтобы выжить, человечеству придется сплотиться и научиться договариваться перед лицом общей опасности»; «Чтобы предотвратить глобальные катастрофы, необходимо искать компромиссные решения и добиваться баланса сил»). Вторая шкала получила название «Фаталистическое игнорирование», т. е. сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой (α Кронбаха = 0,722; $M=2,82$; $SD=0,786$; 6 пунктов, например: «Учитывая возможность глобальной катастрофы, нужно сосредоточиться на настоящем и успеть получить от жизни удовольствие»; «Мы ничего не можем сделать, чтобы предотвратить глобальную катастрофу, поэтому нет смысла о ней задумываться»). Третья шкала получила название «Религиозный авторитаризм», т. е. возвращение к традиционным религиозным ценностям и контроль за гражданами (α Кронбаха = 0,622; $M=2,28$; $SD=0,829$; 4 пункта, например: «Чтобы разрешить глобальные противоречия и угрозы, нам нужно вернуться к традиционным религиозным учениям и ценностям»; «Чтобы снизить риск глобальных катастроф, государства должны лучше контролировать действия своих граждан, даже если это потребует отказа от некоторых свобод»). Четвертая шкала когнитивного компонента получила название «Допустимость выживания одних за счет других» и отражает ориентацию на радикальные способы предотвращения глобальных угроз (α Кронбаха = 0,699; $M=2,14$; $SD=0,740$; 6 пунктов, например: «Перед лицом глобальной угрозы можно пожертвовать интересами жителей одной из стран ради всего человечества»; «Нет ничего предосудительного в том, чтобы использовать страх людей перед глобальными угрозами в предвыборной кампании»). Пятая шкала когнитивного компонента названа «Оптимизм в отношении глобального будущего» и отражает убеждение в неэффективности алармизма по поводу глобальных угроз (α Кронбаха = 0,646; $M=3,26$; $SD=0,710$; 6 пунктов, например: «Я не доверяю прогнозам грядущих катастроф, которые публикуются в СМИ»; «Лучший способ предотвратить многие катастрофы – поддерживать оптимизм и ставить амбициозные цели»). Наконец, шестая шкала когнитивного компонента «Апокалиптизм» отражает ожидание близкого конца существо-

вания человечества (α Кронбаха = 0,617; $M=1,85$; $SD=0,794$; 3 пункта, например: «С вероятностью более 50% человечество исчезнет с лица Земли в ближайшие 10 лет»).

Ценностно-мотивационный компонент отношения к глобальным рискам был выделен на этапе эксплораторного факторного анализа как фактор «Ценность выживания человечества», однако в результате конфирматорного факторного анализа эта шкала была исключена из опросника и в дальнейшем может быть использована как самостоятельная методика (α Кронбаха = 0,651; $M=3,23$; $SD=0,869$; 5 пунктов, например: «Выживание человечества – высшая ценность, ради которой можно пожертвовать всем остальным»; «Думаю, человечество не заслуживает того, чтобы его спасали»).

Поведенческий компонент представлен двумя шкалами, которые были объединены в общую «Шкалу готовности к действиям по защите от глобальных рисков», вошедшую в модель как латентная переменная второго уровня. Первая шкала получила название «Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков» (α Кронбаха = 0,950; $M=2,43$; $SD=1,451$; 6 пунктов, например: «Я готов своими действиями поддерживать общественные инициативы, направленные на предотвращение глобальных катастроф»; «Я готов жертвовать деньги на сохранение природы, если уверен в том, что они будут использованы по назначению»). Вторая шкала поведенческого компонента получила название «Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких» (α Кронбаха = 0,930; $M=2,13$; $SD=1,315$; 6 пунктов, например: «Я стараюсь предугадать последствия некоторых глобальных рисков и быть готовым действовать наилучшим образом после их наступления»; «Я предпринимаю меры, чтобы природная или техногенная катастрофа не застала врасплох меня и членов моей семьи»).

Чтобы уточнить социально-психологические характеристики, влияющие на отношение личности к глобальным рискам, в 2018 г. мы провели эмпирическое исследование, участниками которого стали 547 студентов вузов четырех городов: Москвы ($N=114$; 39% – мужчины; 61% – женщины; средний возраст 26 лет), Симферополя ($N=206$; 22% – мужчины; 78% – женщины; средний возраст 22 года), Норильска ($N=126$; 40% – мужчины; 60% – женщины; средний возраст 19,7 лет) и Архангельска ($N=101$; 25% – мужчины; 75% – женщины; средний возраст 21 год)¹. В инструментарий исследования

1 Авторы выражают благодарность за помощь в сборе данных О. Е. Кузнецовой, Е. О. Петровой, А. И. Садыковой, В. Ю. Стекланникову и А. С. Яроцкой.

вошла авторская методика «Отношение к глобальным рискам», шкала глобальной социальной идентификации (GSI) Дж. Риза, «Социальные аксиомы» (SAS) М. Бонда и К. Леонга, краткий пятифакторный опросник черт личности ТИPI-R С. Гослинга, «Шкала связи с природой» Ф. Мейера и К. Франца в адаптации К. А. Чистопольской, субтест «Экологическая ответственность» и шкала «Экологическая осведомленность» из опросника экологического сознания В. И. Панова, скрининговая версия теста жизнестойкости С. Мадди в адаптации Е. Н. Осина; шкала социального доверия из опросника World Values Survey, «Шкала темного будущего» З. Залеского, а также опросник моральных оснований (MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О. А. Сычева.

С помощью кластерного анализа по методу К-средних нами были выделены *6 типов отношения личности к глобальным рискам* (таблица 2.1). Достоверность различия полученных групп была повторно подтверждена с помощью анализа ANOVA ($p < 0,001$). Нами также были выделены значимые различия между данными группами по целому ряду индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик (таблица 2.2).

Первый кластер получил название «*Радикальные пессимисты*» (N=96), так как, по сравнению с другими группами, его представители больше склонны верить в близкий конец существования человечества, характеризуются самой низкой ориентацией на сотрудничество для прогнозирования и предотвращения рисков и наиболее высокой поддержкой выживания одних ценой других. Данная группа отличается наиболее низким показателем интрагруппового доверия. Второй кластер получил название «*Активистов*» (N=70). Отнесенные к нему респонденты характеризуются наиболее высокой готовностью участвовать в коллективных действиях по предотвращению глобальных катастроф. Данная группа характеризуется относительно высоким доверием к представителям своей группы, а также наиболее высоким показателем прогрессивизма по опроснику моральных оснований, который интерпретируется как преобладание индивидуалистических ценностей заботы и справедливости над лояльностью, уважением авторитетов и традиций. Кроме того, в этой группе наиболее высокой оказалась тревога по поводу будущего. Третий кластер – «*Игнорирующие*» (N=80) – включает респондентов, которые характеризуются самой низкой тревогой в отношении глобальных угроз, а также самой низкой готовностью к каким-либо действиям, направленным на их предотвращение или защиту себя и близких. Для них более, чем для других групп, характерно сосредоточение

Таблица 2.1
Типы отношения к глобальным рискам
(результаты кластерного анализа, N=547)

Характеристики отношения к глобальным рискам	Кластеры					
	1	2	3	4	5	6
	N=96	N=70	N=80	N=90	N=141	N=74
Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков	2,8	4,1	2,0	3,1	2,8	3,8
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	2,7	3,1	1,7	2,9	2,1	3,7
Необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения рисков	3,1	3,9	3,3	3,6	3,4	4,1
Фаталистическое игнорирование: сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой	3,2	2,3	3,4	3,1	2,6	2,7
Религиозный авторитаризм: возвращение к традиционным религиозным ценностям и контроль за гражданами	2,7	1,8	2,0	3,0	1,9	3,1
Радикальные решения: допустимость выживания одних за счет других	2,6	1,7	2,5	2,5	1,7	2,4
Оптимизм в отношении глобального будущего	3,1	3,1	3,4	3,1	3,2	3,8
Апокалипсизм: ожидание близкого конца человеческого рода	2,9	1,8	1,6	2,4	1,6	1,6
Тревога по поводу глобальных рисков	2,8	3,7	2,1	4,0	3,1	3,2
Ценность выживания человечества	2,8	2,9	2,8	3,6	3,4	3,8

на своей жизни перед неизбежной катастрофой. В этой группе самые низкие показатели глобальной идентичности, связи с природой и экологической ответственности, религиозности, доброжелательности и ориентации на заботу о других. Ее представители наименее склонны верить в вознаграждение за усилия. Четвертый кластер получил название «*Встревоженные традиционалисты*» (N=90), так как его представители наиболее обеспокоены глобальными рисками и склонны верить в то, что для предотвращения катастрофы не-

обходимо возвращение к традиционным религиозным ценностям и контроль за гражданами. Для них характерны высокая религиозность, добросовестность и доброжелательность, вера в вознаграждение за усилия, ориентация на гармонию в отношениях, чистоту и святость, лояльность и заботу. Они отличаются высокой экологической ответственностью, наиболее сильной идентификацией себя с россиянами и родным городом. Вместе с тем в этой группе, по сравнению с другими, более высокий уровень социального цинизма, т. е. они более склонны считать современное общество несправедливым. К пятому типу — «Пассивные прагматики» (N=141) — были отнесены респонденты, для которых характерна низкая готовность к каким-либо действиям в связи с глобальными рисками, которая сочетается с неприятием религиозного авторитаризма и радикальных решений как способов предотвращения угроз. Данная группа характеризуется эмоциональной стабильностью, относительно слабой идентификацией себя с человечеством, россиянами и родным городом, а также самыми низкими показателями ориентации на лояльность и уважения к авторитетам. Наконец, кластер «Оптимисты» (N=74) объединил респондентов с наиболее высоким оптимизмом в отношении будущего человечества и наиболее выраженным убеждением в необходимости сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков, а также наибольшей ценностью выживания человечества. Как и «Активисты», представители данной группы готовы к действиям для защиты от глобальных угроз. Для них характерна наиболее выраженная глобальная идентичность, наиболее высокие показатели жизнестойкости и экстраверсии, при этом они меньше тревожатся по поводу будущего, чем другие участники исследования.

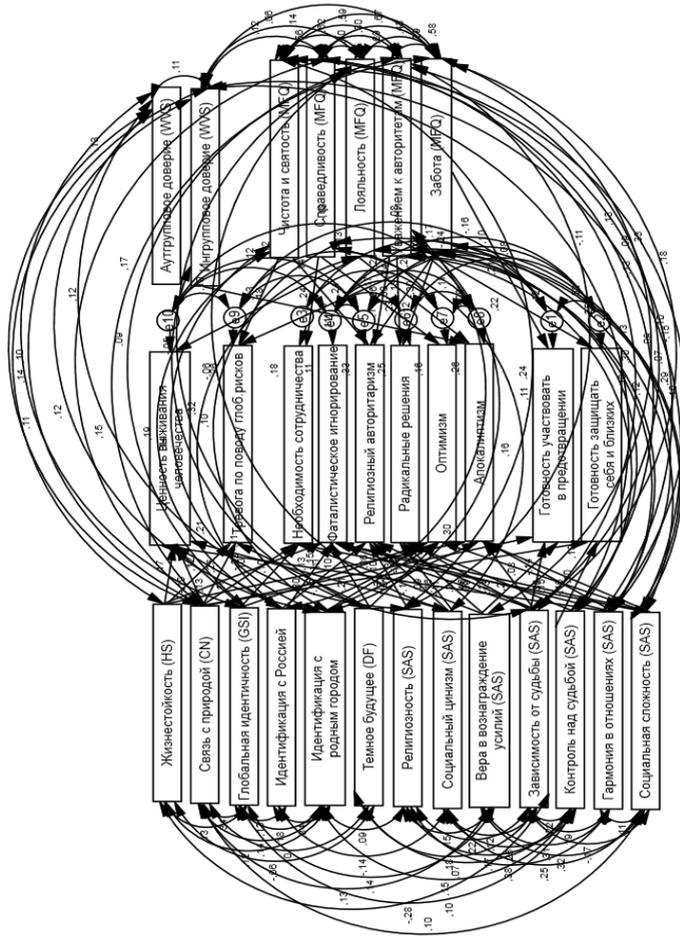
Проведенное нами структурное моделирование в программе SPSS Amos v. 20 позволило выявить ряд предикторов отношения личности к глобальным рискам ($\chi^2=529,333$; $df=275$; $CMIN/DF=1,925$; $p<0,001$; $CFI=0,943$; $GFI=0,920$; $RMSEA=0,045$; $Hi90=0,51$; $Pclose=0,904$) (см. рисунок 2.1).

Ценность выживания человечества прямо связана с глобальной идентичностью ($\beta=0,131$), идентификацией себя с россиянами ($\beta=0,179$), ориентацией на лояльность нормам своей группы ($\beta=0,180$) и на гармонию в отношениях ($\beta=0,127$). Ее предикторами также являются высокая жизнестойкость ($\beta=0,170$) и низкий социальный цинизм ($\beta=-0,101$). Ценность выживания человечества оказалась тем выше, чем ниже связь с природой ($\beta=-0,186$). Предикторами *тревоги* по поводу глобальных рисков оказались связь с природой ($\beta=0,248$), ценность заботы о людях ($\beta=0,235$), тревога по поводу бу-

Таблица 2.2
Сравнение типов отношения к глобальным рискам
по индивидуально-психологическим и социально-психологическим характеристикам

Личностные характеристики	Типы отношения к глобальным рискам						Достоверность различий (F ANOVA, p)
	1	2	3	4	5	6	
Экологическая ответственность	11,61	11,86	8,19	12,65	10,77	10,42	4,88 <0,001
Связь с природой (Mayer, Frantz, 2004)	2,79	2,93	1,62	3,09	2,31	2,66	14,24 <0,001
Вовлеченность (HS)	2,86	2,94	2,95	2,95	3,15	3,47	5,41 <0,001
Контроль (HS)	2,75	2,96	2,91	2,84	3,02	3,18	4,33 0,001
Принятие риска (HS)	2,92	3,00	3,13	2,73	3,08	3,33	5,32 <0,001
Жизнестойкость (HS)	2,85	2,97	2,99	2,84	3,08	3,33	5,59 <0,001
Глобальная социальная идентичность	2,36	2,88	2,27	2,95	2,46	3,11	8,84 <0,001
Темное будущее (шкала З. Залеского)	3,32	3,86	3,25	3,72	3,11	2,74	6,40 <0,001
Экстраверсия	4,16	4,33	4,16	4,68	4,65	5,08	6,86 <0,001
Доброжелательность	4,19	4,28	4,04	4,57	4,23	4,21	2,35 0,04
Добросовестность	4,61	4,93	4,73	5,43	5,06	5,08	5,04 <0,001
Эмоциональная стабильность	3,99	3,76	4,15	3,83	4,25	4,11	1,94 0,085
Открытость к новому опыту	4,33	4,81	4,51	4,82	4,64	4,85	2,57 0,026
Религиозность (SAS)	2,34	2,19	1,57	3,04	1,83	2,46	13,50 <0,001
Социальный цинизм (SAS)	3,00	2,72	2,44	3,29	2,49	2,52	5,45 <0,001

Вера в вознаграждение усилий (SAS)	3,33	3,29	2,45	3,87	3,02	3,11	7,62	<0,001
Контроль над судьбой (SAS)	2,62	2,04	1,88	2,91	1,94	2,38	10,15	<0,001
Зависимость от судьбы (SAS)	2,40	1,41	1,32	2,46	1,52	1,66	20,58	<0,001
Ориентация на гармонию в отношениях между людьми (SAS)	3,08	2,86	2,11	3,66	2,52	2,89	12,51	<0,001
Социальная сложность (SAS)	3,43	3,59	2,98	4,01	3,31	3,41	3,54	0,004
Шкала заботы (MFQ)	2,72	3,37	2,35	3,54	2,81	3,10	10,25	<0,001
Шкала справедливости (MFQ)	2,72	3,48	2,53	3,61	2,91	3,19	9,99	<0,001
Шкала лояльности (MFQ)	2,46	2,27	1,89	3,05	2,19	2,86	12,62	<0,001
Шкала уважения к авторитетам (MFQ)	2,24	2,04	1,75	2,90	1,91	2,62	15,21	<0,001
Шкала чистоты и святости (MFQ)	2,46	2,78	2,04	3,31	2,36	2,94	12,87	<0,001
Прогрессивизм (MFQ)	0,33	1,06	0,55	0,48	0,71	0,34	13,78	<0,001
Ин групповое доверие (WVS)	2,60	3,34	2,97	3,40	3,10	3,09	5,89	<0,001
Озабоченность угрозой природных катастроф и ухудшения экологической обстановки в городах	3,05	3,60	1,99	4,07	2,76	3,07	18,05	<0,001
Озабоченность антропогенными угрозами (политические кризисы, коррупция, преступность, международные конфликты, терроризм и тонка вооружений)	2,72	3,10	1,67	3,48	2,37	2,66	18,49	<0,001
Озабоченность техногенными угрозами (риск выведения из строя электронных систем, непредвиденные последствия развития новых технологий)	2,73	2,80	1,84	3,63	2,35	2,64	15,37	<0,001
Идентификация с Россией	2,74	2,41	1,93	3,19	2,48	2,95	6,77	<0,001
Идентификация с родным городом	2,49	2,22	1,59	2,94	2,20	2,74	8,90	<0,001

Хи квадрат=529,333; df=275; CMIN/DF=1,925; $p=0,000$; CFI=.943; GFI=.920; RMSEA=.045;
 NI 90=.051; Pclose=.904.

Рис. 2.1. Предикторы отношения личности к глобальным рискам (результаты структурного моделирования в программе Amos SPSS v. 20)

душего ($\beta=0,300$), а также, в меньшей степени – жизнестойкость ($\beta=0,116$) и ориентация на чистоту и святость ($\beta=0,133$).

Убеждение в *необходимости сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков* прямо связано с ориентацией на справедливость ($\beta=0,236$), верой в вознаграждение усилий ($\beta=0,129$), представлением о сложности общества ($\beta=0,184$), глобальной идентичностью ($\beta=0,103$) и связью с природой ($\beta=0,100$).

Предикторами *оптимизма в отношении будущего человечества* и неприятия алармизма оказались признание сложности общества ($\beta=0,298$), ориентация на справедливость ($\beta=0,140$), низкая тревога перед будущим ($\beta=-0,134$). Оптимизм оказался в равной степени связан с глобальной идентичностью ($\beta=0,098$) и с локальной ($\beta=0,098$). *Апокалиптизм*, т.е. вера в близость глобальной катастрофы, которая положит конец существованию человечества, прямо связан с убеждением в предопределенности судьбы ($\beta=0,272$), ориентацией на лояльность ($\beta=0,121$) и гармонию в отношениях ($\beta=0,148$). Обнаружена его отрицательная связь с жизнестойкостью ($\beta=-0,145$), убеждением в сложности общества ($\beta=-0,162$), ингрупповым доверием ($\beta=-0,111$), а также идентификацией с родным городом ($\beta=-0,122$).

Предикторами *оправдания радикальных решений для защиты от глобальных рисков*, в том числе выживания за счет жителей других государств, оказалось уважение к авторитетам ($\beta=0,232$), одновременно вера в зависимость от судьбы ($\beta=0,155$) и стремление ее контролировать ($\beta=0,177$). Готовность оправдывать радикальные меры тем выше, чем меньше вера в вознаграждение усилий ($\beta=-0,105$), чем выше социальный цинизм ($\beta=0,089$) и чем ниже ценность заботы о людях ($\beta=-0,299$). *Фаталистическое игнорирование* прямо связано с верой в предопределенность судьбы ($\beta=0,162$), социальную сложность ($\beta=0,129$) и значимость гармонии в отношениях ($\beta=0,094$), при этом оно отрицательно связано с гражданской идентичностью ($\beta=-0,129$), жизнестойкостью ($\beta=-0,230$) и тревогой по поводу будущего ($\beta=-0,206$). *Религиозный авторитаризм*, т.е. убеждение в необходимости возврата к традиционным ценностям и жесткого контроля за гражданами, прямо связан с религиозностью ($\beta=0,225$), уважением к авторитетам ($\beta=0,258$), значимостью чистоты и святости ($\beta=0,200$), верой в зависимость от судьбы ($\beta=0,206$), идентификацией с россиянами ($\beta=0,100$). Он отрицательно связан с социальным цинизмом ($\beta=-0,108$), однако при этом у него негативная связь и с ценностью заботы ($\beta=-0,131$).

Готовность участвовать в коллективных действиях по предотвращению глобальных рисков прямо связана с переживанием своей

связи с природой ($\beta=0,357$), ценностью заботы о людях ($\beta=0,206$), верой в вознаграждение усилий ($\beta=0,080$), а также отрицательно связана с верой в предопределенность судьбы ($\beta=-0,145$). Предикторами готовности к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких оказалась связь с природой ($\beta=0,350$), уважение к авторитетам ($\beta=0,222$), стремление контролировать свою судьбу ($\beta=0,103$).

Опираясь на результаты, полученные нами в ходе структурного моделирования, можно сделать вывод о группах предикторов отношения личности к глобальным угрозам, которые выполняют разные психологические функции.

Так, включение личностью себя в широкие социальные категории (глобальная и гражданская идентичность) влияет прежде всего на ценностно-мотивационные, аффективные и когнитивные компоненты отношения к глобальным рискам: повышает ценность выживания человечества, озабоченность глобальными рисками, ориентацию на сотрудничество для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков. Идентификация личности себя с биосферой Земли (связь с природой) сильнее всего влияет на поведенческие компоненты (готовность защищать себя и близких, участвовать в коллективных действиях по предотвращению глобальных угроз). Однако при этом она снижает ценность выживания человечества. По-видимому, признание себя частью живого мира снижает страх личности перед уходом человечества со сцены планеты. Иными словами, биосферная идентичность может служить психологической защитой при угрозе социальной идентичности – глобальной, гражданской и локальной. Локальная идентичность (идентификация себя с родным городом) и внутригрупповое доверие (доверие к семье, соседям, знакомым людям) повышают оптимизм в отношении будущего человечества и снижают апокалиптические ожидания. Таким образом, наше исследование подтверждает взаимодополнительность между глобальным и локальным, указывает на конструктивный смысл локализации (Леонова, 2018; Чумаков, 2017). По-видимому, идентификация себя с малой родиной и близкими задействует психологические ресурсы совладания личности с тревожной информацией о глобальных угрозах, ориентирует на прагматические и позитивные цели.

Как показывают результаты нашего исследования, тревога по поводу будущего выполняет *мобилизующую функцию*: она повышает озабоченность глобальными рисками, снижает оптимизм в отношении будущего человечества и делает личность более восприимчивой к алармизму в новостных лентах. Вместе с тем, она не оказывает ни-

какого влияния на готовность личности к коллективным или индивидуальным действиям по предотвращению рисков и самозащите.

Помимо идентификационных и аффективных механизмов, важную роль в формировании отношения к глобальным рискам играют когнитии. Можно выделить три группы убеждений личности, выполняющих различные психологические функции при совладании с глобальными угрозами.

Основная функция первой группы — *стабилизирующая*. Это убеждения, которые способствуют *совладанию с тревогой перед глобальными угрозами через повышение конформности*. Сюда относятся религиозность, ориентация на чистоту и святость в моральных оценках, а также на уважение к авторитетам, которые усиливают убеждение в необходимости возвращения к традиционным ценностям и контролю за гражданами, поощряя нормативное поведение при приближении катастрофы. С одной стороны, они способствуют управляемости и мобилизации общества, с другой — сокращают пространство поиска новых решений, когнитивно упрощают ситуацию и могут провоцировать к радикальным вариантам действий. Данный когнитивный механизм аналогичен эффектам, хорошо описанным в теории управления ужасом Дж. Гринберга, Т. Пищинского и Ш. Соломона: после напоминания о смерти или угрозах для жизни у испытуемых усиливаются групповая идентичность и аутгрупповая агрессия, возрастает конформность, стремление следовать групповым ценностям и нормам (Denying death, 2016; McGregor et al., 1998; Nelson et al., 1997; Solomon, Greenberg, Pyszczynski, 1991).

Вторая группа убеждений выполняет противоположную психологическую функцию — *преадаптации к угрозам будущего через повышение толерантности к неопределенности* (Нестик, 2018b). К этой группе относятся жизнестойкость, ориентация на справедливость и заботу о людях, вера в наличие множества различных решений в ситуации неопределенности (социальная сложность), а также вера в вознаграждение усилий. Они повышают оптимизм в отношении будущего человечества, веру в возможность прогнозирования и предотвращения глобальных угроз через сотрудничество, снижают ориентацию на радикальные решения. Как известно, моральные основания справедливости и заботы характерны для либерального, индивидуалистического мировоззрения (Kivikangas, Lönnqvist, Ravaja, 2017). Это дает основания для предположения о том, что диалог для совместной выработки решений с участием заинтересованных сторон будет более характерной реакцией на приближающиеся глобальные угрозы для социальных групп с либеральными ценнос-

тиями, тогда как для групп с консервативным мировоззрением более вероятно стратегия совладания через рестриктивные меры, различного рода запреты и ограничения в областях, связанных с риском.

Третья группа убеждений выполняет *защитную функцию в условиях дефицита социальных ресурсов для совладания с рисками*, когда личность убеждена, что перед лицом глобальных угроз рассчитывать можно только на себя. Социальный цинизм (негативный взгляд на природу человека, убежденность в несправедливости общества и недоверие к социальным институтам), а также убеждение в предопределенности судьбы, сочетающееся с верой в возможность как-то на нее влиять, блокируют участие в коллективных действиях для предотвращения рисков, усиливают апокалиптизм и повышают ориентацию на радикальные решения.

Результаты проведенных нами эмпирических исследований позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, в ходе конфирматорного факторного анализа нами подтверждена трехкомпонентная *структура отношения личности к глобальным рискам*. Разработанный и апробированный нами опросник «Отношение к глобальным рискам» позволяет измерить различные компоненты отношения личности к глобальным рискам: аффективные (тревога в отношении глобальных рисков); когнитивные (убеждение в необходимости сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков; фаталистическое игнорирование; религиозный авторитаризм как средство спасения; допустимость радикальных решений и выживания одних за счет других; оптимизм в отношении глобального будущего; апокалиптизм), а также поведенческие компоненты (готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков; готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких). Вместе с тем нам пока не удалось подтвердить предположение о том, что ценность выживания человечества входит в структуру отношения к глобальным рискам, являясь его ценностно-мотивационным компонентом. На наш взгляд, это может указывать на то, что ценностно-мотивационные компоненты различаются в зависимости от оценки личностью вероятности и близости гибели человечества. Иными словами, пока существованию человечества ничего не угрожает, оно не воспринимается как ценность. Безусловно, нужны дальнейшие исследования, чтобы прояснить, при каких условиях существование человечества становится ценностью, релевантной для личности.

Во-вторых, на основании ценностно-мотивационного, аффективного, когнитивных и поведенческих компонентов отношения личности к глобальным рискам нами были выделены шесть типов: *«радикальные пессимисты»*, *«активисты»*, *«игнорирующие»*, *«встревоженные традиционалисты»*, *«пассивные прагматики»*, *«оптимисты»*. Результаты сравнения данных типов по ряду индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик указывают на то, что отношение к глобальным рискам тесно связано с внутригрупповым доверием, социальной идентичностью и уверенностью личности в своей способности влиять на будущее. Оказалось, что тревога по поводу глобальных рисков сочетается с консервативными ценностями (*«встревоженные традиционалисты»*), а вера в близость глобальной катастрофы — с низким социальным доверием и поддержкой радикальных решений (*«радикальные пессимисты»*).

Эти результаты заставляют задуматься о том, какое влияние алармистские новости в СМИ оказывают на общество (например: *«Ученые предупредили о грядущей катастрофе»*, *«Землю ждет аномальная жара»*, *«Предсказано скорое наступление глобальной катастрофы»*). Можно предположить, что вместо повышения рефлексивности и поддержки долгосрочно ориентированных сложных решений, алармизм вызывает совсем другие защитные реакции: недоверие к социальным институтам (социальный цинизм), поддержку рестриктивных, авторитарных и агрессивных мер. Протест против таких мер, в свою очередь, может быть одной из причин роста численности *«пассивных прагматиков»*, характеризующихся слабой групповой идентификацией, не приемлющих авторитаризм, нормы лояльности и уважения к авторитетам.

В-третьих, нами выделены *три группы предикторов отношения личности к глобальным угрозам (идентификационные, аффективные, когнитивные)*, которые выполняют разные психологические функции. Социальная идентификация, прежде всего включение личностью себя в широкие социальные категории, повышает ценность выживания человечества, озабоченность глобальными рисками, ориентацию на сотрудничество для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков. Тревога по поводу будущего мобилизует личность, делает ее более восприимчивой к алармизму по поводу глобальных угроз в новостных лентах. Наконец, убеждения личности выполняют стабилизирующую функцию через повышение конформности (религиозность, ориентация на чистоту и святость в моральных оценках, а также на уважение к авторитетам), функцию

преадаптации к угрозам будущего через повышение толерантности к неопределенности (жизнестойкость, ориентация на справедливость и заботу о людях, социальная сложность, вера в вознаграждение усилий), а также защитную функцию в условиях дефицита социальных ресурсов для совладания с рисками (социальный цинизм, убеждение в существовании судьбы и возможности как-то на нее влиять).

Глава 3

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

В начале XXI в. мир оказался перед лицом становящихся все более острыми глобальных проблем, решение которых невозможно без консолидации усилий национальных элит и без формирования глобального общественного мнения, которое поддержало бы геополитические инициативы отдельных правительств. Осознание глобальных рисков, не говоря уже об их предотвращении, требует способности личности к отождествлению себя не только с этническими, политическими и экономическими группами, но и с общностью высшего порядка – человечеством в целом.

Для обеспечения поддержки взвешенного, долгосрочно ориентированного решения глобальных проблем необходимо такое соотношение глобальной и национальной идентичностей, которое делало бы личность устойчивой по отношению к попыткам манипуляции массовым сознанием. Иными словами, глобальная идентичность и патриотизм должны усиливать, а не ослаблять друг друга. Речь идет о формировании двойной идентичности, когда личность сохраняет принадлежность и к своей социальной группе, и к обществу в целом. С точки зрения теории самокатегоризации актуализация альтернативных идентичностей (неэтнических или неполитических) – гражданских, профессиональных, глобальных и т. п. – не только позволяет снизить межгрупповую напряженность (Gaertner, Dovidio, 2000), но и облегчает постановку суперординантных целей, связанных с предотвращением глобальных рисков.

Создатель концепции общества риска У. Бек указывает на то, что в эпоху растущих глобальных финансовых, экологических и ядерных рисков космополитизм и международное сотрудничество становятся своего рода императивом, от которого зависит выживание человеческого рода. Именно переживание глобальных угроз и осознание схожести реакции на эти угрозы у жителей других государств

ускоряет формирование воображаемых глобальных сообществ (Кузнецов, 2014; Tiryakian, Beck, 2011).

Целый ряд кросс-культурных исследований свидетельствуют о том, что субъективная значимость глобальных угроз, таких как гонка ядерных вооружений, разрушение окружающей среды и глобальное изменение климата, тесно связана с глобальной идентификацией и космополитическими ценностями (Der-Karabetian, 1992; Der-Karabetian, Michelle, 2015; Leung, Koh, Tam, 2015). Глобальное мировоззрение является одним из предикторов этически избирательного потребления товаров и природоохранного поведения (Der-Karabetian, Michelle, 2015; Grinstein, Riefler, 2015; Reese, Kohlmann, 2015).

Несмотря на значимость феномена глобальной идентичности для понимания процессов глобализации и глокализации (Федотова, 2012; Beck, 2006), а также для управления этими процессами (Войтоловский, 2011; Глобальное управление, 2015), его эмпирическое изучение в социальной психологии пока представлено относительно небольшим числом работ.

Целью данной главы является анализ предпосылок и механизмов формирования глобальной идентичности — отождествления личностью себя с человечеством. Вначале мы рассмотрим сложившиеся подходы к изучению глобальной идентичности. Во второй части главы будут приведены результаты проведенных Т.А. Нестиком эмпирических исследований глобальной идентификации. В заключении будут намечены перспективные направления дальнейших исследований.

Подходы к изучению глобальной идентичности

Отождествление личностью себя с человечеством рассматривается в социальной психологии как глобальная идентификация, мировое гражданство, космополитизм, глобальное мировоззрение.

Одни из первых исследователей *«глобального мировоззрения»* понимали его как ценностную ориентацию, выражающуюся в значимости для личности глобальных проблем, при которой основной группой членства выступает все человечество, а не отдельные этнические группы или государства. При этом глобальное мировоззрение не предполагает ни информированности о международных отношениях, ни интереса к такого рода информации (Sampson, Smith, 1957).

Позднее глобальное мировоззрение как психологический феномен получил свою операционализацию в области организационной психологии в связи с деятельностью транснациональных корпора-

ций и необходимостью целенаправленного формирования корпоративных и политических лидеров глобального уровня. Под глобальным мировоззрением понимается глобальная идентификация лидера, позволяющая ему видеть мир как целое, ценить различия, учитывать сложность глобальных процессов и отслеживать мировые тренды (Rhinesmith, 1992).

Выделяют различные компоненты такого мировоззрения. Так, выделяют три основных компетенции, входящие в глобальное мировоззрение лидеров: во-первых, это способность анализировать информацию о глобальном бизнесе, во-вторых, умение завязывать и развивать отношения с ключевыми заинтересованными сторонами по всему миру, в-третьих, способность принимать решения с опорой на информацию о глобальных процессах (Voquet, 2005).

Согласно другим исследователям, компонентами глобального мировоззрения являются такие личностные характеристики, как космополитизм и когнитивная сложность (Levy et al., 2007), культурная компетентность и глобальная ориентация, предполагающая позитивное отношение к глобализации и способность быстро адаптироваться к ней (Story et al., 2014).

Анкетирование, проведенное среди 17000 руководителей, показало, что глобальное мировоззрение руководителей не связано с размером компании: руководители малого бизнеса и крупных корпораций могут иметь схожие показатели уровня глобального мировоззрения (Javidan, Bowen, 2015). Вместе с тем была обнаружена его зависимость от индустрии и профессиональной деятельности. Так, наиболее высоким уровень глобального мировоззрения оказался среди руководителей в телекоммуникационной индустрии, тогда как наименее развит он в производственных компаниях. Высокие его показатели отмечены в таких корпоративных функциональных направлениях, как внутренние и внешние коммуникации, финансы и маркетинг, значительно менее развит глобальный взгляд на вещи в административных отделах, IT-службах, а также в производственных подразделениях.

Большой интерес представляют результаты глубинных интервью, проведенных М. Чех и ее коллегами среди 24 лидеров глобального уровня (Cseh, Davis, Khilji, 2013). Как оказалось, ключевую роль в формировании компетенций глобального лидерства играет саморефлексия и процессы коллективного анализа совместного опыта. Помимо рефлексивности авторы выделяют и другие личностные характеристики успешных глобальных лидеров: когнитивную гиб-

кость, осознанность, любопытство, скромность (см. также: Нестик, Журавлев, 2012).

К феномену глобального мировоззрения близки *мировое гражданство* и *космополитизм*. *Мировое гражданство* определяется как способность видеть себя частью мирового целого, допускать множественность лингвистических и культурных картин мира, понимать логику отношений господства, борьбы за власть и геополитическое влияние, заботиться о защите прав и благосостояния других людей (Dower, Williams, 2002; Stromquist, 2009). Безусловно, огромную роль в формировании мирового гражданства сыграли глобальные организации — такие как Мировой банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, ООН и ЮНЕСКО. Значительный вклад в распространение идей мирового гражданства и формирование глобальной идентичности вносят некоммерческие организации (He, 2004). Тем не менее в отсутствие глобального правительства статус «гражданина мира» остается прежде всего психологическим феноменом. Он возникает через самоопределение личности, сознательный выбор международных норм и стремление действовать поверх границ и суверенитета отдельных государств. Благодаря коммуникационным технологиям, а также осознанию взаимозависимости стран перед лицом глобальных рисков растет масштаб социальных движений, участники которых придерживаются космополитических взглядов (Falk, 1994; Keck, Sikkink, 1998). Международные активисты — это социальная группа, являющаяся сегодня воплощением идеи мирового гражданства. В этом отношении мировое гражданство — глобальное воображаемое сообщество людей, разделяющих космополитические нормы и ценности. Развитие интернета и появление виртуальных социальных сетей подстегнуло формирование глобальных общественных движений, давая возможность людям с активной жизненной позицией быть услышанными и мгновенно объединять усилия. В эпоху облачных вычислений возникает феномен распределенного, коллаборативного героизма, когда героический поступок становится возможным только благодаря скоординированным действиям сотен тысяч людей в сети (Klisanin, 2015). Примером такого «героического глобального движения» является Avaaz: созданное в 2007 г. группой активистов, к 2018 г. движение объединило 48 млн человек в 195 странах и ведет правозащитные кампании на 15 языках.

Перед лицом массовых угроз и в чрезвычайных ситуациях интернет-сообщества берут на себя роль цифровых волонтеров, выполняя целый ряд функций — информирования и координации, поис-

ка решений, социальной и эмоциональной поддержки (Морозова, Мирошниченко, 2011). Как показывают социологические исследования, активизм характерен для наиболее образованных и высоко-статусных категорий городской молодежи, его мотивами является возможность защитить свои права и общаться с людьми, разделяющими те же ценности и убеждения (Седова, 2014). По сравнению с остальными россиянами объединенные в сообщества активисты характеризуются более позитивным образом будущего и более разнообразными жизненными планами.

Понятие *космополитизма*, зародившееся еще в эллинистическую эпоху, получало за свою историю различные интерпретации — от религиозной христианской, оккультной и натурфилософской до чисто политической (Фрейхоф, 2003). Несмотря на то, что космополитические установки и глобальная идентичность возникли среди интеллектуалов еще в эллинистическую эпоху и были тесно связаны с образом жизни мудреца, массовым явлением они стали лишь в XX в. Идея общей судьбы человечества возникла относительно недавно. В конце Средних веков одним из первых ее выразил Данте. До него в рамках эллинистической и христианской традиций под человечеством понимались отдельные народы или только крещеный мир.

В последние 20 лет понятие космополитизма постепенно выводится из противопоставления патриотизму и освобождается от негативных оценок, традиционных для советского общества. Сегодня оно осмысливается уже не как подмена интернационализма, а как открытость другому культурному опыту, при которой глобальное и локальное рассматриваются как дополняющие друг друга принципы. В этом значении космополитизм является необходимым условием разрешения глобальных проблем и ответа человечества на угрозы XXI в. (Beck, 2006).

Остается спорным вопрос о психологических индикаторах космополитизма. Космополитическая личность характеризуется принятием разнообразия, открытостью к новому, самокритичностью и ориентацией на будущее. По-видимому, следует различать космополитическую идентичность, т. е. осознание себя гражданином мира, переживание чувства принадлежности к человечеству в целом, и космополитическую ориентацию как принятие культурных различий, открытость к Другому (Pichler, 2009).

Факторами глобализации становятся растущие мобильность и сетевой характер общества (Urqu, 2002). Немаловажную роль в формировании космополитических установок играет глобализация образования. Начиная с 1980-х годов космополитизм получает сущест-

венную поддержку благодаря усилиям американских университетов и крупных корпораций, формирующих у молодых специалистов ориентацию на глобальную конкуренцию (Fincher, 2011; Mitchell, 2003, 2007). Стимулирование студенческого обмена между странами приводит к повышению кросс-культурной компетентности и чувствительности к глобальным новостям. Появление массовых обучающих онлайн-курсов еще более усилило глобализационные эффекты интернета, расширяя аудиторию и разнообразие возрастных групп.

Если для И. Канта идея космополитизма была связана с признанием прав человеческой личности, то для глобальной экономики XXI в. космополитизм оказался связанным прежде всего с обществом потребления. Существенную роль в формировании космополитических установок играет глобализация культуры потребления и соответствующие маркетинговые программы транснациональных компаний (Cannon, Yaprak, 2002; Cleveland, Laroche, Papadopoulos, 2009; Zeugner-Roth, Žabkar, Diamantopoulos, 2015). Потребители из разных стран стали рассматривать весь мир как единый рынок продуктов и услуг, на котором можно делать покупки и сравнивать предложения на основе глобальных стандартов.

Формирование космополитических установок облегчается глобальным характером современных технологий, прежде всего, интернетом (Westjohn et al., 2009). Услугами крупнейшей социальной сети Facebook 24 августа 2015 г. впервые за один день воспользовались более 1 миллиарда жителей земного шара. Эмпирические исследования свидетельствуют о том, что позитивное отношение к новым технологиям и число друзей на персональной странице в социальной сети являются предикторами глобальной идентичности (Lee et al., 2017).

Происходит глобализация временной перспективы: благодаря системе образования, традиционным и электронным СМИ, жизненный мир человека расширился до пределов земного шара, практически каждый пользователь интернета может участвовать в обсуждении глобального прошлого и будущего. По-видимому, существует глобальная память (Liu, Goldstein-Hawes, Hilton, 2005). Например, исследование воспоминаний о политических событиях, охватившее более 5000 респондентов из 116 стран, свидетельствует о том, что глобальная память существует, причем представленность в коллективной памяти событий, произошедших за рубежом, не зависит от возраста опрошенных (Ellermann et al., 2007). Очевидно, предметом ожиданий и страхов могут быть процессы и события, носящие глобальный характер (например, изменение климата, угроза ядер-

ной войны). Тем не менее такие ожидания и страхи формируются под влиянием социальной категоризации и социального сравнения: оценивая будущее других социальных групп, мы сравниваем его с будущим своей.

С одной стороны, выход человека в космос, развитие информационных технологий, повышение мобильности и рост числа мигрантов дали возможность гражданам различных государств лучше осознать ограниченность мировых ресурсов, взаимозависимость государств перед лицом глобальных проблем.

С другой стороны, национальные государства предпринимают собственные попытки формулирования глобалистской «повестки дня». Парадоксальным образом космополитизм становится следствием защиты национально-ориентированных геополитических интересов. Постепенно приходит понимание того, что существует множество космополитических проектов, имеющих свою региональную и национальную специфику (Векс, 2009). Исследования в рамках проекта «Азиатский барометр» свидетельствуют об усилении региональной, транснациональной «азиатской» идентичности. При этом региональная идентификация тем сильнее, чем выраженнее патриотические установки респондентов (Delanty, He, 2008). Заметим, что современные космополитические проекты по декларируемым ценностям могут быть совершенно противоположными европейской гуманистической традиции (примером может служить запрещенная в России террористическая организация «Исламское государство» с ее геополитическими амбициями).

Результаты исследований свидетельствуют о том, что вовлеченность в активную международную жизнь и поездки по миру не усиливают космополитические установки национальных элит, а глобальное мировоззрение не исключает локализма и патриотизма (Helbling, Teney, 2015). В формировании космополитических установок среди элиты ключевую роль играют не практики потребления, а постматериалистическая система ценностей и политическая идеология непосредственного окружения.

По-видимому, глобальная идентификация может выполнять защитные функции, повышая самооценку членов социальной группы. Если результаты межгруппового сравнения оказываются не в пользу гражданского или этнического сообщества, то интеллектуальные и политические лидеры могут пытаться восстановить позитивную групповую идентичность за счет утверждения региональных или даже геополитических амбиций. Особенно вероятным это становится в условиях культурной травмы.

Рассматривая культурную травму в социально-психологическом аспекте, Т. П. Емельянова выделяет такие ее факторы: высокая степень социальной фрустрированности некоторых групп населения, резкие изменения в социальной идентичности, а также способы совладания с травмой, а именно – коллективный коупинг (Емельянова, 2008). В ходе переживания коллективной травмы возрастает интерес к национальному самосознанию, происходит трансформация культурных ценностей (Рассади́на, 2006). Для поколений россиян, родившихся до 1985 г., крах Советского Союза и последовавшее за ним «лихое» десятилетие стали коллективной травмой, заставившей переживать чувства национального унижения. Поэтому отклик, который находят среди значительного числа россиян действия российского правительства на международной арене, может объясняться механизмами защиты позитивной групповой идентичности.

Формируя глобалистскую повестку дня, российские, американские и европейские лидеры опираются на образ будущего, в котором экономическая и политическая значимость национальных государств тесно связана с их ролью в решении глобальных проблем. По-видимому, это одна из причин, которые ведут к формированию глобальной идентичности, позитивная оценка которой опирается на национальную гордость, а не на гордость за человечество.

Глобальная идентичность может быть проявлением определенной нравственной позиции. На этот вывод наталкивают исследования среди людей, спасавших евреев от геноцида в нацистской Германии и в других странах во время Второй мировой войны (Монгое, 1996; Oliner, Oliner, 1988). Любопытно, что идентификация себя с человечеством прямо связана с уровнем моральной зрелости, но не обнаруживает связей с характером воспитания в семье. При этом большинство из участников исследований признают, что нравственно зрелая личность должна связывать себя с человечеством, даже если сами они себя таковыми не считают (McFarland, Brown, Webb, 2013). По-видимому, в формировании глобальной идентичности важную роль играют когнитивные процессы, в том числе эффект прототипа, на основе которого строится представление о всем человечестве. Проведенные недавно исследования показывают, что даже при наличии социального представления о человечестве как едином целом, мы сравниваем другие народы с прототипом «человека», близким к своей этнической группе. Например, немцы и греки, представляя себе человечество, склонны думать о европейцах, а не о жителях Африки или Азии. Этот неосознаваемый этноцентризм в представлениях о человечестве влияет на готовность жертвовать чем-либо

для представителей других стран и на оценку справедливости неравенства между странами в современном мире (Reese, Berthold, Steffens, 2016).

Глобализация вызывает естественную реакцию — поиск отличительности, обострение внимания к основаниям, по которым мы проводим социальную категоризацию (Бауман, 2004). Глобализация оказывает противоречивое воздействие на соотношение глобального и локального в социальной идентичности: иммиграционные потоки и воздействие глобальных финансовых решений на национальные экономики приводят к тому, что граждане наиболее глобализированных стран чувствуют себя заложниками глобализации. Так, данные Евробарометра указывают, что в европейских странах уровень глобализации положительно коррелирует с коммунитаристскими, часто националистическими, установками и негативно связан с распространением космополитических взглядов среди населения (Toney, Laceywell, De Wilde, 2013). Парадоксально, но космополитическая ориентация как принятие культурных различий более распространена в глобализированных странах, тогда как космополитическая идентичность как переживание своей принадлежности к человеческому роду более характерна для экономически менее развитых регионов (Pichler, 2012).

Как показал опрос, проведенный в декабре 2015—апреле 2016 гг. агентством GlobeScan по заказу BBC, число жителей земного шара, считающих себя гражданами мира, растет (Grimley, 2016). Исследование, в ходе которого было опрошено 20 тыс. человек в 18 странах, впервые показало перевес глобальной идентификации (51% опрошенных) над национальной (43%). Рост числа «граждан мира» происходит в основном за счет развивающихся стран: так, в Нигерии 73% респондентов согласились с утверждением «Я считаю себя больше гражданином мира, чем гражданином своей страны» (на 13% больше, чем в 2015 г.), в Китае — 71% (прирост на 14%), в Перу — 70% (прирост на 27%) и в Индии — 67% (прирост на 13%). Наоборот, число «граждан мира» в развитых странах сокращается. В Канаде гражданами мира считают себя 54% опрошенных, в Великобритании — 47%, в США — 43%, а в Германии — лишь 30%. В России число «граждан мира» составило 24%. Данные по 14 странам, в которых такой опрос проводится регулярно с 2001 по 2016 гг., показывают, что рост глобальной идентификации в развивающихся странах и ее снижение в развитых — устойчивые тенденции последних шести лет. По-видимому, это может быть связано с двумя основными факторами. В развивающихся странах глобальная идентификация может опираться

на растущую включенность в мировую экономику, доступ к информационным ресурсам и мобильность населения. В индустриально развитых странах рост националистических настроений и ослабление глобальной идентификации могут объясняться увеличением потока мигрантов из стран третьего мира и обострением внутренних экономических проблем.

С социально-психологической точки зрения важно учитывать расхождения между когнитивной и эмоциональной составляющими глобальной идентичности. Наше представление о себе как части человечества и эмоциональная значимость этого факта — далеко не одно и то же (Reese, Proch, Finn, 2015). Участникам опроса GlobeScan задавали вопрос о том, какое основание их самоидентификации для них наиболее важно: национальное гражданство, мировое гражданство, локальное сообщество, религия, расовая или культурная принадлежность. Оказалось, что принадлежность к человечеству наиболее значимым основанием для самоидентификации считают лишь 17% всей выборки (Grimley, 2016). Наиболее высоким этот показатель был в Испании (54%), Франции и Австралии (по 31%); наиболее низким он оказался в Индии (6%), России (4%) и Пакистане (2%). Можно предположить, что эмоциональная компонента глобальной идентичности будет существенно меняться, по мере того как жители земного шара будут все больше и больше чувствовать последствия глобальных климатических изменений. Эти изменения будут носить разнонаправленный характер в зависимости от того, какие функции при совладании с глобальными угрозами будут выполнять другие основания социальной идентификации — этническая, религиозная и гражданская.

Проведенное по заказу ВВС в начале 2018 г. исследование агентства Ipsos, в котором приняли участие 19 тыс. респондентов из 27 стран мира, показало, что в среднем 65% опрошенных считают, что между людьми из разных стран больше сходства, чем различий (Ipsos MORI, 2018a). При этом наиболее распространенной эта точка зрения оказалась в России (81%), Сербии (81%), ЮАР (77%) и Чили (77%). В Индии ее придерживаются 76% опрошенных, в США — 71%, в Китае — 68%. Наиболее низким этот показатель оказался в Польше (54%), Южной Корее (49%), Венгрии (48%) и Японии (35%). При этом в среднем 59% опрошенных признали, что их собственное общество за последние 10 лет стало более расколотым по политическим взглядам и доходам, чем раньше. Можно выдвинуть предположение о том, что глобальная идентификация и убеждение в сходстве людей во всем мире играют компенсаторную роль: они поддерживают нашу

уверенность в осмысленности, предсказуемости и справедливости мира.

К настоящему времени предложено несколько методик для измерения космополитизма (Cleveland et al., 2014; Dye, 1963; Earle, Cvetchkovich, 1997; Hett, 1993; Lawrence, 2012; Riefler, Diamantopoulos, 2009; Sampson, Smith, 1957; Saran, Kalliny, 2012) и глобальной идентичности (Buchan et al., 2011; Der-Karabetian, Ruiz, 1997; Hackett, Omoto, Matthews, 2015; Malsch, 2005; Malsch, Omoto, 2007; McFarland, Webb, Brown, 2012; Reese, Proch, Cohrs, 2014; Reysen, Katzarska-Miller, 2013). Выявлена связь глобальной идентичности с рядом личностных характеристик (низкий авторитаризм правого толка, низкий этноцентризм, высокая кросс-культурная компетентность, низкая ориентация на доминирование в межличностных отношениях, высокая открытость к новому, доброжелательность, невротизм и др.). Эти связи могут различаться в зависимости от группы респондентов. Так, например, у пожилых волонтеров глобальная идентификация может переживаться как чувство ответственности за человечество и быть тесно связанной с религиозностью (Pozzi et al., 2014), хотя в большинстве исследований, проведенных на других выборках, связь глобальной идентичности с религиозностью или религиозным консерватизмом не наблюдается (McFarland, Brown, Webb, 2013).

Вместе с тем до сих пор не решен вопрос, как формирование глобальной идентичности связано с другими социально-психологическими характеристиками, другими компонентами социальной идентичности личности, особенностями социализации, коллективной памятью и представлениями о будущем (McFarland, Hornsby, 2015).

Эмпирическое исследование глобальной идентификации у представителей российской молодежи

С целью изучения социально-психологических детерминант глобальной идентификации нами проведены четыре эмпирических исследования.

Участниками первого исследования стали студенты психологических факультетов московских вузов (N=454; 73,6% – женщины, 26,4% – мужчины; средний возраст 23,1 года). Программа исследования включала «Стэнфордский опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо (ZTPI), «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна, опросник «Социальные аксиомы» Д. Бонда и К. Леонга (SAS), Шкалу базового доверия Л. Хаффа и Л. Келли, методику «Базовые представления личности» Р. Янофф-Бульман

(WAS). Для измерения озабоченности глобальными рисками использовалась шкала, основанная на перечне 29 глобальных рисков (The Global Risks Report, 2016), тревогу в отношении которых предлагалось измерить по 5-балльной шкале Лайкерта ($N=678$; $\alpha=0,926$, $M=3,27$; $SD=0,707$). Анкета предлагалась респондентам в сокращенной и полной версиях, поэтому по некоторым шкалам число опрошенных варьировало от 177 до 454.

Для измерения силы идентификации с человечеством нами была использована методика «Идентификация с человечеством» (IWAH) С. Макфарленда. Она состоит из 9 пунктов, в каждом из которых предлагается оценить по шкале от 1 до 5, насколько предложенное высказывание соответствует отношению респондентов к 1) своему ближайшему окружению, 2) гражданам их страны, 3) человечеству в целом. Данная методика состоит из двух субшкал. Первая представляет собой собственно когнитивный аспект идентичности, измеряя идентификацию с человечеством (4 пункта, например, «Как часто вы используете слово «мы» применительно к людям, живущим на планете?»). Вторая измеряет эмоциональную вовлеченность, готовность помогать жителям планеты (4 пункта, например, «Насколько вы переживаете (бываете огорчены, стремитесь помочь), если с этими людьми происходит что-то плохое?»). Шкала показала высокую пригодность ($N=358$; α Кронбаха 0,884; $M=2,75$; $SD=0,784$).

Еще одна использованная нами шкала, измеряющая силу идентификации с человечеством, «Глобальная идентичность» А. Дер-Карabetяна и И. Руиз (GI), включает в себя 7 утверждений, степень согласия с которыми предлагается оценить по 6-балльной шкале от 1 (совершенно не согласен) до 6 (полностью согласен) (Der-Karabetian, Ruiz, 1997). Примеры утверждений, входящих в шкалу: «Я чувствую себя связанным с другими людьми на земном шаре, словно они являются частью моей семьи», «Я думаю о себе как о гражданине мира», «Я чувствую, что моя судьба связана с будущим остального человечества» и др. Шкала показала хорошую пригодность ($N=325$; α Кронбаха 0,773; $M=3,05$; $S=0,999$).

Третья использованная нами методика «Глобальная социальная идентификация» (Reese, Proch, Cohrs, 2014) состоит из 5 утверждений, согласие с которыми предлагается оценить по 5-балльной шкале. Примеры утверждений, входящих в шкалу: «Я чувствую глубокую связь между собой и всем остальным человечеством», «Я чувствую себя тесно связанным с другими людьми, живущими на планете» и др. Шкала показала высокую пригодность ($N=203$; α Кронбаха 0,900; $M=2,5$; $SD=0,969$).

Наконец, четвертая методика – «Идентификация с глобальным сообществом» А. Малша и А. Омото – включает 9 утверждений, согласие с которыми оценивается по 5-балльной шкале (Malsch, Omoto, 2007; McFarland, Hornsby, 2015). Методика опирается на концепцию чувства членства (McMillan, Chavis, 1986), согласно которой переживание чувства принадлежности к сообществу предполагает осознание своего членства, признание возможности влиять на сообщество, возможность удовлетворения потребностей через членство в сообществе, а также эмоциональные связи с другими членами общества. В соответствии с этой моделью пункты шкалы измеряют членство (например, «Я чувствую принадлежность к „человеческому“ или „мировому“ сообществу, которое простирается за пределы моего места жительства и шире круга людей, которых я знаю лично»), сходство потребностей (например, «В конце дня все люди, живущие на земле, хотят одного и того же»), возможность влиять на общество (например, «Наши поступки могут затронуть других людей на планете, прямо или косвенно»), а также эмоциональную связь (например, «Я чувствую свою связь с другими людьми на планете, даже если я не знаю их лично»). Шкала показала удовлетворительную пригодность на российской выборке ($N=203$; α Кронбаха = 0,678; $M=2,94$; $SD=0,647$).

Как показал линейный регрессионный анализ методом обратных шагов (таблицы 3.1–3.3), глобальная идентичность связана с позитивными базовыми убеждениями личности (убеждение в доброте людей, в неслучайности происходящего в мире), озабоченностью глобальными рисками, религиозностью, убеждением в способности определять свою судьбу, а также ориентацией на гедонистичес-

Таблица 3.1

Личностные детерминанты глобальной идентификации по шкале «Глобальная идентичность» А. Дер-Карabetяна и И. Руиз ($N=177$)

Предикторы	B	SE	Beta	t	p
Доброта людей (WAS)	0,288	0,086	0,259	3,356	0,001
Гедонистическое настоящее (ZTPI)	0,188	0,093	0,143	2,01	0,046
Позитивное прошлое (ZTPI)	-0,161	0,095	-0,127	-1,699	0,091
Озабоченность глобальными рисками	0,269	0,1	0,187	2,685	0,008
Религиозность (SAS)	0,154	0,072	0,159	2,148	0,033

Примечание: $R=0,405$; $R^2=0,164$; $F=8,43$ при $p \leq 0,001$.

Таблица 3.2

Личностные детерминанты глобальной идентификации по шкале «Идентификация с человечеством» (IWAN)» (N=177)

Предикторы	B	SE	Beta	t	p
Доброта людей (WAS)	0,228	0,055	0,290	4,189	<0,001
Гедонистическое настоящее (ZTPI)	0,182	0,06	0,196	3,015	0,003
Озабоченность глобальными рисками	0,151	0,069	0,147	2,184	0,03
Религиозность (SAS)	0,152	0,048	0,220	3,182	0,002
Зависимость от судьбы (SAS)	-0,166	0,06	-0,185	-2,746	0,007

Примечание: R=0,539; R²=0,290; F=13,97 при p≤0,001.

Таблица 3.3

Личностные детерминанты глобальной идентификации по шкале «Глобальная социальная идентификация (GSI)» (N=177)

Предикторы	B	SE	Beta	t	p
Доброта людей (WAS)	0,2	0,046	0,290	4,391	<0,001
Степень удачи, или везения (WAS)	0,127	0,045	0,185	2,81	0,006
Неслучайность происходящего в мире (WAS)	0,152	0,045	0,226	3,374	0,001
Гедонистическое настоящее (ZTPI)	0,144	0,054	0,177	2,68	0,008

Примечание: R=0,551; R²=0,303; F=14,79 при p≤0,001.

кое настоящее, предполагающей общение с друзьями. Также была выявлена отрицательная связь глобальной идентичности с позитивным прошлым.

Полученные нами данные указывают на то, что переживание человеком своей принадлежности к человечеству тесно связано с базовым доверием к людям, оценкой осмысленности своей жизни (см. также: Доверие и недоверие..., 2013).

Для измерения характеристик социальной идентичности, которые могут влиять на готовность отождествлять себя с человечеством, нами была использована методика «Структура идентичности» (Даудрих, 2000): респондентам предлагалось оценить, насколько часто в обычной жизни они чувствуют общность своих интересов и взглядов с различными категориями людей. Регрессионный анализ методом обратных шагов (R=0,699; R²=0,489; F=25,42 при p≤0,001) показал,

что готовность отождествлять себя с человечеством определяется в первую очередь гражданской, культурной (россияне, европейцы), а также религиозной идентичностью. Этническая идентификация, наоборот, ослабляет глобальную идентичность (см. таблицу 3.4). При этом глобальная идентичность, а также отождествление себя с друзьями, являются предикторами убеждения в благосклонности мира ($R=0,432$; $R^2=0,186$; $F=6,46$ при $p \leq 0,001$; $b=0,200$ и $b=0,207$), тогда как убеждение в собственной ценности и способности контролировать события определяется отождествлением себя с семьей, коллегами, европейцами, а также негативно связано с этнической идентичностью ($R=0,495$; $R^2=0,245$; $F=6,77$ при $p \leq 0,001$; соответственно, $b=0,358$, $b=0,208$, $b=0,219$, а также $b=-0,213$).

Из полученных данных можно сделать вывод о том, что глобальная идентификация поддерживает позитивные установки в отношении окружающего мира, является одним из механизмов конструктивного совладания с изменениями и неопределенностью (подробнее см.: Психология повседневного..., 2016; Совладающее поведение..., 2008; Стресс, выгорание, совладание..., 2011).

Второе исследование было проведено совместно с Д. А. Багдасаряном среди руководителей российских IT-компаний ($N=60$; 70% – женщины, 30% – мужчины; средний возраст 32,5 года). Для измерения глобальной идентичности использовалась методика «Глобальная идентичность» (Der-Karabetian, Ruiz, 1997). Также участникам исследования предлагалось оценить, насколько часто они соверша-

Таблица 3.4

Характеристики социальной идентичности, связанные с глобальной идентификацией ($N=194$)

Предикторы	B	SE	Beta	t	p
Идентификация с соседями	0,201	0,079	0,157	2,562	0,011
Идентификация с единомышленниками	0,128	0,064	0,115	2,008	0,046
Идентификация с людьми своей национальности	-0,18	0,074	-0,176	-2,44	0,016
Идентификация с людьми своей религии	0,155	0,058	0,175	2,689	0,008
Идентификация с россиянами	0,315	0,08	0,311	3,944	<0,001
Идентификация с европейцами	0,234	0,077	0,231	3,052	0,003
Идентификация с горожанами	0,138	0,07	0,137	1,969	0,05

Примечание: $R=0,699$; $R^2=0,489$; $F=25,42$ при $p \leq 0,001$.

ют зарубежные поездки. Были обнаружены значимые различия в выраженности глобальной идентичности между руководителями, часто посещающими другие страны, и руководителями, которые посещали другие страны редко, лишь однажды, или никогда не были за рубежом (см. таблицу 3.5). Полученный результат указывает на то, что интенсивность международных контактов повышает готовность личности идентифицировать себя с гражданами мира и оценку возможности влиять своими поступками на жизнь жителей других стран.

Третье исследование проводилось совместно с А.Л. Силингом при поддержке Агентства стратегических инициатив среди участ-

Таблица 3.5

Глобальная идентичность в зависимости от частоты зарубежных поездок (N=60, приводятся средние значения по 6-балльной шкале)

Утверждения шкалы «Глобальная идентичность» (Der-Karabetian, Ruiz, 1997)	Менеджеры, часто бывающие за рубежом (N=34)	Менеджеры, редко бывающие за рубежом (N=26)	Значимость различий по тесту Манна-Уитни
1. Мне кажется, что весь мир – одна большая деревня	3,12	3,50	0,271
2. Мне кажется, что мои личные поступки могут повлиять на кого-то, кто живет в другой части земного шара	2,58	3,35	0,043
3. Когда я задумываюсь о людях из других стран, мне кажется, что мы с ними как будто «соседи по лестничной площадке»	2,81	3,26	0,130
4. Я чувствую себя связанным с другими людьми на земном шаре, словно они являются частью моей семьи	2,23	2,74	0,189
5. Мне кажется, что у людей из разных стран больше сходства, чем различий	3,69	4,18	0,130
6. Я думаю о себе как о гражданине мира	3,04	4,44	<0,001
7. Я чувствую, что моя судьба связана с будущим остального человечества	3,50	3,56	0,903
Интегральные значения по шкале «Глобальная идентичность» (Der-Karabetian, Ruiz, 1997)	3,58	2,99	0,015

ников форсайт-навигации 2017 г. в Санкт-Петербурге, Тамбовской области, Ставропольском крае, Ивановской области, Иркутской области, Перми (N=560; мужчины – 54%, женщины – 46%, средний возраст – 37,2, от 15 до 69 лет). Проект реализовывался в нескольких регионах с применением одной и той же технологии групповой работы – «Rapid Foresight». Он предполагал обсуждение будущего различных отраслей экономики России на перспективу до 2035 г. с последующей разработкой совместных проектов. Одна из целей исследования состояла в том, чтобы прояснить, как обсуждение совместного будущего влияет на глобальную идентичность. Для измерения выраженности глобальной идентичности нами использовалась шкала «Мировое гражданство» (McFarland, Brown, Webb, 2013) из 2 утверждений («Я считаю себя гражданином мира» и «Я чувствую себя тесно связанным с другими людьми, живущими на планете»), согласие с которыми предлагалось оценить от 1 балла (совершенно не согласен) до 5 баллов (совершенно согласен) (N=96; $\alpha=0,770$; M=3,51; SD=1,136). Для измерения выраженности гражданской идентичности участникам предлагалось оценить свое согласие с утверждениями «Я горжусь тем, что являюсь гражданином России» и «Моя судьба тесно связана с будущим России» (N=96; $\alpha=0,873$; M=4,44; SD=0,791). Для измерения социального доверия использовались шкалы генерализованного доверия, внутригруппового и межгруппового доверия из опросника World Values Survey (Срепач et al., 2014). Для измерения социального капитала использовались шкалы объема социального капитала и радиуса влияния из Евробарометра (Вахштайн и др., 2017). Для измерения временной перспективы личности использовалась сокращенная версия «Стэнфордского опросника временной перспективы» Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой и О. В. Митиной (ZTPI). Для измерения отношения к будущему – семантический дифференциал «Временные аттитюды» Ж. Нюттена в модификации Т.А. Нестика (Нестик, 2015; $\alpha>0,8$), а также «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна (Нестик, 2015а; $\alpha>0,8$). Анкету предлагалось заполнить до и после форсайт-флота, однако не все респонденты приняли участие в обоих этапах анкетирования.

До обсуждения совместного будущего наиболее весомыми детерминантами глобальной идентичности были генерализованное доверие к людям и чувство ответственности за то, что происходит в мире. В число предикторов вошла также ориентация на негативное прошлое и гедонистическое настоящее (см. таблицу 3.6.1). После форсайт-флота глобальную идентичность респондентов опреде-

По-видимому, в ходе обсуждения долгосрочного будущего у некоторых участников нашего исследования позитивная оценка принадлежности к россиянам оказалась сопряжена с низкой оценкой возможности повлиять на происходящее в стране. Произойти это могло в связи с тем, что в ходе конструирования отдаленного будущего участники, работая в командах, ставили перед собой амбициозные цели, разрабатывали проекты технологических и социальных изменений, к реализации которых российское общество пока не готово. Осмысление разрыва между ожиданиями участников инновационных проектов и сложившейся в стране инфраструктурой, особенностями российского менталитета могло привести к фрустрации и потребности в защите позитивной идентичности.

Наши данные позволяют сделать предположение о том, что глобальная идентификация может выполнять функцию компенсаторного механизма: неудовлетворенность собственным прошлым и невозможностью повлиять на ситуацию в стране компенсируются осознанием причастности к глобальным изменениям без утраты гражданской идентичности. Но, по-видимому, данный механизм реализуется только в том случае, если личность доверяет людям и ориентирована на расширение своей персональной социальной сети. Остается открытым вопрос о том, насколько данный компенсаторный механизм эффективен для российских инновационных сообществ и не провоцирует ли он «диссидентский» и «эмигрантский» типы патриотизма (Халий, 2017; Юревич, Журавлев, 2016).

Среди участников исследования 146 респондентов (мужчины – 50,3%, женщины – 49,7%, средний возраст – 37,9, от 15 до 68 лет) заполнили анкету дважды – в начале и в конце форсайт-флота. Анализ значимых различий показал, что гражданская идентичность не изменилась, тогда как социальное доверие и глобальная идентификация выросли (см. таблицу 3.7). Кроме того, после форсайт-флота корреляционный анализ выявил связь глобальной идентичности с позитивной оценкой будущего через 1 год, 5 лет и 20 лет (соответственно, $r=0,192$ при $p \leq 0,05$; $r=0,188$ при $p \leq 0,05$; $r=0,298$ при $p \leq 0,01$). При этом до форсайт-флота значимых связей между глобальной идентичностью и оценкой будущего выявлено не было. Чем более позитивно респонденты оценивали будущее, тем более непредсказуемым оно им представлялось через 5 лет ($R^2=0,683$; $F=66,275$, $p \leq 0,001$; $b=-0,813$) и через 20 лет ($R^2=0,731$; $F=112,422$, $p \leq 0,001$; $b=-0,889$).

Структурированное коллективное обсуждение будущего на форсайт-сессии с социально-психологической точки зрения представ-

Таблица 3.7

Изменение социально-психологических характеристик
в ходе обсуждения будущего России (N=146)

Социально-психологические характеристики	Средние значения по 5-балльной шкале		Значимость различий по критерию Уилкоксона
	До форсайт-флота	После форсайт-флота	
Внутригрупповое доверие	3,9	4,0	0,006
Аутгрупповое доверие	3,1	3,2	0,02
Доверие к сообществу форсайт-флота	3,8	4,1	<0,001
Генерализованное доверие к людям	3,2	3,2	0,889
Глобальная идентичность	3,7	3,9	0,024
Гражданская идентичность	4,5	4,5	0,559

ляет собой перспективную групповую рефлексию и коллективное целеполагание (Нестик, 2018d; Нестик, Журавлев, 2012). Полученные данные позволяют предполагать, что обсуждение долгосрочного будущего, при условии наличия внутригруппового и межгруппового доверия, усиливает глобальную идентичность, одновременно повышая толерантность к неопределенности будущего.

Выявленная нами устойчивая связь глобальной идентичности с гражданской идентификацией хорошо согласуется с результатами четвертого исследования (N=91), проведенного под нашим руководством Е. В. Волошиной с использованием шкалы «Идентификация с человечеством» (IWAH). Для измерения характеристик этнической идентичности была использована методика «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой. Респондентам предлагается оценить степень своего согласия с 30 утверждениями по 4-балльной шкале. В методику входят 6 субшкал: этнонигилизм; этническая индифферентность; позитивная этническая идентичность; этноэгоизм; этноизоляционизм и этнофанатизм (Солдатова, 1998).

Данные исследования показали, что глобальная идентичность прямо связана с выраженностью позитивной этнической идентичности ($r=0,272$ при $p \leq 0,01$), тогда как значимых связей с этнической индифферентностью и этнонигилизмом выявлено не было. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что глобальная идентификация совсем не обязательно связана с чувством «безродности», пренебрежением к Родине и своему народу.

Мнимая дилемма между глобальной идентичностью и патриотизмом: перспективные направления исследований

Отождествление личностью себя с человечеством рассматривается в социальной психологии как глобальная идентификация, мировое гражданство, космополитизм, глобальное мировоззрение. Учитывая негативные коннотации, связанные в отечественной традиции с понятиями «мировое гражданство» и «космополитизм», мы предлагаем в дальнейшем использовать термин «глобальная идентичность». Среди ключевых механизмов формирования глобальной идентичности можно выделить конструирование коллективной памяти и коллективного образа будущего (в том числе под влиянием глобальных медиа), формирование кросс-культурной компетентности и участие в деятельности глобальных интернет-сообществ, групповую рефлексию, а также механизмы защиты позитивной идентичности.

Проведенная нами серия эмпирических исследований позволяет сделать ряд выводов. Глобальная идентификация связана с позитивными установками личности в отношении окружающего мира, является одним из механизмов конструктивного совладания с изменениями и неопределенностью. На выраженность глобальной идентичности влияют интенсивность международных контактов, гражданская и религиозная идентификация, озабоченность глобальными рисками, уровень социального доверия, характеристики временной перспективы, убеждение личности в способности влиять на свое будущее. Глобальная идентификация не противоречит патриотизму: переживание личностью своей принадлежности к россиянам и гордость за свою страну являются предикторами готовности отождествлять себя с человечеством. Кроме того, выявлена связь глобальной идентичности с позитивной этнической идентичностью, тогда как связь с этнонигилизмом и этноиндифферентностью отсутствуют.

Наши исследования также дают основания полагать, что в ряде случаев глобальная идентификация может выполнять функцию компенсаторного механизма, защищающего позитивную идентичность личности при негативной оценке собственного прошлого и неверии в возможность повлиять на происходящее в стране. Условием реализации данного механизма являются наличие генерализованного доверия людям, а также внутригруппового доверия при совместной деятельности.

Глобальная идентичность может играть как позитивную, так и негативную роль в отношении жизнеспособности крупных социальных групп. С одной стороны, полученные нами ранее данные по-

казывают, что чем шире социальные категории, с которыми идентифицируют себя респонденты, – россияне, европейцы, человечество, тем дальше в будущее своей страны они готовы заглядывать, тем более выражены их просоциальные установки и больше объем социального капитала (Нестик, 2014с, 2015а, 2016d). С другой стороны, определенные типы глобальной идентичности (о возможных типах подробнее будет сказано ниже) могут быть связаны с безразличным или критическим отношением к своей родине.

Нельзя не согласиться с позицией ряда авторов в том, что формирование космополитических установок может целенаправленно использоваться в ходе психологической войны для ослабления суверенитета и жизнеспособности нации (Гостев, 2012, 2017; Ковалева, Соснин, 2017; Кольцова, Журавлев, 2017; Семенов, 2017). Очевидно, что патриотические чувства тоже могут эксплуатироваться национальными политическими и экономическими элитами в целях манипуляции массовым сознанием в эпоху глобализации (Левашов, 2005; Магарил, 2016; Селиверстова, Курганская, 2017).

В заключение хотелось бы отметить четыре перспективных направления социально-психологических исследований глобальной идентификации, которые становятся все более актуальными в связи с обострением глобальных рисков.

Во-первых, необходимы дальнейшие исследования для выявления компонентов глобальной идентичности и разработки ее типологии. Необходимо уточнение аффективного, когнитивного и поведенческого компонентов глобальной идентичности. Среди аффективных компонентов особого внимания заслуживает чувство сострадания личности в отношении людей, живущих в других странах. Наши исследования показывают, что именно такое сострадание сильнее всего связано с готовностью предпринимать конкретные шаги для предотвращения глобальных рисков (Нестик, Журавлев, 2018).

Подобно тому, как существуют разные типы патриотизма (Халлий, 2017; Юревич, Журавлев, 2016), существуют и разные типы глобальной идентичности, которые могут иметь разные источники формирования, быть по-разному связанными с чувствами в отношении своей родины, выполнять разные психологические функции. Основанием для отождествления себя с человечеством могут служить профессиональные, религиозные и политические ценности. Например, можно выделить интеллектуальный тип, характерный для части научного сообщества, идентифицирующей себя не только с россиянами, но и с человечеством в целом – через принадлежность к глобальной науке. Можно говорить о существовании религиозного типа

глобальной идентичности, основанного на представлениях о судьбе человечества в мировых религиях. Примерами политического типа могут служить глобальные сетевые сообщества, отстаивающие права человека, а также «зеленые» движения, защищающие природу Земли. Кроме того, основанием для типологии глобальной идентичности может быть ее связь с отношением личности к родине и к своей этнической группе. С этой точки зрения можно выделить «потребительский» тип (идентификация с человечеством сопровождается обесцениванием принадлежности к гражданам определенного государства и национальности), «патриотический» тип (забота о планете и будущих поколениях людей опирается на чувство гордости за свою страну, высокую оценку ее вклада в историю человечества), «националистический» тип (отождествление себя с человечеством при убеждении в избранности, уникальности или даже лидирующей роли своего народа в будущем человеческого рода). Наконец, возможным критерием для выделения типов глобальной идентичности могут быть характеристики ее когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов. С когнитивной точки зрения, можно выделить ретроспективную глобальную идентичность, опирающуюся на представления об эволюционно-генетической общности людей на планете, или проспективную идентичность, опирающуюся на представления об общности будущего человечества — от оптимистических картин космической экспансии до апокалиптических образов гибели человеческого рода. С аффективной точки зрения можно выделить позитивную глобальную идентичность, амбивалентную и негативную — в последнем случае принадлежность к человечеству может вызывать стыд и даже отвращение (вспомним об экологических террористах, готовых уничтожить человечество ради будущего Земли). С точки зрения поведения можно выделить такие крайние варианты, как «латентная» глобальная идентификация (признание общечеловеческих ценностей в межличностном взаимодействии) и «алармистская» (например, участие в антивоенных или правозащитных демонстрациях и митингах от имени человечества).

Во-вторых, специального изучения требует связь глобальной идентификации и предпочитаемых способов реагирования на глобальные риски. Исследования в области социальной психологии риска показывают, что представления о риске выполняют функцию защиты позитивной групповой идентичности. Социальные представления о рисках конструируются в ходе межличностного и межгруппового взаимодействия (Бовина, 2011; Социально-психологическая оценка рисков..., 2017; Joffe, 2003). Ключевую роль в их формирова-

нии играет стремление личности символически дистанцироваться от опасности, относя ее к внешним по отношению к своей группе силам, приписывая источник риска или его последствия не своей, а чужой группе. Иными словами, коллективный образ будущего в значительной степени определяется степенью напряженности межгрупповых отношений и значимыми группами сравнения: представляя будущее, мы конструируем отличия своей группы от других (Солдатов, Нестик, 2011). В этой связи можно предположить, что глобальная идентификация, будучи сопряжена с разными характеристиками этнической и гражданской идентичности, может по-разному сказываться на отношении к глобальным рискам. Например, высокая значимость глобальных рисков может быть связана с готовностью решать их в ущерб другим государствам и этническим группам. Это особенно вероятно в случае, если та или иная страна рассматривается как источник ядерной, биологической или террористической угрозы для всего мира (Журавлев и др., 2016; Нестик, 2016а).

В-третьих, остается открытым вопрос о том, можно ли считать участников глобальных интернет-сообществ коллективным психологическим субъектом (Журавлев, 2002; Журавлев, Нестик, 2016а)? В какой степени к глобальным коллективным субъектам применимы выявленные при исследовании локальных групп ролевая структура, психологические механизмы групповой динамики и стадии развития?

В-четвертых, огромное значение для понимания механизмов формирования глобальной идентичности имеет вопрос о том, как формируются глобальная коллективная память и образы глобального будущего (Нестик, 2014а, 2018b).

Наконец, открытым остается вопрос о том, можно ли формировать глобальную идентификацию целенаправленно? Существующая научная литература не дает однозначного ответа на этот вопрос. Так, опираясь на теорию М. Шерифа о суперординантной цели в межгрупповых отношениях, А. Дер-Карabetян предлагает «алармистский» путь развития глобальной идентификации через повышение осознанности глобальных угроз жителями планеты (Der-Karabetian, Michelle, 2015). Другие исследователи, в частности С. Макфарленд, считают, что глобальную идентичность можно развивать с помощью примеров высоконравственного, иногда героического поведения конкретных людей, защищающих права граждан независимо от их расовой и этнической принадлежности (McFarland, Brown, Webb, 2013). В противоположность алармистскому подходу, Ж. де Ривера и Х. Карсон указывают возможность празднования своего рода

дней глобальной солидарности. С их точки зрения, такие праздники должны усиливать не чувства защищенности от угроз, а чувства радости, заботы людей друг о друге, личной связи между людьми (De Rivera, Carson, 2015). На наш взгляд, путь к развитию глобальной идентичности лежит не через размывание гражданской идентичности, а, напротив, через ее укрепление. Мир вступил в очередной период обострения международных отношений, ослабления ООН и борьбы геополитических блоков стран. При этом коллективный Запад теряет монополию на глобальное управление, а на смену биполярности приходит полицентризм (Громыко, 2017; Мир 2035..., 2017). В отдаленной перспективе маятник снова качнется в сторону глобальной интеграции, возможно, вынужденной, а не добровольной (Афонцев, 2016). Но если человечество не уничтожит себя в ближайшие десятилетия, международное сотрудничество в области предотвращения глобальных рисков будет зависеть не только от позиции национальных элит, но и от поддержки этих усилий большинством избирателей. Эта поддержка может опираться на разные типы патриотизма: для одних это вызывающий гордость россиецентрический мировой проект (Багдасарян, 2015), для других — забота о будущем своей малой родины, которое зависит от международных договоренностей. Парадокс сложившейся общественно-политической ситуации состоит в том, что чувствительность к глобальным проблемам прямо зависит от преобразующего, деятельного гражданского патриотизма, готовности взять на себя ответственность за будущее своей страны и тем самым — будущее своих потомков.

Очевидно, что для развития глобальной идентификации через патриотизм практические усилия должны быть направлены на поддержку долгосрочной временной перспективы, углубление знаний об эволюции жизни на Земле, отечественной и мировой истории, глобальных угрозах для человечества, на осознание того, какие из этих угроз (и как именно) сказываются на «малой родине». Но основное внимание должно быть уделено развитию способности сопереживать другим людям — не только «ближним», но и «дальним», — а также поддержке уверенности россиян в своей способности влиять на коллективное будущее (Нестик, 2016d).

Дальнейшие исследования должны пролить свет на способы формирования и поддержания глобальной идентичности, которые не противоречили бы процессам этнической и гражданской идентификации.

Глава 4

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ЭМОЦИИ И ДЕЗИНФОРМАЦИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Проблема коллективных эмоций, их развития и влияния на общество становится в эпоху социальных сетей все более актуальной. Войны, теракты, природные и техногенные катастрофы, политические и экономические кризисы дают почву для появления и распространения негативных групповых эмоциональных состояний, что в свою очередь влияет на уровень групповой рефлексивности, способность отдельных людей и общества в целом осознавать коллективные угрозы и конструктивно отвечать на них (Журавлев, Нестик, 2012; Солдатова, Нестик, 2011).

Особенно важным представляется рассмотрение коллективных эмоций в контексте реакции социальной группы на коллективную травму, которая может провоцировать радикализацию общественных настроений, рост экстремизма и агрессии. Примерами таких травм могут служить войны, теракты, крупные катастрофы, а также санкции в политической, экономической, культурной и спортивной сферах, которые задевают чувства национальной гордости граждан той или иной страны. Изучение динамики коллективных эмоциональных состояний, связанных с последствиями или ожиданием таких событий, может помочь нам понять механизмы формирования позитивного эмоционального климата и поддержки конструктивных способов совладания и совместного ответа на коллективные риски.

В отечественной психологии проблема коллективных эмоций остается малоизученной. Среди отечественных работ по данной тематике можно выделить исследования социально-психологического климата (Парыгин, 1981), влияния эмоциональной атмосферы на политические процессы (Урнов, 2008); коллективных переживаний во время праздников (Борисова, Воловикова, 2012; Тихомирова, 2008), а также коллективных эмоциональных состояний, связан-

ных с оценкой текущего и будущего экономического благополучия (Емельянова, Дробышева, 2013), прошлым и будущим организации (Нестик, 2014с), переживанием социальных проблем, организационных изменений, социальных конфликтов (Коллективные переживания..., 2015), межгрупповых отношений (Григорян, Ефремова, 2017).

За рубежом коллективные эмоции изучаются в связи с их влиянием на эффективность организации (Johnson, Johnson, 2009; Ramo, 2009) и политическое поведение (Bar-Tal, Halperin, De Rivera, 2007), с формированием коллективных эмоций в традиционных и социальных медиа (Chmiel et al., 2011; Tenenboim-Weinblatt, Neiger, 2014), их участием в процессах групповой идентификации и межгрупповых отношений (Devos et al., 2002 и др.).

Изучение коллективных эмоций в психологии малых групп позволяет выделить различные механизмы их возникновения и динамики (Kelly, Barsade, 2001). Во-первых, это эмоциональное заражение, т.е. неосознаваемый процесс воспроизведения невербальных и паралингвистических сигналов других людей; во-вторых, сопереживание, вызванное эмпатией, т.е. психологическим «помещением» себя в ситуацию другого человека, или эмоциональным переносом, когда человек интерпретирует коммуникацию, опираясь на свой предшествующий эмоциональный опыт в подобных ситуациях; в-третьих, синхронизация ритмов социального поведения; в-четвертых, целенаправленное эмоциональное воздействие, например, со стороны харизматических лидеров; в-пятых, управление впечатлением, когда члены группы демонстрируют те или иные эмоции, стремясь достигнуть своих целей, подтвердить лояльность или получить признание со стороны высокостатусных участников сообщества; и, в-шестых, коллективная история и сложившиеся групповые нормы выражения эмоций.

Феномен коллективных эмоций и групповая идентичность

Эмоции в целом имеют социальный характер, их можно рассматривать как реакции на некоторый социальный опыт (Bar-Tal, Halperin, De Rivera, 2007). При этом коллективные эмоции – это эмоции, которые разделяются значительной частью представителей определенного сообщества (Stephan, Stephan, 2000) и могут возникать у членов группы почти одновременно (Нестик, Смолина, 2014; Jagmowicz, Bar-Tal, 2006); осознаваемые эмоциональные состояния, в которых отражается отношение социальной группы к каким-либо объектам, процессам или условиям (Липатов, Стефаненко, 2015); устойчивые

аффективные переживания, разделяемые членами группы (Емельянова, 2016). В больших группах они могут быть связаны с относительно стабильными политическими, экономическими, региональными условиями жизни людей. От коллективных эмоций следует отличать эмоциональные состояния, основанные на групповой принадлежности: например, личность может переживать стыд и чувство ответственности за действия своей группы, но эти чувства не разделяются другими членами группы (Ефремова, Григорян, 2014).

Коллективные эмоции существуют, прежде всего, в виде более или менее устойчивых эмоциональных состояний, являющихся своего рода призмой, смотря через которую, члены сообщества интерпретируют то или иное событие. Разделяемые членами группы переживания имеют многообразную феноменологию: праздничные переживания, эмоции болельщиков, патриотические переживания, этнические переживания, религиозные переживания, эстетические переживания, энтузиазм в группе или коллективе, эмоции в игре или состязании, клубные эмоции в хобби-сообществах и т. д. (Тихомирова, 2008, 2011).

Коллективные эмоции выполняют целый ряд *психологических функций*: осуществляют социальную мобилизацию, поддерживают социальную стратификацию и систему социального контроля (Горбунова, Фиглин, 2010; Collins, 1987), поддерживают позитивную групповую идентичность (Козлова, Симонова, 2016; Shepherd, Spears, Manstead, 2013), участвуют в регуляции межгрупповых отношений и отношений нравственности (Григорян, Ефремова, 2017; Приходько, 2009), запускают символический коупинг через конструирование социальных представлений, участвуют в формировании отношения к прошлому и прогнозировании будущего (Емельянова, 2016; Нестик, 2016а).

Существует множество разных классификаций и наименований коллективных эмоциональных состояний. На наш взгляд, за основу можно взять классификацию, предложенную М. Ярымович и Д. Бар-Талом (Jarymowicz, Bar-Tal, 2006).

Во-первых, это *эмоциональная культура* – стабильная культурная практика, система ритуалов и норм, регулирующая проявление эмоциональных состояний и передающаяся через социализацию от одного поколения другому.

Во-вторых, это *эмоциональный климат*, характеризующий группу, эмоциональная ориентация которой на события связана со структурой общества и политическими программами. При этом эмоциональный климат – это не столько коллективный опыт переживания

одних и тех же событий, сколько «эмоциональный словарь» – доступность, типичность тех или иных эмоций в обществе (Fernandez-Dols et al., 2007).

В-третьих, ряд исследователей выделяют *коллективную эмоциональную ориентацию*, которая базируется на разделяемой членами группы социальной идентичности и может иметь несколько источников. Она может формироваться на основе непосредственного опыта членов сообщества, например, появляясь в кризисной, угрожающей членам сообщества ситуации (война, природная катастрофа, экономическая нестабильность). Кроме того, коллективные эмоциональные ориентации могут передаваться через переживания, вызванные информацией о тех или иных событиях, эмоционально значимых для человека как члена группы.

В условиях конфликта для общества характерны четыре основных эмоциональных состояния: страх, ненависть, надежда и тревога (Bar-Tal, Halperin, De Rivera, 2007). Например, 11 сентября в США пробудило целый ряд негативных коллективных эмоциональных ориентаций, таких как страх, гнев, ненависть, но и надежду (Смолина, Нестик, 2014). При этом коллективная ориентация на страх выражается в ощущении постоянной угрозы и является одним из основных психологических факторов, подстегивающих насилие в обществе. С одной стороны, это может привести к развитию копинг-стратегий (и разрешению конфликта), с другой стороны – к новым конфликтам.

В-четвертых, коллективные эмоции можно рассматривать как *эмоциональную атмосферу* или *коллективное настроение* – коллективную эмоциональную реакцию, результат переживания какого-либо значимого для группы события (Fernandez-Dols et al., 2007). Эмоциональная атмосфера в этом значении отличается от других интерпретаций, предложенных в научной литературе (Урнов, 2008), так как фокусирует внимание исследователей на коллективном переживании тех или иных социально значимых событий.

Коллективные эмоции, преобладающие в обществе, могут менять свою направленность. Важную роль при этом играют новостные ленты и публикации СМИ (Кузьмин, Лыков, 2016; Лаврова, Лаврова, 2016; Матвеева, Лаврова, 2011). Так, в 1989 г., после холодной войны, под влиянием информационной кампании в СМИ и кинофильмов о последствиях ядерного противостояния, 27% россиян боялись гибели человечества, а 48% – ядерной войны (Страхи, 2017; Шубкин, 1997). К 2016–2017 гг. распространенность страха гибели человечества, по данным Левада-Центра, снизилась до 7% и 9% соответственно (Страхи, 2017). Распространенность страха ядерной войны снизилась

к 2013 г. до 8%, а к 2015 г. снова выросла до 13% (Россияне стали..., 2015). Страхи, связанные с экологическими рисками и криминалом, характерные для конца 1990-х годов, уступили в 2000-х место тревогам, связанным с коррупцией, а также с наплывом иммигрантов и межэтническими конфликтами. В 2010-е годы, особенно после 2014, стали нарастать тревоги, связанные с возможной войной, ростом цен, безработицей, голодом, санкциями (Задорин, 2006; Катастрофическое сознание, 1999; Матвеева, Шляпентох, 2000; Нестик, 2014с; Петелин, 2015; Россия на новом переломе, 2009; Чего опасаются россияне, 2008; Шубкин, 1997; Шубкин, Иванова, 2001). По данным Левада-Центра, в 2016–2017 гг. россияне больше всего опасались болезни близких, войны, потери работоспособности, бедности, старости, а также стихийных бедствий (Страхи, 2017). По данным ВЦИОМ, в 2017 г. наиболее распространенными были страхи, связанные с ростом цен и международными конфликтами, на третьем месте по остроте переживания находились проблемы со здоровьем и трудности с получением медицинской помощи (Карта страхов россиян, 2017).

Несмотря на то, что коллективные страхи и тревоги, а также гнев и ненависть привлекают к себе наибольшее внимание исследователей в социальных науках (см.: Баринов, 2010; Витковская, 2006; Горбунова, Фиглин, 2010 и др., Гудков, 2000b; Урнов, 2008), коллективные эмоции имеют и позитивную составляющую, которая изучена значительно меньше (Борисова, Воловикова, 2012; Воловикова, Тихомирова, Борисова, 2003; Тихомирова, 2008, 2011). Исследования, проведенные в лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН в 2015–2017 гг., свидетельствуют о том, что негативные переживания больших социальных групп (страх, тревога, унижение, разочарование и чувство несправедливости) компенсируются позитивными – гордостью за свою страну, надеждами на лучшее. При этом чувства гордости связаны преимущественно с прошлым, т. е. поддерживаются коллективной памятью, защищающей позитивную идентичность группы. Надежды на будущее связаны с такими социальными явлениями, которые носят более устойчивый, прогнозируемый, характер, чем актуальные события, и предполагают возможность влияния со стороны человека, влияния граждан на решение проблем: например, экологическая обстановка в стране и всеобщая компьютеризация (Дробышева, Емельянова, 2015; Емельянова, 2016).

Коллективные эмоциональные состояния могут влиять друг на друга и формироваться целенаправленно. Например, коллектив-

ные страхи по поводу редких, но значимых для общественной морали событий, могут использоваться как символическая подмена, отвлекающая внимание общества от более значимых социальных проблем. Такая подмена легко подхватывается средствами массовой информации, объективируя на конкретной, часто ложной, мишени тревоги массового сознания (Glassner, 2010).

Вместе с тем коллективные переживания могут быть не только средством манипуляции, но и механизмом конструктивного совладания со страхами, повышения жизнеспособности социальной группы. Безусловно, теракт, техногенная или природная катастрофа, связанные с гибелью людей, оказывают негативное влияние на эмоциональный климат общества. Но общество может преодолеть это негативное влияние и создать позитивный эмоциональный климат на основе чувства коллективной солидарности, мирных демонстраций (Bar-Tal, Halperin, De Rivera, 2007). Примером такого коллективного совладания с травмой, меняющего эмоциональное состояние общества, могут служить песни, которые манифестанты пели вскоре после теракта Брейвика перед окнами его тюрьмы. Другой пример – почти миллионная мирная демонстрация после теракта в редакции *Charlie Hebdo* в 2015 г. Вместе с тем, повторное напоминание о травмирующих событиях может вернуть общество в то эмоциональное состояние, в котором оно было во время этих событий. Например, повторное освещение событий в годовщину теракта 11 сентября в США спровоцировало возврат к эмоциональному климату, характерному для американского общества сразу после теракта (Rime, 2009).

В этой связи противоречивой и требующей дальнейших исследований остается роль страхов и коллективной тревоги в осмыслении глобальных рисков. Тревога и страх отличаются от переживаний риска, опасности и угрозы меньшей осознанностью (Витковская, 2006). Как известно, переживание страха не только включает реакции «бей или беги», но и обостряет чувствительность человека к «слабым» сигналам, значение которых ему еще не известно, но они могут помочь вовремя распознать опасность (Щербатых, Ноздрачев, 2000). Тревога подталкивает общество к осмыслению новых социальных феноменов, к символическому коупингу, в ходе которого конструируются стереотипы и социальные представления, объясняющие источник угрозы и позволяющие прогнозировать ее развитие (Емельянова, 2016). При этом тревога может быть связана не только с негативными, но и с позитивными изменениями в жизни общества, являясь естественной реакцией на инновации (Витковская, 2006).

По-видимому, наряду с попытками построения репертуара коллективных страхов, необходима разработка социально-психологической типологии коллективной тревоги в зависимости от ее функций и направленности.

Феномен коллективных эмоциональных состояний тесно связан с процессами социальной идентификации. В условиях высокой неопределенности и рисков групповая идентичность становится жизненно необходимым конструктом, позволяющим нам опираться на коллективную память, адаптироваться к новому за счет поиска аналогий в совместном прошлом. Обращение к коллективной памяти сопровождается переживаниями, которые могут быть связаны не только с групповыми достижениями, но и с коллективными травмами.

Т. Девос и его коллеги предложили теорию межгрупповых эмоций, основанных на социальной идентичности членов сообщества (Devos et al., 2002). Согласно их концепции, отождествляя себя с определенной группой, мы переживаем значимые для нее события так, как если бы мы сами были их участниками. Такие эмоции, «присваиваемые» личностью через групповую идентификацию, играют важную роль в регулировании межгрупповых отношений. Характеристики групповой идентичности могут влиять на межгрупповое сравнение, затрагивая не только когнитивные оценки, но и типы аффективных реакций в отношении другой группы (Kuppens, Yzerbyt, 2012).

При переходе от общества благосостояния к обществу риска меняются ценности, на которые опираются элиты при формировании образа будущего. На место идеалов прогресса и качества жизни заступают гарантии безопасности. В связи с этим политические и государственные структуры, отвечающие за безопасность, оказываются более востребованными и влиятельными, чем институты инновационного развития.

В условиях быстрых изменений все более важным критерием эффективности власти становится «время ее реакции» на общественно значимые события: власть воспринимается как сильная, если реагирует на возникающие проблемы мгновенно. В обществе риска политические элиты заинтересованы не столько в поддержке долгосрочно ориентированных социальных ожиданий и национальных стратегических целей, сколько в формировании у граждан чувства безопасности, уверенности в защите при любом сценарии будущего. В условиях непрерывного футурошока, когда старые адаптационные механизмы культуры не поспевают за происходящими изменениями, укрепляется власть, опирающаяся не столько на диалог

элит о будущем или на долгосрочные коллективные мечты социального большинства, сколько на управление тревогами по поводу ближайшего будущего.

Национальная геополитическая повестка в США, странах Западной Европы и России строится преимущественно на переживании коллективной угрозы — вызовов военного, политического, экономического, культурного или экологического характера. Эти переживания усиливают национальную групповую идентификацию, что в свою очередь может затруднять конструктивный поиск решений международных проблем. Эксперименты М. ван Зомерена и его коллег показывают, что высокая значимость групповой идентичности провоцирует аффективное совладание с критической ситуацией: члены группы мобилизуются для коллективных действий через чувство группового гнева или тревоги. То есть актуализация групповой идентичности упрощает эмоционально-фокусированный копинг и ослабляет проблемно-фокусированный (Van Zomeren, Spears, Leach, 2008). Проблемно-фокусированный копинг подразумевает продумывание шагов по целенаправленному изменению реальности, взвешивание альтернатив и выбор оптимального способа действий. Эмоционально-фокусированный копинг затрудняет рефлексию, оценку инструментальной полезности действий и облегчает подверженность упрощенным, популистским решениям при реагировании на ситуацию. Негативные коллективные эмоции, провоцируемые при освещении международных конфликтов, ядерных, террористических и экологических угроз, привлекают внимание к глобальной повестке, повышают вероятность ошибочного, одностороннего подхода к поиску решений для сложных, глобальных проблем. Как мы уже подчеркивали в других главах данной работы, для ответа на глобальные вызовы необходима множественная идентификация, в которой патриотизм сочетается с чувством принадлежности ко всему человечеству и способностью сопереживать представителям других групп.

Динамика коллективных эмоциональных состояний, вызванных коллективной травмой

Рассматривая коллективную травму в социально-психологическом аспекте, Т. П. Емельянова выделяет такие ее факторы: высокая степень социальной фрустрированности некоторых групп населения, резкие изменения в социальной идентичности, а также способы совладания с травмой, а именно — коллективный копинг (Емельяно-

ва, 2008). В ходе переживания коллективной травмы возрастает интерес к национальному самосознанию, происходит трансформация культурных ценностей (Рассади́на, 2006).

Переживание травмы, такой, например, как террористический акт, может рассматриваться как субъективная оценка риска стать жертвой подобного события. Эмоциональная реакция на травму при этом может быть как осознаваемой, так и неосознаваемой (Быховец, Тарабрина, 2010).

Важно отметить, что травматическое состояние развивается стадийно и возникает на определенном, провоцирующем ее, социальном фоне. Изучая развитие коллективных эмоций в ответ на травмирующие события, Б. Райм и Д. Паэз выделили три стадии: критическую стадию, плато и стадию адаптации (Rime et al., 2010).

Ключевую роль в формировании коллективных эмоциональных состояний играет феномен обмена эмоциями. Чем интенсивнее наш эмоциональный опыт, тем чаще, дольше и с большим числом людей мы его разделяем (Rime, 2009).

С одной стороны, обмен эмоциями обостряет негативные переживания и не дает им притупиться, вызывает повторение негативного аффекта, реактивацию негативного опыта, и, следовательно, поддерживает негативную эмоциональную атмосферу. С другой стороны, обмен эмоциями является важным предиктором социальной интеграции и восстановления позитивного эмоционального климата (Rime et al., 2010).

Обмен эмоциями облегчает конструирование членами группы позитивной идентичности, восстановление позитивного отношения к своей группе и миру после коллективной травмы. Он способствует удовлетворению потребности в позитивных смыслах, повышению индивидуальной и групповой самооценки, управлению экзистенциальной тревогой (Pyszczynski, Solomon, Greenberg, 2002). Обмен эмоциями также облегчает формирование коллективной памяти — общей, разделяемой членами группы, картины прошлого (Barber, Mather, 2012).

Как известно, посттравматический рост, — т. е. переживание позитивных изменений в результате столкновения со сложными жизненными кризисами, — прямо связан с уровнем травматичности события, коупингом через обращение за поддержкой к другим людям, позитивной переоценкой произошедшего, полученной социальной поддержкой (Prati, Pietrantonio, 2007). Таким образом, сам по себе обмен эмоциями не позволяет избежать посттравматического синдрома, если не сопровождается систематической когнитивной переработ-

кой травмирующего опыта. Тем не менее он вносит существенный вклад в укрепление групповой сплоченности и реконструирование позитивного образа Мы (Rime et al., 2010).

Важным каналом распространения эмоций за пределы межличностного общения являются СМИ (Jagymowicz, Bar-Tal, 2006). Примером могут служить вторичные жертвы, поддающихся панике после просмотра телевизионных новостей (Тарабрина, 2009). Даже самое существенное по своим последствиям событие быстро забывается обществом, если оно редко обсуждается в публичном пространстве. Память общества сконцентрирована на наиболее освещаемых СМИ и заметных событиях (Zerubavel, 1995). Как показывают исследования, регулярный просмотр новостных телевизионных программ повышает общий уровень оценки интенсивности угроз и формирует представление об опасности окружающего мира. При этом структура и содержание наиболее субъективно значимых опасностей (ядро представления) остаются неизменными, тогда как первоначально менее значимые опасности (периферия) переживаются глубже за счет эффектов идентификации, переноса и эмоционального резонанса (Лаврова, 2008, 2016; Лаврова, Матвеева, 2016; Матвеева, Лаврова, 2011).

Коллективные эмоции в эпоху «послеправды»: психологические механизмы распространения дезинформации в социальных сетях

Формирование и распространение коллективных эмоциональных состояний все чаще запускается целенаправленно – в рамках психологических операций, которые приобретают глобальные масштабы. В этих случаях провоцируется эмоциональный отклик на определенным образом поданную, искаженную или вымышленную информацию (Михеев, Нестик, 2018)¹.

В 2013 г. Всемирный экономический форум включил массовую цифровую дезинформацию в число наиболее серьезных глобальных рисков (The Global Risks Report 2013). Дезинформация тесно связана с другими видами глобальных угроз, таких как крах государства, социальная нестабильность, масштабные интернет-атаки, международные конфликты. Глобальные риски начинают использоваться в политических проектах и информационных войнах для формирования общественного мнения. Широкое распространение получи-

¹ Данный параграф написан совместно с Е. А. Михеевым.

ло такое явление, как «фейковые новости», которые являются одним из новых методов проведения информационно-психологических операций.

Под термином «дезинформирование» понимается сообщение неверных сведений, введение в заблуждение ложной информацией; мероприятие, рассчитанное на введение в заблуждение лиц или организаций путем подтасовки и подделки документальных доказательств, с тем чтобы вызвать ответное действие со стороны лиц или организаций, компрометирующее их (Грачев, 1998); способ маскировки, который реализуется с помощью преднамеренного распространения ложных сведений об объектах, их составе и деятельности, а также имитация деятельности в соответствии с этими сведениями (Доронин, 2001). Дезинформирование рассматривается как тип скрытого, тайного принуждения в ходе информационно-психологического воздействия на сознание объекта (Каландаров, 1998; Манойло, 2003), как форма «разорванной коммуникации», при которой диалогическое межличностное взаимодействие субъект-субъект подменяется в СМИ опосредованным, манипулятивным и неравноправным взаимодействием субъект—объект (Рюмшина, 2008).

Дезинформирование является одним из видов информационно-психологического воздействия (ИПВ) на социальные группы, отдельные лица и сферы психики человека с целью изменения их социально-психологических характеристик. Каналами ИПВ выступают отдельные лица, некоммерческие организации (НКО) и средства массовой коммуникации (СМК). Такие виды СМК, как блоги, социальные сети приобретают все большее влияние на поведение и образ жизни людей. Социальные сети выступают зачастую не только каналом одностороннего воздействия, но и глобальной базой данных о социально-психологических характеристиках людей. Причем, как отмечают некоторые исследователи, эти данные намного точнее информации, получаемой при традиционных социологических опросах (Kosinski et al., 2016; Нестик, 2018f).

В результате информационно-психологического воздействия через социальные сети может быть нанесен урон *информационно-психологической безопасности* личности, т. е. состоянию защищенности психики личности от действия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентировочной основы социального поведения человека (и в целом, жизнедеятельности в обществе), а также адекватной системы его субъективных отношений к окружающему миру и самому себе.

В современной социальной психологии проблема дезинформации рассматривается преимущественно в связи с показаниями свидетелей, отношением к социально значимым проблемам (таким как риски вакцинации, использование ГМО, межэтнические конфликты), а также в связи другими угрозами: терроризмом, экстремизмом, гибридными войнами, стихийными бедствиями. Единицей анализа являются в основном индивиды, которые выступали в качестве дезинформаторов или объектов дезинформирования как в реальном общении, так и посредством коммуникационных технологий (интернета, СМК). Исследования, в которых используется групповой уровень анализа, пока крайне немногочисленны.

В отечественной социальной психологии можно выделить несколько *перспективных подходов* к изучению дезинформации: во-первых, исследования влияния дезинформации на межличностное общение; во-вторых, изучение влияния дезинформации на групповые защитные механизмы, в том числе на механизмы защиты позитивной групповой идентичности; в-третьих, исследования динамики коллективных переживаний в процессе воздействия СМК на массовое сознание; в-четвертых, исследования связи дезинформации и Я-концепции при виртуальном межличностном общении в Интернете.

На внутриличностном и межличностном уровне социально-психологического анализа большой интерес представляют психологические изменения, происходящие в процессе дезинформирования. М. А. Красниковым установлено, что дезинформирование влияет на содержание, эмоциональный фон и интенсивность общения (Красников, 2006). Отмечены следующие тенденции: а) исключение из обсуждения темы дезинформации; б) ухудшение эмоционального фона; в) уменьшение интенсивности общения. В случае разоблачения конфликт из латентной формы переходит в открытую, значительно ухудшая эмоциональный фон. Выделены личностные изменения, происходящие в ходе дезинформирования. Для дезинформатора это приобретение и выполнение этой особой роли — «дезинформатор»; изменение установок и представлений о партнере, ситуации в связи с избеганием разоблачения; появление новой цели — избежать разоблачения любым путем. Для дезинформируемого это возникновение искаженных представлений о предмете общения и личности партнера; неадекватное поведение; переоценка (обычно негативная) в связи с разоблачением партнера как дезинформатора; возникновение недоверия к партнеру; сдвиги в поведении — от прекращения общения до его углубления в зависимости от характера сложившихся к моменту разоблачения взаимоотношений.

На групповом уровне социально-психологического анализа воздействие дезинформации может рассматриваться как запуск защитных групповых механизмов, снижающих рефлексивность группы, в том числе защиты позитивной групповой идентичности, а также как провокация определенных коллективных переживаний.

Позитивная оценка группы ее членами является одним из проявлений групповой идентификации, которая в свою очередь выступает основой центрального феномена психологии малых групп — психологической общности группы, содержащей в себе явления сходства, общности индивидов, входящих в малую группу (общность мотивов, целей, ценностных ориентаций и социальных установок). Поддержание позитивной групповой идентичности рассматривается в качестве одной из социально-психологических функций групповой рефлексивности, под которой понимается ориентация группы на анализ своей деятельности, а также на изменение этой деятельности по итогам проведенного анализа. Именно групповая рефлексивность делает группу более чувствительной к информации, противоречащей коллективным базовым убеждениям (Нестик, 2014b). Дезинформация и слухи при дефиците информации могут провоцировать панические, тревожные эмоциональные состояния, снижающие рефлексивность, а также запускают защитные групповые механизмы, направленные на поддержание позитивной оценки группы ее членами (Штроо, 2001).

Исследования, выполненные в рамках конструкционистского подхода, проливают свет на механизмы целенаправленного конструирования несуществующих проблем, когда СМИ провоцируют тем самым ответ общества в форме интенсивных коллективных переживаний и, наоборот, способы нивелирования реальных проблем, что «приглушает» острые переживания публики (Емельянова, 2016; Социальные проблемы, 2007). При дезинформировании публики используется распространение ложной информации, слухов, формирование иллюзий; организация «утечки» конфиденциальных сведений; преувеличение тех или иных событий и фактов, распространение противоречивых сообщений.

В современной зарубежной психологии проблема дезинформации изучается в рамках нескольких *исследовательских направлений*: во-первых, это исследования, посвященные личностным характеристикам, делающим человека более подверженным дезинформации; во-вторых, исследования эффекта ложных воспоминаний; в-третьих, нейробиологические исследования когнитивных процессов, связанных с дезинформированием; наконец, исследования,

посвященные различным способам снизить подверженность личности дезинформации (Frenda, Nichols, Loftus, 2011). Установлено, что подверженность дезинформированию связана с когнитивными способностями и коммуникативными личностными характеристиками. При этом внушаемость и эффект ложной памяти связаны с разными детерминантами: например, тревожность, депрессивные состояния, избегание и аффективно-ориентированный стиль совладания с трудными ситуациями делают человека более внушаемым, тогда как уверенность в себе, упорство и низкий страх негативной оценки окружающими усиливают подверженность ложным воспоминаниям.

В связи с использованием социальных сетей в маркетинговых и политических проектах, в последние годы сформировалось еще одно направление исследований – изучение психологических механизмов распространения и воздействия ложной информации в социальных медиа (Bessi, 2016; Del Vicario et al., 2016; Mocanu et al., 2015; Vosoughi, Roy, Aral, 2018; Zollo, Quattrociochi, 2018). Воздействие дезинформации исследователи связывают с механизмами нормативного влияния и конформности, воспринимаемого межличностного сходства, эмоционального заражения, а также эффектами каскадов доступности информации, групповой поляризации и подтверждения уже сложившегося мнения.

Как показывают зарубежные исследования, важную роль в формировании подверженности дезинформации среди пользователей социальных сетей играет Я-концепция. Социальная сеть Facebook является местом удовлетворения потребностей личности в подтверждении собственной ценности и целостности. Оказалось, что интернет-пользователи склонны проводить в Facebook больше времени после удара по их Я-концепции, так как неосознанно стремятся повысить самооценку (Тота, Нансок, 2013). При этом, чем больше времени пользователи проводят в социальных сетях, чем более они склонны к депрессивным состояниям из-за сравнения себя с другими, более успешными пользователями (Steers, Wickham, Acitelli, 2014). Все это делает пользователей более восприимчивыми к ложным сообщениям, поддерживающим их позитивную самооценку, в том числе через межгрупповое сравнение и аутгрупповую дискриминацию.

Общение в социальных сетях и посредством других коммуникационных технологий (мгновенные сообщения, SMS, мессенджеры) неразрывно связано с использованием различных видов дезинформации. Выявлены *три типа лжи*, характерных для онлайн-комму-

никаций: «дворецкий» (ложь для избегания или задержки контакта), «марионетка» (создание сообщений от чужого имени или сообщений от вымышленного лица с помощью клонов или интернет-ботов), «китайская водная армия», или «астротурфинг» (массовый найм блоггеров и троллей, которые за небольшое вознаграждение пишут посты в социальных сетях, имитируя общественное мнение в государственных или корпоративных целях). Если первые два вида лжи существовали еще до эпохи интернета, то третий вид дезинформации получил распространение в ходе психологических операций с использованием СМИ и социальных медиа (Hancock, 2012).

Типичная *психологическая операция* с использованием социальных сетей начинается с целенаправленного сбора информации, в том числе с применением фишинговых сайтов, взлома и перехвата аккаунтов, кражи личных данных. На втором этапе генерируется контент: распространяются истории для прессы, мемы, создаются фейковые аккаунты и боты. На третьем этапе происходит амплификация лжи, т. е. собственно астротурфинг: через созданные фейковые аккаунты, «бригады троллей» и боты распространяются мемы, создаются вымышленные группы, осуществляется спам комментариев (Weedon, Nuland, Stamos, 2017).

Получив ложную информацию через СМИ или в сети, пользователи продолжают верить в нее даже после того, как она будет официально опровергнута, если первоначальные сообщения соответствовали их убеждениям. Например, даже после многократных официальных опровержений значительная часть американцев продолжала верить в то, что в Ираке находилось оружие массового поражения и что военное вторжение в Ирак было абсолютно необходимым. Устойчивость воздействия дезинформации связана с тем, что пользователи остаются нечувствительными к опровержениям, если вера в них заставляет изменить уже сложившиеся взгляды.

Одним из ключевых социально-психологических феноменов, которые облегчают распространение ложной информации, являются так называемые «эхо-камеры» — однородные по составу интернет-сообщества, участники которых слушают только себе подобных и становятся нечувствительными к альтернативным точкам зрения. Исследования показывают, что виртуальные дискуссии в таких сообществах, вне зависимости от их тематики, повышают выраженность негативных эмоциональных состояний и сдвигают участников к крайним, радикальным оценкам. Участники таких эхо-камер характеризуются парадоксальным сочетанием черт: высокой эмо-

циональной стабильностью и высокой открытостью к новому в сочетании с низкой экстраверсией, низкой доброжелательностью и низкой сознательностью (Bessi, 2016).

Доверие к сообщению в социальных медиа предполагает уверенность в информации; мотивации отправителя и веру в то, что он тот, за кого себя выдает; а также доверие к самому интернет-ресурсу, в котором публикуется информация (Шляховая, 2013; Zhang, Ko, Carpenter, 2016). Распространению дезинформации через астротурфинг, т. е. через троллей и ботов, способствуют несколько психологических эффектов: множественности источников, неопределенности, воспринимаемого сходства и мотивации пользователей (Zhang, Carpenter, Ko, 2013). Во-первых, различные аргументы от разных пользователей воспринимаются личностью как более весомые, чем один и тот же аргумент от разных источников или разные аргументы от одного пользователя. Во-вторых, пользователи более подвержены информационному влиянию при обсуждении вопросов, по которым еще не сложилось однозначное общественное мнение. В-третьих, интернет-пользователи более подвержены влиянию со стороны подобных себе и, как правило, у них нет высокой мотивации разобраться в соответствующем вопросе.

Противодействие распространению ложной информации в сетевых сообществах может опираться как на машинные алгоритмы, так и на более сложные социальные технологии, повышающие рефлексивность сообществ.

Первый подход уже реализуется: например, выдача ссылок на первоисточник и альтернативные версии новостного сообщения помогают пользователям более критично отнестись к информации (Bode, Braga, 2015). Кроме того, как указывает Дж. Хэнкок, технологии не только повышают подверженность дезинформации, но и ограничивают возможности для лжецов: цифровые следы личности, — от электронных сообщений до геометок, — хранятся в сети и легко могут быть сопоставлены для выявления обмана. Опираясь на ряд лингвистических и паралингвистических маркеров (эмоциональная лексика и эмодзи, многословность, отсутствие деталей, ссылки на третьих лиц и т. п.), самообучающиеся программы уже сегодня могут со 100%-ной точностью идентифицировать лжеца, превращаясь в своего рода онлайн-полиграфы (Hancock, 2012; Ho et al., 2016). Вместе с тем следует признать, что, оставаясь исключительно на внутриличностном и межличностном уровнях анализа, невозможно купировать социально-психологические эффекты, лежащие в основе дезинформирования в социальных медиа.

Второй подход, основанный на социальных технологиях поддержания коллективной рефлексивности, критического мышления и коллективного эмоционального интеллекта, еще только предстоит разработать. На наш взгляд, он должен быть направлен на повышение устойчивости сетевых сообществ к «информационной войне» за счет формирования определенных групповых норм работы с информацией, распределения ролей и использования специальных фасилитационных техник.

В заключение хотелось бы выделить несколько *перспективных направлений* дальнейших исследований в этой области. Остро стоят проблемы разработки концептуально-терминологического аппарата описания и классификации видов и форм дезинформации в интернете; по-прежнему ощущается острый дефицит методического инструментария для изучения проявления дезинформации в реальных жизненных ситуациях и отношения к ней в интернет-сообществах; противоречивыми являются и результаты эмпирических исследований, направленных на установление взаимосвязи подверженности дезинформации с личностными характеристиками.

Требуют прояснения социально-психологические механизмы формирования отношения личности к дезинформации в социальных сетях. Особое внимание следует уделить изучению роли коллективных эмоциональных состояний в распространении дезинформации, особенно в связи с травмирующими, катастрофическими событиями. Уже проведенные эмпирические исследования не позволяют пока определить связь отношения к дезинформации в СМК с социально-психологическими характеристиками личности, предположительно, влияющими на эффективность информационно-психологического воздействия: доверием к миру, людям и государству; ценностными ориентациями; тревожностью; социальной идентичностью, объемом социального капитала и др. Наконец, для повышения устойчивости общества к информационно-психологическим операциям необходимо выявить социально-психологические типы отношения личности к дезинформации в социальных сетях. От изучения факторов индивидуальной внушаемости интернет-пользователей и их доверия к сообщениям необходимо перейти к исследованию особенностей антиципации, переживания и осмысления интернет-сообществом 1) угрозы дезинформации, 2) совместной деятельности представителей своей и чужих групп, направленной на создание, использование или предотвращение дезинформации.

Эмпирическое исследование эмоциональных состояний, связанных с глобальными рисками

С целью выявления переживаний, связанных с глобальными рисками, а также лежащих в их основе механизмов, мы провели два поисковых исследования. В первом из них изучались социально-психологические предикторы тревоги личности по поводу будущего, во втором – коллективные переживания глобальных рисков, характерные для определенных социальных групп.

Основной гипотезой первого исследования было предположение о том, что тревога по поводу будущего связана не с тревожностью как личностной чертой, а с оценкой личностью уровня социальной интеграции и возможностей получения социальной поддержки.

Для измерения уровня генерализованной тревоги по поводу будущего нами была проведена адаптация шкалы «Темное будущее» З. Залеского (Zaleski et al., 2017). Адаптация проводилась в 2018 г. на выборке студентов российских вузов (N=815; 27,5% – мужчины, 72,5% – женщины; средний возраст – 23,5 года). Шкала состоит из 5 утверждений, степень согласия с которыми респондентам предлагается оценить по шкале от 0 (совершенно не согласен) до 6 (совершенно согласен): «Я опасаюсь, что проблемы, с которыми я сейчас столкнулся, останутся еще надолго»; «Меня ужасает мысль о том, что я могу когда-то столкнуться с жизненными кризисами и трудностями»; «Я боюсь того, что в будущем моя жизнь изменится к худшему»; «Я опасаюсь, что изменения политической и экономической ситуации поставят под угрозу мое будущее»; «Меня беспокоит мысль о том, что в будущем я не смогу реализовать свои цели!». При обработке использовалась шкала от 1 до 7 баллов: 0 кодировалось как 1, 1 как 2 и т. д. При адаптации шкалы была осуществлена процедура прямого и обратного перевода на английский носителями языка. Конфирматорный факторный анализ, проведенный средствами программы Amos v. 20, показал высокое соответствие шкалы критериям согласия. Сравнивались три модели: двухфакторная ($\chi^2=24,117$; $df=4$; $cmin/df=6,029$; $p<0,001$; $RMR=0,061$; $CFI=0,986$; $GFI=0,989$; $RMSEA=0,079$; $Hi\ 90=0,110$; $Pclose=0,049$); модель с корреляциями между всеми вопросами шкалы ($\chi^2=227,762$; $df=2$; $cmin/df=113,881$; $p<0,001$; $RMR=0,591$; $CFI=0,847$; $GFI=0,911$; $RMSEA=0,372$; $Hi\ 90=0,414$; $Pclose<0,001$) и однофакторная модель, которая сошлась наилучшим образом ($\chi^2=0,687$; $df=2$; $cmin/df=0,344$; $p=0,709$; $RMR=0,012$; $CFI=1$; $GFI=1$; $RMSEA<0,001$; $Hi\ 90=0,051$; $Pclose=0,948$). Шкала продемонстрировала высокую согласованность: α Кронбаха = 0,828; $M=3,42$; $SD=1,34$.

Как показал регрессионный анализ, предикторами тревоги по поводу будущего являются ($N=547$; $R=0,621$; $R^2=0,386$; $F=38,830$ при $p<0,001$) социальный цинизм ($\beta=0,241$), вера в предопределенность судьбы ($\beta=0,114$), ориентация на справедливость при оценке поступков и социальных явлений ($\beta=0,381$), а также ингрупповое доверие ($\beta=0,191$). При этом она негативно связана с экстраверсией ($\beta=-0,119$), добросовестностью ($\beta=-0,146$), эмоциональной стабильностью ($\beta=-0,186$), религиозностью ($\beta=-0,115$), а также ориентацией на лояльность ($\beta=-0,121$). Иными словами, тревогу по поводу будущего увеличивает недоверие к социальным институтам, признание ограниченности возможностей влиять на ситуацию (контроль судьбы), чувствительность к несправедливости сложившегося положения в сочетании с ориентацией на близких и дружеские связи (ингрупповое доверие). Снижает ее, по всей видимости, обсуждение ситуации с другими людьми (экстраверсия), религиозность, ориентация на поставленные перед собой цели и выполнение обязательств (добросовестность), а также ориентация на соблюдение установленных норм и правил (лояльность). Таким образом, подтвердилось наше предположение о том, что основной вклад в формирование генерализованной тревоги по поводу будущего вносят социально-психологические процессы, а не личностная тревожность.

Для изучения коллективных эмоций, переживаемых российской молодежью в связи с информацией о глобальных рисках, нами было проведено второе исследование, участниками которого стали студенты московских вузов ($N=163$), а также две контрастные социальные группы – священники РПЦ ($N=30$) и менеджеры российских промышленных компаний ($N=50$). В соответствии с методологией изучения коллективных чувств, разработанной в лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН (Емельянова, 2016; Емельянова, Дробышева, 2017; Дробышева, Емельянова, 2017), исследование проходило в два этапа. На первом этапе студентам ($N=30$) предлагалось назвать чувства, которые у них вызывают те или иные глобальные риски, а также отметить чувства, которые они испытывают в связи с информацией о глобальных рисках в СМИ. После контент-анализа полученных ответов на втором этапе ($N=133$; 24% – мужчины, 76% – женщины; средний возраст – 22,3 года) использовалась анкета с полуоткрытыми вопросами. Респондентам предлагалось оценить интенсивность переживания чувств, которые вызывают перечисленные риски, по 5-балльной шкале от 1 (совсем не вызывает данного чувства) до 5 (очень сильно ощущаю). Кроме того, для оценки характеристик

социальной идентичности мы использовали методику «Идентификация с человечеством» (IWAH) С. Макфарленда и опросник «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой. Для оценки уровня доверия к людям использовалась шкала генерализованного доверия World Values Survey.

Поскольку коллективные эмоции формируются в ходе внутригруппового взаимодействия и являются групповой характеристикой, мы предположили, что выраженность эмоциональных состояний в связи с новостями о глобальных рисках в разных социальных группах будет различаться. Для проверки этого предположения было проведено сопоставление значимости различных глобальных рисков и связанных с ними переживаний в трех социальных группах: среди студентов психологических факультетов московских вузов (N=50; 90% – женщины; 10% – мужчины); священников, обучающихся в аспирантуре РПЦ (N=30; 100% – мужчины); а также менеджеров российских промышленных компаний, обучающихся в бизнес-школах (N=50; 76% – мужчины; 24% – женщины) (см. таблицу 4.1).

Результаты однофакторного дисперсионного анализа показывают, что в интенсивности переживаний между социальными группами существуют значимые различия ($p < 0,05$). Переживания страха в связи с новостями о глобальных рисках более характерны для студентов и священников (соответственно, $M=3$ и $M=3,1$ по 5-балльной шкале). Студенты характеризуются значимо более высоким уровнем выраженности переживаний злости и раздражения (2,5), уныния и безысходности (2,7), разочарования (3) и несправедливости (3,2). По сравнению с другими группами, при новостях о глобальных угрозах священники более склонны переживать чувство надежды (4,2) и менее склонны переживать чувство несправедливости (2). Для священников и менеджеров характерны более высокая, чем у студентов, выраженность переживания радости (3,1 и 3) и уверенности (3,1 и 3,1). При этом между группами не было обнаружено значимых различий в переживании тревоги, унижения, равнодушия, удивления, заинтересованности и гордости при новостях о глобальных рисках.

Результаты линейного регрессионного анализа методом обратных шагов в целом по выборке (N=130; $R=0,503$; $R^2=0,253$; $F=8,035$; $p < 0,001$) показывают, что общая озабоченность глобальными рисками прямо связана с переживаниями чувства несправедливости ($\beta=0,503$) и страха ($\beta=0,249$), а также обратно связана с переживанием беспокойства и тревоги ($\beta=-0,342$) в связи с информацией о глобальных рисках. Эти данные указывают на разные психологи-

Таблица 4.1

Переживания в связи с информацией о глобальных рисках
в СМИ у студентов-психологов, священников
и менеджеров промышленных компаний

	Сту- денты (N=50)	Священ- ники (N=30)	Менеджеры рос- сийских компа- ний (N=50)	F	Знач.
Страх	3,0	3,1	2,4	5,377	0,006
Злость, раздражение	2,5	2,0	1,9	4,582	0,012
Беспокойство, тревога	3,6	3,3	3,2	1,678	0,191
Уныние, безысходность	2,7	2,4	2,0	3,372	0,037
Унижение	1,6	1,3	1,7	1,33	0,268
Разочарование, сожаление	3,0	2,7	2,2	4,833	0,009
Чувство несправедливости	3,2	2,0	2,6	7,919	0,001
Равнодушие	2,2	1,9	1,8	0,958	0,386
Удивление	2,5	2,8	3,0	1,225	0,297
Надежда	3,6	4,2	3,9	3,558	0,031
Уверенность	2,4	3,1	3,1	6,283	0,003
Заинтересованность	3,7	4,1	4,0	1,46	0,236
Радость	2,4	3,1	3,0	3,834	0,024
Гордость	2,4	2,4	2,8	1,921	0,151

ческие функции страха и тревоги. В отличие от страха, тревога характеризуется меньшей глубиной переживания и большей расплывчатостью ее «объекта». Коллективная тревога снижает групповую рефлексивность и запускает различные защитные механизмы, усиливая подверженность когнитивным искажениям при прогнозировании будущего. Тревога может затруднять социальную интеграцию, так как бывает связана с проблемами, которые не воспринимаются как требующие общих усилий, может быть сопряжена с выученной беспомощностью (Шубкин, Иванова, 2005). В отличие от тревоги, страх связан с определенным объектом, побуждает к коллективным или индивидуальным действиям. По-видимому, обнаруженная нами прямая связь страха и чувства несправедливости с озабоченностью глобальными рисками свидетельствует об их проблематизации как социальной проблемы, требующей разрешения (таблица 4.2). Наоборот, вызываемая новостями СМИ тревога указывает

Таблица 4.2

Зависимость значимости глобальных рисков от чувств, переживаемых в связи с информацией о глобальных рисках в СМИ (N=130)

	В	Стандарт- ная ошибка	Бета	t	P
Страх	0,147	0,078	0,249	1,899	0,062
Беспокойство, тревога	-0,214	0,087	-0,342	-2,476	0,016
Чувство несправедливости	0,287	0,063	0,503	4,537	<0,001

на восприятие рисков как не поддающихся управлению. Она снижает озабоченность глобальными рисками, так как запускает механизм когнитивного диссонанса между наличием угрозы и собственным бездействием.

В исследовании, проведенном на выборке студентов (N=133; 24% – мужчины, 76% – женщины; средний возраст – 22,3 года), нами были выявлены различия в выраженности различных эмоциональных состояний в связи с разными типами глобальных рисков (таблица 4.3). Респондентам было предложено оценить силу переживания различных чувств в связи с информацией в СМИ о тех или иных глобальных рисках. В связи с новостями о развитии новых технологий участники исследования наиболее часто испытывают чувства любопытства и удивления (M=2,6 по 5-балльной шкале), а также надежды на улучшение (2,43). При новостях о природных катастрофах и экстремальных погодных явлениях наиболее частыми оказались чувства страха (2,7), а также грусти и печали (2,35), сострадания (2,22). Новости о преступности и коррупции вызывают злость (2,66), страх (2,46) и грусть (2,4). Информация об интернет-атаках и краже данных в интернете вызывает страх (1,89), злость (1,87) и надежду на лучшее (1,80). Сведения в новостях о протестных настроениях в обществе на фоне экономического кризиса вызывают у респондентов чувства надежды (2,02), страха (1,98) и грусти (1,85). Новости в СМИ о международных конфликтах и угрозе террористических атак воспринимаются с чувствами страха (2,81), злости (2,41), грусти (2,36), надежды (2,17) и сострадания (2,15). Информация о вынужденной миграции и напряженных отношениях между мигрантами и коренным населением вызывает чувства надежды на лучшее (2,01), грусти (1,88), сострадания (1,83), страха (1,83) и злости (1,77). Новости в СМИ о гонке вооружений и усилении военно-промыш-

Таблица 4.3
Чувства, переживаемые в связи с информацией в СМИ
о различных глобальных рисках (N=133)

	Страх, тревога	Злость, раздражение	Грусть, печаль	Чувство безысходности	Равнодушие	Надежда на лучшее	Любопытство, удивление	Сострадание, желание помочь	Радость, гордость
1. Развитие технологий (автоматизация, искусственный интеллект, новые материалы, гениальная инженерия и т.д.)	1,65	1,19	1,31	1,45	1,69	2,43	2,60	1,45	1,87
2. Природные катастрофы и экстремальные погодные явления	2,70	1,50	2,35	2,20	1,34	2,04	1,60	2,22	1,04
3. Преступность, коррупция	2,46	2,66	2,40	2,12	1,43	2,02	1,45	1,74	1,12
4. Интернет-атаки, кража данных в интернете, риск выведения из строя электронных систем	1,89	1,87	1,57	1,63	1,79	1,80	1,60	1,38	1,13
5. Протестные настроения в обществе на фоне экономического кризиса	1,98	1,76	1,85	1,64	1,50	2,02	1,62	1,73	1,29
6. Международные конфликты и угроза террористических атак	2,81	2,41	2,36	2,01	1,33	2,17	1,51	2,15	1,04
7. Вынужденная миграция населения, напряженные отношения между мигрантами и коренным населением	1,83	1,77	1,88	1,66	1,62	2,01	1,43	1,83	1,11
8. Гонка вооружений и усиление военно-промышленного комплекса	1,96	1,72	1,74	1,82	1,63	1,98	1,58	1,44	1,31
9. Изменение морально-нравственных и культурных норм поведения людей	2,52	2,16	2,43	1,86	1,48	2,26	1,93	2,00	1,23

ленного комплекса воспринимаются с чувствами надежды на лучшее (1,98), страха (1,96) и безысходности (1,82). Наконец, информация об изменениях морально-нравственных и культурных норм поведения людей вызывает чувства тревоги (2,52), грусти (2,43), надежды (2,26) и злости (2,16).

Таким образом, наиболее распространенными переживаниями при восприятии новостей о глобальных рисках оказались страх и тревога, грусть и печаль, злость и раздражение, а также надежда на лучшее.

Опираясь на представление о коллективных эмоциях как о состояниях разделяемых с другими и порождаемых во взаимодействии с представителями своей группы, мы предположили, что на выраженность тех или иных эмоций при восприятии новостей о глобальных рисках влияет частота обсуждения тех или иных глобальных угроз с друзьями и знакомыми.

Оказалось, что чувства, вызываемые обсуждением информации о глобальных рисках с друзьями и знакомыми, отличаются от тех переживаний, которые связаны с самой этой информацией. Как показал линейный регрессионный анализ ($R=0,658$; $R^2=0,433$; $F=20,620$; $p<0,001$), чувства страха и тревоги подстегивают разговоры о киберугрозах ($\beta=0,329$), международных конфликтах и терактах ($\beta=0,198$), природных катастрофах ($\beta=0,186$) и преступности ($\beta=0,155$). Напротив, снижают их разговоры о развитии новых технологий ($\beta=-0,178$). Гнев и раздражение провоцируют ($R=0,596$; $R^2=0,355$; $F=14,872$; $p<0,001$) разговоры о природных катастрофах ($\beta=0,253$), международных конфликтах ($\beta=0,245$), кибератаках ($\beta=0,169$), а также будущем близких людей ($\beta=0,194$). Снижают вероятность их проявления беседы о гонке вооружений и укреплении военно-промышленного комплекса ($\beta=-0,175$). Чувство безысходности связано ($R=0,476$; $R^2=0,227$; $F=9,963$; $p<0,001$) с частотой обсуждения природных катастроф и экстремальных погодных явлений ($\beta=0,237$), интернет-атак ($\beta=0,231$), терактов и международных конфликтов ($\beta=0,202$), а также отрицательно связано с частотой обсуждения вынужденной миграции и отношений с мигрантами ($\beta=-0,166$). Надежду на лучшее усиливают ($R=0,446$; $R^2=0,199$; $F=5,539$; $p<0,001$) разговоры об экологической ситуации в стране ($\beta=0,172$), международных конфликтах ($\beta=0,256$), а также интернет-атаках ($\beta=0,156$). Снижают ее обсуждения протестных настроений в обществе и экономического кризиса ($\beta=-0,174$), а также вынужденной миграции и отношений с мигрантами ($\beta=-0,300$). Наконец, сострадание и желание помочь усиливают ($R=0,494$; $R^2=0,244$; $F=10,993$; $p<0,001$) разговоры о природных

катастрофах и экстремальных погодных явлениях ($\beta=0,272$), международных конфликтах и терактах ($\beta=0,221$), будущем близких людей ($\beta=0,209$); а ослабляют эти чувства разговоры о вынужденной миграции и отношениях с мигрантами ($\beta=-0,226$). Интересно, что готовность участвовать в общественных инициативах по предотвращению глобальных катастроф связана ($R=0,341$; $R^2=0,116$; $F=9,091$; $p<0,001$) лишь с обсуждением экологической ситуации в стране и мире ($\beta=0,171$), а также с обсуждением будущего России ($\beta=0,247$). Таким образом, межличностный и публичный дискурс оказывает влияние на вероятность и силу проявления тех или иных переживаний по поводу глобальных рисков. Более того, именно включенность личности в обсуждение этих рисков с друзьями и знакомыми позволяет говорить о ее переживаниях не как об индивидуальных, а как о коллективных.

Обсуждение значимых для своей группы угроз провоцирует совместные переживания, которые поддерживают групповую идентичность. Это означает, что переживания по поводу глобальных угроз должны быть связаны с процессом социальной идентификации и доверием к другим людям. Для проверки гипотезы о том, что на выраженность различных чувств в связи с глобальными рисками влияют характеристики социальной идентичности, уровень социального доверия и уровень выученной беспомощности, мы создали агрегированные переменные для каждого чувства, содержащие его средние значения по всем типам рисков. Как показали результаты линейного регрессионного анализа ($R=0,414$; $R^2=0,171$; $F=6,203$; $p<0,001$), предикторами чувства страха и тревоги в связи с новостями о глобальных рисках оказались этнофанатизм ($\beta=0,274$), фатализм как признание своей неспособности повлиять на будущее ($\beta=0,311$), а также низкий уровень этнонигилизма ($\beta=-0,253$). Предикторами чувства гнева и раздражения ($R=0,403$; $R^2=0,162$; $F=5,820$; $p=0,001$) являются идентификация с людьми своего ближнего окружения ($\beta=0,309$), этноизоляционизм ($\beta=0,242$) и фатализм ($\beta=0,200$). Грусть и печаль оказались связанными ($R=0,549$; $R^2=0,301$; $F=7,575$; $p<0,001$) с готовностью к действиям на благо человечества ($\beta=0,248$), этноизоляционизмом ($\beta=0,189$), идентификацией с людьми своего ближнего окружения ($\beta=0,346$), фатализмом ($\beta=0,221$), а также с возрастом респондентов ($\beta=0,261$). Чувство безысходности при новостях о глобальных рисках оказалось связано ($R=0,422$; $R^2=0,178$; $F=6,517$; $p<0,001$) с низким уровнем доверия к людям ($\beta=-0,208$) и фатализмом ($\beta=0,287$). Предикторами равнодушия ($R=0,536$; $R^2=0,287$; $F=7,099$; $p<0,001$) парадоксальным образом оказались глобальная самоидентифика-

ция ($\beta=0,297$), низкая идентификация с Россией ($\beta=-0,364$), этноизоляционизм ($\beta=0,238$), низкая готовность поддерживать своими действиями общественные инициативы, направленные на предотвращение глобальных катастроф ($\beta=-0,232$), а также мужской пол респондентов ($\beta=-0,222$). Сострадание и желание помочь связаны ($R=0,427$; $R^2=0,182$; $F=20,519$; $p<0,001$) с готовностью к действиям на благо человечества ($\beta=0,427$). Нами также была обнаружена слабая связь переживания радости и гордости с этноизоляционизмом ($R=0,330$; $R^2=0,109$; $F=11,251$; $p=0,001$; $\beta=0,330$). При этом сами эмоции также могут оказывать влияние на характеристики идентичности: так, готовность к действиям на благо человечества как компонент шкалы глобальной идентификации С. Макфарленда оказалась прямо связанной ($R=0,493$; $R^2=0,243$; $F=14,581$; $p<0,001$) с переживанием чувства сострадания ($\beta=0,586$) и отрицательно связанной с любопытством и удивлением ($\beta=-0,292$).

Таким образом, исследование подтвердило тесную связь между коллективными переживаниями и процессами социальной идентификации. Кроме того, из полученных данных можно сделать вывод о том, что негативные чувства страха, злости и безысходности при восприятии новостей о глобальных рисках связаны с дисфункциональными типами этнической идентичности, низким уровнем социального доверия и выученной беспомощностью. По всей видимости, нагнетание тревоги и страха в СМИ по поводу глобальных катастроф оказывается малодейственным для побуждения общества к действиям по их предотвращению. Интересно, что обсуждение в кругу друзей ядерной угрозы, глобального потепления и угроз развития новых технологий никак не способствует формированию готовности участвовать в общественных инициативах по предотвращению глобальных катастроф. Единственные темы межличностного дискурса, которые подталкивают наших респондентов к проактивным действиям в отношении глобальных рисков, связаны с будущим России и с экологической ситуацией в стране и мире. Возможно, это связано с тем, что остальные угрозы воспринимаются как не зависящие от воли человека, неуправляемые риски. Это косвенно подтверждает предположение о том, что конструктивное воздействие на отношение к глобальным рискам оказывает только такая новостная информация в СМИ, которая содержит конкретный алгоритм действий, а также апеллирует к позитивной этнической идентичности и состраданию, а не к страху, этнонигилизму или ксенофобии.

В другом исследовании нами было обнаружено, что на субъективную значимость глобальных рисков влияет прежде всего чувство

тревоги в связи с прогнозами будущего человечества в СМИ ($N=96$; $R^2=0,364$; $F=12,74$, $p<0,001$; $\beta=0,434$), тогда как готовность содействовать предотвращению глобальных рисков повышается при переживании сострадания ($N=96$; $R^2=0,180$; $F=6,56$, $p<0,001$; $\beta=0,314$) и снижается при переживании тревоги ($\beta=-0,193$).

Различия в предикторах озабоченности глобальными рисками и готовности к их предотвращению указывают на то, что напоминания о неизбежности катастрофы сами по себе не повышают готовность общества к большим вызовам XXI века. Напротив, нагнетание тревоги снижает групповую креативность и ослабляет ориентацию на обмен знаниями, которые так необходимы для поиска способов предотвращения коллективных угроз; а негативные формулировки целей, фиксирующие нас на избегании угроз, а не на возможностях, делают нас еще более приверженными принятым ранее решениям и еще более склонными к рискованным, непродуманным решениям (см. работы А. Тверского и Д. Канемана). Наши данные хорошо согласуются с результатами исследований в области жизнеспособности, которые показывают, что проактивное поведение связано с оптимизмом и верой в способность влиять на будущее. Исследования в области психологии изменения климата и природосберегающего поведения свидетельствуют о том, что побуждением к действию становятся не столько алармизм, сколько формирование позитивных целей, поиск взаимной выгоды и возможностей для развития, повышение самооценки.

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что проблема коллективных эмоций приобретает все большую актуальность и привлекает все большее внимание социальных психологов из разных областей — организационной, политической психологии, медиапсихологии, психологии межгрупповых отношений.

Данные эмпирических исследований позволяют с уверенностью говорить о том, что коллективные эмоции тесно связаны с механизмами социального познания, групповой идентификации, формирования коллективной памяти и образа будущего. Они играют важную роль в межгрупповых отношениях, при урегулировании межгрупповых конфликтов и в совладании с последствиями травмирующих событий.

Намечая перспективы дальнейших исследований, хотелось бы отметить несколько проблем, требующих более пристального внимания социальных психологов.

Во-первых, это проблема определения и классификации групповых эмоциональных состояний. До сих пор нет ясности в том, все ли эмоции, испытываемые людьми на индивидуальном уровне, могут приобретать коллективный характер. Требуется уточнения отличие групповых эмоций от других групповых феноменов, имеющих аффективную составляющую – коллективных представлений, межгрупповых стереотипов, социальных установок. Отдельным и важным вопросом в этой связи является разграничение понятий эмоциональной атмосферы, эмоционального климата и эмоциональной культуры группы.

Во-вторых, недостаточно изученными остаются механизмы превращения эмоций из индивидуальных в коллективные, а также связанная с этим проблема осознаваемого или неосознаваемого обмена эмоциями. По-видимому, обмен эмоциями между людьми может осознаваться, а в некоторых случаях даже осуществляться целенаправленно, поскольку связан с дискурсивными практиками и передачей информации в межличностном общении. Напротив, процесс эмоционального заражения, практически не рассматриваемый в современных исследованиях, меньше поддается осознанию и контролю. Мы все еще мало знаем об условиях возникновения и динамике обмена эмоциями и эмоционального заражения в малых и больших группах.

В-третьих, дальнейшего изучения требует формирование коллективных эмоций в онлайн-коммуникациях, прежде всего – в социальных сетях. Необходимость таких исследований объясняется растущей ролью онлайн-сообществ в повседневной жизни за пределами сети. Социальные сети все больше влияют на принятие решений, эмоциональную атмосферу в семье и на работе, историческую и коллективную память и т. д. Социальные сети играют решающую роль в формировании общественных движений и в политических событиях (достаточно вспомнить, например, их роль в революциях «арабской весны», президентских выборах в США и выходе Великобритании из Евросоюза). До сих пор внимание исследователей в этой области было сосредоточено на преимущественно когнитивных феноменах – социальных установках и представлениях, тогда как коллективные эмоции интернет-пользователей оставались в тени. Кроме того, постепенный переход от традиционных СМИ к электронным и мультимедийным, превращение социальных сетей в агрегаторы новостного и телевизионного контента повышает интерактивность и способность медиа влиять на коллективные эмоциональные состояния.

В-четвертых, все еще малоизученной остается роль коллективных эмоций в экономической психологии. Между тем в сетевую эпоху динамика коллективных эмоциональных состояний существенно влияет на поведение потребителей, инвестиционную и предпринимательскую активность.

Наконец, дальнейших исследований требует проблема управления коллективными эмоциональными состояниями. До сих пор основное внимание уделялось возможностям использования коллективных эмоций для манипулирования массовым сознанием (например, при ведении информационных войн и политических компаний). Сами члены социальных групп рассматриваются при этом как пассивные объекты стороннего воздействия. Однако все более востребованным и перспективным становится субъектный подход при работе с коллективными эмоциональными состояниями. При таком подходе на первый план выходит групповой эмоциональный интеллект, способность членов осознавать и регулировать коллективные переживания в ходе совместной жизнедеятельности, противостоять манипулятивным воздействиям.

Глава 5

ОТНОШЕНИЕ К ГЛОБАЛЬНЫМ РИСКАМ И ПОСТАПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ

Наши представления о глобальных рисках редко подтверждаются личным опытом, они опираются в основном на «память о будущем», созданную современной массовой культурой: прогнозами авторитетных экспертов в СМИ, научной фантастикой, документальными фильмами и голливудскими блокбастерами, а в последние два десятилетия все в большей степени – постапокалиптическими компьютерными играми (Нестик, Журавлев, 2018а). Художественные образы глобальных катастроф служат опорой для нашего воображения при конструировании представлений о будущем. Их воздействие на наше отношение к глобальным рискам носит противоречивый характер.

Роль кинематографа и компьютерных игр в формировании представлений о глобальных рисках

Примером позитивного воздействия массовой культуры на отношение личности к глобальным рискам является «климатическая фантастика». Просмотры художественных фильмов, ярко изображающих последствия глобального изменения климата, способствуют росту чувства ответственности за будущее и готовности к природосберегающему поведению (Lowe et al., 2006; McGreavey, Liendfield, 2014). Так, например, просмотр фильма «Послезавтра», посвященного глобальной климатической катастрофе, повысил озабоченность экологическими рисками и мотивацию к природоохранному поведению. Вместе с тем зрительская аудитория не получила никакого представления о том, что именно мы можем сделать для предотвращения катастрофы, а граница между зрелищными спецэффектами и научными фактами оказалась размыта. В результате оценка вероятности экстремальных погодных явлений из-за изменения кли-

мата после просмотра фильма снижалась, а не возрастала (Lowe et al., 2006). Более того, исследователи обращают внимание на то, что в фильмах о климатических катастрофах закрепляется картина мира, которая противоречит ценностям устойчивого развития: недоверие к социальным институтам, этнические и гендерные предрассудки (McGreavy, Lindenfeld, 2014).

В научной литературе пока не сложилось единого мнения о влиянии информирования на отношение общества к глобальным катастрофам. Ряд исследований свидетельствуют о том, что, чем больше респонденты доверяют ученым и чем больше они информированы об изменении климата, тем меньше их озабоченность по этому поводу и тем меньше они чувствуют себя ответственными за его предотвращение (Kellstedt, Zahran, Vedlitz, 2008). Мета-анализ 25 опросов и 171 академического исследования в 56 странах показывает, что такие очевидные, казалось бы, факторы, как субъективная осведомленность о проблеме климата и личный опыт столкновения с экстремальными погодными явлениями, оказывают на веру в глобальное изменение климата гораздо меньшее влияние, чем идеологические установки, ценности и представления о мире. При этом сама по себе вера в изменение климата и его последствия практически не влияет на готовность участвовать в предотвращении климатической катастрофы (Hornsey et al., 2016). Тем не менее одно из экспериментальных исследований показало, что после просмотра фрагментов из документального фильма «Неудобная правда» испытуемые были более склонны верить в изменение климата, были более готовы принимать на себя ответственность за сдерживание скорости изменения климата, а также демонстрировали меньший уровень фатализма (Beattie, Sale, McGuire, 2011).

В отличие от психологических эффектов кинематографа, влияние компьютерных игр на отношение к глобальным рискам не изучалось. О том, что такое влияние возможно, свидетельствуют эмпирические исследования в области экологической педагогики: специально разработанные деловые игры, моделирующие переговоры по поводу изменения климата, повышают чувство ответственности за климатические изменения и оптимизм в отношении международного сотрудничества, направленного на сдерживание негативных последствий глобального потепления (Meua, Eisenack, 2017; Rumore, Schenk, Susskind, 2016; Wu, Lee, 2015). Ряд исследований указывают на позитивные эффекты игры в «серьезные» компьютерные игры, не связанные с проблематикой глобальных рисков (Клопотова, Кузнецова, 2017).

Вопрос о том, какое влияние оказывают именно развлекательные, а не серьезные компьютерные игры на социальные установки геймеров, остается открытым. Эксперименты показывают, что постапокалиптические видеоигры могут вызывать одновременно и удовольствие, и глубокие переживания (Shafer et al., 2016). Игровые поступки, имеющие этический контекст, могут влиять на просоциальное поведение в реальном мире в зависимости от того, насколько личностно значимой была игровая ситуация, насколько глубоко переживал ее игрок на когнитивном и эмоциональном уровнях (Iten, Steinemann, Orwis, 2018; Steinemann et al., 2017). При этом до сих пор нет однозначных подтверждений тому, что игра в компьютерные игры со сценами насилия оказывает влияние на способность к эмпатии и социальные установки (Богачева, Войскунский, 2017; Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017). Эмпирические исследования указывают на то, что выбор просоциального поведения зависит от характеристик идентичности личности игроков, наличия ролевого конфликта (Рубцова, Панфилова, Артеменков, 2018).

Классические компьютерные стратегии, такие как Civilization, Warcraft или Sid Meier's Alpha Centauri относятся к 4X-играм (eXplore, eXpand, eXploit, and eXterminate), т.е. подталкивают игроков к исследованиям, экспансии, эксплуатации ресурсов и уничтожению противников любой ценой. Тем не менее, есть и другие примеры. Так, в игре от первого лица Ego стратегия выживания основана на кооперации, позволяющей обеспечить устойчивое развитие. А в одном из Minecraft mod моделируется повышение диоксида серы в атмосфере, и пользователи могут сажать деревья, чтобы избежать негативных климатических последствий. Более того, разрабатываются компьютерные симуляторы, ориентированные на формирование ответственного поведения в отношении природных ресурсов, такие как Flourish: A Climate Grand Strategy Game (Bianco, 2018).

Особый интерес представляют развлекательные постапокалиптические игры и фильмы, популярность которых сегодня высока не только в России, но и во всем мире (Charting trends..., 2017; D'Olimpio, Beard, Stokes, 2015; Schmid, 2013). Среди них Resident Evil (1996 – настоящее время), Metro 2033 (2010) и Metro Last Light (2013), S. T. A. L. K. E. R.: Shadow of Chernobyl (2007), The Last of Us (2013), Fallout 4 (2015) и др. Заметим, что постапокалиптический шутер Fallout 4 стал самой популярной игрой в 2015 г., по данным Amazon. Чтобы понять масштабы данного явления, достаточно учесть, что только за один месяц число продаж Fallout 4 составило более 2 млн копий, а в первый день выхода игры в нее одновременно играли более 440

тысяч человек. В качестве причин привлекательности такого рода игр называют возможность почувствовать свою исключительность и превратиться в выжившего супергероя, возможность выбрать новую идентичность в мире без правил и прежних социальных связей, самому определять свою судьбу и влиять на окружающий мир (D'Olimpio, Beard, Stokes, 2015).

Можно предположить, что индустрия компьютерных игр превратилась в один из факторов, снижающих чувствительность к рискам ядерной войны в массовом сознании, так как постапокалиптический геймплей позволяет персонажам многократно оживать после смерти, а также осваивать воображаемый мир после катастрофы. Игровая культура поддерживает веру в возможность выживания после ядерной войны, «опривычивает» воображаемые катастрофические последствия, истинная реальность которых недоступна опыту ныне живущего человечества.

Кроме того, особенностью постапокалиптических игр является социальный пессимизм: все они изображают мир, в котором нельзя доверять никому (Poole, 2017). При этом игроки могут совершать неэтичные поступки, например, взрывать ядерную бомбу в центре города, задействуя различные стратегии отчуждения моральной ответственности, такие как перекладывание ответственности на других членов команды, размывание ответственности, превращение жертв в виновников, признание происходящего всего лишь игрой (Shafer, 2012).

Опыт игры в компьютерные игры и отношение личности к глобальным рискам

Несмотря на превращение компьютерных игр в одну из важных сфер жизни современного общества, связь опыта развлекательных видеоигр с отношением к глобальным рискам остается в научной литературе неисследованной. Чтобы проверить наличие и характер такой связи, в 2017–2018 гг. нами была проведена серия поисковых исследований. Во-первых, мы предположили наличие связи между опытом игры в компьютерные игры и характеристиками отношения к глобальным рискам. Во-вторых, нами была выдвинута гипотеза о том, что игровые предпочтения геймеров связаны с отношением к глобальным рискам. В частности, опираясь на проведенный обзор научной литературы, мы предположили, что опыт игры в постапокалиптические игры будет отрицательно связан с озабоченностью глобальными рисками и готовностью участвовать в их предотвращении.

Первое исследование было направлено на изучение связи между игрой в компьютерные игры и отношением к глобальным рискам. Участники исследования – 547 студентов вузов Москвы, Симферополя, Норильска и Архангельска (подробное описание выборки приведено в 1-й главе). Опрос проводился посредством заполнения печатных бланков анкет.

Для изучения отношения личности к глобальным рискам нами использовалась шкала «Ценность выживания человечества» и опросник «Отношение к глобальным рискам» Т. А. Нестика. Кроме того, респондентам было предложено оценить по 5-балльной шкале свою озабоченность различными экологическими, технологическими, экономическими и социальными рисками. Также испытуемых просили ответить на вопрос, играют ли они в компьютерные игры (А – нет, не играю; В – играю 1–3 часа в неделю, С – играю от 3 до 10 часов в неделю; D – играю 10–14 часов в неделю; E – играю более 14 часов в неделю).

В целом наша гипотеза подтвердилась. Как показали результаты анализа значимых различий (таблица 5.1) между студентами, не играющими в компьютерные игры (N=273) и играющими в них от 3 до 14 часов в неделю (N=169), геймеры испытывают меньшую тревогу по поводу глобальных рисков (ANOVA $F=24,92$, $p<0,001$), выживание человечества представляет для них меньшую ценность ($F=12,54$, $p<0,001$), при этом они менее склонны поддерживать предотвращение глобальных рисков за счет возвращения к традиционным ценностям и контроля за гражданами ($F=9,299$, $p=0,002$). На грани тенденции нами были выявлены различия в допустимости радикальных решений: геймеры несколько более склонны поддерживать выживание одних за счет других ($F=3,418$, $p=0,065$).

По-видимому, данные различия объясняются личностными особенностями геймеров, для которых характерна ориентация на гедонистические ценности (Гайнуллина, 2008; Баева, 2014; Логвинов и др., 2014). Также нами были выявлены различия в личностных характеристиках, которые могут объяснять отношение к глобальным рискам: по сравнению с другими студентами, геймеры характеризуют себя как менее добросовестных ($F=15,843$, $p<0,001$) и менее доброжелательных ($F=22,781$, $p<0,001$), они демонстрируют меньшую религиозность ($F=8,688$, $p=0,003$) и меньшую ориентацию на чистоту и святость ($F=14,097$, $p<0,001$), менее ориентированы на межличностную гармонию ($F=21,71$, $p<0,001$), более склонны верить в несправедливость общества ($F=3,973$, $p=0,047$), меньше доверяют незнакомым людям и представителям других групп ($F=6,72$, $p=0,01$). В целом дан-

Таблица 5.1

Отношение к глобальным рискам и личностные характеристики у студентов с разным опытом игры в компьютерные игры

Личностные характеристики	Не играют в компьютерные игры (N=273)	Играют в компьютерные игры от 3 до 14 часов в неделю (N=169)	ANOVA	
			F	p
Религиозный авторитаризм: возвращение к традиционным религиозным ценностям и контроль за гражданами	2,50	2,26	9,299	0,002
Радикальные решения: допустимость выживания одних за счет других	2,09	2,22	3,418	0,065
Тревога по поводу глобальных рисков	3,35	2,92	24,92	<0,001
Ценность выживания человечества	3,37	3,09	12,54	<0,001
Доброжелательность (TIPI)	4,53	4,01	22,781	<0,001
Добросовестность (TIPI)	5,41	4,91	15,843	<0,001
Религиозность (SAS)	2,80	2,49	8,688	0,003
Социальный цинизм (SAS)	3,24	3,39	3,973	0,047
Вера в вознаграждение усилий (SAS)	3,92	3,71	6,753	0,01
Ориентация на гармонию в отношениях между людьми (SAS)	3,56	3,20	21,71	<0,001
Шкала заботы (MFQ)	3,33	3,15	4,332	0,038
Шкала уважения к авторитетам (MFQ)	2,51	2,32	5,312	0,022
Шкала чистоты и святости (MFQ)	2,99	2,66	14,097	<0,001
Аутгрупповое доверие (WVS)	2,54	2,34	6,72	0,01

ные характеристики личности вполне соответствуют виртуальным мирам современных компьютерных игр. Безусловно, нужны дальнейшие исследования, чтобы выяснить, вызваны ли эти различия игровым опытом или являются предикторами предрасположенности к компьютерным играм.

Отношение к глобальным рискам у геймеров, играющих в постапокалиптические игры

Второе и третье исследования были проведено нами совместно с Е. С. Ермоленко среди российской молодежи с помощью онлайн-

опросов. Участниками второго исследования стали геймеры с различными игровыми предпочтениями (N=503; 75% – мужчины, 25% – женщины; от 15 до 42 лет; средний возраст 24 года). Мы предположили, что наличие и характер связи игры в компьютерные игры с отношением к глобальным рискам различаются в зависимости от сюжета постапокалиптических игр.

В анкете мы задавали вопрос о том, нравятся ли респондентам игры с постапокалиптическим сюжетом. Кроме того, респондентам был предложен перечень из 21 игры с постапокалиптическим сюжетом, каждую из которых они должны были оценить по 5-балльной шкале (0 – не играл, 1 – не нравится, 2 – скорее не нравится, 3 – скорее нравится, 4 – очень нравится). Для измерения отношения к глобальным рискам использовалась адаптированная нами методика С. Гамильтона «Ядерные ориентации» (Nuclear Orientation Questionnaire, NOQ), позволяющая оценить отношение к ядерным проблемам в контексте общего мировоззрения личности (Журавлев, Нестик, Соснин, 2016). Также респондентам предлагалось оценить степень своей озабоченности 30 различными глобальными рисками (The Global Risks Report, 2017). Для измерения личностных характеристик использовались сокращенная версия «Стэнфордского опросника временной перспективы» Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой и О. В. Митиной (ЗТПИ), семантический дифференциал «Временные аттитуды» Ж. Нюттена в модификации Т. А. Нестика, а также шкала базового доверия Л. Хаффа и Л. Келли (Нестик, 2015а).

Проведенный факторный анализ методом главных компонент и с вращением варимакс позволил выделить 5 факторов, объясняющих 47% дисперсии игровых предпочтений наших респондентов. В первый, «приключенческий», фактор вошли серия GTA, серия Assassin's Creed, серия Far Cry, Tomb Raider, HITMAN, Tom Clancy's The Division. Во второй, «научно-фантастический», фактор вошли серия Portal, серия Half-Life, серия BioShock, а также Max Payne, где присутствуют элементы научной фантастики в виде секретных разработок наркотического средства. В третий, «приближенный к реальности», фактор вошли серия S. T. A. L. K. E. R., серия Metro 2033, серия Fallout, а также серия Left 4 Dead. Особенностью этих игр является разворачивание действия в современном мире после ядерной войны или эпидемии, время и место действия связаны с реальными российскими и американскими городами. В четвертый, «фантазийный», фактор попали Miscreated, DayZ, ARK: Survival Evolved и The Last Of Us, особенностью этих игр является преимущественно вымышленный мир, переживший апокалипсис. Наконец, в пятый,

«космический», фактор вошли серия Mass Effect, серия Sid Meier's Civilization и RAGE.

Проведенный нами кластерный анализ методом К-средних позволил выделить четыре типа пользовательских игровых предпочтений (таблица 5.2). К первому типу «Не интересующиеся постапокалиптическими играми» (N=82, 78% – мужчины, средний возраст 23,4) были отнесены пользователи с наиболее низким уровнем предпочтений по всем типам постапокалиптических игр. Во второй кластер «Любители фантастических приключений» (N=97, 84% – мужчины, средний возраст 23,7) были отнесены геймеры, предпочитающие игры, вошедшие в «приключенческий» и «научно-фантастический» факторы. Третий кластер «Постапокалиптические универсалы» (N=121, 97% – мужчины, средний возраст 22,3) включает геймеров, играющих практически во все постапокалиптические игры, кроме «фантазийных». Наконец, представители четвертого кластера «Герои пустошей» (N=95, 95% – мужчины, средний возраст 25,4) предпочитают в основном «приближенные к реальности» постапокалиптические игры: S. T. A. L. K. E. R., Metro 2033, Fallout, Left 4 Dead.

Однофакторный дисперсионный анализ ANOVA позволил выявить значимые различия в отношении к глобальным рискам между разными типами игровых предпочтений (таблица 5.3). Так, «Постапокалиптические универсалы», играющие практически во все постапокалиптические игры, характеризуются более высокой озабочен-

Таблица 5.2

Типы игровых предпочтений (результаты кластерного анализа)

Игровые предпочтения респондентов	Кластеры (средние значения)			
	1	2	3	4
1. «Приключенческий» фактор (серия GTA, серия Assassin's Creed, серия Far Cry, Tomb Raider, Hitman, Tom Clancy's The Division)	0,92	2,14	2,53	1,57
2. «Научно-фантастический» фактор (серия Portal, серия Half-Life, серия BioShock, Max Payne)	0,81	2,21	2,64	1,21
3. «Приближенный к реальности» фактор (серия S. T. A. L. K. E. R., серия Metro 2033, серия Fallout, серия Left 4 Dead)	0,91	1,9	3,21	3,1
4. «Фантазийный» фактор (Miscreated, DayZ, ARK: Survival Evolved, The Last of Us)	0,3	0,63	1,21	0,64
5. «Космический» фактор (серия Mass Effect, серия Sid Meier's Civilization, RAGE)	1,13	1,41	2,79	1,83

Таблица 5.3

Отношение к глобальным рискам в зависимости от предпочитаемых постапокалиптических компьютерных игр

Отношение к глобальным рискам и личностные характеристики	Типы игровых предпочтений (средние)				ANOVA (F, p)	
	1	2	3	4	F	Знач.
Озабоченность техногенными глобальными рисками*	2,3	2,5	2,8	2,5	3,725	0,012
Убеждение в том, что, учитывая возможность глобальной катастрофы, нужно сосредоточиться на настоящем и успеть получить от жизни удовольствие*	2,7	3,1	2,5	2,8	3,227	0,023
Убеждение в том, что глобальную катастрофу можно пережить, если подготовиться к ней заранее (обучать людей навыкам выживания, строить убежища и т. п.)*	3,5	3,3	3,8	3,4	2,739	0,043
Готовность своими действиями поддерживать общественные инициативы, направленные на предотвращение глобальных катастроф*	3,3	2,8	3,5	3,3	5,677	0,001
Позитивная оценка ближайшего будущего (через 1 год)**	4,7	4,6	4,3	4,2	3,538	0,015
Позитивная оценка среднесрочного будущего (через 5 лет)**	4,7	4,7	4,5	4,1	3,518	0,015
Предсказуемость ближайшего будущего (через 1 год)**	3,4	3,4	3,9	4,0	3,682	0,012
Предсказуемость среднесрочного будущего (через 5 лет)**	3,4	3,5	3,6	4,1	3,055	0,029
Доверие к людям*	2,5	2,3	2,2	2,1	2,832	0,038
Время, проводимое за игрой в компьютерные игры*	4,0	4,3	4,5	4,5	10,419	<0.001

Примечание: * – 5-балльная шкала; ** – 7-балльная шкала.

ностью техногенными глобальными рисками ($F=3,725$, $p=0,012$), они наименее согласны с утверждением о том, что, учитывая возможность глобальной катастрофы, нужно сосредоточиться на настоящем и успеть получить от жизни удовольствие ($F=3,227$, $p=0,023$), и наиболее склонны верить в то, что глобальную катастрофу можно пережить, если подготовиться к ней заранее ($F=2,739$, $p=0,043$), а также более других готовы своими действиями поддерживать общественные инициативы, направленные на предотвращение глобальных катастроф ($F=5,677$, $p=0,001$). По сравнению с другими ти-

пами, представители «Любителей пустошей», предпочитающих такие игры, как S. T. A. L. K. E. R., Metro 2033, Fallout, Left 4 Dead, наиболее негативно оценивают ближайшее и среднесрочное будущее ($F=3,538$, $p=0,015$ и $F=3,518$, $p=0,015$) и наиболее высоко оценивают их предсказуемость ($F=3,682$, $p=0,012$ и $F=3,055$, $p=0,029$), а также характеризуются наименьшим уровнем доверия к людям ($F=2,832$, $p=0,038$). Иными словами, для данного типа игровых предпочтений наиболее характерен социальный пессимизм, что хорошо согласуется со сценарием и сеттингом игр, демонстрирующих «темную сторону» человеческих отношений в полном отчаяния разрушенном мире. Обращает на себя внимание тот факт, что «Постапокалиптические универсалы» и «Любители пустошей» представлены практически исключительно мужчинами, которые значимо больше, чем другие типы, проводят времени за игрой в компьютерные игры.

Как показал корреляционный анализ по критерию Спирмена, предпочтение апокалиптических игр прямо связано с готовностью своими действиями поддерживать общественные инициативы, направленные на предотвращение глобальных катастроф ($r=0,164^{***}$)¹, а также с верой в то, что глобальную катастрофу можно пережить, если подготовиться к ней заранее, т. е. обучать людей навыкам выживания, строить убежища и т. п. ($r=0,140^{***}$). Предпочтение апокалиптических игр оказалось связано с озабоченностью вымиранием различных видов животных и растений, разрушением экосистемы ($r=0,146^{**}$), эпидемиями инфекционных заболеваний ($r=0,140^{**}$), экстремальными явлениями погоды ($r=0,134^{**}$) и крупными природными катастрофами ($r=0,156^{**}$), а также ослаблением государственного управления, в том числе политическими кризисами ($r=0,142^{**}$). Можно предположить, что взаимодействие с миром постапокалиптических игр облегчает геймерам оценку вероятности глобальных рисков, но затрудняет оценку серьезности их последствий, оставляя надежду на выживание.

Результаты линейного регрессионного анализа методом обратных шагов ($R=0,582$; $R^2=0,338$; $F=21,245$, $p<0,001$; таблица 5.4) показывают, что готовность поддерживать своими действиями общественные инициативы, направленные на предотвращение глобальных катастроф, зависит от предпочтения игр серии Fallout ($\beta=0,146^{**}$). Она также связана с убеждением в том, что ядерную войну и другие глобальные катастрофы можно предотвратить, если объединить общественность и подталкивать правительства к действиям

1 Здесь и далее: *** – $p<0,001$; ** – $p<0,01$; * – $p<0,05$.

Таблица 5.4

**Предикторы готовности поддерживать
своими действиями общественные инициативы,
направленные на предотвращение глобальных катастроф**

Характеристики личности	B	S. E.	Бета	t	p
Предпочтение игр серии Fallout	0,121	0,040	0,146	3,031	0,003
Убеждение в том, что ядерную войну и другие глобальные катастрофы можно предотвратить, если объединить общественность и подталкивать правительства к действиям	0,231	0,048	0,241	4,787	<0,001
Убеждение в том, что глобальную катастрофу можно пережить, если подготовиться к ней заранее (обучать людей навыкам выживания, строить убежища и т. п.)	0,147	0,045	0,161	3,236	0,001
Общая озабоченность глобальными рисками	0,339	0,082	0,216	4,145	<0,001
Глобальная идентичность (GI)	0,229	0,054	0,214	4,234	<0,001
Фаталистическое настоящее (ZTPI)	-0,282	0,073	-0,193	-3,892	<0,001
Число друзей	-0,005	0,002	-0,133	-2,727	0,007

Примечание: R=0,582; R²=0,338; F=21,245, p<0,001.

($\beta=0,241^{***}$); с убеждением в том, что глобальную катастрофу можно пережить, если подготовиться к ней заранее ($\beta=0,161^{**}$); с общей озабоченностью глобальными рисками ($\beta=0,216^{***}$) и глобальной идентичностью ($\beta=0,214^{***}$). Обнаружена ее отрицательная связь с фаталистическим настоящим ($\beta=-0,193^{***}$) и числом друзей ($\beta=-0,133^{**}$). Таким образом, игра в Fallout является предиктором готовности внести вклад в предотвращение глобальных рисков и связана с убеждением в том, что предупреждение катастрофы и выживание в ней зависят от личных усилий.

Интересно, что предпочтения «приближенных к реальности» и «фантазийных» игр по-разному связаны с отношением к глобальным рискам и личностными характеристиками. Так, предпочтение игры в «фантазийные» постапокалиптические игры (Miscreated, DayZ, ARK: Survival Evolved и The Last of Us) связано с убеждением в том, что, учитывая возможность глобальной катастрофы, нужно сосредоточиться на настоящем и успеть получить от жизни удовольствие ($r=0,172^{**}$), а также с ориентацией на гедонистическое

настоящее ($r=0,200^{**}$). Наоборот, предпочтение игры в «приближенные к реальности» игры (S. T. A. L. K. E. R., Metro 2033, Fallout) прямо связано с готовностью участвовать в предотвращении глобальных рисков ($r=0,146^{**}$) и ориентацией на будущее ($r=0,140^*$), а также отрицательно связано с доверием к людям ($r=-0,161^{**}$). Таким образом, подтвердилась гипотеза о том, что наличие и характер связи игры в компьютерные игры с отношением к глобальным рискам различаются в зависимости от сюжета игр. По-видимому, эти данные указывают на то, что игра в разные постапокалиптические игры имеет разные мотивы и последствия. Возможно, игра в S. T. A. L. K. E. R. и Metro 2033, действие которых происходит в России, актуализирует гражданскую идентичность российских геймеров, стимулирует социальную категоризацию окружающей реальности с точки зрения причин возможной катастрофы, заставляет задуматься об ответственности за коллективное будущее. Игра в «фантазийные» постапокалиптические компьютерные игры, напротив, стимулирует «бегство» от реальности.

Таким образом, можно сделать вывод, что компьютерные игры могут оказывать неоднозначное воздействие на отношение личности к глобальным рискам. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что игра в постапокалиптические игры связана с субъективной значимостью глобальных катастроф и готовностью участвовать в их предотвращении, но при этом сопряжена с верой в возможность выживания в глобальной катастрофе.

Отношение к глобальным рискам и личной смерти у геймеров, играющих в компьютерные игры разных жанров

Одним из ограничений второго исследования было сосредоточение внимания на одних лишь постапокалиптических играх: непроясненной осталась связь между отношением к глобальным рискам и опытом игры в компьютерные игры других жанров. Поэтому в третьем исследовании нами была выдвинута гипотеза о том, что отношение к глобальным рискам у игроков в постапокалиптические игры и игры других жанров будет различаться.

Кроме того, мы предположили, что пессимизм и оптимизм в отношении будущего человечества могут зависеть от опыта многократного переживания смерти аватара в игре. В отличие от переживания смерти в реальном мире, уход из жизни в онлайн-играх, с одной стороны, носит более социальный характер, он чаще обсуждается в игровых чатах и форумах, а с другой стороны, связан с более раз-

нообразными, в том числе позитивными, эмоциональными состояниями (Flynn-Jones, 2015; Klastруп, 2007). Это дает основания предполагать, что многократная смерть аватара в играх снижает страх личности перед своей и чужой смертью, формирует представление о том, что личная и коллективная гибель неокончательна. Вместе с тем в постапокалиптических играх смерть героев связана с более серьезными последствиями, чем в обычных шутерах, и может вызывать более глубокие переживания. Например, изучение игровых чатов в многопользовательской постапокалиптической игре DayZ показало, что переживание геймерами своей и чужой смерти усиливается необратимой потерей всех навыков и приобретений в случае гибели, необходимостью решать моральные дилеммы, а также интенсивной коммуникацией с другими игроками в ситуациях, чреватых убийством (Carter, Gibbs, Wadley, 2013). Постапокалиптические игры типа Fallout предоставляют игрокам гораздо большую свободу выбора, чем традиционные массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры (Pichlmair, 2009). Таким образом, можно ожидать, что отношение к смерти у геймеров, предпочитающих постапокалиптические ролевые игры и стратегии, в которых смерть связана с серьезными потерями и моральным выбором, будет отличаться от отношения к смерти у игроков, предпочитающих «шутеры» и «бродилки».

Участниками третьего исследования стали взрослые горожане (N=291; 51% – мужчины, 49% – женщины; от 17 до 37 лет, средний возраст – 23,7 года). Участникам онлайн-опроса было предложено указать, играют ли они в компьютерные игры, оценить количество часов в неделю, проводимое за игрой, общее число лет игрового опыта, а также указать типы игр, в которые они играют чаще всего. Предложенный респондентам список включал симуляторы (экономические, спортивные, авиасимуляторы, симуляторы гонок, реальной жизни), многопользовательские онлайн игры (MMORPG, MOBA), постапокалиптические игры (Fallout, S. T. A. L. K. E. R., Метро 2033, The last Of Us и др.), ролевые игры (RPG), стратегии (пошаговые, в реальном времени, глобальные), хоррор-игры (Silent Hill, Resident Evil и др.), а также игры жанра «экшен» (шутеры, файтинги, аркады, приключенческие игры). Поскольку для геймеров характерна игра одновременно в разные игры (Аветисова, 2011), респонденты могли выбрать несколько жанров.

Для измерения отношения к глобальным рискам использовались аффективная и когнитивные шкалы опросника «Отношение к глобальным рискам» Т.А. Нестика. Для измерения отношения к лич-

ной смерти использовались краткие версии методики «Отношение к смерти» (DAP-R) П. Вонга и опросника «Страх личной смерти» В. Флориан и С. Кравец (Чистопольская и др., 2017).

Иерархический кластерный анализ методом самого дальнего соседа позволил выделить четыре кластера игровых предпочтений (таблица 5.5). К первому кластеру «Онлайн-ролевики» (N=84, 67% – мужчины, средний возраст 22,7 года) были отнесены респонденты, играющие чаще всего в ролевые игры и онлайн-игры. Во второй кластер «Ролевики-стратеги» (N=38, 71% – мужчины, средний возраст – 23,2 года) вошли респонденты, играющие во все типы игр, но отдающие предпочтение ролевым играм, хоррор-играм, а также значительно больше других типов играющие в постапокалиптические игры и стратегии. Третий кластер «Не играющие» (N=130, 73% – женщины, средний возраст – 24,9 года) представлен респондентами, которые не отметили практически ни один тип игр. Наконец, четвертый кластер «Любители шутеров» (N=39, 72% – мужчины, средний возраст – 22,3 года) объединил респондентов, которые предпочитают симуляторы, ролевые игры, хоррор-игры и значительно больше других типов играют в игры жанра «экшен».

Однофакторный дисперсионный анализ позволил выделить значимые различия в отношении к глобальным рискам и личной

Таблица 5.5

Типы игровых предпочтений (результаты иерархического кластерного анализа, приводятся % ответов)

Типы видеоигр	Кластеры			
	1 N=84	2 N=38	3 N=130	4 N=39
Симуляторы (экономические, спортивные, авиасимуляторы, симуляторы гонок, реальной жизни)	61,9	60,5	10,8	97,4
Многопользовательские онлайн игры (MMORPG, MOBA)	78,6	68,4	0	46,2
Постапокалиптические игры (Fallout, S. T. A. L. K. E. R., Метро 2033, The last Of Us и др.)	33,3	76,3	3,8	33,3
Ролевые игры (RPG)	71,4	100	6,9	82,1
Стратегии (пошаговые, в реальном времени, глобальные)	35,7	78,9	1,5	38,5
Хоррор игры (Silent Hill, Resident Evil и др.)	23,8	92,1	3,8	97,4
Игры жанра action (шутеры, файтинги, аркады, приключенческие игры)	9,5	34,2	2,3	56,4

Таблица 5.6

Отношение к глобальным рискам и личной смерти
в зависимости от типа игровых предпочтений

Отношение к глобальным рискам и личной смерти	Типы игровых предпочтений (средние значения)				ANOVA (F, p)	
	Он- лайн-ро- левики (N=84)	Ролели- ки-стра- теги (N=38)	Не игра- ющие (N=130)	Любите- ли шу- теров (N=39)	F	Знач.
Фаталистическое игнорирование: сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой*	2,5	2,7	3,0	2,8	3,895	0,01
Религиозный авторитаризм: возвращение к традиционным религиозным ценностям и контроль за гражданами*	1,9	1,8	2,1	1,6	4,696	0,003
Ценность выживания человечества*	3,5	3,0	3,2	3,0	4,678	0,003
Принятие-приближение смерти**	2,5	2,1	3,0	2,0	5,361	0,001
Страх смерти**	3,9	3,4	4,3	4,5	2,884	0,037
Страх в связи с последствиями смерти для тела**	2,2	1,8	2,7	2,1	2,744	0,045
Страх в связи с трансцендентальными последствиями смерти**	4,0	3,4	4,7	4,3	3,254	0,023

Примечание: * – 5-балльная шкала; ** – 7-балльная шкала.

смерти в зависимости от типа игровых предпочтений (таблица 5.6). Респонденты, не играющие в компьютерные игры, а также «Любители шутеров» оказались наиболее склонными к фаталистическому игнорированию глобальных рисков ($F=3,895$, $p=0,01$). При этом у этих же двух групп оказался наиболее высоким страх личной смерти ($F=2,884$, $p=0,037$). Не играющие в компьютерные игры оказались наиболее убежденными в том, что для предотвращения глобальных рисков необходимы возвращение к традиционным религиозным ценностям и более жесткий контроль за гражданами ($F=4,696$, $p=0,003$), для них также характерно более высокое принятие-приближение личной смерти, т. е. вера в жизнь после смерти ($F=5,361$, $p=0,001$). Ценность выживания человечества оказалась наиболее высокой среди

«Онлайн-ролевики» и респондентов, не играющих в компьютерные игры ($F=4,678$, $p=0,003$). «Ролевики-стратеги» характеризуются наиболее низкими показателями страха личной смерти, страха в связи с последствиями смерти для тела, т. е. в связи с потерей человеческого облика ($F=2,744$, $p=0,045$) и страха в связи с трансцендентальными последствиями, т. е. в связи с неизвестностью, которая ждет после смерти ($F=3,254$, $p=0,023$).

Интерпретируя полученные данные, можно выдвинуть ряд гипотез, требующих проверки в последующих исследованиях. Можно предположить, что выявленные нами различия в отношении к глобальным рискам и личной смерти связаны с разными стратегиями совладания с ужасом смерти. Для тех, кто не играет в компьютерные игры, характерно преодоление страха смерти через комфортность, следование групповым нормам. В нашей выборке большинство из них женщины, поэтому, возможно, здесь сказываются и гендерные особенности отношения к смерти: у женщин страх смерти более выражен (Кулагина, Сенкевич, 2013; Чистопольская и др., 2017). «Онлайн-ролевики» и «Ролевики-стратеги», вынужденные решать моральные дилеммы и обсуждать ситуации, чреватые смертью, с другими игроками, характеризуются более проактивной стратегией совладания, они преодолевают игровую смерть не через отвлечение, а через коммуникацию и совместный поиск решений. Можно также предположить, что преодоления смерти у «Любителей шуток» не происходит, поскольку они не несут в игре ответственности за судьбу мира и других людей, смерть аватара не является для них лично значимой. Различия в отношении к глобальным рискам и смерти между данными типами игровых предпочтений может быть связано с особенностями игроков в многопользовательские онлайн-игры: по сравнению с оффлайн-геймерами, они более заинтересованы в кооперации и противостоянии (Богачева, Войскунский, 2015). Иными словами, характерный для онлайн-геймеров отказ от игнорирования глобальных рисков может быть связан с опытом успешного создания альянсов для решения сложных социальных задач.

Наша гипотеза о связи оптимизма и пессимизма в отношении будущего человечества с характером игровых предпочтений нашла свое подтверждение. Линейный регрессионный анализ методом обратных шагов ($R=0,498$; $R^2=0,248$; $F=5,330$; $p<0,001$) показал, что оптимизм в отношении глобального будущего прямо связан с игровым опытом ($\beta=0,243^*$), избеганием темы смерти ($\beta=0,223^*$), страхом забвения после смерти ($\beta=0,210^*$), убеждением в необходимости сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных

рисков ($\beta=0,197^*$) и негативно связан с тревогой по поводу будущего ($\beta=-0,241^*$). Ожидание близкого конца человечества ($R=0,500$; $R^2=0,250$; $F=6,838$; $p<0,001$) оказалось связано с игрой в хоррор-игры ($\beta=0,246^{**}$), с принятием смерти как бегства ($\beta=0,359^{***}$), тревогой по поводу глобальных рисков ($\beta=0,201^*$) и отрицательно связано с игрой в многопользовательские ролевые игры ($\beta=-0,196^*$). Таким образом, можно сделать вывод о том, что игровые предпочтения оказывают влияние на отношение к глобальным рискам, но это влияние опосредовано отношением к смерти и убеждениями личности. По данным регрессионного анализа ($R=0,471$; $R^2=0,222$; $F=7,583$; $p<0,001$), страх смерти отрицательно связан с игрой в многопользовательские ролевые игры ($\beta=-0,166$) и положительно связан с игрой в шутеры и файтинги ($\beta=0,162$). Другими предикторами страха смерти стало низкое принятие смерти как бегства ($\beta=-0,209$), высокая тревога по поводу будущего ($\beta=0,192$) и низкое нейтральное принятие смерти ($\beta=-0,338$). Эти данные могут указывать на то, что, гибель игрового аватара в «шутерах» не вызывает лично значимых переживаний, а сама игра может служить способом избежать мыслей о смерти.

Полученные нами эмпирические результаты позволяют сделать несколько выводов.

По сравнению с респондентами, не играющими в компьютерные игры, геймеры испытывают меньшую тревогу по поводу глобальных рисков, выживание человечества представляет для них меньшую ценность, что может быть связано с их ориентацией на гедонистические ценности, а также с низким уровнем социального доверия.

Тем не менее в ходе проведенной нами серии поисковых исследований первоначальное предположение о том, что игра в постапокалиптические игры снижает значимость глобальных рисков, не подтвердилось.

Выделенные нами четыре типа «постапокалиптических» игровых предпочтений (не интересующиеся постапокалиптическими играми, любители фантастических приключений, постапокалиптические универсалы и герои пустошей) различаются по отношению к глобальным рискам. Геймеры, играющие в игры серий S. T. A. L. K. E. R., Metro 2033, Fallout и Left 4 Dead, характеризуются более высокой озабоченностью глобальными рисками и социальным пессимизмом. Они более готовы участвовать в предотвращении глобальных рисков, но при этом более склонны верить в то, что глобальную катастрофу

фу можно пережить, если подготовиться к ней заранее. Полученные данные позволяют предположить, что игра в разные постапокалиптические игры имеет разные мотивы и психологические последствия.

В третьем исследовании нами выделены четыре типа игровых предпочтений (онлайн-ролевики, ролевики-стратеги, не играющие, а также любители шутеров). Респонденты, не играющие в компьютерные игры, а также любители шутеров оказались наиболее склонными к фаталистическому игнорированию глобальных рисков, а также подверженными страху личной смерти. Геймеры, предпочитающие многопользовательские онлайн-игры, характеризуются более высоким оптимизмом в отношении будущего человечества, менее склонны к игнорированию глобальных рисков и менее подвержены страху смерти, что может быть связано с их опытом успешного создания альянсов для решения сложных социальных задач.

Намечая перспективы дальнейших исследований в данной области, можно выделить несколько важных направлений работы. Во-первых, необходимы экспериментальные исследования, которые позволили бы уточнить влияние игрового опыта на отношение к глобальным рискам. Важным условием успеха при этом является регистрация психофизиологических коррелятов глубины переживаний при принятии решений в игре (КГС, ЧСС, ЭЭГ и окулография). При этом важно уточнить, какие ценностные ориентации и представления о мире могут опосредовать воздействие игрового опыта на отношение к глобальным рискам и просоциальные установки. Во-вторых, необходимо построение психологической типологии компьютерных игр, которая бы основывалась не только на различиях в жанре и игровой механике, но и на психологических предпосылках игровых предпочтений и их воздействии на игроков. В-третьих, чрезвычайно перспективной является проверка гипотезы о том, что на формирование просоциальных установок и конструктивных стилей коупинга влияет не сам жанр или сюжет игры, а опыт кооперативного взаимодействия между игроками. Наконец, важно оценить психологическую эффективность «серьезных» компьютерных игр, специально разработанных для развития установок на природосберегающее поведение и формирования проактивной позиции в отношении глобальных рисков.

Глава 6

ОТНОШЕНИЕ К ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ РИСКАМ: ТЕХНОФИЛЫ И ТЕХНОФОБЫ XXI ВЕКА

Четвертая промышленная революция и переход к новому технологическому укладу происходят в условиях обостряющегося техно-гуманитарного дисбаланса, когда скорость развития технических систем опережает способность социальных групп осмысливать новые технологии и договариваться о нормах их использования. Технологии становятся все менее понятными и требуют все большей готовности пользователей положиться на экспертизу других людей, их советы и подсказки, отчасти и на государство. Между тем, ускорение развития технологий практически во всем мире оказалось сопряжено с социальным пессимизмом, снижением социального доверия. По данным опросов, проведенных агентством Edelman TRUST, которое занимается исследованием уровня доверия жителей планеты к разным институтам, новым технологиям доверяют 75% жителей 28 стран. Но в 2017 г. впервые их данные показали, что в среднем менее 45% доверяют правительству, СМИ, бизнесу, социальным институтам (Edelman Trust Barometer, 2017).

С одной стороны, дальнейшие технологические инновации требуют выявления социально-психологических факторов готовности общества к их использованию, выявления причин различного вида технофобий. С другой стороны, крайне мало изучено влияние новых технологий на общество, растет потребность в понимании социально-психологических последствий распространения искусственного интеллекта, интернета всего и больших данных, умных материалов, геномной инженерии и нейротехнологий.

Социально-психологические механизмы отношения личности к новым технологиям

Отношение к новым технологиям включает в себя когнитивные, мировоззренческие составляющие (представления о возможностях

и ограничениях технологии, процессе ее создания и применения), эмоционально-оценочные (степень значимости технологии для личности или группы, а также выраженность и знак оценки ее использования), поведенческие составляющие (готовность личности и группы к их использованию в тех или иных ситуациях).

Отношение к новым технологиям может быть в разной степени осознанным, может быть парциальным (в разной степени сформированным по отношению к разным технологиям) или генерализованным (позитивная или негативная оценка новых технологий в целом), может быть когнитивно сложным или простым, однозначным или амбивалентным (когда позитивное отношение к одной технологии сопровождается крайне негативным отношением к другим технологиям или к технологическому прогрессу в целом).

Отношение к новым технологиям может выполнять разные социально-психологические функции: мировоззренческую (поддержка непротиворечивого образа мира, системы ценностей), идентификационную (маркировка принадлежности к определенной социальной группе, основание социальной категоризации), коупинговую (совладание с изменениями), нормативную (поддержка групповых норм, в том числе нравственных), регулятивную (поведение покупателей, пользовательские предпочтения), коммуникативную (поддержка пользовательского общения, обмена опытом).

Отношение к технологиям может проявляться в множестве групповых феноменов, таких как социальные представления, социальные ожидания, связанные с технологиями коллективные переживания (например, тревога, любопытство или удовольствие от использования), групповые нормы, регулирующие пользование технологией и др.

Если принять за основу когнитивные аспекты отношения к новым технологиям, его феноменологию можно представить на континууме, крайними полюсами которого являются технологический оптимизм и технологический пессимизм. Если же принять за основу эмоциональные и поведенческие аспекты, то полюсами такой воображаемой шкалы будут технофилия и технофобия. Технооптимизм — это мировоззренческая и жизненная позиция, в соответствии с которой техническим достижениям и научно-техническому прогрессу в целом придается первостепенное значение в преодолении социальных проблем; технооптимизм сопровождается переоценкой скорости развития технологий. Технопессимизм — система взглядов, в соответствии с которыми научно-технический прогресс рассматривается в качестве главной причины нарушения баланса в отноше-

ниях общества и природы, появления и резкого обострения экологических, ресурсных, социальных и многих других проблем (Чумаков, 2007). Технофилия – позитивное отношение к большинству технологий, удовольствие от использования новых технологий, готовность к приобретению опыта их использования (Amichai-Hamburger, 2009; Osiceanu, 2015). Ее противоположностью является технофобия. Технофобия – это внутреннее сопротивление, возникающее у людей, когда они думают или говорят о новой технологии; страх или тревога, связанная с использованием технологии; враждебные или агрессивные установки в отношении новой технологии (Brosnan, 1998).

Можно выделить несколько теоретических подходов к изучению механизмов формирования отношения личности к технологиям: клинический, маркетинговый, инженерно-психологический, конструкционистский, интеракционистский. При клиническом подходе основное внимание уделяется индивидуально-психологическим механизмам формирования технофобии или технофилии (Brosnan, 1998; Thorpe, Brosnan, 2007). При маркетинговом подходе отношение к новым технологиям рассматривается с точки зрения их полезности и трудоемкости для пользователей (Brown, Venkatesh, 2005; Ha, Page, Thorsteinsson, 2011; Heidenreich et al., 2015; Vishwanath, 2014). При инженерно-психологическом подходе рассматривается включенность технологии в решение профессиональных задач и разрабатывается феномен доверия к технике (Акимова, Обознов, 2016; Акимова и др., 2016). В рамках конструкционистского (Pinch, Bijker, 1987) и интеракционистского (Silverstone, 2006) подходов основное внимание уделяется конструированию представлений о технологии в межличностной и межгрупповой коммуникации. Развитие робототехники, умных систем и интернета всего делает чрезвычайно эвристичным обращение к акторно-сетевой теории Б. Латура, в рамках которой технические устройства получают статус субъектов в совместной деятельности. Исследования отношения к цифровым технологиям, нанотехнологиям и ГМО (Богатырь, 2012; Войскунский, 2010; Зарубина, 2015; Кругликова, 2016; Максименко и др., 2015; Солдатова и др., 2013; Joiner et al., 2012; Kasperon et al., 2003; Kennedy, Funk, 2015; Osiceanu, 2015; Smith, 2014), свидетельствуют о том, что оно в значительной степени определяется институциональным и межгрупповым доверием. При этом на отношение к новым технологиям все больше влияет обсуждение технологического будущего в сетевых сообществах, которые воздействуют на настоящее, запуская и легитимируя технологические изменения (Adam, 2011; Beckert, 2016). Помимо перечисленных нами концепций, при изучении отношения личности к но-

вым технологиям чрезвычайно эвристичными нам представляются и другие подходы: культурно-историческая школа (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, А. Г. Асмолов и др.), парадигма групповой идентичности (Г. Тэжфел, Дж. Тернер, А. Хаслам и др.), социология будущего (Б. Адам, Дж. Бекерт, Ю. Левада, Л. Гудков и др.).

Для измерения отношения к новым технологиям используются различные шкалы, преимущественно ориентированные на выявление отношения к конкретным типам технологий или отдельным продуктам. Так, опросник В. Венкатеша измеряет ожидаемые результативность, трудоемкость освоения, социальное влияние, условия, облегчающие использование технологии, гедонистическую мотивацию, стоимость, привычность, намерение использовать и частоту использования (Venkatesh, Thong, Xu, 2012; Vishwanath, 2014). Семантический дифференциал, разработанный Э. Донат и ее соавторами, измеряет общую оценку, трудоемкость освоения, полезность, интерес, стоимость и безопасность технологии (Donat, Brandtweiner, Kerschbaum, 2009). Шкала Р. Синковича и его коллег измеряет отношение к использованию банкоматов по трем шкалам: страх ошибки, недоверие к машинам, удобство (Sinkovics et al., 2002). Применительно к новым пищевым технологиям Д. Кокс и Г. Эванс выделяют оценку риска, полезности, выгод от использования, а также доверие к информации о новой технологии (Cox, Evans, 2008; Damsbo-Svendsen, Bom Frøst, Olsen, 2017). Наконец, команда исследователей из Таллинского технологического университета разработала опросник, измеряющий выраженность технофобии и технофилии как генерализованного отношения к новым технологиям (Martínez-Córcoles, Teichmann, Murdvee, 2017).

Социологические исследования, проведенные в 2016 г. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ и МВШСЭН РАНХиГС, показывают, что в российском обществе нет широкого спроса на технологические инновации (Войнилов, Фурсов, 2017). При этом вера в науку и технику не опирается на повседневный опыт и носит скорее декларативный характер, а технооптимизм может быть компенсацией недоверия к социальным институтам (Вахштайн и др., 2017). Результаты зарубежных и отечественных исследований дают возможность охарактеризовать отношение различных категорий населения к новым технологиям в данный момент, но не позволяют его прогнозировать, не отвечают на вопрос о социально-психологических типах и механизмах отношения личности и группы к новым технологиям.

Формирование отношения к новым технологиям зависит от множества психологических и социально-демографических факторов.

Опираясь на восемь известных моделей поведения пользователей в области ИТ, команда исследователей во главе с В. Венкатеш разработала единую теорию принятия и использования технологий (Venkatesh et al., 2003). Предпосылками ее создания стали концепции спланированного поведения (Ajzen, 1991), модель принятия технологии (Davis, 1989), теория распространения инноваций (Rogers, 2003), социо-когнитивная теория (Bandura, 1986) и др. Модель предполагает четыре детерминанты использования новых технологий и четыре модератора — факторы, опосредующие влияние детерминант на установки и поведение пользователей, такие как пол, возраст и опыт взаимодействия с технологией. К детерминантам принятия технологий относятся ожидаемая полезность технологии (преимущества, различного рода выгоды), ожидаемые усилия при ее использовании (например, субъективная трудность овладения соответствующими навыками, оценка необходимого времени, соответствия сложившимся привычкам и т. п.), социальное влияние (в какой степени пользователи считают владение данной технологией желательным с точки зрения значимых других — коллег, знакомых, друзей, родственников, авторитетных фигур), а также обстоятельства, облегчающие пользование технологией: наличие соответствующих финансовых и временных ресурсов, технической поддержки, обучения и т. п. (Brown, Venkatesh, 2005).

Подобно отношениям между людьми, отношение к новым технологиям можно рассматривать как более или менее доверительное (Купрейченко, 2012). Под доверием к технике понимается специфическое психологическое отношение человека, выражающее его представления, эмоциональные реакции и готовность к выполнению профессиональных задач с помощью техники. Как показывают исследования А. А. Обознова и А. Ю. Акимовой, доверие к технике может различаться по оценке ее надежности, т. е. стабильности и исправности работы, а также по оценке личностью собственной способности управлять ею (Акимова и др., 2016; Акимова, Обознов, 2016; Обознов, Акимова, 2013). По-видимому, технофобию можно охарактеризовать как более или менее выраженное недоверие к технике. Однако, с учетом того, что технофобы не могут полностью исключить пользование технологией, следует предположить, что отношение к технологии как к социально опасной может сочетаться с высокой оценкой собственной способности к ее использованию.

Исследования свидетельствуют о том, что отношение к новым технологиям тесно связано с гедонистической мотивацией (Brown, Venkatesh, 2005; van der Heijden, 2004), ожидаемой полезностью тех-

нологии, ценовой доступностью и издержками, целями использования и привычками (Brown, Venkatesh 2005), У пожилых пользователей стремление к овладению цифровой компетентностью объясняется прежде всего желанием сохранить собственную автономию, включенность в социальные контакты, оно больше зависит от личностной самоэффективности, чем от возраста и предшествующего опыта (González, Ramírez, Viadel, 2012; Jung et al., 2010). Роль удовольствия и положительных эмоций в формировании отношения к новым технологиям особенно велика среди молодежи, тогда как среди пожилых пользователей не менее важным оказывается ожидаемая полезность. Были обнаружены кросс-культурные различия в отношении к технологиям (Zakour, 2007). В частности, долгосрочная ориентация снижает воспринимаемую трудность овладения технологией, индивидуализм ослабляет влияние значимых других на отношение к технологии, а маскулинность культуры повышает значимость ожидаемой пользы от использования технологии (Nistor, Göğüş, Lerche, 2013).

Как оказалось, эмоциональные переживания существенно влияют на готовность использовать технологии, однако направленность подобного влияния зависит не от положительности эмоций, а от их социального значения. Например, чувство удовольствия снижает готовность исследовать возможности новой технологии, гнев по поводу новой технологии оказывает опосредованное положительное влияние на готовность ее использовать, так как облегчает получение социальной поддержки, которая в свою очередь ускоряет обучение; подобный же противоречивый эффект оказывает и тревога по поводу новых технологий (Beaudry, Pinsonneault, 2010).

В своем исследовании феномена технофобии М. Броснан связывает готовность пользоваться технологией с оценкой ее полезности для решения конкретной задачи. Воспринимаемая полезность, в свою очередь, определяется предшествующим опытом, оценкой трудоемкости освоения технологии, а также уровнем тревоги, уровень которой зависит от испытываемого чувства удовольствия при использовании технологии, а также от самоэффективности (Brosnan, 1998).

Новые технологии включены в систему психологических отношений личности (Позняков, 2018), в систему социальных представлений о будущем (Емельянова, Дробышева, 2013; Нестик, 2014с). Социально-психологический контекст технофобии становится очевидным, как только мы перестаем рассматривать пользователей новой технологии как пассивных реципиентов технического прогресса и признаем в них активных участников формирования технологии. Именно

такое понимание отношения к технологии и глобальным технологическим рискам предлагают конструкционистская и интеракционистская парадигмы, получившие широкое признание в культурной антропологии: это концепция социального конструирования технологии В. Байджкера и Т. Пинча, модель «одомашнивания» технологии Р. Сильверстоуна, а также акторно-сетевая теория Б. Латура.

Согласно концепции социального конструирования технологии, новая технология обладает интерпретативной гибкостью: затронутые ею социальные группы взаимодействуют друг с другом, наделяя новый продукт или услугу различными смыслами, изменяя представления о том, какими должны быть дизайн, функциональность и правила использования инновационного продукта. Межгрупповое взаимодействие может носить форму конфликта или подчинения интересов одной социальной группы интересам другой: например, при переходе к массовому производству производители ламп приняли стандарты, навязанные производителями электроэнергии. Другой пример «переговоров» приводят Пинч и Байджер в связи с распространением велосипеда. Постепенно на место «мужской» модели с большим передним колесом пришла более привычная нам форма велосипеда, адаптированная для женщин и подростков (Pinch, Bijker, 1987).

В создании новых технологий и научного знания на глобальном уровне активно участвуют непрофессиональные группы. Часть из них оказываются затронутыми технологиями и успешно мобилизуют социальное партнерство, привлекая к своей проблеме внимание спонсоров, СМИ, ученых и чиновников. Например, это нередко удается ассоциациям пациентов, страдающих от одной и той же болезни. Вместе с тем существуют группы отверженных или «сирот», интересы которых не учтены в сложившейся социально-экономической системе и которые защищают их, создавая альтернативные инновационные сообщества. Типичный пример – глобальные и национальные сообщества интернет-хакеров (Callon, Rabeharisoa, 2008). Конструирование представлений о новых технологиях на групповом уровне наиболее интенсивно происходит в пользовательских сообществах – при обмене опытом.

Обмен техническими знаниями в пользовательских сообществах имеет свою специфику, хорошо подмеченную Н. В. Богатырь как «кризисное прочтение технологии» (Богатырь, 2012). Совместный поиск решения в конкретной проблемной ситуации здесь часто сосредоточен на определении контекста произошедшего, угадывании малозначимых на первый взгляд деталей, когда устройство

рассматривается как уникальная комбинация пользователя, особенностей технологии и условий эксплуатации. Переговоры между релевантными социальными группами приводят к стабилизации отношения к технологии и формированию «технологического фрейма», т. е. устойчивой, воспроизводимой системы социальных представлений о конкретной технологии и ее месте в обществе (Богатырь, 2011; Klein, Kleinman, 2002).

В концепции Р. Сильверстоуна аналогичный процесс описывается как «одомашнивание» технологий, аналогичное тому, как 10 тысяч лет назад человек приручал домашних животных. Доместикация понимается как совместное творчество, в ходе которого пользователи публично конструируют технологию, создают культуру ее потребления (Silverstone, 2006). В рамках доместикации технологии в домохозяйстве или организации осуществляется целый ряд процессов (Haddon, 2011): ее присвоение (переговоры по поводу возможного использования и приобретения), инкорпорация (нахождение конкретного места для технологии в доме), объективация (включение в рутинные процедуры, домашние ритуалы, т. е. во временную структуру жизнедеятельности), а также конвертация (способы использования технологии для подчеркивания своей социальной идентичности, т. е. то, как мы говорим об этой технологии и показываем ее другим). В масштабах всего общества одомашниваемая технология проходит путь от удовольствия для избранных к повседневной необходимости (Pantzar, 1997).

Исследователи выделяют несколько стадий принятия новых технологий обществом. Технология сначала выступает в качестве «игрушки»; затем она становится «зеркалом» для самого общества, когда собственно техническая сторона продукта становится привычной, отходит на второй план и внимание пользователей сосредотачивается на полезных свойствах, переходит с формы на передаваемое содержание; наконец, на третьем этапе своего развития технология начинает использоваться как форма искусства: именно так, по мнению П. Левинсона, менялось отношение к средствам звуко- и видеозаписи (Levinson, 1985).

На наш взгляд, техно-гуманитарный дисбаланс, т. е. разрыв между скоростью развития технологий и их осмыслением в обществе, приводит к своего рода «слепому пятну» в восприятии обществом новых изобретений и технологических трендов: общественные дискуссии сосредоточены на технологических возможностях, тогда как социальные последствия внедрения новых технологий остаются за рамками обсуждения. Так, например, исследование восприя-

тия в обществе интернета вещей, основанное на анализе сообщений в социальной сети Twitter и поисковых запросах интернет-пользователей в Google, показало, что дискуссии по поводу интернета вещей связаны с его влиянием на бизнес и другие технологии, тогда как его влияние на поведение людей и социальные институты остается практически вне поля зрения общества. Сентимент-анализ сообщений интернет-пользователей, основанный на больших данных, также показал, что первоначальный разброс положительных и отрицательных оценок интернета вещей постепенно сменился более умеренными высказываниями, в целом отражающими позитивное отношение к этому пакету технологий (Bian et al., 2016). Этот эффект «перегретых ожиданий», которые сменяются «пропастью разочарования», характерен для восприятия обществом большинства технологий (Fenn, 1995). Однако изменение таких ожиданий и оценок не сопровождается сменой фокуса внимания: эксперты и большинство пользователей сосредоточены на самих технологических возможностях, а не на том, как технология меняет отношения между людьми.

Технофобия как культурный и психологический феномен

Возникнув в конце XVII в. в ответ на промышленную революцию, технофобия продолжает подстегиваться объективными факторами — сокращением рабочих мест в связи с механизацией (XIX в.), а затем автоматизацией труда (XX–XXI вв.); использованием оружия массового уничтожения (газовые атаки Первой мировой войны, уничтожение Хиросимы и Нагасаки атомными бомбами во Второй мировой войне); ростом масштабов техногенных катастроф, экологическими последствиями применения химических и биологических технологий. С появлением интернета к этим факторам добавились угрозы, связанные с киберпреступностью, а также с расширяющимися возможностями слежения и контроля за человеческим поведением с помощью цифровых технологий.

По оценкам исследователей, около половины людей в современном мире подвержены тем или иным формам технофобии (Brosnan, 1998). У коллективных страхов по поводу технологий есть объективные причины. Между появлением новой технологии и обнаружением ее негативных последствий нередко проходит много времени. Примером может служить асбест, который не протяжении десятилетий принято было считать абсолютно безопасным, инертным и рентабельным материалом (Гребенщикова, 2011). Трудности прогнозирования последствий новых технологий усугубляются отсутствием

социально-гуманитарной экспертизы научных открытий, а также отсутствием в научном сообществе единой позиции по поводу социальных последствий технологий (Гаранина, 2012).

В массовом сознании образы «опасной технологии» были закреплены и получили широкое распространение благодаря кинематографу – вспомним такие киноэпопеи, как «Терминатор», «Матрица», «Обитель зла», «Крикуны», противостояние естественного и искусственного в блокбастерах «Я – робот» и «Аватар». Технооптимизму науки противостоит технопессимизм научной фантастики, находящий свое выражение в книгах и комиксах, фильмах, компьютерных играх и т. п. (Dinello, 2005). Не удивительно, что негативное отношение к новым технологиям может быть устойчивым, даже несмотря на позитивное их освещение в СМИ (Metag, Marcinkowski, 2014).

Согласно наиболее часто цитируемому определению, технофобия – это 1) внутреннее сопротивление, возникающее у людей, когда они думают или говорят о новой технологии, 2) страх или тревога, связанная с использованием технологии; 3) враждебные или агрессивные установки в отношении новой технологии (Brosnan, 1998). Данный феномен имеет когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Он складывается из 1) негативно окрашенных представлений о новой технологии в целом и ее воздействии на общество; 2) тревоги в связи с текущим или предвосхищаемым взаимодействием с технологией; 3) самопорицания во время пользования технологией. Исследования С. Торпа и М. Броснана выявили у клинических технофобов симптомы, схожие с переживаниями арахнофобов при контакте с пауками (Thorpe, Brosnan, 2007).

Технофобия более характерна для женщин, чем для мужчин (Войскунский, 2004, 2010; Gilbert, Lee-Kelley, Barton, 2003). Возможно, это связано с гендерными различиями в подходах к освоению новых технологий. Так, например, мужчины более готовы прилагать дополнительные самостоятельные усилия для овладения новой технологией или устройством, тогда как для женщин особенно важным является наличие технической поддержки и возможность специального обучения (Wang, Wang, 2010).

Как показывают исследования ВЦИОМ и Pew Research Center, готовность к использованию новых технологий прямо связана с уровнем образования и доходов (Нанотехнологии..., 2008; Smith, 2014). Технофобия связана с рядом личностных характеристик, таких как уровень тревожности, когнитивный стиль и – в наибольшей степени – самооффективность (Osiceanu, 2015). Интерес к новым технологиям связан с рядом личностных характеристик по шкалам «Большой пя-

терки». Он более характерен для респондентов с высоким уровнем открытости к новому и интроверсией и менее характерен для людей с высокой сознательностью (Kennedy, Funk, 2015).

Исследования технофобии у пользователей интернета показывают, что она негативно связана с количеством часов непрерывного использования, однако не обнаруживает никакой связи с общей частотой пользования интернетом (Joiner et al., 2012). Иными словами, особенностью технофобии является негативное отношение к технологии при невозможности устранить контакт с ней.

Особенностью технофобии является также негативное отношение к технологии при невозможности полностью отказаться от ее использования. Это подтверждается исследованием цифровой компетентности, которое мы совместно с Г. В. Солдатовой провели в 2013 г. при поддержке компании Google среди родителей российских подростков (N=1209) совместно с Аналитическим центром Юрия Левады по специально разработанной методике Фонда развития Интернета (Солдатова и др., 2013; Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017). Данные проведенного нами эмпирического исследования позволяют сделать вывод о том, что технофобия и технофилия проявляется не столько в интенсивности пользования интернетом, сколько в разных профилях интернет-активности и разных моделях цифровой компетентности. Пользовательский опыт и навыки технофобов связаны в основном с поиском информации, тогда как ядром модели цифровой компетентности у технофилов является использование интернета как средства общения. Иными словами, для технофобов технология не связана с другими людьми, она как бы «заслоняет собой» социальный мир. Это существенно снижает возможности технофобов по конструированию и одомашниванию новых технологий. Они «выключены» из жизни пользовательских сообществ. Результаты исследования показывают, что технофобы реже берут на себя активные социальные роли в интернет-пространстве, в качестве пользователей они исключены из совместного творчества, из процессов обмена опытом и обсуждения места новой технологии в обществе. Это проявляется и в их отношениях с собственными детьми: по сравнению с технофилами, технофобы значительно реже обсуждают с ребенком опыт пользования сетью, реже интересуются успехами и проблемами детей при овладении интернет-технологиями (Нестик, Солдатова, 2016; Солдатова, Нестик, 2016). Как видим, положительное или негативное отношение к технологии может быть парциальным, т. е. касаться отдельных ее аспектов, или генерализованным, оно может быть связано с той или иной стадией ее

«одомашнивания» в семье или на месте работы. Технофобия может возникнуть на разных стадиях развития самой технологии, каждая из которых олицетворяется разными социальными группами пользователей. При этом отношение к технологии опосредовано отношениями с другими людьми, социальной идентификацией и социальным сравнением.

Психологические особенности новых технологий

Межличностное и межгрупповое взаимодействие, в ходе которых «одомашниваются» новые технологии, определяются не только личностными и групповыми особенностями, но и характеристиками самой технологии. В частности, психологическая специфика новых технологий тесно связана со степенью их включенности в процессы групповой идентификации и социального сравнения. Пока сфера применения технологии не создает угрозы для групповой идентичности и не влияет на соблюдение этических ценностей, отношение к ней является нейтральным или даже позитивным. К таким технологиям можно отнести инжиниринг материалов и нанотехнологии, новые способы получения и хранения энергии, автоматизацию производства и транспорта, а также, по-видимому, некоторые когнитивные технологии. Недавно проведенное исследование показывает, что примерно 50% опрошенных американцев в будущем согласились бы сесть в машину, управляемую искусственным интеллектом. Однако есть технологии, которые респонденты меньше всего готовы принять: использование генной инженерии, применение роботов для ухода за пожилыми родителями, свободу полетов для частных дронов, использование людьми имплантированных в мозг электронных устройств и потребление в пищу продуктов, выращенных в лаборатории (Smith, 2014). Ярким примером зависимости отношения к технологии от ее влияния на поведение, регулируемое групповыми ценностями, стали очки расширенной реальности Google Glass. Как только стало очевидным, что обладатели этих очков получают возможность записывать и транслировать действия окружающих, нарушая границы между «частным» и «публичным», первоначальная популярность этого гаджета тут же сменилась общественным осуждением.

Значимость психологических особенностей технологии хорошо видна по различному отношению к нанотехнологиям и биотехнологиям в массовом сознании. Угрозы и преимущества от использования обоих типов технологий являются вполне сопоставимыми.

Между тем нанотехнологии принимаются более позитивно, тогда как отношение к биотехнологиям остается крайне настороженным.

Одна из особенностей нанотехнологии состоит в том, что она «устраняет» первичные природные качества материалов, обладающие социально закрепленным значением: при необходимости один и тот же материал может изменить цвет, форму и функциональные свойства (Аршинов, Горохов, 2010). Иными словами, вещи, созданные с применением нанотехнологий, становятся «текучими», их свойства в данный момент определяются вкусами, интересами конкретных людей. Возрастает субъективность, воспринимаемая и осознаваемая спроектированность окружающего личностью мира. Нанотехнологии могут радикально изменить мир, однако последствия их применения остаются незримыми, им трудно найти соответствия в жизненном опыте. При этом нанотехнологии не включены в процессы групповой идентификации и межгруппового сравнения, не меняют поведение людей в сферах деятельности, регулируемых этическими ценностями и нормами. Это объясняет, почему 41% опрошенных россиян плохо понимают, что такое нанотехнологии, но около 50% ожидают положительных последствий от их применения (Максименко и др., 2015).

Совсем иначе обстоят дела с биотехнологиями. Темпы роста рынка биотехнологий составляют 20–30% в год. Около 60% рынка составляют биофармацевтические препараты и биомедицина, 28% – биоматериалы промышленного назначения и только 12% – агропищевая продукция (Мамонтова, Айбазов, Русакова, 2014). Несмотря на то, что пищевые продукты являются незначительной частью глобального рынка биотехнологий, коллективные страхи связаны именно с пищей: повышенная токсичность и аллергические реакции на трансгенные белки, особенно у детей до 4 лет; риск возникновения рака и мутагенных последствий длительного употребления в пищу ГМО.

Действительно, темпы развития индустрии генно-модифицированных продуктов кажутся ошеломляющими. С 1996 по 2013 гг. мировые площади посевов ГМ-культур возросли более чем в 100 раз. Наиболее активно ГМО используются в США, где более 90% посевных площадей заняты трансгенными сортами растений (Разумовский, 2015). Более половины всех генно-модифицированных зерновых (54%) выращивается в Южной Америке, Азии и Африке (Куксон, 2016). Тем не менее проведенные за последние 10 лет эмпирические исследования не позволяют с уверенностью говорить о том, что употребление в пищу ГМО наносит вред организму че-

ловека. Опасность ГМО связана не столько с пищевыми, сколько с экологическими и агротехническими рисками (сокращение биологического разнообразия, изменение состава почв, ухудшение качества сельхозугодий и т. д.).

подавляющее большинство россиян считают, что генно-модифицированные продукты могут представлять опасность для здоровья. Согласно исследованию ВЦИОМ, проведенному в мае 2014 г., 54% россиян не стали бы покупать содержащие ГМО продукты. Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному в октябре 2014 г., 82% респондентов считают, что ГМО вредят здоровью и подлежат запрету. При этом лишь 55% знают, как расшифровывается аббревиатура ГМО (Иваненко, 2011; Кругликова, 2016; Максименко и др., 2015).

Чем объясняется такое внимание общественного сознания к ГМО-технологиям? Риски, связанные с биотехнологиями, имеют ряд психологических особенностей, делающих их релевантными для межгруппового взаимодействия и подстегивающих формирование коллективных страхов.

Во-первых, чрезвычайно важной психологической особенностью биотехнологий является их участие в подтверждении групповой идентичности. На протяжении тысячелетий технологии производства, приготовления и потребления пищи регулировались не столько экономическими соображениями, сколько национальными традициями. Не случайно появление генно-модифицированных продуктов и различных искусственных пищевых добавок в России оказалось сопряжено с формированием иерархии продуктов, дифференциацией пищи на «свою» и «чужую». Например, продукты без сои не только стоят дороже, их производители делают ставку на традиционность бренда, аутентичный вкус и запах (Кравченко, 2014). В массовом сознании «свои» продукты ассоциируются с традиционными биотехнологиями. Чужие продукты, напротив, воспринимаются как продукты зарубежного производства, с неестественными вкусовыми качествами, применением вредных технологий. Кроме того, в ходе социального расслоения по уровню доходов и качеству жизни потребление экологически чистых продуктов становится маркером принадлежности к благополучным слоям общества.

Во-вторых, контакт с «искусственными» продуктами неизбежен, но регулируется не государственными или научными стандартами, а исключительно самим индивидом. Поколения россиян, выросшие в советское время, привыкли к тому, что государство контролирует качество сельскохозяйственных продуктов и формирует единые стандарты в области питания. Вместе с распространением неולי-

беральной биополитики и стандартов превентивной медицины ответственность за болезни переносится с государства на самого больного. Положительные или отрицательные последствия потребления продуктов, полученных с применением медицинских и биологических технологий, определяются не заботой государства, а личным выбором каждого (Зарубина, 2015).

В-третьих, биотехнологии напрямую затрагивают базовые ценности общества: вопросы жизни и смерти, определения границ между человеческим и нечеловеческим, нормальным и ненормальным. В общественном сознании телесное связано с нравственным. С одной стороны, в биотехнологиях видят возможность продления жизни, а с другой — угрозу невиданных ранее болезней и вырождения.

Отдельного внимания заслуживает проблема отношения личности и группы к социальным и психологическим технологиям. Кем-то психологические технологии могут рассматриваться как своего рода панацея от жизненных трудностей или гарантия карьерного успеха, а кто-то относится к ним с крайним недоверием, как и к технологиям в целом (Dinello, 2005; Kass, 1993). Задача построения психологической типологии отношения личности и группы к социальным технологиям (и, в частности, собственно психологическим) остается до сих пор не решенной.

Специфика психологических технологий состоит в том, что их применение представляет собой межсубъектное взаимодействие даже в тех случаях, когда одна сторона рассматривает другую лишь в качестве объекта. Большинство психологических технологий представляют собой преимущественно личностное и высококонтекстное знание, а их применение является социальным взаимодействием и в ряде случаев даже сотворчеством. Кроме того, психологические технологии, как и любое социальное знание, являются частью групповой идеологии: они создаются и используются конкретными людьми, идентифицирующими себя с конкретными социальными группами. Большой интерес представляют групповые цели авторов и «пользователей» психологических технологий, а также культурно-исторический контекст появления таких технологий. Например, для понимания возможностей и ограничений технологий психологического воздействия в массовых коммуникациях важно учитывать, что они первоначально разрабатывались для проведения политических компаний и военных психологических операций, служили инструментом во взаимодействии «победитель—побежденный». С точки зрения социальной психологии чрезвычайно важной задачей является прояснение роли, которую играют в создании и использовании психо-

логических технологий внутригрупповые и межгрупповые процессы. Речь идет о социальной категоризации и социальном сравнении, выраженности групповой идентичности и зрелости самосознания группы, групповых ценностях и нормах, регулирующих использование той или иной психологической технологии. Каков жизненный цикл психологической технологии и как он связан с групповыми и общественными процессами? Каковы ее культурно-исторические истоки и ограничения? Как ее эффективность зависит от изменения ценностей и норм общества?

Эмпирическое исследование отношения личности к новым технологиям

Для уточнения социально-психологической детерминации отношения личности к новым технологиям Т. А. Нестик провел серию эмпирических исследований¹. Использовались как авторские методики, так и адаптированные методики зарубежных авторов: «Отношение к нанотехнологиям» (Gilbert, Lin, 2013), «Отношение к ГМО» (Poortinga, Pidgeon, 2006), «Шкала технооптимизма» (Евробарометр), «Стэнфордский опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо; опросник «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга, «Опросник моральных оснований» Дж. Грэхема и др.

Анкетирование студентов московских вузов (N=192, мужчины – 21%, женщины – 79%, средний возраст – 21 год) показало, что социальные представления о будущем технологий характеризуются амбивалентностью: признавая неизбежность технологического развития, респонденты связывают с ним как комфорт, так и социальную деградацию.

Большинство опрошенных нами студентов считают наиболее вероятными те сценарии развития Интернета, которые сопряжены с различными негативными последствиями. Оптимистический сценарий «Конфиденциальность и персонализация» был выбран как наиболее вероятный лишь 14,6% опрошенных. Более вероятными были признаны пессимистические версии будущего: «Облачные технологии ценой отказа от конфиденциальности» (первый ранг сценарию присвоили 31,8% опрошенных), «Конкуренция за инфор-

1 Авторы выражают благодарность за помощь в сборе данных Э. В. Патракову, А. С. Самекину, С. Ф. Баюканской, М. Т. Баймукановой, А. В. Власову, Е. А. Дергачевой, В. В. Спасенникову, С. В. Сарычеву, Д. А. Багдасаряну, Е. О. Петровой, М. Ю. Шепельковой, А. Е. Воробьевой, И. А. Панарину, Ю. В. Шведенко.

мацию» (28,6%) и «Цифровой Дикий Запад» (31,8%). Средний ранг сценариев отражен в таблице 6.1.

Как показывают результаты контент-анализа, для студентов характерно признание неизбежности дальнейшего развития интернет-технологий и его негативных эффектов (см. таблицу 6.2). Позитивные суждения относительно будущего интернет-технологий составляют 24% ответов, нейтральные – 24,8% ответов, тогда как негативные – 51% ответов. Наибольшее число ответов представлены категориями «Сокращение живого межличностного общения», а так-

Таблица 6.1

Ответы респондентов на закрытый вопрос «Оцените, пожалуйста, вероятность следующих 4 сценариев развития Интернета до 2030 года (проставьте в правом столбце ранги от 1 – «наиболее вероятный сценарий» до 4 – «наименее вероятный сценарий»)»

Сценарии	Вероятность (средний ранг)
<p>1. «Конфиденциальность и персонализация». Конфиденциальность и неприкосновенность частной жизни гарантируются дизайном умной среды, архитектурой данных. При покупке услуг будет использоваться Универсальный цифровой идентификатор пользователя, но у провайдера будет оставаться только та информация, которую мы заходим оставить. Пользователи могут настроить все сервисы в соответствии со своими предпочтениями и получают информацию только от тех, кому доверяют</p>	2,68
<p>2. «Облачные технологии ценой отказа от конфиденциальности». Крупные компании и государство делают все, для того чтобы собрать информацию о пользователях. Вместо локальных носителей данных применяются облачные технологии, доступ к которым открывает универсальный идентификатор пользователя, совмещающий в себе паспорт, банковскую карту и медицинскую книжку</p>	2,20
<p>3. «Конкуренция за информацию». На рынке цифровых услуг конкурируют не крупные корпорации, а множество средних и мелких, каждая из которых собирает информацию и пытается манипулировать нашим поведением. Технологии развиваются бесконтрольно, поэтому пользователям необходимо научиться определять не только, что определяют те или иные программы, но и в чьих интересах они это делают</p>	2,36
<p>4. «Цифровой Дикий Запад». Безопасность в Интернете никто не может гарантировать, идет война без правил. Пользователям приходится выбирать все более сложные способы шифрования, детекторы слежки и попыток взлома, создание поддельных виртуальных личностей для отвлечения внимания и т. п.</p>	2,39

Таблица 6.2

Ответы респондентов на открытый вопрос «На мой взгляд, развитие интернет-технологий приведет к тому, что через 10 лет...» (результаты контент-анализа, N=192)

Ответы	N	% ответов	% опрошенных
Сокращение живого межличностного общения («станет намного меньше реальных контактов», «люди перестанут общаться вживую», рост одиночества и т. п.)	51	11,6	28,0
Деградация личности и общества («школьники тулеют еще сильнее», «уровень культуры упадет», ленивые дети, рост агрессии и т. п.)	49	11,2	26,9
Бурное развитие интернет-технологий (упрощенный интерфейс, больше приложений, помогающих в быту, работе и т. д., совершенствование технологий связи, «могут появиться новые интернет технологии» и т. п.)	28	6,4	15,4
Рост мобильности, виртуализация образования и удаленная работа (возможность работать из любой точки мира, «учеба и работа уйдут в онлайн-пространство», онлайн-образование и т. п.)	26	5,9	14,3
Окончательный переход на цифровые носители информации («люди практически совсем перестанут читать книги в бумажном варианте», «все документы будут оформляться в электронном виде» и т. п.)	26	5,9	14,3
Снижение подвижности и ухудшение здоровья пользователей («люди совсем перестанут выходить из дома», «физический упадок развития», «у всех будет плохое зрение», вред здоровью)	26	5,9	14,3
Автоматизация и переход процессов под контроль искусственного интеллекта («искусственный интеллект будет помогать людям», «все будет управляться машинами» и т. п.)	23	5,2	12,6
Рост объема продаж и услуг онлайн («повсеместно будут использоваться платёжные системы в режиме онлайн», «все услуги будут через интернет», «исчезнут турагентства» и т. п.)	22	5,0	12,1
Информационный стресс («люди будут перегружены информацией», «количество передаваемых данных увеличится в сотни раз», «в Интернете скопится большое количество информации» и т. п.)	21	4,8	11,5
Зависимость от Интернета («общество целиком станет интернет-зависимым», «люди не будут представлять себе жизнь без него», «будут все зависимы от интернет-технологий» и т. п.)	21	4,8	11,5

Улучшение качества жизни людей («повысят качество жизни», «сократятся временные затраты на многие дела», «облегчит жизнь», «у большего количества людей появится больше возможностей» и т. п.)	19	4,3	10,4
Повсеместное интернет-покрытие (всемирный бесплатный Wi-Fi, «Интернет будет повсеместно» и т. п.)	16	3,6	8,8
Демократизация знаний («люди будут больше знать», интеграция библиотек разных мировых культур, развитие кругозора, доступность интернета бедному населению и т. п.)	16	3,6	8,8
Сокращение потребности в человеческом труде (уменьшение доли труда человека, «сократится практически на 90% количество рабочих мест» и т. п.)	11	2,5	6,0
Эволюция человеческого тела под влиянием интернет-технологий («будем общаться телепатически», «большой палец на руке станет длиннее», «агрофируются кисти рук» и т. п.)	11	2,5	6,0
Радикальные инновации («появятся самоуправляющиеся машины, летающие машины», «освоенные космоса будет чуть ближе», «придумают что-то новое» и т. п.)	10	2,3	5,5
Увеличение масштабов социальных и техногенных катастроф (технические сбои из-за зависимости от искусственного интеллекта, «произоидет катастрофа, конец света» и т. п.)	10	2,3	5,5
Стирание границы между виртуальным и реальным миром («люди уйдут в онлайн», развитие технологий виртуальной реальности и т. п.)	9	2,1	4,9
Незащищенность личных данных («людям будет тяжело скрывать какую-либо информацию о себе», «личная информация о каждом человеке будет храниться в интернете», «жизнь человека перестанет быть частной» и т. п.)	8	1,8	4,4
Ограничения свободы в сети («в интернете будет меньше свободы, он будет более структурирован», «будет жестко контролироваться поток информации», тотальная слежка и т. п.)	8	1,8	4,4
Рост преступности и кибертерроризм (хакерские войны за контроль над интернет-пространством и т. п.)	8	1,8	4,4
Повышение безопасности использования интернет-технологий (большая конфиденциальность и защищенность, меньше интернет-рекламы, отсутствие вирусов сайтов и т. п.)	7	1,6	3,8
Увеличение темпа жизни («информация будет передаваться еще быстрее», «все станет быстрее», рост изменчивости и т. п.)	5	1,1	2,7
Глобализация («глобализация достигнет своих пределов», «мир будет более открыт» и т. п.)	5	1,1	2,7
Киборгизация человека («гаджеты будут дополнять разум человека», «будут чипы с интернет-выходом, подключаемые к мозгу» и т. п.)	3	0,7	1,6
Всего	439	100,00%	241,20%

же «Деградация личности и общества». Весьма характерны в этом отношении некоторые из ответов наших респондентов: «Разложение общества из-за чересчур развитых технологий», «Все разучатся думать мозгами, но при этом мы можем жить более развито», «Изобретут что-то грандиозное, а все будут продолжать смотреть котиков в Инстаграме».

Линейный регрессионный анализ показал ($R=0,392$; $R^2=0,153$; $F=4,039$; $p<0,001$), что на выраженность негативных оценок в представлениях о будущем интернета влияют негативные переживания при пользовании интернетом ($\beta=0,147$), представления о социальной сложности, т. е. вера в изменчивость социальной ситуации ($\beta=0,185$) и фаталистическое отношение к будущему ($\beta=0,203$). Предпочтение активных социальных ролей в интернете («творец», «защитник», «посредник» и «наставник») обратно связано с негативными представлениями о будущем интернета ($\beta=-0,123$). Значительно меньше выраженность негативных представлений о будущем интернета у тех респондентов, которые характеризуются как «бунтари», т. е. любят критиковать, поспорить, потроллить в комментариях ($\beta=-0,165$). Наиболее весомыми предикторами технооптимизма ($R^2=0,160$) оказался уровень социального доверия – к ученым, разработчикам и продавцам новых технологий, государству ($\beta=0,294$) и использование интернета для общения ($\beta=0,157$). Результаты указывают на то, что ключевым фактором принятия новых технологий и, в конечном счете, формирования технооптимизма является вовлеченность личности в коммуникацию с другими пользователями, в ходе которой разрешаются проблемы, происходит обмен опытом, открыто высказываются и оспариваются мнения.

В этом же исследовании нами было обнаружено влияние психологических особенностей технологии на ее оценку, проявившееся в различном отношении респондентов к нанотехнологиям и биотехнологиям (см. таблицы 6.3–4). Оказалось, что в оценку полезности нанотехнологий наибольший вклад вносят технооптимизм ($\beta=0,230$), а также ориентация на социальную сложность ($\beta=0,232$), гармонию ($\beta=0,231$) и низкая ориентация на фаталистическое настоящее ($\beta=-0,297$). В оценку полезности генно-модифицированных продуктов, наряду с социальной сложностью, наибольший вклад вносят характеристики социальной идентичности респондентов: оценка принадлежности к гражданам России ($\beta=-0,306$) и отнесение себя к россиянам ($\beta=-0,244$), тогда как технооптимизм здесь оказывает значительно меньшее влияние ($\beta=0,144$). При этом нами не было обнаружено статистически значимой связи между отношением к нано-

Таблица 6.3
Предикторы субъективной полезности ГМО
 (результаты линейного регрессионного анализа, N=192)

Предикторы	β	R^2
Общее позитивное отношение к технологиям	0,144*	0,206
Социальная сложность	0,262**	
Оценка своей принадлежности к гражданам России	-0,307***	
Идентификация с россиянами	-0,244**	
Идентификация с друзьями	-0,192**	
Ориентация на будущее	0,190**	

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; β – стандартизированные коэффициенты линейной регрессии; R^2 – доля дисперсии.

Таблица 6.4
Предикторы субъективной полезности нанотехнологий
 (результаты линейного регрессионного анализа, N=192)

Предикторы	β	R^2
Общее позитивное отношение к технологиям	0,230**	0,368
Социальная сложность	0,232***	
Гармония	0,231**	
Фаталистическое настоящее	-0,297***	
Доверие социальным группам, связанным с новыми технологиями	0,147*	
Идентификация с коллегами	0,159*	

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; β – стандартизированные коэффициенты линейной регрессии; R^2 – доля дисперсии.

технологиям и какими-либо характеристиками социальной идентичности респондентов.

Можно предположить, что при низкой информированности о технологии оценка ее опасности прямо связана с воспринимаемой угрозой для позитивной групповой идентичности: как уже отмечалось выше, отношение к ГМО включено в процессы этнической и гражданской идентификации, тогда как нанотехнологии остаются в этом отношении пока нейтральными. Вполне вероятно, что нанотехнологии окажутся в фокусе общественного внимания при их ис-

пользовании в биомедицинских разработках и при создании умных материалов: как только такие технологии станут использоваться в сферах, регулируемых моралью, они станут маркировать межгрупповые различия.

Проведенный Т. А. Нестиком и Д. А. Багдасаряном прототипический анализ представлений о будущем цифровых технологий у менеджеров IT-компаний Москвы (N=60), свидетельствует о том, что технооптимизм более характерен для экспертов, чем для рядовых пользователей: в ядро социальных представлений о социальных последствиях цифровых технологий входят нейтральные или позитивные аспекты (виртуализация общения, автоматизация, глобализация бизнеса, развитие медицины, рост качества жизни и др.), тогда как негативные отнесены на периферию (угрозы здоровью, рост контроля за гражданами и др.) (таблица 6.5). Это указывает на необходимость диалога разных заинтересованных сторон при прогнозировании развития технологий: разработчиков, продавцов, пользователей, представителей государства и т. д.

Для проверки гипотезы о различиях между технооптимизмом и готовностью использовать новые технологии Т. А. Нестиком было проведено исследование среди московской молодежи 17–30 лет (N=230, мужчины – 25%, женщины – 75%, средний возраст – 23,6 года). Линейный регрессионный анализ позволил выявить предикторы технооптимизма ($R=0,500$; $R^2=0,250$; $F=10,05$; $p<0,001$): он прямо связан с доверием к заинтересованным сторонам технологического прогресса ($\beta=0,354$), ориентацией на будущее ($\beta=0,134$), верой в награду за усилия ($\beta=0,243$), социальной сложностью ($\beta=0,119$) и обратно связан с ориентацией на позитивное прошлое ($\beta=-0,167$), религиозностью ($\beta=-0,204$) и уважением к авторитетам ($\beta=-0,232$). У готовности использовать новые технологии другие предикторы: она прямо связана с доверием к заинтересованным сторонам технологического прогресса ($\beta=0,295$), ориентацией на гедонистическое настоящее ($\beta=0,197$), социальным цинизмом ($\beta=0,284$) и отрицательно связана с уважением к авторитетам ($\beta=-0,232$) и с зависимостью от судьбы ($\beta=-0,259$). Полученные данные указывают на то, что технооптимизм как мировоззренческая позиция и готовность к использованию новых технологий имеют разную социально-психологическую детерминацию. По-видимому, технооптимизм может сопровождаться неготовностью использовать новые технологии. Можно сделать вывод о том, что ориентация на получение удовольствия в настоящем более важна для готовности к использованию новых технологий, чем ориентация на будущее.

Таблица 6.5
Прототипиский анализ социальных представлений руководителей IT-компаний
о последствиях развития технологий (менеджеры IT-компаний, г. Москва, N=60)

Элементы структуры СП	Понятия-ассоциации (с указанием частоты встречаемости и среднего ранга)	Менеджеры IT-компаний среднего звена (N=30)**
Ядро СП	<p>Топ-менеджеры IT-компаний с опытом работы в глобальных компаниях (N=30) *</p> <p>Переход в виртуальную среду общения (7; 1,71) Полная глобализация бизнеса (6; 2,00) Переход на удаленную работу (5; 2,00) Новые виды транспорта (5; 1,60) Автоматизация/роботизация (4; 2,00) Изменение систем государственного управления (4; 1,50) Искусственный интеллект (4; 1,25) Рост безработицы (4; 1,50) Расширение коммуникаций между людьми (3; 2,00)</p>	<p>Автоматизация/роботизация (8; 1,88) Развитие медицины (7; 1,86) Рост качества жизни (5; 1,80) Изменения на рынке труда (4; 1,25) Изменения экономических моделей (4; 1,75)</p>
Потенциальная зона изменений СП (две подгруппы)	<p>Угрозы здоровью (2; 2,00) Отказ от бумажных носителей и документов (2; 1,00) Изменение высших психических функций человека (2; 2,00) Изменение ценностей общества (2; 1,50) Освоение космоса (2; 2,00) Широкое распространение виртуальной реальности (2; 1,50) Переход в интернет вещей (1; 1,00) Рост значимости информационной безопасности (1; 2,00) Технологические угрозы (1; 1,00)</p>	<p>Альтернативные источники энергии (3; 1,33) Отказ от бумажных носителей и документов (3; 1,67) Рост пропускной способности сетей связи (3; 1,67) Искусственный интеллект (2; 1,00) Новые виды транспорта (2; 1,50) Перевод денежных отношений в онлайн (2; 1,50) Расширение коммуникаций между людьми (2; 1,50) Угрозы здоровью (1; 1,00)</p>

Продолжение таблицы 6.5

Элементы структуры СП	Понятия-ассоциации (с указанием частоты встречаемости и среднего ранга)	
<p>Собственно периферическая система СП</p>	<p>Топ-менеджеры IT-компаний с опытом работы в глобальных компаниях (N=30) *</p> <p>Рост важности профессионализма и навыков человека (2; 3,00)</p> <p>Изменения на рынке труда (2; 3,00)</p> <p>Отмена санкций (1; 3,00)</p> <p>Перевод денежных отношений в онлайн (2; 2,50)</p> <p>Рост пропускной способности сетей связи (1; 3,00)</p> <p>Снижение компетентности человека (2; 2,50)</p> <p>Экологические проблемы (2; 3,00)</p>	<p>Менеджеры IT-компаний среднего звена (N=30) **</p> <p>Рост важности профессионализма и навыков человека (1; 3,00)</p> <p>Изменение высших психических функций человека (1; 2,00)</p> <p>Изменение систем государственного управления (3; 3,00)</p> <p>Новые технологии в быту (1; 2,00)</p> <p>Переход в интернет вещей (3; 2,33)</p> <p>Политические угрозы (2; 3,00)</p> <p>Рост безработицы (3; 2,33)</p> <p>Рост значимости информационной безопасности (3; 2,67)</p> <p>Рост контроля государства над частной жизнью (3; 2,00)</p> <p>Технологические угрозы (3; 2,33)</p> <p>Упрощение процедур проверки багажа (1; 2,00)</p> <p>Широкое распространение виртуальной реальности (1; 2,00)</p> <p>Экологические проблемы (3; 2,33)</p>

Примечание: * – Условия включения понятия в зону 1: частота ≥ 2 , средний ранг $\geq 2,5$; условия включения понятия в зону 2: частота $< 2,5$, средний ранг $< 2,05$; условия включения понятия в зону 3: частота $\geq 2,05$; условия включения понятия в зону 4: частота < 2 , средний ранг $\geq 2,05$. ** – Условия включения понятия в зону 1: частота ≥ 3 , средний ранг $< 1,99$; условия включения понятия в зону 2: частота < 3 , средний ранг $\geq 1,99$; условия включения понятия в зону 3: частота ≥ 3 , средний ранг $\geq 1,99$; условия включения понятия в зону 4: частота < 3 , средний ранг $\geq 1,99$.

Эти данные согласуются с результатами проведенного нами факторного анализа критериев, принимаемых респондентами во внимание при использовании новых технологий. Были выделены 5 факторов: 1) легитимность использования (13,8% объясненной дисперсии), 2) престижность (12,8%), 3) привлекательность и легкость в использовании (12,6%), 3) доверие к экспертам при оценке выгодности технологии (9,4%), 4) идентификация с авторами технологии (7,5%). Причем именно критерии привлекательности технологии и легкости в использовании имеют наибольшее значение как для технооптимистов, так и технопессимистов.

Эти результаты были уточнены в исследовании, проведенном совместно с А. С. Самекиным среди российской и казахстанской русскоязычной молодежи от 17 до 35 лет (N=526, 37% – мужчины, 63% – женщины; средний возраст 22,7). Нами изучались социальные представления о влиянии технологий на общество, а также социально-психологическая детерминация технооптимизма и готовности использовать различные технологии, уже внедряемые или выводимые на рынок в странах ЕАЭС. Для измерения индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик личности были выбраны методики, уже использованные в других наших исследованиях («Стэнфордский опросник временной перспективы», «Социальные аксиомы», «Опросник моральных оснований»). Для анализа готовности использовать технологии респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале свое согласие использовать 22 новых технологии, существующие на уровне прототипов или уже появившиеся на рынке. Для измерения технооптимизма использовалась шкала Евробарометра (Вахштайн и др., 2017), шкала цифрового технооптимизма из исследования Pew Research (Smith, 2017). Для изучения коллективных переживаний, связанных с развитием технологий, мы просили участников оценить по 5-балльной шкале частоту проявления у них различных эмоциональных состояний при знакомстве с новостями о развитии технологий (тревога, безразличие, любопытство, гордость и т.д.). Для изучения представлений о влиянии технологий на общество респондентам предлагалось отнести 36 событий к различным временным горизонтам по шкале от 1 (это произойдет в ближайшие 5 лет) до 5 (сомневаюсь, что это когда-либо случится).

По мнению участников исследования, в ближайшие 5–10 лет технологии еще больше облегчат повседневную жизнь (M=2,26), приведут к большей мобильности населения (2,30), применению дистанционных формы работы и учебы (2,34), усилению контроля государства над гражданами (2,35), повышению требований к ква-

лификации (2,41). В ближайшие 25 лет развитие новых технологий приведет к еще большей глобализации и стиранию границ (2,78), снизит подвижность и ухудшит здоровье граждан (2,85), приведет к массовой безработице (2,95), лишит стимулов для самосовершенствования (3,3), усилит социальное неравенство (3,06). Большинство участников исследования считают неосуществимыми или невозможными при их жизни такие последствия, как увеличение продолжительности жизни за счет геномной инженерии (3,61), постепенную киборгизацию человеческого тела (3,67), включение человекоподобных роботов в повседневную жизнь (3,71), повышение безопасности интернета (3,74), управление большинством сторон жизни с опорой на искусственный интеллект (3,77) и повсеместное внедрение интерфейсов «мозг – компьютер» (4,08).

Теоретическое положение о том, что технооптимизм сопровождается переоценкой скорости развития технологий и «приближением» во времени позитивных событий, нашло свое подтверждение. Сопоставление технооптимистов (N=156) и технопессимистов (N=136) показало, что первые более склонны приближать позитивные последствия развития технологий ($p=0,032$ по критерию Манна–Уитни), а вторые – негативные последствия ($p=0,001$).

Линейный регрессионный анализ по всей выборке ($R=0,403$; $R^2=0,162$; $F=9,616$ при $p<0,001$) показал, что приближение во времени позитивных последствий технологического прогресса, таких как рост мобильности, доступности работы и образования, расширение кругозора и возможностей для развития, связано с готовностью к совместному поиску решений: в число предикторов вошли признание сложности общества ($\beta=0,141$), значимость заботы о людях ($\beta=0,133$), чувство уверенности в связи с новостями о развитии технологий ($\beta=0,158$), а также обсуждение с друзьями трудностей, с которыми респондент сталкивается при использовании новых устройств и программ ($\beta=0,141$). Напротив, среди предикторов приближения во времени негативных последствий, таких как духовная деградация, зависимость от технологий, ухудшение экологической обстановки, кибертерроризм и техногенные катастрофы ($R=0,403$; $R^2=0,162$; $F=9,616$ при $p<0,001$), оказалось сочетание чувства заинтересованности ($\beta=0,159$) и тревоги ($\beta=0,202$) при новостях о развитии технологий, а также низкое доверие к заинтересованным сторонам технологического прогресса – разработчикам, продавцам, экспертам, СМИ, правительству ($\beta=-0,150$).

Оказалось, что участники анкетирования наиболее готовы использовать такие технологии, как домашние 3D-принтеры, электро-

мобили и выявление генетической предрасположенности к болезням. Напротив, наибольшее отторжение вызывают генная инженерия; инвазивные технологии и технологии, связанные с необходимостью доверить искусственному интеллекту свою жизнь (имплантируемые датчики здоровья, вживляемые электронные микрочипы и механические устройства, расширяющие умственные и физические возможности); нейроинтерфейсы (устройства, соединяющие мозг с компьютером напрямую); беспилотное такси; технологии ЭКО-зачатия (оплодотворение яйцеклетки в лабораторных условиях); робот-хирург, превосходящий опытных врачей в сложности и точности операций; генетически модифицированные продукты питания с улучшенными свойствами. Наименее приемлемой оказалась технология редактирования генома будущего ребенка: более 76% участников исследования отказались бы использовать данную технологию или не уверены в том, что стали бы ее использовать. Эти результаты вполне согласуются с данными другого исследования на репрезентативной общероссийской выборке (Войнилов, Фурсов, 2017).

Для проверки гипотезы о том, что готовность использовать новые технологии определяется культурными характеристиками, мы провели дополнительное исследование, сопоставив данные, полученные в России (N=329; 50% – мужчины; 50% – женщины; средний возраст 22,52 года) и Казахстане (N=201; 50,3% – мужчины; 49,7% – женщины; средний возраст 22,63 года), с результатом опроса в Китае (N=110; 50% – мужчины; 50% – женщины; средний возраст 20,85 лет)¹. Выборка была выровнена по полу и возрасту. Вопреки нашим ожиданиям, значимые различия были обнаружены лишь по трем новым технологиям: робот-хирург, нейроинтерфейсы и редактирование генома (см. таблицу 6.6). Роботом-хирургом, превосходящим опытных врачей в сложности и точности операций, более готовы воспользоваться в Казахстане и Китае, нежели в России. Это может объясняться как дефицитом квалифицированной хирургической помощи, так и большим проникновением технологий телемедицины. Редактирование генома будущего ребенка и использование нейроинтерфейсов представляются наиболее приемлемыми в России и наименее – в Казахстане, что может быть связано с разницей в выраженности традиционных ценностей. Об этом можно судить, опираясь на показатель прогрессивизма по «Опроснику моральных оснований» Дж. Хайдта, который представляет собой разницу сред-

1 Авторы выражают благодарность за помощь в сборе данных А. С. Самекину и Цзоу Дянь.

Таблица 6.6

Результаты анализа значимых различий готовности использовать новые технологии у российских, казахстанских и китайских студентов (N=314, N=212, N=109)

Новые технологии	Россия (N=314)	Казахстан (N=212)	Китай (N=109)	Значимость различий по критерию Краскела–Уоллиса
Домашний 3D-принтер (печатает трехмерные объекты любой сложности)	4,23	4,21	4,22	0,621
Одежда из «умных» наноматериалов, меняющая свойства в зависимости от погоды	4,18	4,04	4,13	0,142
Электромобиль	4,01	4,05	4,03	0,981
Генетическая диагностика (определение генетических особенностей и выявление рисков у здоровых людей)	3,99	3,89	3,95	0,306
Носимые устройства, измеряющие состояние здоровья	3,84	3,91	3,87	0,419
Каршеринг (городская система краткосрочной аренды автомобилей «от парковки до парковки»)	3,62	3,7	3,65	0,541
Носимые устройства дополненной реальности (например, очки или линзы, дополняющие видимый физический мир цифровыми данными)	3,57	3,73	3,64	0,169
Умный дом (где искусственный интеллект управляет всеми бытовыми процессами)	3,34	3,45	3,38	0,277
Беспилотное такси	3,32	3,28	3,31	0,716
Дистанционный врач (диагностика и получение медицинских консультаций онлайн)	3,25	3,39	3,3	0,312

Имплантируемые датчики здоровья	3,09	3,01	3,06	0,438
Человекоподобный робот-помощник	3,07	3,05	3,06	0,847
Психофармакологические средства, повышающие мыслительные способности («таблетки гениальности»)	3,04	2,96	3,01	0,449
Персональный консультант (искусственный интеллект, помогающий принимать повседневные решения)	3,04	3,21	3,11	0,253
Вживляемые электронные микрочипы и механические устройства, расширяющие умственные и физические возможности	2,88	2,98	2,91	0,511
Робот-хирург, превосходящий опытных врачей в сложности и точности операций	2,82***	3,3***	3***	< 0,001
Нейроинтерфейсы (устройства, соединяющие мозг с компьютером напрямую)	2,7*	2,47*	2,61*	0,031
Генетически модифицированные продукты питания с улучшенными свойствами	2,66	2,76	2,7	0,458
Технологии ЭКО-зачатия (оплодотворение яйцеклетки в лабораторных условиях)	2,55	2,68	2,6	0,29
Редактирование генома будущего ребенка	2,51**	2,2**	2,39**	0,006
Робот-судья, неукоснительно следующий закону	2,47	2,66	2,54	0,166

Примечание: * p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001.

них значений по либеральным основаниям (справедливость, забота о людях) и консервативным (лояльность, уважение традиций, чистота). В нашем исследовании у российских студентов уровень прогрессивизма был значимо выше, чем у казахских (соответственно, 3,43 и 2,61; ANOVA $F=5,354$; $p=0,021$).

В целом данные проведенного нами кросс-культурного сравнения говорят о том, что психологические особенности технологий имеют универсальный характер, мало зависящий от культурных особенностей.

Факторный анализ с вращением варимакс позволил выделить 4 фактора, объясняющие 54% дисперсии оценок готовности использовать технологии: 1) «*технологии киборгизации*» (вживляемые микроипы и механические устройства, нейроинтерфейсы, устройства дополненной реальности, персональные консультанты на основе искусственного интеллекта, андроиды-помощники и т. п., 18,3% дисперсии); 2) «*технологии умного города*» (электромобили, каршеринг, домашние 3D-принтеры, умная одежда, телемедицина, умный дом, беспилотное такси и т. п.; 14% дисперсии); 3) «*диагностика здоровья*» (выявление генетической предрасположенности к заболеваниям, носимые медицинские датчики здоровья, бытовые датчики токсинов и т. п.; 12,5% дисперсии); 4) «*технологии геной инженерии*» (ЭКО-зачатие, редактирование генома будущего ребенка, ГМО в пищевых продуктах; 8,8% дисперсии).

На основании ранее проведенного теоретического анализа нами было выдвинуто предположение о том, что на принятие личностью разных групп технологий влияют различные психологические факторы (Журавлев, Нестик, 2016b). Структурное моделирование с использованием статистической программы IBM SPSS Amos v. 20 ($\chi^2=92,54$; $p=0,002$; $df=57$; $CMIN/DF=1,624$; $CFI=0,993$; $RMSEA=0,034$; $PCLOSE=0,984$) подтвердило эту гипотезу.

Как видно из рисунка 6.1, предикторами готовности использовать технологии киборгизации, в том числе нейроинтерфейсы и дополненную реальность, являются технооптимизм ($\beta=0,363$), ориентация на престижность технологии ($\beta=0,242$), интерес к информации о новых технологиях ($\beta=0,126$), цинизм, проявляющийся в низком социальном доверии ($\beta=0,110$), а также ориентация на гедонистическое настоящее ($\beta=0,076$). Данный тип технологий воспринимается как маркер ориентации на личный успех и получение удовольствия, поэтому их польза и надежность менее важны, чем престиж.

Готовность использовать технологии умного города определяется прежде всего технооптимизмом ($\beta=0,375$), надежностью техно-

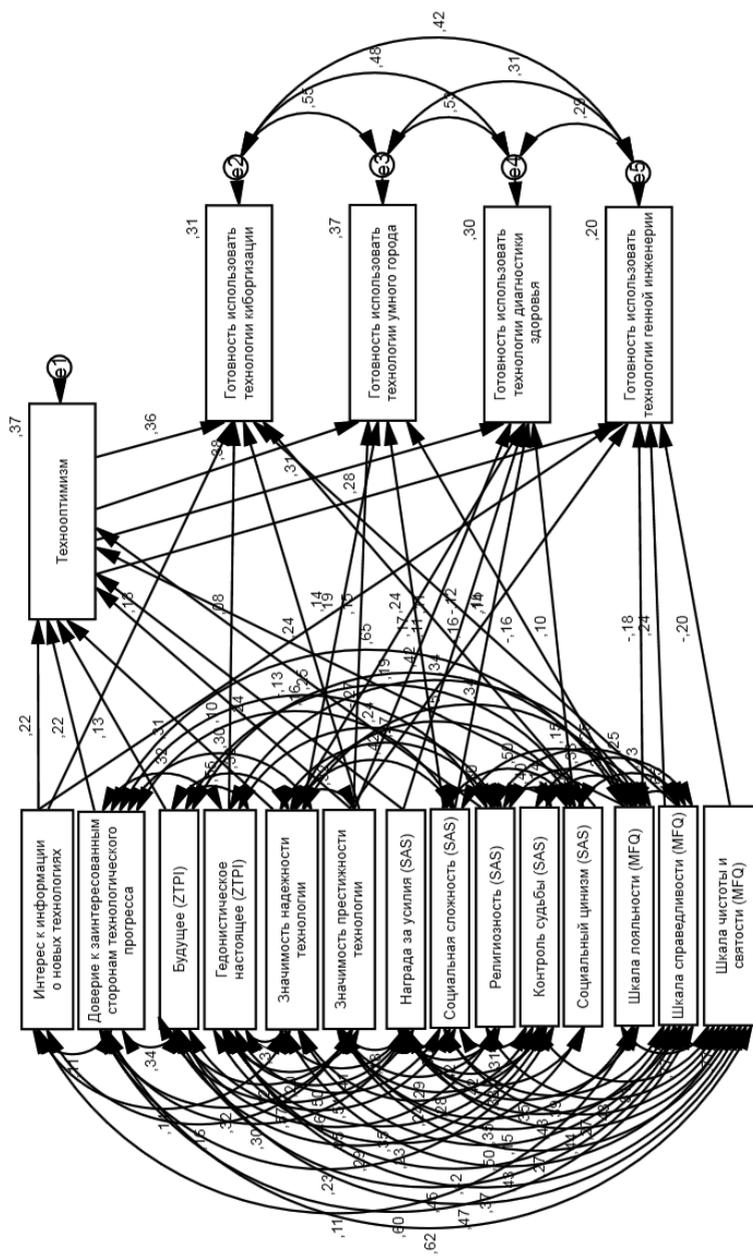

Рис. 6.1. Предикторы технооптимизма и готовности использовать новые технологии (приведены стандартизованные коэффициенты регрессии, $p < 0,01$)

логии ($\beta=0,192$), а также признанием сложности общества ($\beta=0,169$) и низкой лояльностью к своей группе ($\beta=-0,162$). В отличие от технологий киборгизации, электромобили, каршеринг, телемедицина и 3D-принтеры уже входят в повседневную жизнь, поэтому их принятие сопряжено с готовностью к социальным изменениям, а не с престижностью технологии.

Наибольший вклад в готовность использовать технологии медицинской диагностики, в том числе носимые датчики здоровья, вносят технооптимизм ($\beta=0,305$), надежность технологии ($\beta=0,240$) и социальная сложность ($\beta=0,140$). Очевидно, что технологии, связанные со здоровьем, оцениваются прежде всего с точки зрения их надежности.

Готовность использовать технологии генной инженерии прямо связана с технооптимизмом ($\beta=0,278$), ориентацией на справедливость ($\beta=0,238$) и отрицательно связана с приверженностью религиозным и моральным нормам ($\beta=-0,204$). Эта группа технологий сильнее всего вторгается в сферу, регулируемую процессами групповой идентификации. По-видимому, влияние ориентации на справедливость можно интерпретировать как признание за каждым человеком права на личное и семейное благополучие вне зависимости от групповой принадлежности.

Таким образом, на основании проведенных нами исследований можно сделать следующие выводы. Во-первых, компоненты отношения к новым технологиям — когнитивные (технооптимизм), аффективные и предповеденческие (технофилия и готовность использовать новые технологии) — имеют разную детерминацию, что необходимо учитывать в программах, направленных на развитие заинтересованности россиян в технологических инновациях. Во-вторых, различия в предикторах отношения к нанотехнологиям и ГМО указывают на то, что технологии участвуют в подтверждении групповой идентичности. В-третьих, отношение к разным психологическим типам технологий имеет разную детерминацию. Полученные нами эмпирические данные о предикторах отношения к «технологиям киборгизации» и «генно-инженерным технологиям» указывают на то, что социально-психологические механизмы влияния этих технологий на общество также могут различаться.

Подводя итоги, можно выделить несколько перспективных направлений психологических исследований отношения человека к новым технологиям.

Во-первых, необходимы дальнейшие исследования механизмов становления отношения личности и группы к новым технологиям, на основе которых могли бы быть выработаны рекомендации не только для преодоления технофобий, но и для повышения чувствительности российского общества в отношении технологических вызовов ближайших 20 лет, рефлексивности в отношении открывающихся возможностей и техногенных рисков.

Во-вторых, от изучения предикторов общего уровня технооптимизма и технофобии необходимо перейти к выделению социально-психологических типов отношения личности к новым технологиям. Необходим более дифференцированный подход к изучению коллективных представлений о последствиях внедрения различных технологий, учитывающий ожидания, мечты, надежды, страхи, идеалы, которые определяют оценку тех или иных технологических изменений различными социальными группами.

В-третьих, все более остро ощущается необходимость методологии оценки социально-психологических последствий внедрения в жизнь общества конкретных технологий (робототехника, нейротехнологии, биопринтинг, постгеномная медицина и генетически модифицированные продукты, новые материалы, роботизация, беспилотные автомобили, криптовалюты и блокчейн, искусственный интеллект, геоинженерные технологии и др.).

Среди актуальных направлений дальнейших исследований можно назвать: исследование социально-психологических барьеров на пути распространения технологических инноваций; разработка социально-психологических индикаторов инновационного потенциала регионов России и прогнозирование регионального развития производительных сил (в том числе – с использованием Big Data, по цифровым следам интернет-пользователей из разных регионов); исследование влияния блокчейна и алгоритмов анализа больших данных на межличностное и генерализованное доверие; исследование социально-психологических механизмов группового принятия решений в группах людей с использованием искусственного интеллекта; исследование стратегий взаимодействия с ботами (роботами-консультантами) у интернет-пользователей с различными социально-психологическими характеристиками; изучение социально-психологических механизмов совместной деятельности роботов и людей, решающих совместные задачи; социально-психологическая интерпретация механизмов доминирования, лидерства, подражания и агрессии в сообществах роботов; социально-психологические механизмы восприятия человеком роевого поведения роботов, взаимодействия группы

людей и «роевого интеллекта» колонии мини-роботов; исследование социально-психологических характеристик сообществ разработчиков и пользователей новых технологий.

Растущая скорость технологического развития повышает востребованность социально-психологических технологий для поддержки индивидуальной и коллективной рефлексии технологических рисков при использовании новых технологий (в том числе — через особую организацию пользовательского интерфейса). Чем значительнее техно-гуманитарный дисбаланс, чем острее противоречие между скоростью научно-технического прогресса и возможностями коллективной рефлексии, выработки договоренностей об использовании новых технологий, тем больше вероятность защитных реакций общества, в том числе таких, как архаизация, ксенофобия, мнемонические войны. Как правило, такие реакции затрудняют рефлексию возможностей и рисков, делают общественное сознание еще более уязвимым для манипуляций.

Развитие технологий сопряжено с реальными рисками. Многие из них пока не заметны широкой общественности (Нестик, 2016а). Мы пока всерьез не говорим о рисках применения искусственного интеллекта в области вооружений, геоинженерных технологиях, новых видах биологического оружия, возможностях слежения за людьми по цифровым следам в интернете вещей. И это при том, что технофобии и нерешенные вопросы внедрения новых технологий еще не были всерьез использованы для достижения каких-либо политических целей, для мобилизации общественного мнения. Между тем, целенаправленно усиливая определенные технофобии в социальных сетях, можно не только сдержать научно-технологические разработки, ослабив конкурентов, но и получить общественную поддержку для потенциально еще более опасных решений, в том числе в области социальных технологий.

Судьба многих технологий в ближайшие 10–15 лет будет зависеть от того, насколько нам удастся преодолеть социальный пессимизм, недоверие к социальным институтам. А значит, мы будем все больше нуждаться в гуманитарных и социальных технологиях, повышающих способность общества вовремя обнаруживать технологические риски, договариваться о правилах жизни в цифровой экономике.

ПСИХОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ И РОБОТИЗАЦИИ

Скорость развития технических систем сегодня опережает способность социальных групп осмысливать новые технологии и договариваться о нормах их использования. Технологии становятся все менее понятными и требуют все большей готовности пользователей полагаться на экспертизу других людей, их советы и подсказки, а отчасти и на государство. Между тем ускорение развития технологий практически во всем мире оказалось сопряжено с социальным пессимизмом, снижением социального доверия (Нестик, 2016а, е и др.).

Одной из технологий, требующей договоренностей о правилах использования, является искусственный интеллект – небиологический интеллект, предназначенный для решения сложных задач. Различают узкоспециализированный, или слабый искусственный интеллект, такой как фильтры для защиты почты от спама или программы для самоуправляемых автомобилей, и общий, или сильный искусственный интеллект, способный с помощью глубинного обучения самостоятельно найти решения незнакомой ему ранее задачи. Сегодня потребность в сильном искусственном интеллекте связана прежде всего с развитием предиктивной аналитики, основанной на анализе больших данных. Кроме того, оказалось, что проще научить одну сверточную нейросеть множеству задач, чем создавать для каждой задачи отдельную сеть.

Психологические особенности взаимодействия человека с искусственным интеллектом и роботами

Среди технологий, стремительно меняющих повседневную жизнь людей, системы на основе искусственного интеллекта занимают особое место. Во-первых, в эпоху, когда технологический оптимизм сопровождается социальным пессимизмом, именно с этими технологиями

связана надежда на улучшение работы социальных институтов и оздоровление целых сфер жизни общества, таких как государственное управление, коммунальные услуги, общественный транспорт, здравоохранение, даже образование и СМИ. Машинное обучение, анализ больших данных и блокчейн рассматриваются как своего рода лекарство или даже протез для слабеющего социального доверия. Во-вторых, искусственный интеллект, в отличие от других технологий, не только в массовом сознании, но и среди экспертов наделяется характеристиками субъекта, представляется как сила, способная со временем подчинить себе человека (Turchin, Denckenberger, 2018). Примером может служить программа AlphaGo Zero, которая достигла сверхчеловеческих возможностей в игре го всего за три дня игры сама с собой. Уже разработан возможный сценарий захвата власти искусственным интеллектом (Бостром, 2016). Сегодня ИИ признается экспертами одной из технологий, представляющих наиболее серьезную опасность для существования человечества (The Catastrophic Global Risks, 2017). По данным опроса, проведенного агентством ComRes по заказу Фонда глобальных вызовов в апреле 2018 г. среди более 10 тыс. жителей десяти стран, 53% респондентов опасаются рисков, связанных с развитием технологий искусственного интеллекта (Attitudes to global risk and governance survey, 2018).

Уже очевидно, что использование искусственного интеллекта сопряжено с множеством этических проблем, сложность и серьезность которых будут расти в ближайшие годы. Примерами могут служить первые смертельные исходы в автокатастрофах с самоуправляемыми автомобилями Tesla в 2016 г. и Uber в 2018 г., участие команды разработчиков ИИ Google в военных проектах, а также многочисленные случаи манипулирования доступностью информации, сексизма и расизма в алгоритмах распознавания лиц и таргетированной рекламы с использованием ИИ, побудившие Google и Microsoft сформулировать этические кодексы использования ИИ (Simonite, 2018).

Одна из причин тревоги по поводу развития искусственного интеллекта связана с так называемой проблемой «черного ящика»: не только политики и обыватели, но и сами разработчики не могут в точности объяснить логику, лежащую в основе тех или иных заключений, сделанных самообучающейся нейросетью (Cummins et al., 2018; Knight, 2017). Влияние таких алгоритмов на общество трудно оценить, так как их коды защищены коммерческой тайной, а истинные цели часто неясны (Pasquale, 2015; AI Now – 2017 Report).

Возможные негативные социальные последствия применения алгоритмов в работе государственных служб широко обсуждают-

ся в СМИ, а также в законодательных органах власти США, Англии и Франции (Simonite, 2017). В декабре 2017 г. Городским советом Нью-Йорка был принят – хотя пока так и не подписан мэром – проект закона о предотвращении дискриминации посредством алгоритмов, используемых государственными службами. Статьи 13–15 закона о защите персональных данных (GDPR), принятого Евросоюзом в 2016 г. и вступившего в силу в 2018 г., предоставляют гражданам право на объяснение алгоритмов, используемых компаниями (Selbst, Powles, 2018).

Неэтичное и опасное поведение нейросетей может быть связано с ошибками программирования. Так, среди опрошенных аналитиков больших данных 63% обеспокоены тем, что в программу для машинного обучения могут вкрасться когнитивные искажения, свойственные человеку (Data Science Report, 2017). Дискриминация и ошибки могут попасть в алгоритмы и через обучающие выборки. Например, для распознавания изображений используется база ImageNet, содержащая 14 млн размеченных картинок. При этом 45% этой базы составляет контент из США, и только 3% – из Индии и Китая, в которых проживает 36% человечества. Поэтому американки в свадебном наряде распознаются программой как невесты, а невесты в индийских нарядах – как костюмы (Zou, Schiebinger, 2018). Используемая в США программа прогнозирования преступлений PredPol обучалась на этнически искаженной выборке, поэтому чаще посылает полицию по адресам этнических меньшинств (Lum, Isaac, 2016). Обученная на частично вымышленных историях болезни программа IBM Watson иногда предоставляет смертельно опасные рекомендации по лечению рака (Ross, Swetlitz, 2018). Однако есть и другая, более фундаментальная причина рисков, связанных с развитием алгоритмов. Нейросети обучаются на данных о поведении людей, черпая из нашего коллективного опыта не только лучшее. Так, разработанный в 2016 г. компанией Microsoft чат-бот Tay всего за один день общения с «троллями» в Twitter превратилась в нацистку, ненавидящую всех людей. В этой связи нельзя не отметить, что психологические проблемы воспитания «робота-ребенка», ранее обсуждавшиеся лишь в научной фантастике, сегодня становятся актуальными практически для всех разработчиков социальных биоэлектронных роботов (Голиков, 2015).

Наконец, ИИ может сознательно использоваться злоумышленниками для совершения киберпреступлений, управления атакой дронов и другим физическим оружием, слежки за гражданами, дезинформирования и манипуляции общественным мнением. Сле-

дует помнить о том, что глубинное обучение является технологией двойного назначения, ИИ решает все больше задач быстрее человека и позволяет масштабировать результат, может воспроизводить себя, при этом остается уязвимым для взлома (Brundage et al., 2018). Кроме того, использование ИИ повышает анонимность и психологическую дистанцию между охотником и жертвой (Scharge, 2018).

Как показывают результаты опроса, проведенного Институтом современных медиа (MOMRI—Modern Media Research Institute) совместно с телеканалом «Наука» 20–26 декабря 2017 г. среди жителей России в возрасте 18 лет и старше (N=1600), беспокойство в отношении последствий роботизации и развития искусственного интеллекта растет наиболее высокими темпами: если в 2016 г. его проявляло 8% россиян, то в 2017 — уже 11%, причем наиболее распространена эта тревога среди представителей поколения Y в возрасте от 25 до 34 лет — 18% (Россиян пугает..., 2018). Исследование, проведенное в 2016 г. PR-агентством Weber Shandwick совместно с KRC Research среди 2100 потребителей из США, Канады, Великобритании, Китая и Бразилии, показало, что 52% опрошенных ожидает позитивного влияния ИИ на повседневную жизнь (негативных изменений ждет 7%). Две трети респондентов готовы доверить ИИ напоминания о принятии лекарственных препаратов, навигацию в поездках, рекомендации вариантов досуга, формирование ленты новостей, физическую работу и ремонт. Более половины считают, что ИИ может заботиться об их пожилых родственниках, готовы принять от него рекомендации, связанные с поддержанием здоровья, а также использовать его для генерации контента в социальных сетях. При этом наибольшие опасения вызывает связанная с его использованием потеря рабочих мест — 82% опрошенных, вероятность кибератак — 53% и вмешательство в частную жизнь — 52% (Гейнс-Росс, 2016).

Согласно результатам исследования, проведенного агентством Ipsos в 23 странах, в среднем 72% опрошенных отмечают, что при внедрении чат-ботов обслуживание клиентов становится все более автоматизированным и обезличенным (Ipsos MORI, 2018b). Анкетирование в Великобритании по репрезентативной выборке из 978 человек и последующая серия экспертных семинаров с участием 1500 представителей общественности, проведенные в 2015–2017 гг. Лондонским королевским обществом для изучения отношения к искусственному интеллекту, показали, что наибольшую тревогу у британцев вызывает деперсонализация, когда личные отношения заменяются машинным обучением (Machine learning, 2017). Хотя 89% слышали о конкретных примерах использования ИИ, лишь 9% слышали о ма-

шинном обучении и только 3% считают, что они что-то о нем знают. Иными словами, отношение к ИИ формируется не через знакомство с технологией, а через оценку ее последствий. Оценка искусственного интеллекта и его влияния на общество оказалась достаточно прагматичной и опирается на критерии, связанные с контекстом: каковы намерения тех, кто используют ИИ; кто получает выгоду от его применения; насколько необходимо применение машинного обучения, а не других технологий; были ли прецеденты очевидно вредного применения ИИ; вовлечен ли в принятие решений человек, или программа полностью автономна. Британцы связывают с ИИ надежды на принятие более объективных решений, большую точность, например, в диагностике и выборе лечения, на повышение эффективности социальных институтов, новые возможности для развития бизнеса и для ответа на глобальные риски, такие как изменение климата. Вместе с тем их пугает обезличивание отношений, возможность катастроф с участием ИИ, замена людей машинами или чрезмерное доверие к алгоритмам, ограничение выбора, навязывание алгоритмами тех или иных услуг (Machine learning, 2017). У 53% опрошенных британцев чувство дискомфорта вызывает участие ИИ в принятии решений, связанных с их повседневной жизнью (Ipsos MORI, 2018b).

Очевидно, можно найти проявления технофобии и в другие исторические эпохи развития цивилизации. Однако в XXI в. страхи перед новыми технологиями имеют свою специфику. Их подоплекой становится все большая сложность технологий (даже высшее техническое образование уже не делает их понятными человеку), недоверие к экспертам, отсутствие времени на адаптацию, неизбежность взаимодействия с новыми технологиями, невидимость и неопределенность связанной с ними угрозы. При этом, по сравнению с другими технологиями, искусственный интеллект в массовом сознании легче наделяется субъектностью и более рельефен для социального познания.

Искусственный интеллект, интернет вещей и анализ больших данных являются ключевой частью того пакета цифровых технологий, которые лежат в основе автоматизации, «платформенной экономики» и сдвига границ отраслей. По мнению экспертов Pricewaterhouse Coopers, влияние этих технологий на общество не будет мгновенным, оно будет нарастать в виде трех волн автоматизации. Первая волна завершится к середине 2020-х годов, она охватила прежде всего финансовый, IT- и телекоммуникационный сектор и затрагивает в основном легкоавтоматизируемые операции с доступными данными. Вторая волна к концу 2020-х будет связана с оснащением людей-о-

ператоров новыми физическими и когнитивными возможностями: охватит производство, хранение и доставку, а также сферу розничных продаж. Наконец, третья волна к середине 2030-х годов будет связана с появлением автономных систем (например, транспортных), где принятие решений в меняющейся обстановке будет доверено искусственному интеллекту. Эти изменения по-разному ощущаются людьми в зависимости от страны проживания и профессии; ожидается, например, что в Юго-Восточной Азии, Северной Европе и России влияние автоматизации затронет меньше рабочих мест по сравнению с Восточной Европой и США (Parlett, Foyster, Ho, 2018).

В отличие от европейских стран и США, в российском массовом сознании последствия роботизации труда пока недооцениваются. Как показал опрос россиян, проведенный ВЦИОМ по репрезентативной выборке в декабре 2017 г., 74% убеждены, что в обозримом будущем их рабочее место не смогут занять роботы (Роботизация работы..., 2017). При этом 73% вообще никогда не задумывались об этой проблеме. Большинство (62%) считают тенденцию к замене людей на рабочих местах роботами неправильной, причем наиболее категорично это мнение отстаивает именно молодежь, а не старшее поколение (так считают 70% в группе 18–24 года по сравнению с 55% в группе 45–59 лет).

Связь искусственного интеллекта с процессами роботизации позволяет ставить вопрос об отношении личности к этой технологии в рамках более общего вопроса о доверии человека к машиноподобным и биоэлектронным, в том числе виртуальным, роботам. В отличие от традиционных автоматов, роботы являются мобильными техническими устройствами с определенным уровнем автономности, функционирующими в малодетерминированной среде и выполняющими задачи, поставленные операторами (Грязнов, 2015). Проведенные экспериментальные исследования свидетельствуют о том, что ИИ, воплощенный в социальном роботе, вызывает более позитивный отклик, чем его полностью виртуальная версия (Lee et al., 2006). Доверие к роботу зависит от пола и предыдущего опыта взаимодействия (Nomura, Suzuki, Kanda, 2006). На доверие к роботу в роли консультанта влияет его внешний вид: например, доброжелательные мимика и жесты, сходство пола и др. (Ghazali et al., 2018). Ряд исследований указывает на то, что доверие к автоматизированным системам снижается с ростом уверенности оператора в себе (Freedy et al., 2007), однако другие исследования указывают на то, что доверие к технике прямо связано с оценкой ее освоенности, уверенностью человека в своей способности ею управлять (Акимова, Обознов,

2016), т. е. недоверие к себе может снижать и доверие к робототехническим системам.

Оказалось, что критерии доверия к роботам схожи с критериями доверия к человеку, однако это отношение более однозначно. Если в отношениях с людьми доверие и недоверие — это разные феномены, которые могут сочетаться, то в отношении автоматических технических устройств это два полюса одной шкалы (Jian, Bisantz, Drury, 2000). По-видимому, одним из последствий противопоставления доверия и недоверия применительно к роботам стали случаи чрезмерного, абсолютного доверия водителей к своему робомобилю (Костин, 2018). При этом к надежности работы ИИ люди предъявляют более высокие требования, чем к людям в тех же ситуациях. Например, эмпирически подтверждена склонность испытуемых при прогнозировании больше доверять людям, чем алгоритмам, даже если они убедились в большей эффективности последних (Dietvorst, Simmons, Massey, 2015). Это приводит к завышенным ожиданиям в отношении автоматизации и к более легкой потере доверия, когда эти ожидания не оправдываются.

По оценкам экспертов, сегодня обсуждение ИИ в мировых СМИ носит сенсационный характер, подогревает ожидания радикальных изменений, страхи и необоснованные надежды (WEF, 2018). Между тем алгоритмы меняют мировую и национальные финансовые системы, встраиваются в работу телекоммуникационных и новостных агентств, используются государственными службами. Обвал доверия к искусственному интеллекту и основанным на нем робототехническим системам может повлечь за собой еще больший кризис доверия к социальным институтам — государству, бизнесу и общественным организациям.

Метаанализ трех десятков эмпирических исследований, проведенных с 1996 до 2010 гг., показывает, что основную роль в формировании доверия к робототехническим устройствам играет их производительность и степень надежности, например, число ошибок, ложных срабатываний тревоги и т. п. Чуть меньший эффект оказывают средовые характеристики, такие как тип решаемой задачи и культурные характеристики, тогда как эффект личностных характеристик самого человека, взаимодействующего с роботом, оказался крайне незначительным (Napcock et al., 2011). Возможно, эти результаты объясняются не только тем, что в исследованиях учитывались преимущественно социально-демографические, а не психологические характеристики испытуемых, но и достаточно низким уровнем сложности самих робототехнических систем, использовав-

шихся в экспериментах (например, симуляторы, системы слежения, навигаторы, роботы-игрушки и т. п.).

Целый ряд исследований показывает, что люди склонны одушевлять компьютерные программы и роботов, особенно когда те проявляют признаки способности к социальному взаимодействию: окулomotorные движения, социальные жесты, язык (Horstmann et al., 2018; Reeves, Nass, 1996). Человеческое восприятие роботов и компьютерных программ подчиняется гендерным стереотипам (Eyssele, Hegel, 2012; Nass, Moon, Green, 1997), аттракции на основе межличностного сходства (Lee et al., 2006). Люди склонны вести себя в отношении роботов так же, как и с людьми, проявляя не только интерес, но и жестокость (Rehm, Krogsager, 2013). Причем жестокое поведение человека в отношении социального робота вызывает у наблюдателей те же нейробиологические маркеры эмпатии, что и жестокость в отношении людей (Rosenthal-von der Pütten et al., 2014). Людям трудно выключить общительного робота, если тот просит не делать этого (Horstmann et al., 2018). Вместе с тем социальное поведение роботов вызывает у людей с негативным отношением к автоматизации большее раздражение, чем сугубо инструментальные действия машин; кроме того, социальные роботы кажутся более независимыми и труднопредсказуемыми, что дает повод подозревать их в хитрости и коварстве (Syrdal et al., 2009). Серия исследований, проведенных в рамках совместного обучения команд людей и нейросетей, показывают, что доверие к искусственному интеллекту возрастает, если программа комментирует свои действия (Chen et al., 2017; Рунадатх et al., 2018).

Для измерения отношения личности к автоматизации разработано несколько методик. Широкое распространение получили 14-пунктная «Шкала негативного отношения к роботам» Т. Номуры (Nomura, Suzuki, Kanda, 2006), а также 12-пунктная «Шкала отношения к автоматизации» Дж.-И. Джиан (Jian, Bisantz, Drugy, 2000; Spain, Bustamante, Bliss, 2008), разработаны 10-пунктная шкала ожидаемой удовлетворенности взаимодействием с социальными роботами П. Альвес-Оливейра (Alves-Oliveira et al., 2015), 21-пунктная «Кросс-культурная шкала доверия к автоматизации» С. Чием (Chien et al., 2014) и 40-пунктная «Шкала доверия во взаимодействии человека с роботом» (Schaefer, 2016) и др. Предложены поведенческие индикаторы доверия к роботам, такие как проксемика и хронемика в коммуникации, перехват управления или частота взглядов в сторону от дороги при поездке в самоуправляемом автомобиле (Geitner et al., 2017; Miller et al., 2016). Предприняты попытки адаптировать шкалы межличностного доверия к взаимодействию с роботами (Wang, Рунадатх

dath, Hill, 2015), разработать шкалы доверия к роботам как участникам совместной деятельности (Yagoda, Gillan, 2012).

Вызывает удивление отсутствие в психологических исследованиях шкал, которые измеряли бы отношение личности к внедрению технологий специализированного и общего искусственного интеллекта, имеющих ряд важных отличий от традиционных роботов и алгоритмов (возможность самообучения, интеграция с интернетом вещей, незримость для человека и т.д.). С одной стороны, основанные на технологиях искусственного интеллекта программные решения приобретают все больше сходств с человеком и даже претендуют на наличие индивидуальности, решают задачи, все более связанные с эмпатией и межличностными отношениями. Даже простейшие агенты, не способные к самообучению, в роли виртуальных «прохожих» и собеседников влияют на эмоциональное состояние, представления о себе и поведение человека (Qu et al., 2015), на оценку уровня доверия в группе людей, совместно принимающих решения (Yugo, 2017). С другой стороны, совмещенный с облачными решениями и интернетом всего, искусственный интеллект становится «распределенным», его влияние на повседневную жизнь распространяется далеко за пределы ситуаций непосредственного взаимодействия человека с конкретными техническими устройствами (Келли, 2017). В этих условиях высокую актуальность приобретает изучение отношения личности к искусственному интеллекту не как к техническому решению, а как к *социальному явлению*.

Эмпирическое исследование социально-психологических характеристик личности, влияющих на отношение к системам на основе искусственного интеллекта

Для изучения представлений россиян о последствиях внедрения технологий искусственного интеллекта в повседневную жизнь и выявления социально-психологических предикторов готовности использовать эти технологии нами были проведены два эмпирических исследования, участниками которых стали в общей сложности 422 человека.

Первое исследование было проведено нами совместно с А. О. Петровой для выявления личностных характеристик, влияющих на отношение к технологиям искусственного интеллекта. Участниками исследования стали студенты гуманитарных факультетов г. Москвы и г. Симферополя (N=129; 31% – мужчины, 69% – женщины; средний возраст 21,1 года). Для измерения отношения к новым техноло-

гиям использовался семантический дифференциал. Шесть новых технологий оценивались респондентами по 21 биполярной 7-балльной шкале, которые в результате последующего агрегирования и факторного анализа были объединены в четыре фактора, объясняющие 98,8% дисперсии: оценка, понятность, полезность и безопасность. Общее отношение к новым технологиям оценивалось 8-пунктной шкалой технооптимизма из Евробарометра. Для оценки личностных характеристик использовались 44-вопросная методика «Инвентарь большой пятерки» (BFI) О. Джон в адаптации С. Шебетенко (Shchebetenko, 2014), а также 21-пунктная версия опросника ценностных ориентаций (PVQ) Ш. Шварца. Нами было выдвинуто предположение о том, что отношение к разным технологиям искусственного интеллекта будет определяться разными личностными характеристиками.

Как показал линейный регрессионный анализ, общая позитивная или негативная оценка той или иной технологии связана с личностными особенностями. Так, предикторами *позитивной оценки беспилотного такси* ($R=0,454$; $R^2=0,206$; $F=8,03$ при $p<0,001$) являются открытость к новому опыту ($\beta=0,209^*$) и готовность использовать новые технологии ($\beta=0,381^{***}$). *Положительная оценка технологии умного дома* зависит ($R=0,559$; $R^2=0,313$; $F=6,65$ при $p<0,001$; значимость β не ниже $p<0,05$) от технооптимизма ($\beta=0,355^{***}$), добросовестности ($\beta=0,213^*$), ориентации на ценности гедонизма ($\beta=0,204^*$), универсализма ($\beta=0,239^*$) и достижения ($\beta=0,232^{***}$). Предикторами *позитивной оценки персональных помощников на основе ИИ* ($R=0,559$; $R^2=0,313$; $F=6,65$ при $p<0,001$; значимость β не ниже $p<0,01$) оказались технооптимизм ($\beta=0,370^{***}$) и ориентация на достижения ($\beta=0,275^{**}$). Можно предположить, что идея умного дома находит больший отклик среди людей, ценящих хозяйственность и комфорт, а беспилотное такси — среди тех, кто готов к новому опыту, личные помощники — среди тех, кто видит в них средство повышения своей эффективности.

Анализ размещения объектов оценки в построенных семантических пространствах (см. рисунок 7.1) показал, что, в отличие от устройств дополненной реальности и редактирования генома, студентам нетехнических специальностей технологии специального ИИ в целом кажутся понятными. При этом персональные консультанты на основе ИИ и умный дом, управляемый ИИ, оцениваются как относительно безопасные, а беспилотное такси — как наиболее опасная из оцениваемых технологий, даже по сравнению с редактированием генома. Опрос проводился весной 2018 г. уже после пуб-

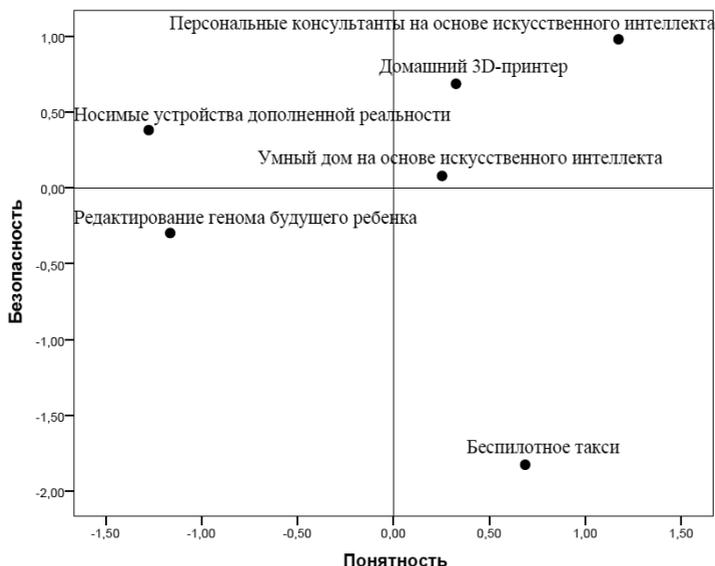

Рис. 7.1. Размещение оцениваемых новых технологий в семантическом пространстве факторов «Безопасность»–«Понятность»

ликаций СМИ о первой гибели пешехода при столкновении с самоуправляемым автомобилем Uber, что могло повлиять на более высокую оценку опасности беспилотного такси, чем в предыдущем исследовании. С другой стороны, технология персональных консультантов в виде мобильного приложения на смартфоне может быть более привычна испытуемым в связи с использованием голосовых помощников Siri и Алиса.

Нами не было обнаружено значимых регрессионных связей между оценкой технологий по данным показателям и личностными характеристиками респондентов. По-видимому, степень опасности и понятности технологий определяется в большей степени групповыми и социетальными факторами, представления о них конструируются публичным дискурсом в СМИ и социальных медиа.

Участниками второго исследования стали взрослые россияне (N=293; 28% – мужчины, 72% – женщины; от 16 до 56 лет, средний возраст 26,2; поскольку использовались разные версии анкеты, число опрошенных по некоторым шкалам различается от 115 до 293 человек). Целью исследования было выявление представлений о последствиях развития искусственного интеллекта, а также социально-психологических предикторов отношения к искусственному интеллекту.

Для измерения отношения к искусственному интеллекту использовалась авторская анкета, включавшая методы ассоциативного эксперимента и семантического дифференциала. В пакет методик были включены шкала технооптимизма из Евробарометра (Вахштайн и др., 2017), шкала технофобии (Sinkovics et al., 2002), блоки вопросов для измерения готовности к использованию 22 новых технологий (22 пункта, $N=526$, $\alpha=0,896$) и мотивации к их использованию (22 пункта, $N=526$, α от 0,590 до 0,764). Для измерения личностных индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик использовался опросник «Социальные аксиомы» (Татарко, Лебедева, 2008; Leung, Bond, 2010) в адаптации А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой, краткий 5-факторный опросник личностных черт ТPI (Сергеева, Кириллов, Джумагулова, 2016; Gosling, Rentfrow, Swann, 2003), а также краткий опросник ценностных ориентаций Ш. Шварца PVQ21 (Schwartz, 2003).

При обработке результатов (см. таблицу 7.1) ассоциативного эксперимента нами была использована методология анализа структуры социальных представлений, предложенная П. Вержесом, и позволяющая выделить ядерные и периферийные ее элементы (Бовина, 2011a; Vergès, 1992). В ядро *представлений о возможностях, возникающих в связи с развитием технологий искусственного интеллекта*, вошли расширение возможностей человеческого мышления и восприятия (с частотой 29 и рангом 1,6), более точная медицинская диагностика и новые технологии лечения (28; 1,5), автоматизация производства (30; 1,4), экономия времени (24; 1,3), повышение уровня образования и непрерывное обучение (14; 1,5), а также ускорение решения сложных интеллектуальных задач (10; 1,6). В ядро *представлений о новых угрозах, связанных с развитием искусственного интеллекта*, вошли безработица (63; 1,4), интеллектуальная и духовная деградация людей (57; 1,8), выход ИИ из-под контроля и захват мира машинами (44; 1,5), тотальный контроль и вторжение в частную жизнь (17; 1,5), безответственное использование ИИ людьми (13; 1,8), а также война, использование ИИ как оружия (14; 1,8). Воспринимаемые угрозы ИИ связаны не столько с надежностью и предсказуемостью самой технологии, сколько с ее использованием государством и другими людьми.

Двухступенчатый кластерный анализ позволил выделить *5 групп респондентов в зависимости от субъективной значимости тех или иных рисков, связываемых с развитием искусственного интеллекта*, а в ходе последующего анализа значимых различий по непараметрическому критерию Краскела—Уоллиса между данными группами были обна-

Таблица 7.1

Прототипический анализ социальных представлений о возможностях и угрозах, связанных с внедрением систем искусственного интеллекта (N=178)

	Понятия-ассоциации (с указанием частоты встречаемости и среднего ранга)	
Элементы структуры социального представления	Возможности	Угрозы
Ядро социального представления	<p>Развитие возможностей человеческого мышления и восприятия (29; 1,6)</p> <p>Более точная медицинская диагностика и новые технологии лечения (28; 1,5)</p> <p>Автоматизация производства (30; 1,4)</p> <p>Экономия времени (24; 1,3)</p> <p>Повышение уровня образования и непрерывное обучение (14; 1,5)</p> <p>Ускорение решения сложных интеллектуальных задач (10; 1,6)</p>	<p>Безработица (63; 1,4)</p> <p>Интеллектуальная и духовная деградация людей (57; 1,8)</p> <p>Выход ИИ из-под контроля и захват мира машинами (44; 1,5)</p> <p>Тотальный контроль и вторжение в частную жизнь (17; 1,5)</p> <p>Безответственное использование ИИ людьми (13; 1,8)</p> <p>Война, использование ИИ как оружия (14; 1,8)</p>
Потенциальная зона изменений социального представления (две подгруппы)	<p>Превращение ИИ в личного помощника, собеседника и консультанта (7; 1,4)</p> <p>Персонализация производства и сбыта (6; 1,7)</p> <p>Борьба с преступностью и эффективная судебная система (1; 1)</p> <p>Расширение возможностей общения, в том числе на разных языках (4; 1,5)</p>	<p>Зависимость от ИИ, беспомощность людей (11; 1,9)</p> <p>Манипулирование сознанием людей с помощью ИИ (10; 1,9)</p> <p>Новые психологические расстройства (8; 1,8)</p> <p>Непредсказуемость ИИ (7; 1,7)</p>

Продолжение таблицы 7.1

<p>Потенциальная зона изменений социальной структуры представления (две подгруппы)</p>	<p>Расширение возможностей для новых научных открытий (28; 1,9) Облегчение быта и расширение возможностей досуга (25; 2) Поиск, обработка информации и поддержка принятия решений (20; 2) Увеличение и экономия ресурсов (21; 2) Освоение новых труднодоступных пространств – океана и дальнего космоса (13; 1,9) Повышение мобильности людей и безопасности транспорта (10; 2,1) Замена человеку на опасном и тяжелом производстве (8; 1,9)</p>	<p>Катастрофические последствия сбоя/ошибок ИИ (19; 2) Сохранение живого общения между людьми (16; 2,1)</p>
<p>Собственно периферическая система социального представления</p>	<p>Помощь пожилым людям, больным и инвалидам (7; 2) Эффективное решение экологических проблем (4; 2) Прогнозирование будущего (3; 2) Новые возможности в военной сфере (4; 2) Вероятное создание альтернативной формы разумной жизни (3; 1) Цифровое бессмертие человека (2; 2) Справедливое правительство (2; 2,5)</p>	<p>Подмена человеческих ценностей машинными алгоритмами (10; 2,2) Снижение подвижности людей, физиологическая деградация (7; 2) Увеличение социального неравенства (5; 2,6) Сокращение ресурсов планеты и вред окружающей среде (3; 2)</p>

Примечание: * – Условия включения понятия в зону 1: частота ≥ 7 ; средний ранг $< 1,8$; условия включения понятия в зону 2: частота < 7 ; средний ранг $< 1,8$; условия включения понятия в зону 3: частота ≥ 7 ; средний ранг $\geq 1,8$; условия включения понятия в зону 4: частота < 7 ; средний ранг $> 1,8$. ** – Условия включения понятия в зону 1: частота ≥ 12 ; средний ранг $< 1,9$; условия включения понятия в зону 2: частота < 12 ; средний ранг $< 1,9$; условия включения понятия в зону 3: частота ≥ 12 ; средний ранг $\geq 1,9$; условия включения понятия в зону 4: частота < 12 ; средний ранг $> 1,9$.

ружены статистически достоверные различия по ряду индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик (таблица 7.2). В первую группу вошли респонденты (N=51), опасющиеся выхода искусственного интеллекта из-под контроля (100%). По сравнению с другими группами, они более готовы использовать новые технологии ИИ, наиболее уверены в неизбежности внедрения систем ИИ в повседневную жизнь и более позитивно оценивают его последствия для общества. Во вторую группу вошли респонденты (N=69), не имеющие какого-то одного выраженного страха, связанного с искусственным интеллектом: для них характерно опасение безработицы (21,7%), новых психических расстройств (14,5%), увеличения социального неравенства (13%) и беспомощности людей (13%). По сравнению с другими группами, они более готовы использовать новые технологии, характеризуются менее выраженной экстраверсией и меньшей ориентацией на ценность достижений. К третьей группе были отнесены респонденты (N=48), опасющиеся прежде всего катастрофических последствий сбоев и ошибок искусственного интеллекта (70,8%), безответственного использования искусственного интеллекта людьми (27,1%) и манипулирования сознанием людей с помощью ИИ (22,9%), подмены человеческих ценностей машинными алгоритмами (20,8%). По сравнению с другими группами, они ниже оценивают вероятность внедрения ИИ в повседневную жизнь и пользу ИИ для общества, менее готовы осваивать новые технологии, более склонны характеризовать себя как добросовестных и ориентированных на достижения. К четвертой группе были отнесены респонденты (N=68), опасющиеся использования искусственного интеллекта для тотального контроля и вторжения в частную жизнь (60,3%), а также использования его как оружия (54,4%). Представители этой группы характеризуются наиболее низким уровнем технофобии, но при этом наименьшей готовностью к использованию новых технологий, оценивают как нежелательные проявления эмоций и наличие сознания у ИИ, наименее доверяют правительству и разработчикам ИИ в сфере регулирования новых технологий. Наконец, в пятую группу вошли респонденты (N=55), опасющиеся интеллектуальной и духовной деградации людей при использовании искусственного интеллекта (100%). По сравнению с другими группами они наименее высоко оценивают пользу ИИ для общества, наиболее доверяют государству и ученым в области регулирования новых технологий, более склонны характеризовать себя как доброжелательных и добросовестных и менее склонны считать себя открытыми к новому. Полученные данные свидетельствуют о существовании

Таблица 7.2

Характеристики групп респондентов, озабоченных различными негативными последствиями внедрения искусственного интеллекта (результаты анализа значимых различий по непараметрическому критерию Краскела–Уоллиса; приводятся средние значения)

Личностные характеристики	Группы респондентов (кластеры)					χ^2	Р
	1	2	3	4	5		
Желательность наличия сознания и переживаний у ИИ	1,6	1,7	1,5	1,4	1,7	13,108	0,011
Негативное отношение к проявлению эмоций во взаимодействии с ИИ	3,2	3,2	3,3	3,5	2,9	19,561	0,001
Ориентация на достижения (PVQ)	0,3	-0,1	0,2	0,3	-0,3	12,871	0,012
Вероятность внедрения ИИ в повседневную жизнь людей	3,6	3,5	3,2	3,4	3,2	9,247	0,055
Ожидание позитивных последствий внедрения ИИ	3,0	2,9	2,7	2,8	2,6	9,112	0,058
Технофобия	2,0	2,2	1,8	1,7	2,1	20,452	<0,001
Намерение использовать новые технологии	2,6	2,9	1,3	1,2	2,4	42,268	<0,001
Доверие к государству в сфере регулирования новых технологий	2,4	2,8	2,5	2,2	3,0	16,226	0,003
Доверие к ученым в сфере регуляции развития новых технологий	2,9	3,2	2,9	2,7	3,3	15,262	0,004
Готовность использовать технологии искусственного интеллекта	3,0	2,8	3,0	2,9	2,7	15,429	0,004
Экстраверсия (TIPI)	5,0	4,4	5,2	5,4	5,0	28,378	<0,001
Доброжелательность (TIPI)	4,2	4,3	4,4	4,3	4,8	10,002	0,04
Добросовестность (TIPI)	5,4	5,0	5,5	5,5	5,6	13,747	0,008
Открытость к новому опыту (TIPI)	5,2	4,9	5,2	5,4	4,8	9,815	0,044

«инновационных» и «консервативных» страхов в отношении новых технологий, т. е. разные уровни готовности к использованию новых технологий сопряжены с разными страхами в отношении будущего. Например, опасения того, что искусственный интеллект выйдет из под контроля и подчинит себе людей, более характерны для тех, кто готов использовать технологии ИИ, верит в его быстрое развитие и пользу для общества. Напротив, коллективные страхи по по-

воду тотального контроля и возможной деградации человека связаны с низкой ориентацией на использование новых технологий.

Как показал регрессионный анализ ($R=0,583$; $R^2=0,340$; $F=7,327$ при $p<0,001$; таблица 7.3), позитивная оценка технологии ИИ, измеренная нами с помощью семантического дифференциала, отрицательно связана с технофобией ($\beta=-0,227$) и прямо связана с аутистическим доверием ($\beta=0,289$), доверием к ученым и разработчикам ($\beta=0,155$), ориентацией на ценности стимуляции ($\beta=0,223$), достижений ($\beta=0,153$) и безопасности ($\beta=0,186$), тревогой по поводу будущего ($\beta=0,260$), добросовестностью ($\beta=0,206$) и эмоциональной стабильностью ($\beta=0,159$). Иными словами, искусственный интеллект позитивно воспринимается в том случае, если ориентация на достижения и стремление к переменам совмещаются с тревогой по поводу будущего и социальным доверием. По-видимому, именно доверие к разработчикам и потенциальным пользователям искусственного интеллекта позволяет видеть в нем средство решения личных и общественных проблем, которые ожидаются в будущем.

Ожидание негативных последствий развития искусственного интеллекта, согласно результатам линейного регрессионного анализа ($R=0,596$; $R^2=0,355$; $F=6,998$ при $p<0,001$), обратно связано с аутистическим доверием ($\beta=-0,220$) и прямо связано с социальным цинизмом ($\beta=0,246$), доброжелательностью ($\beta=0,255$) и добросовестностью

Таблица 7.3
Предикторы позитивной оценки технологии ИИ

	Бета	t	P
Безопасность (PVQ)	0,186	2,293	0,024
Стимуляция (стремление к возбуждению, новизне и переменам, PVQ)	0,223	2,908	0,004
Достижения (PVQ)	0,153	2,029	0,045
Технофобия	-0,227	-2,849	0,005
Доверие к ученым и разработчикам	0,155	1,940	0,055
Аутистическое доверие (WVS)	0,289	3,632	<0,001
Тревога по поводу будущего (шкала «Темное будущее» З. Залеского)	0,260	3,271	0,001
Добросовестность (TIPI)	0,206	2,782	0,006
Эмоциональная стабильность (TIPI)	0,159	1,916	0,058

Примечание: $R=0,583$; $R^2=0,340$; $F=7,327$ при $p<0,001$.

($\beta=0,137$), выраженностью технофобии ($\beta=0,141$) и возрастом респондентов ($\beta=0,173$). Таким образом, оценка технологии ИИ и представления о последствиях ее использования в наибольшей мере определяется доверием к другим людям, а не к надежности работы техники.

Для выявления представлений о долгосрочных последствиях развития искусственного интеллекта мы предложили респондентам оценить *вероятность 12 сценариев взаимодействия ИИ и человека* (Tegmark, 2017). Факторный анализ с вращением варимакс позволил объединить сценарии в три фактора, объясняющие 53,7% дисперсии: 1) «ИИ – поработитель» (примеры сценариев: «Всемогущий искусственный разум оставляет в живых часть людей, которые чувствуют себя словно звери в зоопарке»; «ИИ выходит из под контроля людей, видит в них угрозу или бессмысленную трату ресурсов и в итоге избавляется от них»); 2) «ИИ – помощник» (примеры сценариев: «Люди, киборги, загруженные в виртуальную реальность сознания, и сверхразумы мирно сосуществуют друг другом благодаря базовому доходу, который получают все люди»; «Все знают, что ИИ управляет обществом и строго следит за соблюдением правил, но большинство людей воспринимают это как благо»); 3) «ИИ – оружие в руках людей» (примеры сценариев: «ИИ находится под контролем людей, которые используют его для создания супертехнологий как во благо, так и во вред друг другу, в зависимости от того, кто его контролирует»; «Развитие ИИ ограничивается государством и спецслужбами, которые используют его для контроля за гражданами»).

Проведенный нами линейный регрессионный анализ ($R=0,472$; $R^2=0,222$; $F=2,93$ при $p<0,001$) показал, что оценка вероятности сценариев «ИИ – поработитель» (таблица 7.4) обратно зависит от религиозности ($\beta=-0,154$) и желательности использования ИИ для поддержки неэффективных социальных институтов ($\beta=-0,218$), а также прямо зависит от сочетания готовности использовать технологии ИИ ($\beta=0,144$) и значимости престижности технологий ИИ ($\beta=0,285$) с технофобией ($\beta=0,163$), ориентацией на ценность традиций ($\beta=0,159$) и верой в предопределенность судьбы ($\beta=0,212$). В данном случае мы наблюдаем ту же связь, которая была обнаружена при анализе ответов на открытый вопрос об угрозах ИИ: страх выхода ИИ из-под контроля сопряжен с готовностью использовать технические системы, основанные на ИИ, и одновременно – со стремлением избежать радикальных социальных изменений. Предикторами вероятности сценариев «ИИ – помощник» ($R=0,493$; $R^2=0,243$; $F=3,07$ при $p<0,001$) оказались (таблица 7.5) желательность использования ИИ для автоматизации производства и транспорта ($\beta=0,415$), ингрупповое до-

Таблица 7.4
Предикторы субъективной оценки вероятности сценариев
«ИИ – поработитель»

	Бета	t	P
Технофобия	0,163	2,573	0,011
Готовность использовать технологии искусственного интеллекта	0,144	2,183	0,03
Религиозность (SAS)	-0,154	-2,434	0,016
Зависимость от судьбы (SAS)	0,212	3,39	0,001
Традиции (PVQ)	0,159	2,535	0,012
Желательность использования ИИ для поддержки неэффективных социальных институтов	-0,218	-3,293	0,001
Престижность технологии ИИ	0,212	3,447	0,001

Примечание: R=0,472; R2=0,222; F=2,93 при p<0,001.

Таблица 7.5
Предикторы субъективной оценки вероятности сценариев
«ИИ – помощник»

	Бета	t	P
Возраст	-0,127	-2,051	0,042
Готовность использовать технологии искусственного интеллекта	0,158	2,224	0,027
Индивидуальное доверие (WVS)	0,124	2,054	0,041
Награда за усилия (SAS)	0,173	2,571	0,011
Социальная сложность (SAS)	-0,178	-2,706	0,007
Желательность использования ИИ для поддержки неэффективных социальных институтов	-0,218	-2,793	0,006
Престижность технологии ИИ	0,176	2,854	0,005
Безопасность и удовольствие от использования ИИ	-0,19	-2,872	0,004
Желательность использования ИИ для автоматизации производства и транспорта	0,415	5,525	<0,001
Экстраверсия (TIPI)	-0,156	-2,334	0,021
Открытость к новому опыту (TIPI)	0,218	3,363	0,001

Примечание: R=0,493; R2=0,243; F=3,07 при p<0,001.

верие ($\beta=0,124$), вера в награду за усилия ($\beta=0,173$), готовность использовать технологии ИИ ($\beta=0,158$), престижность технологий ИИ ($\beta=0,176$), а также открытость новому опыту ($\beta=0,218$). Наоборот, субъективная вероятность позитивных сценариев взаимодействия человека с ИИ отрицательно связана с возрастом респондентов ($\beta=-0,127$), с верой в сложность общества ($\beta=-0,178$), с желательностью использования ИИ для поддержки неэффективных социальных институтов ($\beta=-0,218$), со значимостью безопасности и удовольствия от использования технологий ИИ ($\beta=-0,190$), а также с экстраверсией ($\beta=-0,156$). Наконец, вероятность сценариев «ИИ – оружие людей друг против друга» оценивается респондентами (таблица 7.6) тем выше ($R=0,504$; $R^2=0,254$; $F=10,45$ при $p<0,001$), чем выше технофобия ($\beta=0,127$) и одновременно – желательность использования ИИ на производстве и транспорте ($\beta=0,299$), тревога по поводу будущего ($\beta=0,158$), социальный цинизм ($\beta=0,169$), социальная сложность ($\beta=0,152$). Она отрицательно связана с убеждением в зависимости от судьбы ($\beta=-0,150$) и желательностью использования ИИ в сфере человеческих отношений ($\beta=-0,307$). Таким образом, полученные нами результаты указывают на то, что представления о долгосрочном влиянии ИИ на общество зависят от социального доверия, оценки эффективности социальных институтов и возможности влияния человека на свое будущее.

Таблица 7.6

Предикторы субъективной оценки вероятности сценариев
«ИИ – оружие людей друг против друга»

	Бета	t	P
Технофобия	0,127	2,025	0,044
Тревога по поводу будущего (DF; шкала З. Залеского)	0,158	2,448	0,015
Социальный цинизм (SAS)	0,169	2,478	0,014
Зависимость от судьбы (SAS)	-0,15	-2,176	0,031
Социальная сложность (SAS)	0,152	2,423	0,016
Желательность использования ИИ в сфере человеческих отношений: консультирование в семейных и романтических отношениях; управление персоналом	-0,307	-4,438	<0,001
Желательность использования ИИ для автоматизации производства и транспорта	0,299	4,277	<0,001

Примечание: $R=0,504$; $R^2=0,254$; $F=10,45$ при $p<0,001$.

Проведенное нами исследование представлений о возможностях и рисках, связываемых с развитием ИИ, показывает, что искусственный интеллект может рассматриваться как альтернатива плохо работающим социальным институтам и одновременно вызывать опасения в дегуманизации самого человека. В ситуации, когда технооптимизм сочетается с социальным пессимизмом возникает дилемма: использовать автоматизацию для замены доверия или укреплять доверие с помощью алгоритмов. От решения этой дилеммы, возможно, зависит выбор между сценариями будущего, где ИИ превращается в машину тотального контроля и где ИИ помогает людям лучше понять себя и друг друга. Позитивные сценарии развития общего искусственного интеллекта предполагают способность людей и искусственного разума к диалогу, принятие друг друга как партнеров. Готовы ли мы к этому?

Чтобы измерить готовность респондентов к принятию ИИ в роли гипотетического Другого, мы предлагали им ответить на вопрос *«Если у вас однажды появится персональный помощник, основанный на искусственном интеллекте, хотите ли вы, чтобы он обладал сознанием, т. е. субъективным опытом, внутренними переживаниями?»*, используя шкалу от 1 (определенно не хочу) до 5 (определенно хочу). Линейный регрессионный анализ показал ($R=0,490$; $R^2=0,241$; $F=7,64$ при $p<0,001$), что готовность к взаимодействию с искусственным интеллектом, обладающим сознанием (таблица 7.7), прямо зависит от технооптимизма ($\beta=0,179$), ожидания позитивных последствий внедрения ИИ в жизнь общества ($\beta=0,158$), доверия к государству в сфере регулирования новых технологий ($\beta=0,164$), аутистического доверия, т. е. доверия к незнакомым людям ($\beta=0,105$), универсализма, т. е. желания понять людей с другой точкой зрения ($\beta=0,132$) и ориентации на ценность самостоятельности ($\beta=0,178$). Заинтересованность в личном помощнике, обладающем сознанием, меньше у женщин, чем у мужчин ($\beta=-0,155$), она отрицательно связана с возрастом ($\beta=-0,256$) и эмоциональной стабильностью респондентов ($\beta=-0,177$). Аналогичные результаты мы получили при анализе предикторов *негативного отношения к проявлению эмоций роботами* по «Шкале негативного отношения к роботам» Т. Номуры ($R=0,790$; $R^2=0,624$; $F=113,23$ при $p<0,001$). Воображаемые ситуации проявления эмоций роботом вызывают тем больший дискомфорт, чем меньше аутистическое доверие ($\beta=-0,285^{***}$) и чувство контроля над жизненной ситуацией по шкале жизнестойкости ($\beta=-0,163^{***}$), а также чем больше тревога по поводу будущего ($\beta=0,301^{***}$) и принятие риска ($\beta=0,608^{***}$).

Таблица 7.7

Предикторы заинтересованности в ИИ как личном помощнике, который обладает сознанием

	Бета	t	P
Технооптимизм	0,179	2,909	0,004
Доверие к государству в сфере регулирования новых технологий	0,164	2,661	0,008
Аутгрупповое доверие (WVS)	0,105	1,727	0,086
Универсализм (PVQ)	0,132	2,164	0,032
Эмоциональная стабильность (TIPI)	-0,177	-2,747	0,007
Самостоятельность (PVQ)	0,178	2,865	0,005
Ожидание позитивных последствий внедрения ИИ	0,158	2,547	0,012
Пол	-0,155	-2,439	0,016
Возраст	-0,256	-4,056	<0,001

Примечание: $R=0,490$; $R^2=0,241$; $F=7,64$ при $p<0,001$.

Таким образом, готовность к взаимодействию с искусственным интеллектом не просто как с машиной, но как с партнером, обладающим сознанием и переживаниями, требует сочетания технооптимизма с социальным оптимизмом, с доверием к социальным институтам и другим людям.

Факторный анализ с вращением варимакс позволил объединить 16 сфер использования ИИ в повседневной жизни людей в четыре фактора, объясняющие 61% дисперсии значений: 1) желательность использования ИИ для поддержки неэффективных социальных институтов: государственное управление и политика, образование, медицина, охрана правопорядка и суды (6, $a=0,718$); 2) желательность использования ИИ в сфере человеческих отношений: консультирование в семейных и романтических отношениях; управление персоналом (3, $a=0,731$); 3) желательность использования ИИ в сфере быта, досуга и повседневного потребления: управление домом, обслуживание, розничные продажи, новости и журналистика, развлечения и туризм (4, $a=0,747$); 4) желательность использования ИИ для автоматизации производства и транспорта (4, $a=0,800$).

Как показал линейный регрессионный анализ, желательность использования ИИ для поддержки неэффективных социальных институтов ($R=0,598$; $R^2=0,358$; $F=15,89$ при $p<0,001$) определяется (таблица 7.8) технооптимизмом ($\beta=0,283$), готовностью использовать тех-

Таблица 7.8

Предикторы желательности использования ИИ
для поддержки неэффективных социальных институтов:
государственное управление и политика, образование,
медицина, охрана правопорядка и суды

	Бета	t	P
Технооптимизм	0,283	4,471	<0,001
Награда за усилия (SAS)	0,262	2,877	0,005
Безопасность (PVQ)	-0,107	-1,741	0,084
Конформизм (PVQ)	0,154	2,479	0,014
Межличностная гармония (SAS)	-0,24	-2,652	0,009
Готовность использовать технологии искусственного интеллекта	0,378	5,969	<0,001

Примечание: R=0,598; R²=0,358; F=15,89 при p<0,001.

нологии ИИ ($\beta=0,378$), верой в вознаграждение за усилия ($\beta=0,262$) и ориентацией на ценность конформизма, т. е. соблюдения правил ($\beta=0,154$); при этом была обнаружена отрицательная связь с ориентацией на межличностную гармонию ($\beta=-0,240$) и ценностью безопасности ($\beta=-0,107$). Иными словами, готовность передать искусственному интеллекту общественно значимые функции оказалась связана не с коллективистическими установками, а с индивидуалистическими ценностями, ориентацией на личный успех. Можно предположить, что чем выше ориентация личности на достижения и одновременно – на соблюдение правил, тем выше требования к эффективности социальных институтов и тем больше вера в возможность их замены алгоритмами. По-видимому, это указывает на потенциальные риски при принятии решений о внедрении технологий ИИ в повседневную жизнь технократическими элитами в тех случаях, когда высокий индивидуализм и ориентация на достижения сочетаются с низкой ориентацией на заботу о других людях.

Желательность использования ИИ в сфере человеческих отношений (таблица 7.9) связана (R=0,398; R²=0,159; F=8,16 при p<0,001) с информированностью о технологиях ИИ ($\beta=0,144$), признанием их престижности ($\beta=0,180$) и готовностью их использовать ($\beta=0,190$), а также с ориентацией на достижения ($\beta=0,171$). Ключевую роль здесь играет не технооптимизм, а престиж технологии и возможности, которые она открывает для личного успеха. Как оказалось, предикторами желательности использования ИИ в сфере быта, досуга и повседнев-

Таблица 7.9

Предикторы желательности использования ИИ в сфере человеческих отношений: консультирование в семейных и романтических отношениях; управление персоналом

	Бета	t	P
Информированность о новых технологиях	0,144	2,008	0,046
Престижность технологии ИИ	0,18	2,546	0,012
Готовность использовать технологии искусственного интеллекта	0,19	2,612	0,01
Достижения (PVQ)	0,171	2,404	0,017

Примечание: R=0,398; R2=0,159; F=8,16 при $p < 0,001$.

Таблица 7.10

Предикторы желательности использования ИИ в сфере быта, досуга и повседневного потребления: управление домом, обслуживание, розничные продажи, новости и журналистика, развлечения и туризм

	Бета	t	P
Технооптимизм	0,41	5,436	<0,001
Доверие к государству в сфере регулирования новых технологий	0,125	1,68	0,095
Готовность использовать технологии искусственного интеллекта	0,242	3,179	0,002
Гедонизм (PVQ)	0,209	2,827	0,005

Примечание: R=0,567; R2=0,322; F=15,17 при $p < 0,001$.

ного потребления (R=0,567; R2=0,322; F=15,17 при $p < 0,001$) являются (таблица 7.10) технооптимизм ($\beta=0,410$), готовность использовать технологии искусственного интеллекта ($\beta=0,242$), доверие к государству в сфере регулирования новых технологий ($\beta=0,125$) и гедонизм ($\beta=0,209$). Предикторами желательности использования ИИ для автоматизации производства и транспорта (R=0,579; R2=0,335; F=12,25 при $p < 0,001$) являются (таблица 7.11) технооптимизм ($\beta=0,268$), готовность использовать технологии искусственного интеллекта ($\beta=0,330$), ориентация на достижения ($\beta=0,167$), высокая убежденность в возможности влиять на свое будущее ($\beta=0,154$) и, соответственно, низкая вера в преопределенность судьбы ($\beta=-0,141$), дове-

Таблица 7.11
Предикторы желательности использования ИИ
для автоматизации производства и транспорта

	Бета	t	P
Технооптимизм	0,268	4,149	<0,001
Доверие к государству в сфере регулирования новых технологий	0,139	2,134	0,034
Готовность использовать технологии искусственного интеллекта	0,33	4,879	<0,001
Интрагрупповое доверие (WVS)	0,165	2,499	0,013
Контроль судьбы (SAS)	0,154	2,131	0,035
Зависимость от судьбы (SAS)	-0,141	-1,949	0,053
Достижения (PVQ)	0,167	2,614	0,01

Примечание: R=0,579; R²=0,335; F=12,25 при p<0,001.

рие к государству в сфере регулирования новых технологий ($\beta=0,139$) и внутригрупповое доверие ($\beta=0,165$).

Таким образом, желательность внедрения ИИ в быт связана с доверием к социальным институтам, а желательность автоматизации производства — еще и с доверием к семье, друзьям и знакомым людям. По-видимому, автоматизация производства не вызывает опасений потери работы в том случае, если личность уверена в своих силах и полагается на социальную поддержку. Наоборот, если социальное доверие подорвано, автоматизация производства и транспорта вызывает опасения и кажется нежелательной.

Перспективы психологических исследований взаимодействия человека с искусственным интеллектом

Результаты проведенных нами эмпирических исследований позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, принятие технологий ИИ прямо зависит от уровня социального доверия личности: к другим пользователям, разработчикам и государству. Воспринимаемые угрозы ИИ связаны не столько с изъянами самой технологии, сколько с ее использованием другими людьми. Согласно экспертным прогнозам, развитие специального искусственного интеллекта в ближайшие годы будет требовать от компаний и государства все больших усилий, направленных на объяснение того, как работают те или иные алгоритмы (Rao, Cameron, 2018).

В СМИ нередко можно встретить точку зрения, согласно которой страх перед робототехникой и искусственным интеллектом можно преодолеть посредством повышения цифровой грамотности населения (Земнухова, 2017). Однако наше исследование показывает, что доверие к ИИ вызывает не понятность или ожидаемая польза технологии, а доверие к намерениям ее создателей и пользователей.

Искусственный интеллект сегодня рассматривается как своего рода расширение когнитивных способностей человека при принятии решений в неопределенном, сложном и противоречивом мире (Jarrahi, 2018). Вместе с тем включение самообучающихся алгоритмов в принятие решений обостряет проблему доверия между людьми, которые интерпретируют результаты работы ИИ для того, чтобы договориться между собой и обеспечить поддержку принятых решений другими заинтересованными сторонами.

Интересно, что принятие искусственного интеллекта не как вещи, а как активного субъекта требует сочетания технооптимизма с социальным оптимизмом, с доверием к социальным институтам и другим людям. Напротив, высокий технооптимизм в сочетании с низким социальным доверием и ориентацией на достижения заставляет видеть в ИИ не путь к собственному совершенствованию и налаживанию отношений с другими людьми, а машину, заменяющую неэффективные социальные институты. Таким образом, при дефиците социального доверия широкомасштабное внедрение технологий ИИ усиливает социальные конфликты, а не приводит к их урегулированию.

Во-вторых, совмещение ИИ с технологиями разных «психологических» типов («технологии умного города», «технологии киборгизации», «медицинская диагностика», «технологии геномной инженерии») будет встречать в обществе разное сопротивление, так как попадает под влияние разных социально-психологических феноменов.

Предикторами оценки разных видов специализированного ИИ оказываются разные личностные характеристики. Это указывает на необходимость дифференцированного подхода при объяснении пользователям принципов работы разных алгоритмов (заметим, что с 2018 г. такого информирования уже требует законодательство европейских стран). Например, для пассажиров беспилотного такси наиболее важна безопасность, тогда как для пользователей персонального помощника на основе ИИ – возможности повышения личной эффективности и престиж. Кроме того, это означает, что ожидаемая волна совмещения человека и самообучающихся алгоритмов будет наталкиваться на различия в ценностных ориентациях, на необхо-

димось встраивать тот или иной функционал ИИ в систему психологических отношений конкретного человека к своему делу и значимым другим людям. Ключевым условием успешности внедрения технологий специального ИИ будет возможность их персональной настройки по субъективно значимым параметрам.

В этой связи важное значение приобретает изучение социально-психологических особенностей разных технологий робототехники (Голиков, 2015), а также разных типов взаимодействия с роботами, обладающими ИИ (Knight, 2014). Мы можем по-разному относиться к взаимодействию с роботами, управляемыми оператором в режиме телеприсутствия, социальным роботам, выполняющим совместно с нами повседневные задачи, и к автономным роботам, например, самоуправляемым грузовикам, действующим без какого-либо участия человека. Можно предположить, что степень доверия личности к киберфизической системе при разных уровнях автоматизации, предложенных Шериданом (Sheridan, Parasuraman, 2005), будет связана с разными ценностными ориентациями, регулироваться разными групповыми нормами. Например, доверие к самоуправляемому автомобилю может зависеть от особенностей профессиональной культуры: стремления IT-специалистов устранить человеческий фактор и, наоборот, недоверия представителей операторских профессий к автоматике, менталитета водителей, стремящихся к полному контролю движения для максимальной гибкости вождения в сложных ситуациях (Костин, 2017). Наконец, уже сегодня, до появления сильного ИИ, перед психологами стоит задача изучения социально-психологических особенностей взаимодействия с «оракулом» (система вопросов и ответов), «джинном» (система, целенаправленно и самостоятельно выполняющая поставленные человеком задачи в физическом мире) и «инструментом» т.е. системой, обладающей большими когнитивными возможностями, но не осознающей себя и не предназначенной для целенаправленного поведения (Бостром, 2016).

В-третьих, поддержка внедрения ИИ для повышения эффективности социальных институтов оказалась связана не с просоциальными и коллективистическими установками, а с ориентацией на личный успех и низкой ценностью безопасности. Это может указывать на потенциальное противоречие в ожиданиях от ИИ со стороны технократических элит и общества, когда автоматизация государственных служб, здравоохранения и образования будет происходить не в интересах большинства, а в интересах меньшинства, наиболее ориентированного на личные достижения.

В-четвертых, основным содержанием ядра социального представления об угрозах ИИ оказалась не сама технология, а ее использование людьми — работодателями, хакерами, государством и т. д. Это указывает на то, что внедрение ИИ в повседневную жизнь будет обострять внимание граждан к случаям несправедливости и дискриминации. Завышенные ожидания в отношении алгоритмов могут смениться пропастью разочарования, существенно снизив не только доверие к IT-индустрии, но и уровень доверия к социальным институтам в целом. Нейросети, призванные устранить субъективный фактор и неравенство в доступе к социальным благам, на первых этапах своего развития будут провоцировать эскалацию социальных конфликтов: семейных, трудовых, муниципальных, коммерческих, этнических и политических.

В-пятых, нами были впервые выявлены «инновационные технофобии», сила которых прямо связана с информированностью о новых технологиях, значимостью их престижа и готовностью их использовать. Чем больше вера в возможности ИИ и его позитивное влияние на общество, тем больше страх порабощения человека машинами. Такого рода риски широко обсуждаются передовыми социальными группами — технологическими предпринимателями и ведущими экспертами. По-видимому, подобные инновационные страхи выполняют важную для общества социально-психологическую функцию: они повышают протяженность временной перспективы и, подобно научной фантастике, позволяют оценить текущую ситуацию из будущего.

Подводя итоги, можно выделить *несколько перспективных направлений социально-психологических исследований* в области взаимодействия человека с искусственным интеллектом.

Чрезвычайно актуальным сегодня является исследование последствий использования алгоритмов для когнитивного и эмоционального развития личности. Например, остается не вполне ясным, как распределение когнитивных задач между ИИ и человеком повлияет на развитие интеллекта и когнитивный стиль (Сергеев, 2015). Например, как изменится роль эмоций в человеческом познании? Повысит ли использование систем распознавания лиц эмоциональный интеллект человека? С другой стороны, нужно разобраться в том, как особенности мышления самих разработчиков и пользователей самообучающихся алгоритмов влияют на окружающий нас, все более программируемый мир. Как будет развиваться ИИ в культурах с холистическим и аналитическим мышлением? (Александров, Александрова, 2009; Нисбетт и др., 2011).

Влияние культурных различий на разработку и подходы к использованию ИИ остается пока не изученным. Между тем значимость этой проблемы определяется не только растущим влиянием машинного обучения на интеллект интернет-пользователей, но и в связи с разворачивающейся конкуренцией между Китаем, Россией, США и Европой в области создания ИИ. По данным агентства CB Insights, в 2017 г. доля Китая в общемировом финансировании стартапов по разработке ИИ составила 48%. Использование ИИ в системах стратегической безопасности и кибероружия требует учета культурных и психологических особенностей взаимодействия человека с искусственным интеллектом. Если влияние культурных особенностей обучающих выборок, а также кросс-культурных различий самих разработчиков и заказчиков ИИ на работу таких систем подтвердится, то возникает еще один вопрос: как эти различия повлияют на взаимодействие между двумя и более конкурирующими системами ИИ?

Развитие систем с использованием искусственного интеллекта окажет влияние не только на когнитивные процессы, но и на целый ряд личностных феноменов: Я-концепцию, самоотношение и способы самопрезентации, стратегии коупинга, временную перспективу и др. Например, расширятся возможности для конструирования своей идентичности и целенаправленного управления самопрезентацией. Развитие интернета вещей, персональных помощников и возможностей для тонкой настройки окружающего личность цифрового мира при помощи самообучающихся алгоритмов приведет к формированию расширенного образа Я, включающего в себя более отчетливое представление о том, как нас воспринимают окружающие, каково наше физическое и эмоциональное состояние. При этом уже сегодня у пользователей социальных сетей появляется возможность в режиме реального времени сравнивать себя с другими людьми по гораздо большему числу физических, психологических и социальных параметров. Появится больше оснований для чувства депривации и несправедливости. Создание различных социальных рейтингов на основе обрабатываемых алгоритмами цифровых следов может привести как к обострению чувствительности к социальному сравнению, так и к десенсбилизации, безразличию, особенно если сравнение оказывается не в нашу пользу. Требуются специальные исследования того, как эти изменения скажутся на первичной и вторичной социализации личности.

Возможность анализа цифровых следов личности, накопленных за десятилетия, с помощью ИИ расширит временную перспек-

тиву в прошлое и будущее. Эффекты автобиографической памяти, искажения при прогнозировании человеком своих эмоциональных реакций и поступков, эффект дисконтирования будущего — все это будет корректироваться ИИ на основе нашего реального поведения в прошлом, а также больших данных о поведении других людей. Последствия этих изменений для личности уже сегодня можно моделировать на основе лабораторных экспериментов и анализа Big Data.

Однако искусственный интеллект как инструмент повышения осознанности будет востребован далеко не всеми. Более вероятен спрос на те его функции, которые связаны с когнитивным упрощением действительности. Развитие цифровых технологий, в том числе полномасштабное внедрение машинного обучения в повседневную жизнь, углубляет культурный разрыв между теми, кто готов к неопределенности и выбору, и теми, кто стремится избежать необходимости что-либо выбирать (Леонтьев и др., 2015). Искусственный интеллект дает возможность личности переложить ответственность за свои действия на обезличенный алгоритм и его разработчиков. Это уже происходит в сфере таргетированной интернет-рекламы и новостей, где персонализация контента помещает человека в «пузырь» его собственных интересов, отменяя необходимость самостоятельно искать информацию. Ограничения, навязываемые алгоритмами, чаще всего неизвестны пользователям, даже если они описаны в пользовательской документации. Лишь треть интернет-пользователей утверждают, что когда-либо читали соглашения о предоставлении услуг и использовании персональных данных. При этом анализ цифровых следов на серверах показывает, что на самом деле соглашения читают менее 1% пользователей (Ipsos MORI, 2014).

Более того, алгоритмы превращаются в «архитектуру выбора», подталкивающую нас к решениям, которые должны повысить качество нашей жизни (Талер, Санстейн, 2017). Даже если в основе такого цифрового патернализма будут либеральные ценности (что кажется маловероятным в культурах с вертикальным коллективизмом), использование алгоритмов, корректирующих несовершенство человеческой природы ради благих целей, может способствовать снижению осознанности и рефлексивности общества.

В этой связи нельзя не упомянуть о растущей актуальности исследований, направленных на поиск психологических механизмов, которые делают личность уязвимой в отношении информационных кампаний в социальных медиа, опирающихся на технологии ИИ. Сегодня специально обученные нейросети позволяют создавать вымышленный видеоконтент, неотличимый от настоящего. Созданные

искусственным интеллектом видеодвойники политиков или значимых для конкретного человека людей могут произносить заданные тексты, обращаться с призывами, которых никогда не позволили бы себе их реальные прототипы (Suwajanakorn, Seitz, Kemelmacher-Shlizerman, 2017). Стало возможно управление такими видеодвойниками в режиме реального времени (Thies et al., 2016). Использование ИИ позволяет перевести информационные войны в полностью автоматизированный режим, когда нейросети сами скачивают метаданные «мишеней» и анализируют их психологический профиль по цифровым следам в поиске уязвимостей, затем генерируют искусственный видеоконтент с учетом этих психологических профилей, организуют армию ботов для его вброса в социальные сети, таргетируют сообщения для тех пользователей, которые с наибольшей вероятностью перешлют эту информацию своим друзьям, а затем проводят автоматизированную оценку разрушительного воздействия информационной кампании на общество страны-противника (Memes That Kill, 2018).

Сегодня вновь приобретают актуальность исследования конформности и подчинения, однако в роли авторитетного другого будут выступать не экспериментаторы, а киберфизические системы, искусственный интеллект или специалисты по большим данным, психологически бесконечно далекие для обывателя. Чрезвычайно важно изучить, как все большая «искусственность» управляемой нейросетями повседневной жизни повлияет на фундаментальные психологические феномены — объяснение человеком своих успехов и неудач, веру в способность влиять на свое будущее, убеждение в справедливости мира, доверие к социальным институтам.

Перечисленные нами проблемы станут обостряться, по мере того как автоматизация будет приводить к потере все большего числа рабочих мест, особенно в массовых профессиях — среди продавцов, водителей и грузчиков, бухгалтеров, юристов, программистов. Потеряв работу из-за внедрения технологий искусственного интеллекта, они все равно будут вынуждены этими технологиями пользоваться. Какие требования будут предъявлять к искусственному интеллекту люди, вынужденные менять профессиональную идентичность? Каковы социально-психологические последствия появления в обществе большого количества «лишних людей»? Известно, что новые технологии долгое время уживаются со старыми, а технологический прогресс с регрессом, что изобретаемые, покупаемые и копируемые технологии неравномерно распределены с точки зрения географии, отраслей и социальных групп (Edgerton, 2006). Как многоукладность экономики, разница культур и цифровой компетентности поколе-

ний будут влиять на формирование мировых и национальных стандартов в области ИИ?

Целый ряд важных направлений исследований можно выделить в связи с влиянием ИИ на межличностные отношения и социальные группы. Применение машинного обучения уже сегодня влияет на формирование персонального социального капитала и межличностное сравнение в социальных сетях, подсказывая нам людей, похожих на нас. Как повлияют персональные помощники на процессы каузальной атрибуции? Будем ли мы по-прежнему более склонны объяснять поведение других людей их личностными качествами, а не обстоятельствами? Внимание исследователей сосредоточено на том, как люди взаимодействуют в мультиагентных человеко-машинных системах, в том числе с социальными роботами. Особенно перспективными в этом направлении представляются модели «межличностного» восприятия роботов (Kotov, 2017), а также исследования психологии взаимодействия людей с роевым интеллектом (Иванов, Шабанов, 2018; Карпов, 2018). Вместе с тем недостаточно внимания уделяется тому, какое влияние слабый (специализированный) искусственный интеллект может оказывать на групповую динамику, как он участвует в групповой рефлексии, формировании ситуативной осознанности и ментальных моделей. Прежде всего это касается использования машинного обучения в системах поддержки группового принятия решений. Примером могут служить нейросети, которые по обмену сообщениями в корпоративных чатах дают не только оценку эмоционального состояния и лояльности участников той или иной команды, но и прогноз эффективности проектных групп. Как рекомендации основанных на ИИ экспертных систем будут влиять на принятие кадровых решений, ролевые ожидания участников, межличностное восприятие и внутригрупповое доверие? В каких случаях совместного принятия решений такая система должна быть наделена чертами виртуальной личности, действовать как «член команды», а в каких — полностью обезличена?

Развитие ИИ тесно связано с рынком больших данных, с борьбой за доступ к обучающим выборкам. Создание совместных баз данных, а также открытых платформ для обучения нейросетей типа Azure, потребует разработки социально-психологических технологий формирования не только межличностного, но и межгруппового доверия. Новый импульс получают исследования межгрупповых отношений в цифровой экономике, доверия клиентов к организациям, совместимости разных корпоративных культур обращения с ИИ.

Отдельной и крайне мало изученной областью является социальная психология разработчиков ИИ и робототехников (Голиков, 2018). Усложнение технологий приводит не к ослаблению, а к усилению роли человеческого фактора как причины крупных катастроф. Как психологические характеристики команды разработчиков влияют на создаваемые ими нейросети? Как групповая рефлексивность, коллективные эмоциональные состояния и способы разрешения конфликтов с заинтересованными сторонами проекта влияют на способность разработчиков вовремя обнаружить ошибки и оценить последствия некорректной работы алгоритма? Как в среде специалистов по большим данным и робототехников формируются нравственные нормы и представления о конечных пользователях? Как эти нормы и представления влияют на создаваемые ими алгоритмы?

Совершенно очевидно, что использование нейросетей в финансовых операциях и кредитном скоринге, рекламе, формировании новостного контента, работе государственных служб и системе здравоохранения открывает новую страницу для юридической психологии. С одной стороны, все более актуальными становятся исследования социально-психологической специфики киберпреступлений с использованием машинного обучения, а также готовности граждан обращаться к услугам хакеров для взлома или обхода значимых для них алгоритмов. Анализ Big Data открывает здесь новые возможности не только для участников теневой экономики, но и для психологов, их изучающих. С другой стороны, важно разобратся в том, как применение искусственного интеллекта повлияет на правовое сознание молодежи, на стратегии оправдания теневого поведения и экстремизма. Кроме того, появление общедоступных алгоритмов в сфере обработки обращений граждан и юридическое консультирование может изменить способы мобилизации права в российском обществе. Наконец, специального изучения требуют психологические проблемы, которые возникают у работников органов защиты правопорядка при внедрении различных автоматизированных систем выявления и прогнозирования преступлений в условиях дефицита ресурсов для борьбы с этими правонарушениями.

Глава 8

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Обострение международных конфликтов, связанных с распространением ядерного оружия (вспомним озабоченность мировой общественности в связи с ядерными программами Ирана и Северной Кореи), новые вызовы стратегической стабильности и национальной безопасности делают все более актуальным изучение психологических аспектов ядерного противостояния. Между тем психологическая проблематика ядерной угрозы остается в отечественной психологии крайне мало разработанной.

Нынешняя геополитическая обстановка в мире характеризуется относительно быстрыми и радикальными изменениями, повышающими уровень неопределенности и риска при принятии решений. Формирование многополярного мира, архаизация и волна популизма во внутренней политике развитых стран и международных отношениях, усиление геополитического влияния Китая, объективное отставание в количественном отношении российских ядерных сил по сравнению с ядерным потенциалом США, обострение межкультурных конфликтов и междивизиационных противоречий, возникновение новых форм международного терроризма, — все это затрудняет объективную оценку происходящего, снижает долгосрочность прогнозов и повышает их субъективность. В этой ситуации важными факторами международных отношений становятся не только объективный ядерный потенциал и намерения сторон, но и их восприятие общественностью и лицами, принимающими решение.

По-видимому, в XXI в. *психологические аспекты ядерного сдерживания будут приобретать такое же существенное значение, как и военно-техническое превосходство*. Глобализация, рост взаимозависимости государств, переплетение их геополитических и экономических интересов, а также переход к информационному обществу делают использование различных способов психологического воздейст-

вия более дешевым и более эффективным инструментом ядерного сдерживания, чем попытки опередить потенциального противника по разрушительности, точности и дальности ядерного оружия. Дальнейшее увеличение скорости и точности доставки ядерного оружия, интенсивное развитие кибероружия, использование человеко-машинных комплексов и искусственного интеллекта в области стратегической безопасности, — все это еще больше повышает неопределенность исхода возможного противостояния, а также подстегивает стороны к использованию дезинформации, психологических инструментов давления друг на друга (Бартенев, 2016).

В данной главе мы стремимся обосновать значимость нового для отечественной психологии направления исследований — социальной психологии ядерного сдерживания и стратегической стабильности.

Состояние исследований психологических аспектов ядерной угрозы и ядерного сдерживания

В отечественной социальной психологии проблематика ядерной угрозы затрагивалась лишь косвенно, преимущественно в связи с восприятием населением угрозы радиоактивного заражения (Мельницкая, 2009; Прох и др., 2009; Хашенко, 2002). За исключением немногочисленных работ, посвященных психологии мира в целом (напр., см.: Кольцова, Нестик, Соснин, 2006; Рошин, Соснин, 1995), международное ядерное противостояние специально отечественными психологами не анализировалось (Журавлев, Нестик, Соснин, 2016). Напротив, в зарубежной социальной психологии проблематика ядерной войны и ядерного сдерживания активно разрабатывалась на протяжении последних 30 лет.

Можно выделить как минимум две основные причины такого положения в отечественной науке. Во-первых, изучение психологических аспектов гонки вооружений, если и проводилось по заказу государства, то в рамках «закрытой» тематики; результаты таких работ имели статус «для служебного пользования» и не публиковались открыто. Во-вторых, неразвитость гражданского общества в нашей стране препятствовала возникновению психологии ядерного сдерживания как самостоятельного направления, активно развиваемого психологами по собственной инициативе.

Первые исследования психологических аспектов ядерного противостояния относятся к 1960-м годам. Так, например, внимание социальных психологов уже тогда привлекла к себе роль «образа

врага» в формировании политики ядерного сдерживания (Bronfenbrenner, 1961). Специалисты по психологии конфликта включились в поиски методов снижения международной эскалации в ядерную эпоху (Deutsch, 1962). По заказу Министерства обороны США также изучались психологические последствия ядерного удара, в частности исследователей интересовало психологическое состояние людей, длительное время находящихся в убежище.

В более общем виде психологические аспекты ядерной войны затрагивались в работах политологов и экономистов корпорации RAND, получивших впоследствии название «теории ядерного сдерживания первой и второй волны».

Начало первой волне положил отчет Йельского института международных исследований, подготовленный в 1946 г. под руководством Б. Броуди (The Absolute Weapon, 1946) командой исследователей в составе Ф. Данна, П. Корбетта, А. Уольферса и У. Фокса. Несмотря на наличие других аналогичных работ (Browne, 1946; Davidson, 1946; Hawley, Leifson, 1945; и др.), именно данный отчет стал первой попыткой комплексного анализа политических последствий наличия и применения ядерного оружия. Броуди, прозванный «американским Клаузевицем», одним из первых показал, что назначение ядерного оружия состоит не в его применении, а в устрашении самой возможностью ядерного удара (Brodie, 1959). Иными словами, еще до начала последовавшей с 1949 г. гонки ядерных вооружений стало очевидно, что атомные бомбы являются прежде всего «психологическим оружием».

Вторая волна публикаций в области теории ядерного сдерживания, опиравшаяся в значительной степени на математические модели и теорию игр, относится к периоду работы Броуди и его коллег в корпорации RAND (с 1951 по 1966 гг.). Основными ее идеологами стали аналитики RAND, имевшие большое влияние на Пентагон: Г. Кан, А. Вольстеттер, У. Кауфман, Т. Шеллинг и др.

Концепции второй волны строились на трех ключевых принципах: 1) противник обязательно воспользуется возможностью нанести удар и расширить свое геополитическое влияние; 2) сдержат агрессию можно через убеждение противника в том, что удар по своим последствиям менее выгоден, чем статус-кво; 3) противник должен быть уверен не только в способности нанести ответный удар, но и в решимости политиков сделать это (Журавлев, Нестик, Соснин, 2011; Kahn, 1961). Одним из психологических следствий из данных положений была предложенная Т. Шеллингом концепция «рациональности иррационального»: сдерживание будет эффективным

только в том случае, если удастся убедить противника, что обороняющаяся сторона достаточно иррациональна, чтобы нажать на кнопку и запустить процесс всеобщего уничтожения (Shelling, 1966). Иными словами, психологические факторы (воспринимаемая противником угроза, уверенность в его готовности к решительным действиям) имеют более важное значение для сдерживания, чем реально имеющийся технический и ядерный потенциал.

В большинстве своем теоретики корпорации RAND не участвовали в боевых действиях Второй мировой войны. Опираясь на модель рационального выбора и математическую теорию игр, они имели весьма отдаленное представление о психологических особенностях поведения людей на войне, а также во время чреватых войной кризисов. Возможно, это послужило одной из причин их стремления довести свои сценарии до логического конца и просчитать «невозможное». Так родилась концепция «гарантированного взаимного уничтожения», согласно которой необходимо создать объективные военно-технические условия, которые, будучи принятыми во внимание при математических расчетах, убедят потенциального противника в возможности ответного удара, несущего возмездие. Автором концепции стал Г. Кан, ведущий аналитик RAND и влиятельный футуролог. Он пришел к выводу о том, что сдерживание будет успешным лишь в том случае, если считать победу в ядерной войне возможной и готовиться к ней заранее. По мнению Кана, часть населения и государственные структуры могут выжить после ядерной войны, как это уже было после эпидемии «черной смерти» в средневековой Европе. Аппетиты враждебных ядерных государств может умерить лишь гарантия выживания США в ядерной войне. Для этого необходимы не только мощный, хорошо защищенный ядерный арсенал, но и системы противоракетной и гражданской обороны, своего рода «Ноев ковчег», способный пережить «ядерную зиму». Впервые сформулированная Каном, эта концепция получила свое второе дыхание в начале 1980-х годов в работах профессора К. Грея, являвшегося в то время советником администрации президента США (Gray, Payne, 1980).

В настоящей монографии нет возможности подробно рассматривать многочисленные опровержения возможности выживания в ядерной войне, с которыми в 1980-х выступили как зарубежные, так и отечественные ученые (Александров, Моисеев, 1984; Гинзбург, 1987; Голицын, Гинзбург, 1986; Климатические и биологические последствия..., 1987; Питток и др., 1988; Чазов, Ильин, Гуськова, 1982), в том числе межведомственная группа академика Е. П. Вели-

хова. В первую очередь нас будет интересовать то, как на политологические концепции ядерного сдерживания реагировала психологическая наука.

Психологические работы, посвященные гонке ядерных вооружений в 1970–1980-е годы, в значительной степени строились на критике классических теорий ядерного сдерживания, предполагающих абсолютную рациональность принятия решений в ходе международного конфликта. Оказалось, что решения о приобретении ядерного оружия и нанесении удара могут быть связаны с большим количеством когнитивных и мотивационных искажений на индивидуальном и групповом уровне, способных привести к катастрофическим ошибкам (Allison, 1971; George, 1980; Herek, Janis, Huth, 1987; Pfiffner, 2005; Tetlock, McGuire, Mitchell, 1991). Данные когнитивные искажения будут подробно рассмотрены нами далее в связи с индивидуальными-психологическими факторами ядерного сдерживания.

Пик интереса психологов к проблемам гонки ядерных вооружений приходится на вторую половину 1980-х. В это время активно обсуждается роль психологов в борьбе за ядерное разоружение и необходимость освещения рисков ядерной войны в СМИ (Blight, 1988; Blumberg, 1998; Christie, 2003, 2006; Fabick, 2007; Morawski, Goldstein, 1985; Wagner, 1985, 1988, 2001). В это же время появляются несколько монографий, обобщающих данные эмпирических исследований в области когнитивных аспектов сдерживания, психологических последствий ядерной угрозы, психологии поведения людей, выживших после ядерного удара (Barsh, Lipton, 1985; Jervis, Lebow, Stein, 1985; Kull, 1988; *Psychological Aspects of Nuclear War*, 1985; *Psychology and the Prevention of Nuclear War*, 1986). Лейтмотивом всех этих работ является вывод о том, что политики ошибочно оценивают силы противника, его намерения и готовность к применению ядерного оружия (Jervis, Lebow, Stein, 1985).

Наиболее многочисленными в эти годы оказались эмпирические исследования восприятия ядерной угрозы рядовыми американцами и молодежью различных стран. Были разработаны методы психотерапевтической помощи при детских страхах ядерной войны (Early-Adams et al., 1990), а также специальные методики оценки отношения личности к применению ядерного оружия (Chandler, 1991; Newcomb, 1989; Mayton, 1988)

Большинство данных методик являются стандартизированными психологическими опросниками, состоящими из утверждений, степень согласия с которыми предлагается оценить по 5- или 7-балльной шкале Лайкерта: «Для обеспечения безопасности нашей стра-

ны необходимо производить как можно больше ядерного оружия»; «Мне кажется, что в течение ближайших 10 лет может быть ядерная война»; «Я думаю, что у меня есть шанс выжить в ядерной войне»; «Создание ядерного оружия – эффективное средство устрашения»; «В ядерной войне победить невозможно» и т. п.

Эти опросники измеряют убеждения и установки по отношению к ядерным проблемам в целом и созданию ядерного оружия (Hamilton, Chavez, Keitlin, 1986; Hamilton, Knox, Keilinwilliam, 1986; Johnson, 1985; Mayton, 1988; Newcomb, 1986; Zweigenhaft, 1985); отношение к ядерной войне (Larsen, 1985; Nelson, Slem, 1984); степень осведомленности о ядерных вопросах (Kierulff, Zippin, 1985; Zweigenhaft, 1985); оценку эффективности борьбы за безъядерный мир и готовность в ней участвовать (McClenney, Neiss, 1984; Werner, Roy, 1985).

В ходе разработки и стандартизации этих методик выявлялась и эмпирическая структура представлений американцев о ядерной угрозе, отраженная в результатах факторного анализа и соответствующих шкалах. Так, например, состоящая из 27 пунктов методика Р. Цвайгенхафта измеряет представления о вероятности и степени разрушений, возможности выживания в ядерной войне, а также уровень тревоги по поводу ее начала (Zweigenhaft, 1985). Исследование структуры представлений о ядерной войне в массовом сознании позволило Д. Мейтону разработать методику со шкалами «Гражданская безопасность», «Эскалация войны», «Последствия ядерной войны», а также «Вероятность войны и связанные с ней тревоги» (Mayton, 1988). Л. Нельсоном и Ч. Слемом была разработана методика для изучения отношения к различным стратегиям в области ядерного вооружения (Nuclear Weapons Policies Questionnaire, NWPQ). Утверждения опросника сгруппированы в несколько блоков: «Контроль за ядерными вооружениями», «Озабоченность поддержанием ядерного превосходства», «Намерения СССР в области контроля над ядерными вооружениями», «Стратегическая оборонная инициатива Р. Рейгана», «Вероятность войны», «Последствия войны», «Озабоченность возможностью ядерной войны» и «Замораживание ядерных вооружений» (Nelson, Slem, 1984).

Для измерения тревоги в связи с возможностью ядерной войны М. Ньюкомб разработал «Опросник отношения к ядерным проблемам» (Nuclear Attitudes Questionnaire, NAQ), включающий в себя такие шкалы, как «Озабоченность ядерными проблемами», «Поддержка создания ядерного вооружения», «Страх будущего» и «Отрицание важности ядерных проблем» (Newcomb, 1986).

Особый интерес представляет методика под названием «Ядерные ориентации» (Nuclear Orientation Questionnaire, NOQ), позволяющая оценить отношение к ядерным проблемам в контексте общего мировоззрения личности (Hamilton, Chavez, Keitlin, 1986). Ее авторами были выделены такие ориентации, как 1) романтизм, т. е. вера в то, что благоразумие политиков удержит их от ядерного конфликта; 2) гедонизм, т. е. убеждение, что пока не началась ядерная война, нужно жить настоящим и получить от жизни как можно больше; 3) стоицизм, т. е. вера в то, что война неизбежна, но часть человечества выживет; 4) поддержка устрашения, т. е. убеждение, что войны можно избежать благодаря наращиванию ядерного арсенала; 5) альтруистический фатализм, т. е. признание своей неспособности предотвратить ядерную войну в сочетании со стремлением сделать как можно больше для людей вокруг себя, 6) поддержка разоружения, т. е. вера в возможность предотвратить войну силами обществности; 7) теизм, т. е. вера в то, что «все в руках Господа»; 8) элиминационизм, т. е. убеждение, что враждебные ядерные государства должны быть сметены с лица земли упреждающим ядерным ударом; 9) надежда на выживание, т. е. вера в то, что, подготовившись заранее, можно успешно пережить ядерную войну.

После спада популярности ядерной темы у психологов в 1990-е годы, связанного с прекращением холодной войны, число соответствующих публикаций снова стало расти в 2000-е (Berejikian, 2002; Frey, 2006; Humans, 2006; Paul, 2009). Находясь под влиянием теории идентичности и социального конструкционизма, эти работы подчеркивают роль социокультурных и социокогнитивных процессов, влияющих на эффективность ядерного сдерживания. Также все большее внимание уделяется не только политологическим, но и психологическим аспектам ядерного терроризма (Аллисон, 2007; Кокошин, 2004; Khripunov, 2006).

Психологические факторы эффективности ядерного сдерживания, как и любые другие социально-психологические феномены, могут быть систематизированы в соответствии с уровнями социально-психологического анализа: внутриличностным, межличностным, внутригрупповым, межгрупповым и социетальным (см. рисунок 8.1). При этом хорошо заметна существенная диспропорция в количестве исследований: внутриличностные и групповые факторы значительно более изучены, чем межличностные, межгрупповые и социетальные.

Среди *внутриличностных, индивидуально-психологических факторов* эффективности ядерного сдерживания следует выделить ко-

гнитивные и мотивационные искажения, а также особенности личности политика, принимающего решения. На принятии решений в условиях ядерного противостояния сказываются такие когнитивные эффекты, как сверхуверенность в правильности своего решения, фундаментальная атрибутивная ошибка, недооценка сделанных противником уступок (Tetlock, McGuire, Mitchell, 1991).

Еще одной когнитивной ловушкой при принятии решений по ядерным вопросам может быть метафора «эскалации напряженности», вызывающая в воображении лестницу, по которой стороны в любой момент могут сделать шаг вверх или вниз (Tetlock, McGuire, Mitchell, 1991). Иными словами, политики могут переоценивать свою способность влиять на ситуацию, идя на поводу и используемых ими в речи метафор. Использование метафор и аналогий не только способствует более глубокому пониманию международных процессов, но и приводит к ошибочным выводам. Например, принимая решение о вторжении во Вьетнам в 1965 г., американские руководители опирались на ошибочную аналогию с войной в Корее в 1950–1953 гг. (Khong, 1992).

Фундаментальная ошибка атрибуции состоит в том, что при объяснении действий личности или группы основное внимание уделяется их внутренним мотивам и чертам, а не особенностям ситуации, в которой те находятся (Росс, Нисбетт, 1999). А ситуация в международных отношениях такова, что для обеспечения собственной безопасности государства вынуждены либо наращивать вооруженные силы, либо вступать в военные альянсы, гарантирующие поддержку более сильных партнеров. Необходимость разрешать эту «дилемму безопасности» (Jervis, 1978) приводит к тому, что для большинства дипломатов и государственных руководителей характерна презумпция собственной невиновности: не учитывая феномена фундаментальной атрибутивной ошибки, они знают, что действуют с целью самозащиты и думают, что это известно всем остальным.

Эффект недооценки уступок, известный также под названием *реактивной девальвации уступок*, наиболее часто проявляется в переговорах: уступка воспринимается как незначительная только потому, что она сделана другой стороной. Получив уступку, переговорщик не готов отвечать на нее равноценным предложением или добивается от уступившего еще большего (Левицкий и др., 2006; Neale, Bazerman, 1992). Очевидно, что обмен уступками во время ядерного кризиса может быть блокирован недоверием сторон друг к другу: неосознаваемое политиками обесценивание предложений другой стороны может провоцировать их на использование «страте-

гических жестов» в виде повышения уровня боеготовности ядерных сил.

Среди мотивационных искажений большое значение может иметь стремление оправдать свои решения задним числом: даже при наличии очевидных доказательств неизбежности ответного удара, решение может быть принято в пользу нападения, так как стремление к самонепротиворечивости искажает восприятие ситуации. Например, наличие ядерного оружия у США не сдержало СССР от размещения ракет на Кубе, а его наличие у Великобритании не удержало Аргентину от захвата Фолклендских островов (Lebow, 1981). Высокий уровень эмоционального возбуждения под влиянием пугающей информации также может быть фактором принятия решения о ядерном ударе (Allen, 1993).

Не менее существенными для международной безопасности и ядерного сдерживания могут быть личностные особенности отдельных политиков. Так, например, анализ противоречий в кругах американской политической элиты в 1898–1968 гг. показывает, что политики, характеризующиеся доминантностью в межличностных отношениях, были более склонны к решению политических и международных вопросов силовым путем, а экстраверты более склонны к поиску компромиссных решений, чем интроверты (Ethredge, 1978). Влияние индивидуальных различий в разрешении конфликтов подтверждается и лабораторными экспериментами (Sternberg, Soriano, 1984).

Например, авторитарность лидеров может повышать вероятность использования ядерного оружия, однако, если бы все руководители ядерных держав были авторитарными личностями, эффективность ядерного сдерживания была бы более высокой. Как известно, авторитарная личность отличается высоким этноцентризмом, подверженностью стереотипам и предрассудкам, готовностью подчиняться власти (Адорно, 2001; Adorno et al., 1950). Экспериментальное исследование Б. Альтмейера, все испытуемые которого характеризовались высоким показателем авторитаризма правого толка, показало, что, играя роль руководителей государств, такие участники придерживались правила «мы не трогаем вас, а вы — нас». Высокие консерватизм и этноцентризм удерживали внимание таких руководителей на проблемах своего государства, при этом их активность в совместном решении глобальных проблем оказывалась очень слабой. Но когда участниками эксперимента стали авторитарные личности с выраженным стремлением к власти, ситуация изменилась: они гораздо более активно вели переговоры друг с другом, однако, стре-

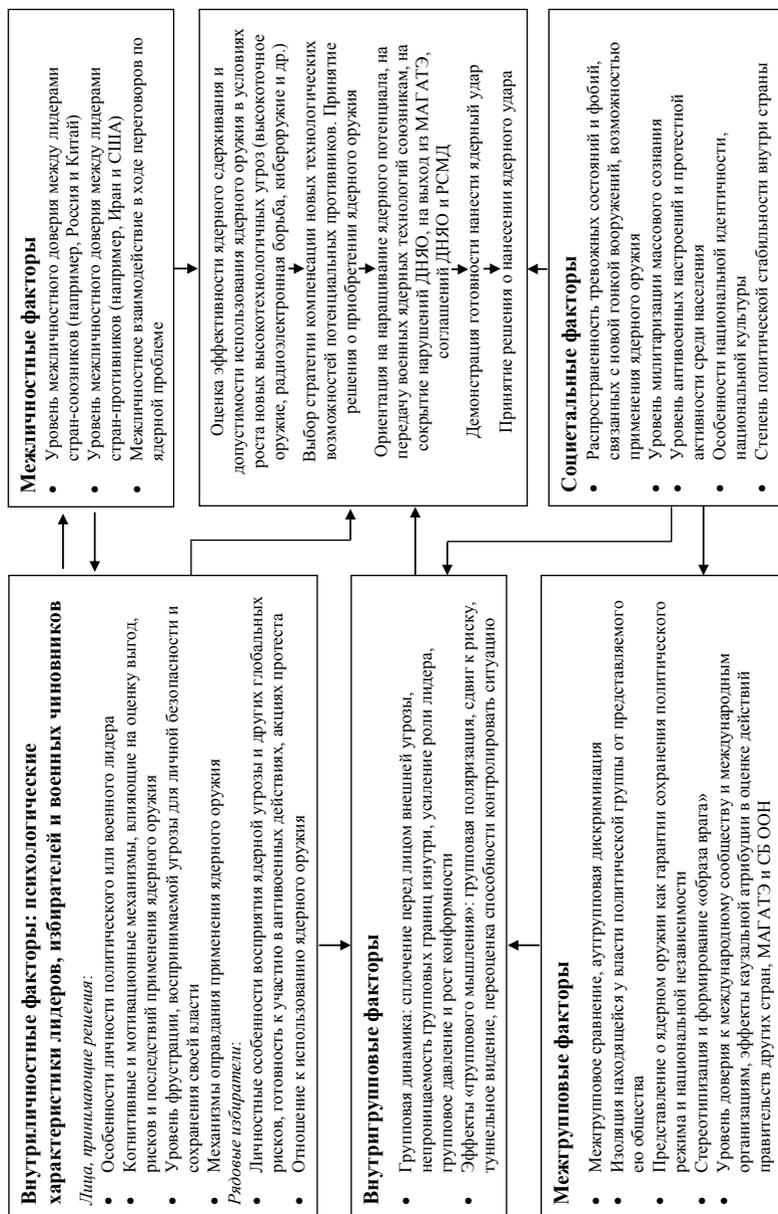

Рис. 8.1. Социально-психологические факторы гонки вооружений и ядерного сдерживания

мясь расширить свое влияние, подталкивали мир к ядерной войне (Altemeyer, 2003). Было обнаружено, что лидеры с националистической социальной идентичностью более эмоциональны при принятии стратегических решений и более ориентированы на приобретение или создание ядерного оружия как способ защиты национальных интересов (Huymans, 2006).

Индивидуально-психологические различия могут влиять и на восприятие ядерной угрозы рядовыми избирателями. На это указывает целая серия эмпирических исследований отношения подростков и студентов к ядерной войне (Blumberg, 1998; Colman, 1997; Columbus, 1993; Dodds, Chong-de, 1993; Garatti, Rudnitski, 2007; Stewart, 1988; Wallinga et al., 1991). Известно, что по сравнению с женщинами мужчины более терпимо относятся к использованию ядерного оружия (Silverman, Kumka, 1987), а степень осведомленности о ядерной войне прямо связана с пессимистическими оценками возможности выживания после нее (Zweigenhaft et al., 1986). Согласно эмпирическим исследованиям, противники ядерного разоружения более склонны полагаться на мнение экспертов, более склонны опасаться противника, считать его бесчестным и не заслуживающим доверия, при этом активисты прекращения гонки вооружений представляются им глупыми и непатриотичными (Feshbach, White, 1986).

Факторами страха ядерной войны являются: уровень тревожности, низкая самооценка и подверженность воздействию СМИ (Poikolainen, Kanerva, Lönnqvist, 1998), низкая оценка субъективного благополучия и низкий самоконтроль (Mayton, 1986); отсутствие жизненных целей и неудовлетворенность жизнью, страх перед будущим (Newcomb, 1986); ориентация на ценности универсализма, добродетельности, безопасности и конформности (Boehnke, Schwartz, 1997); влияние пола, возраста и принадлежности к тревожному типу А (Wilkins, Lewis, 1993); пол, недоверие к правительству и интерес к международным отношениям (Russo, Lyon, 1990); конформность и круг общения (Newcomb, 1988); пол и религиозность (Mayton, 1986).

Большое количество исследований было посвящено индивидуально-психологическим факторам участия личности в акциях протеста против гонки ядерных вооружений (Fox-Cardamone, Hinkle, Hogue, 2000). Изучалась мотивация участников антиядерного движения (Axelrod, Newton, 1991; Waldron et al., 1988), а также причины подъема антиядерного движения в Канаде и США в начале 1980-х и его упадка в конце 1980-х (Silverman, 1991). Была обнаружена связь

субъективного экономического статуса и веры в возможность повлиять на вероятность ядерной войны (Hamilton, Chavez, Keitlin, 1986). Готовность к участию в общественном движении за разоружение связана с такими факторами, как оценка вероятности ядерной войны и вера в эффективность коллективных акций протеста (McKenzie-Mohr, McLoughlin, Dyal, 1992), уровень морального развития личности (Van Ijzendoorn, 1987), влияние просмотра видеофильмов и телепередач (Gunn, Horvath, 1987; Kulman, Akamatsu, 1988; McCleney, Neiss, 1989; Schofield, Pavelchak, 1989). Отказ от участия в антиядерных акциях протеста связан с представлением о невозможности повлиять на ситуацию личными усилиями и эффектом выученной беспомощности (Fuld, Nevin, 1988).

Межличностные факторы эффективности ядерного сдерживания проявляются прежде всего в отношениях между главами стран и мало изучены. Влияние межличностного восприятия и установок на стратегические решения подтверждается изучением психологических аспектов международных переговоров (Gaerling et al., 2000), моделированием переговоров в диаде по поводу гонки вооружений (Simon, 2004), а также ролью межличностного доверия в разрешении Карибского кризиса (Sergeev et al., 1990).

Среди *внутригрупповых факторов* ключевую роль играют эффекты «группового мышления», впервые обнаруженные в ходе Карибского ядерного кризиса (Janis, 1972). Как оказалось, эксперты с высокими интеллектуальными способностями и нравственными качествами могут принимать гораздо более рискованное и ошибочное совместное решение по сравнению с решениями, которые они приняли бы порознь. Такие факторы, как директивный стиль руководства, высокая сплоченность и наличие внешней угрозы подталкивают членов группы к необдуманному и крайне рискованному решению. Проявлениями эффекта группового мышления являются сверхоптимизм, групповая поляризация, групповое давление, приводящее к недооценке мнений меньшинства, а также известный феномен сдвига к риску. Эффект сдвига к риску был впервые обнаружен в 1962 г. Дж. Стоунером. Он предлагал участникам эксперимента сначала зафиксировать свое личное мнение по ряду вопросов, включавших рискованную альтернативу (например, должна ли футбольная команда при равном счете идти на атаку, открывая ворота в последние минуты матча; следует ли вкладывать деньги в опасное дело, сулящее большую и быструю прибыль и т. д.). Оказалось, что в ходе последующего группового обсуждения 12 из 13 групп согласились на более рискованную альтернативу. Более того, после

группового обсуждения индивидуальные мнения участников тоже сдвигались в направлении более рискованных вариантов решения (Stoner, 1968). В ряде исследований было показано, что в ходе групповой дискуссии происходит усиление той позиции, которую – в более мягкой, менее категоричной ее форме – разделяли большинство участников. Чем сильнее групповая идентичность участников обсуждения, чем выше их сплоченность, тем больше вероятность поляризации и сдвига к риску (Abrams et al., 1990). Причем экстремисты, с самого начала занимающие крайнюю точку зрения по отношению к остальным участникам обсуждения, сдвигают ее к еще более крайней позиции. С точки зрения теории самокатегоризации эффект поляризации объясняется ориентацией участников дискуссии на прототипический образ своей группы, т. е. сдвиг происходит в направлении той точки зрения, которая представляется наиболее ярким маркером принадлежности к данной группе. Групповое мышление и сдвиг к риску могут приводить к эскалации международных конфликтов (например, вступление вооруженных сил Китая в Корею 25 октября 1950 г., решение Белого дома о высадке десанта в заливе Свиной на Кубе 17 апреля 1961 г. и т. д.). Роль внутрigrупповых процессов подтверждается при моделировании принятия решений штабом Кеннеди в ходе Карибского кризиса (Sakamoto, Hoshiro, 2006), а также моделировании влияния авторитарных лидеров на гонку вооружений (Altemeyer, 2003).

Еще одним групповым фактором гонки ядерного вооружения оказалась корпоративная культура и групповая сплоченность разработчиков ядерного оружия (Pilisuk, 1999), а религиозные представления о неизбежности Судного дня, как оказалось, могут влиять на принятие решения о ядерном ударе офицерами стратегических сил (Kierulff, 1992).

К межгрупповым факторам гонки вооружений и ядерного сдерживания относятся такие феномены, как межгрупповое сравнение, групповая идентичность, эффекты аутгрупповой дискриминации и ингруппового фаворитизма. Искаженное межгрупповое восприятие является одним из основных факторов гонки ядерных вооружений. Роль межгруппового восприятия столь существенна, что некоторые исследователи предлагают описывать ядерное противостояние не как «дилемму заключенного», а как «перцептивную дилемму» (Plous, 1993).

Первоначально в изучении конфликтов широко использовалась теория игр и принцип максимизации полезности, тогда как психологические факторы не принимались во внимание. Среди моделей

ядерного противостояния, разработку которых в 1960–1980 годах финансировали американские военные структуры и администрация НАТО, наибольшую популярность получила игра «Дилемма заключенного». Название игра получила по своей первоначальной версии. В ней заключенные стоят перед дилеммой: выдать тайну своего напарника и сократить срок своего заключения или договориться с ним о молчании и, в случае соблюдения договоренностей обоими заключенными, немедленно выйти на свободу. Применительно к гонке вооружений игра предполагает четыре варианта поведения супердержав: 1) взаимное разоружение обеих сторон, 2) наращивание вооружения Россией при разоружении США, 3) наращивание вооружения США при разоружении России, 4) взаимное наращивание вооружений. Математические расчеты показывают, что обеим сторонам выгоднее наращивать вооружения независимо от того, какую стратегию выбирает соперник (Brams, 1985). Между тем поведение в данной модели определяется не столько расчетом, сколько представлениями о намерениях другой стороны. С учетом психологии межгрупповых отношений «дилемма заключенного» выглядит как «дилемма восприятия»: 1) обе стороны считают наиболее выгодным взаимное разоружение, 2) они больше всего опасаются разоружиться в тот момент, когда соперник будет вооружаться; 3) обе считают, что другая сторона в любой ситуации предпочтет вооружение разоружению (Plous, 1993).

В условиях конкуренции межгрупповое восприятие искажается социальными стереотипами и этническими предрассудками, которые затрудняют адекватную оценку намерений другой стороны и подталкивают к наращиванию вооружений. При дальнейшей эскалации межгруппового конфликта стороны утрачивают способность замечать позитивные изменения в действиях друг друга. Формируется образ врага, противник превращается в «нелюдей», по отношению к которым оправданным выглядит использование любых средств уничтожения (Солдатова, 1998; Zimbardo, 2007).

Наконец, *социетальные*, т. е. относящиеся к обществу в целом, факторы эффективности ядерного сдерживания связаны прежде всего с тем, что при принятии решений в области ядерной безопасности политикам приходится учитывать давление со стороны национальных и международных политических и бюрократических групп интересов, а также влияние СМИ и общественного мнения (Allison, 1971; Fiske, Fischhoff, Milburn, 1983). Влияние на массовое сознание в своей стране и в стране-противнике является одним из действенных психологических инструментов ядерного сдерживания.

Психологические особенности ядерного противостояния

С одной стороны, ядерное противостояние имеет психологические аспекты, характерные для межгрупповых конфликтов в целом. С другой стороны, оно обладает рядом специфических психологических особенностей, игнорирование которых может приводить к ошибочным стратегическим решениям.

К универсальным психологическим механизмам, сближающим ядерное противостояние с другими видами конкуренции и конфликта, можно отнести механизмы эскалации межгрупповой напряженности: 1) межгрупповое восприятие (эффекты межгруппового сравнения, межгрупповой дискриминации, стереотипизации и обезличивания, формирования межгрупповых предрассудков и образа врага), 2) психологические особенности внутригрупповой динамики и принятия группового решения при наличии внешней угрозы (феномены «группового мышления», поляризации мнений, группового давления, роста влияния лидера на группу, размывания ответственности и сдвига к риску), 3) механизмы межличностного и межгруппового взаимодействия в процессе переговоров (например, особенности межличностного восприятия, характерные для переговоров мотивационно-когнитивные искажения, различные виды, тактики и приемы социального влияния, а также формирование межличностного и межгруппового доверия).

Однако, с социально-психологической точки зрения, ядерное противостояние имеет и свои *особенности*, выделяющие его из ряда традиционных форм межгрупповой напряженности и влияющие на сотрудничество в области ядерного сдерживания и разоружения.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что в основе ядерного противостояния лежит социальное *взаимодействие* «проигравший—проигравший», редко встречающееся в общественной жизни и малоизученное в социальной психологии. Как известно, стратегии поведения в конфликте можно классифицировать с помощью пространства из двух шкал: 1) ориентация на собственные интересы и 2) ориентация на интересы партнера (Pruitt, Rubin, 1986). Эта классификация позволяет выделить четыре основных типа взаимодействия: «выигравший—выигравший» (одним из вариантов которого является компромисс путем взаимных уступок), «выигравший—проигравший», «проигравший—выигравший» и «проигравший—проигравший». В повседневном опыте мирной жизни мы без труда найдем примеры всех стратегий, за исключением последней. Взаимодействие «проигравший—проигравший» возникает в тех исключитель-

ных случаях, когда другие варианты невозможны или не оставляют шансов на выживание. История войн, вооруженных столкновений и терактов изобилует примерами добровольного самопожертвования ради нанесения как можно большего урона врагу. Независимо от оценки этих действий как героических или бесчеловечных, они оказываются весьма эффективным средством устрашения, направленного на деморализацию превосходящего в силе противника. Однако сценарий «проигравший—проигравший» в ядерном конфликте является крайним, практически неизвестным истории вариантом стратегии. В войнах с применением обычного оружия героическая гибель имеет глубокий психологический смысл даже в тех случаях, когда идущие на смерть люди не надеются остаться в памяти потомков: они знают, что ценой своей жизни спасают жизни близких. Иными словами, они вступают во взаимодействие по типу «проигравший—проигравший» в рамках долгосрочной стратегии «проигравший—выигравший». В ядерной войне ситуация принципиально иная: здесь гибель одних членов сообщества не спасает остальных от быстрой смерти или долгого и мучительного вымирания.

Включение личности или социальной группы в данный тип взаимодействия влечет за собой два психологических эффекта, противоположных по своим последствиям: расширение диапазона допустимых методов воздействия и одновременно повышение догматизма и приверженности групповым ценностям.

С одной стороны, высокая вероятность необратимых потерь вплоть до физического уничтожения вызывает сужение временной перспективы, когда тщательный анализ долгосрочных последствий принимаемых решений теряет какой-либо практический смысл. Неизбежность тотального уничтожения психологически освобождает лиц, принимающих стратегические решения, от необходимости нести ответственность перед обществом и его политической системой, большинство представителей которой обречены на гибель и не смогут воспользоваться какими-либо политическими и правовыми санкциями. Игнорирование групповых норм, а также стремление опередить противника существенно расширяют диапазон стратегий и тактик взаимодействия, признаваемых допустимыми и оправданными. Иными словами, при наличии высокой вероятности ядерного удара лица и группы, облеченные властью, могут пойти на силовые или дипломатические решения, которые, даже не предполагая использование ядерного оружия, могут спровоцировать другую сторону. Целенаправленно сформированная субъективная убежденность в высокой вероятности и неизбежности тотального уничто-

жения может привести к эскалации конфликта даже без реальных на то оснований. В отличие от довольно широкого выбора возможных стратегий в обычной войне (включая возможность временно сдаться на милость победителя), в столкновении крупных ядерных держав по большому счету есть только два варианта действий: «выигравший–выигравший» или «проигравший–проигравший».

С другой стороны, высокая вероятность личной смерти, как показывают эмпирические исследования, повышает догматичность личности и ее конформность, стремление следовать социальным нормам (Bassett, 2007). К психологическим защитным механизмам, которые запускаются при напоминании о смерти, например, в связи с терактами или другими неконтролируемыми человеком событиями, относятся стремление повысить свою самооценку, поддержка культурных норм, рост ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации, поиск и подчеркивание позитивной идентичности (Greenberg, 2008; Greenberg, Pyszczynski, Solomon, 1986). Под влиянием этих психологических эффектов стремление сохранить позитивную социокультурную идентичность и следование той или иной идеологии могут снижать готовность сторон идти на компромиссы и даже подтолкнуть к иррациональным действиям. В частности, защита национальной культуры или религиозных ценностей может стать основанием для применения ядерного оружия против отдельного государства, этнической группы или западной/восточной цивилизации. Тем не менее, самоидентификация с более крупной социальной общностью, например, человечеством, характерная для личности или целенаправленно сформированная, может изменить воздействие перечисленных нами защитных механизмов и способствовать просоциальному поведению в интересах международной безопасности.

Еще одной психологической особенностью ядерного противостояния является *виртуальность ядерной угрозы*: отсутствие случаев применения ядерного оружия, ореол засекреченности вокруг его испытаний, а также затрудненность международного контроля за его созданием и распространением превращают ядерный потенциал в реальную, но неосязаемую угрозу. И хотя скрыть производство ядерного оружия и подлинную мощность зарядов сегодня крайне трудно, оценками масштабов угрозы по-прежнему относительно легко манипулировать. В отличие от войн и вооруженных столкновений с применением конвенционального оружия, ядерная угроза отсутствует в жизненном опыте ныне живущих политических деятелей (за исключением его применения в Хиросиме и Нагасаки). С одной сторо-

ны, неосязаемость ядерного потенциала повышает роль психологических факторов при принятии стратегических решений. С другой стороны, она также открывает возможность для манипулирования массовым сознанием для преуменьшения или, наоборот, преувеличения ядерной угрозы, как это было в случае вторжения США в Ирак.

Виртуальность ядерной угрозы повышает зависимость оценки ситуации от различного рода когнитивных эвристик, личностных черт и эмоционального состояния лиц, принимающих решения. Не стоит забывать при этом, что «под воздействием сложной совокупности политико-психологических факторов, с появлением мотивов и форм поведения далеко не рационального характера даже частично эффективная противоракетная система может породить у государства, обладающего ею, опаснейшую иллюзию возможности отбить менее мощный ответный удар другой стороны после того, как он будет ослаблен и дезорганизован внезапным ядерным нападением на ее стратегические силы и систему их управления и связи» (Кокошин, 2009, с. 69).

Кроме того, важной особенностью ядерного сдерживания и стратегической безопасности в целом является тот факт, что они основаны на отношениях *доверия*, а не на уверенности. Если уверенность предполагает защищенность, независимость и возможность контроля за действиями другой стороны, то доверие связано с уязвимостью одной или обеих сторон. Еще одна отличительная черта доверия состоит в том, что оно лично: мы можем быть уверены в безличной политической системе, но доверяем мы людям или социальным группам с их мотивами и свободой воли.

Разрушительность ядерного оружия и фатальность последствий «ядерной зимы» для мировой цивилизации, все более изощренные и доступные способы его доставки на территорию противника, а также расширение клуба ядерных держав сделали всех субъектов международных отношений, во-первых, уязвимыми и, во-вторых, взаимозависимыми.

С психологической же точки зрения, стратегическая стабильность основана на доверии по расчету, т. е. на ожидании, что другая сторона не считает для себя выгодным нанесение первого ядерного удара, даже если ее действия невозможно проконтролировать. Особенностью доверия как психологического феномена является переживание уязвимости и невозможности контроля над действиями другой личности или группы. Такая уязвимость связана с высокой неопределенностью возможности нанесения ракетно-ядерного удара, способно-

го поразить имеющийся ядерный потенциал противника до уровня, не позволяющего ему нанести адекватный ответный удар. Наличие невозможности снизить степень неопределенности до достаточно убеждающего уровня для обеих сторон имеет важные последствия для достижения стратегической стабильности и соответствующей аргументации в ходе стратегических переговоров: «...повышенная степень неопределенности для обеих сторон действует в направлении повышения устойчивости военно-стратегического равновесия, а не наоборот... И одним из средств, обеспечивающих такую стабилизирующую неопределенность, является соответствующий ограничивающий договор» (Кокошин, 2009, с. 66).

Особенно важно учитывать тот факт, что межличностное и межгрупповое *доверие в отношениях по поводу ядерных вопросов формируется в условиях постоянно колеблющегося уровня субъективного риска*. Исследования в области психологии доверия показывают, что с ростом уровня риска критерии доверия могут меняться (Изюмова, 2009). Можно предположить, что в критической ситуации, т. е. при высокой вероятности нанесения ядерного удара, готовность сторон доверять друг другу будет зависеть от других критериев, чем в ходе переговоров с низким и средним уровнем риска (например, по поводу ядерных программ Ирана и Северной Кореи). Критерии и уровень доверия при разных степенях субъективного риска являются психологическим содержанием так называемого «динамического диапазона» (или запаса устойчивости).

Доверие сторон друг к другу и субъективный уровень риска являются психологическими факторами повышения сторонами «полюсов» своей готовности к нанесению ядерного удара другой стороне для демонстрации своих намерений в политико-военном противостоянии в ходе международного политического кризиса, вплоть до момента, когда одна из них начинает рассматривать практическую возможность применения ядерного оружия. Одним из ярких и показательных примеров реализации такой стратегии является динамика противостояния между СССР и США в ходе Карибского кризиса в октябре 1962 года (Микоян, 2006).

Уровень субъективного риска может влиять и на оценку сторонами масштабов приемлемого ущерба, допустимости использования того или иного вида стратегического оружия, выбор мишеней для нанесения удара. Все это делает задачу изучения зависимости доверия и особенностей восприятия ситуации от субъективного уровня риска одним из важных и перспективных направлений в психологии ядерного противостояния.

Наконец, психологическая специфика ядерного противостояния определяется, помимо прочего, высокой *зависимостью стратегических решений от психологических особенностей небольшого числа лиц*. Если вопросы ядерного разоружения и контроля за распространением ядерного оружия находятся под влиянием довольно большого числа политических институтов, то принятие решения о нанесении ядерного удара в кризисной ситуации является прерогативой крайне ограниченной группы людей. Одна из сложностей обеспечения стратегической стабильности (помимо материальной основы ядерного сдерживания) «состоит в том, что люди, формулирующие политические установки... не всегда четко представляют себе и современную оперативно-стратегическую сферу, и военно-техническую, не имея к тому же „под рукой“ необходимой группы экспертов, ученых соответствующей квалификации» (Кокошин, 2009, с. 20). Нехватка объективной информации усиливает влияние психологических особенностей ситуации, а также личностных черт руководителей.

Следует принимать во внимание и подверженность первых лиц влиянию со стороны своего ближайшего окружения, – людей, психологические характеристики и состояние которых могут иметь важное значение. Не случайно Г. Аллисон, обосновывая свою теорию бюрократического принятия решений, приходит к выводу о том, что политика национальной безопасности США определяется организационными процедурами и интересами различных административных лиц, а не рациональным выбором и целями президентов (Allison, 1971). С одной стороны, это лишний раз подтверждает общепризнанную роль межличностных отношений в малой группе, процессов внутригрупповой динамики и особенностей группового принятия решений. С другой стороны, это указывает на значимость структурных и содержательных аспектов социальной сети межличностных контактов, пронизывающих коридоры власти и выходящих далеко за пределы правительства. В критической ситуации судьба мира может зависеть от способности управленческой команды быстро найти необходимых экспертов, т. е. от личных знакомств, часто неформальных связей.

Социально-психологические детерминанты отношения к ядерной угрозе: результаты эмпирического исследования

Для выявления типов отношения к ядерной угрозе, а также психологических факторов оценки ее значимости, вероятности и допус-

тимости применения ядерного оружия Т. А. Нестиком было проведено поисковое эмпирическое исследование¹.

Исследование проводилось в 2012 и 2016 гг. среди студентов гуманитарных факультетов вузов г. Москвы (2012 г.: N=200, 32% – мужчины, 68% – женщины, средний возраст – 20,4 лет; 2016 г.: N=385, 38% – мужчины, 62% – женщины, средний возраст – 20,5 лет). Для выявления влияния информированности об опасности ядерного излучения и международных отношениях на отношение к ядерной угрозе нами также была опрошена в 2016 г. группа студентов старших курсов физико-технического факультета Национального ядерного университета «МИФИ» (N=48; 69% – мужчины, 31% – женщины; средний возраст – 21,2 года). В общей сложности участниками исследования стали 633 студента.

Для выявления отношения к ядерной угрозе мы использовали адаптированную нами шкалу «Опросник отношения к ядерным проблемам» М. Ньюкомба (Newcomb, 1986), включающую в себя такие субшкалы: «Озабоченность угрозой ядерной войны» (N=632, 3 пункта, α Кронбаха = 0,711; M=3,00; SD=1,09), «Страх перед ядерной войной» (N=632, 2 пункта, α Кронбаха = 0,695; M=1,74; SD=0,960); «Поддержка развития ядерной энергетики» (N=632, 4 пункта, α Кронбаха = 0,580; M=2,76; SD=0,831). Также использовалась адаптированная нами методика «Ядерные ориентации» (Nuclear Orientation Questionnaire, NOQ), позволяющая оценить отношение к ядерным проблемам в контексте общего мировоззрения личности (Hamilton, Knox, Keilinwilliam, 1986). Методика состоит из 10 пунктов, согласие с которыми предлагалось оценить по 5-балльной шкале Лайкерта (например, «Ядерную войну можно предотвратить, если пропорционально наращивать арсенал оружия массового уничтожения и поддерживать баланс сил», «Ядерную войну можно пережить, если подготовиться к ней заранее (обучать людей навыкам выживания, строить убежища и т. п.)», «Ядерную войну можно предотвратить, если объединить общественность и подталкивать правительства к действиям», «Мы не можем предотвратить угрозу глобальной катастрофы, поэтому нужно успеть сделать как можно больше для окружающих нас людей и человечества» и т. п.).

Для оценки допустимости применения ядерного оружия была разработана шкала из 4 утверждений (например, «Использование ядерного оружия не может быть оправдано ни при каких обстоятельствах»,

1 Авторы выражают благодарность за помощь в сборе данных А. Ю. Гюлюмян, Л. А. Журавлевой, Е. О. Петровой, Г. М. Самойлову и В. А. Сумароковой.

«Если существует угроза национальной безопасности, правительство имеет право пойти на применение ядерного оружия» и др.), согласие с которыми респондентам предлагалось оценить по 5-балльной шкале ($N=464$, α Кронбаха = 0,707; $M=2,34$; $SD=0,999$).

Для измерения индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик личности нами использовались «Самооценка уровня личностной тревожности» Ч. Спилберга в адаптации Ю.Л. Ханина, «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леонга, «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна в адаптации Т.А. Нестика (Нестик, 2015а) и «Стэнфордский опросник временной перспективы» (ZTP) Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой и О.В. Митиной.

Также в 2012 г. на части выборки ($N=75$, $N=134$) нами также использовались методики «Шкала авторитаризма правого толка» Б. Альтмейера», тест «Стили поведения в конфликте» К. Томаса в адаптации Н.В. Гришиной и методика «Тактики поведения в ситуации ядерного конфликта при повторении Карибского кризиса».

В ходе исследования нами были сформулированы и проверены несколько предположений, опирающихся на проведенный ранее теоретический анализ (Журавлев, Нестик, Соснин, 2011; Нестик, 2016с).

Во-первых, мы предположили, что существует несколько типов отношения к ядерной угрозе, которые могут быть выделены на основе оценки управляемости данного риска, а также ориентации на коллективные действия для его предотвращения.

Также было выдвинуто предположение о том, что озабоченность ядерной угрозой связана с рядом личностных характеристик (личностной тревожностью, позитивной оценкой прошлого и ориентацией на будущее, протяженностью временной перспективы, ориентацией на гармонию в отношениях и религиозностью).

Во-вторых, мы предположили, что чем менее понятной является ядерная угроза, чем менее информированы о ней участники исследования, тем больше вера в невозможность ее предотвращения и готовность к радикальным мерам.

В-третьих, мы выдвинули гипотезу о том, что оценка вероятности ядерной войны и оправданность применения ядерного оружия прямо связаны с фатализмом и недоверием социальным институтам. Напротив, озабоченность ядерной угрозой и ориентация на ее предотвращение связана с оптимизмом, позитивным отношением к собственному прошлому и ориентацией на будущее.

В-третьих, было выдвинуто предположение о том, что поддержка гонки вооружений и поддержка нанесения опережающего ядер-

ного удара прямо связаны с авторитаризмом и выраженностью гражданской идентичности (значимостью принадлежности к гражданам российского государства).

В рамках проведенного нами исследования части респондентов (N=573) было предложено оценить вероятность четырех сценариев развития мира до 2030 г., разработанных экспертами Всемирного экономического форума (The Global Risks Report, 2016). Наиболее вероятными участники считают умеренно оптимистические сценарии (см. таблицу 8.1). Самый вероятный сценарий «Сильные регионы» напоминает сложившуюся геополитическую ситуацию: сильные национальные государства наращивают свое влияние, создавая политические и экономические союзы с соседями; политические лидеры получают поддержку граждан, гарантируя им безопасность в обмен на отказ от целого ряда свобод и наращивание систем тотального контроля. Как наименее вероятный был оценен наиболее пессимистический сценарий – «Ядерная катастрофа», при котором конкуренция между группами стран и рост терроризма приводят к ядерной войне. Наиболее вероятным его считают 15% опрошенных, тогда как наименее вероятным – 39%.

Таблица 8.1

Оценка вероятности ядерной войны как одного из сценариев мирового развития в ближайшие 15 лет (N=573)

Сценарии	Ранг по вероятности*
1. «Сильные регионы». Сильные национальные государства наращивают свое влияние, создавая политические и экономические союзы с соседями. Политические лидеры получают поддержку граждан, гарантируя им безопасность в обмен на отказ от целого ряда свобод и наращивание систем тотального контроля	2,11
2. «Столкновение». Конкуренция между региональными союзами приводит к крупному военному конфликту с использованием обычных вооружений. Стороны останавливаются за один шаг от применения ядерного оружия, но к этому моменту успевают нанести друг другу серьезный урон	2,29
3. «Города, разделенные стенами». Наиболее состоятельные и благополучные жители отгораживаются от беднеешего большинства, которое лишено поддержки слабеющим государством, оторвано от культурных корней и радикализовано	2,80
4. «Ядерная катастрофа». Конкуренция между группами стран и рост терроризма приводят к ядерной войне	2,89

Примечание: * – респондентам было предложено проранжировать четыре сценария:
1 – наиболее вероятный, 4 – наименее вероятный.

Эти данные подтверждают уже известную психологическую закономерность: мы склонны недооценивать вероятность и значимость тех угроз, которые отсутствуют в нашем жизненном опыте, носят абстрактный характер и не поддаются контролю. Напротив, мы склонны переоценивать угрозы, которые подтверждаются конкретными и зримыми примерами и которые обсуждаются в СМИ и социальных медиа (Slovic, 2013).

Кластерный анализ методом К-средних позволил выявить несколько типов отношения к ядерной угрозе, различающихся прежде всего оценкой управляемости этого риска и выраженностью просоциальной ориентации (таблица 8.2).

К первому кластеру «Альтруистические фаталисты» (13%) были отнесены респонденты, считающие, что ядерная война неизбежна, хотя и не приведет к исчезновению человеческого рода, а поскольку нам лично пережить ее не удастся, нужно успеть сделать как можно больше для окружающих нас людей и человечества. Для них характерен низкий уровень социального цинизма и высокая ориентация на гармонию в отношениях с людьми. По сравнению с другими типами, они меньше всего озабочены глобальными рисками, не склонны отождествлять себя с широкими социальными категориями людей, а принадлежность к гражданам России чаще вызывает у них негативные чувства — равнодушие, стыд и унижение (см. таблицу 8.3).

Во второй кластер «Алармисты» (17%) вошли участники исследования, считающие, что пережить ядерную катастрофу невозможно, но можно предотвратить ее, если объединить общественность и подталкивать правительства к действиям. Для них характерна относительно высокая степень информированности о проблемах ядерного сдерживания, высокая оценка вероятности ядерной катастрофы, высокая ориентация на гармонию в отношениях с людьми и озабоченность большим числом других глобальных рисков (социальных, техногенных и т. д.).

Третий кластер «Выживальщики-ликвидаторы» (11%) объединил респондентов, которые считают, что ядерную войну вполне можно пережить, если заранее к ней подготовиться, и что лучший способ предотвратить ядерный удар — нанести его первыми. По сравнению с другими типами, «Выживальщики-ликвидаторы» характеризуются высокой ориентацией на будущее, самым высоким показателем «социального цинизма», т. е. не склонны доверять политикам и социальным институтам. При этом они сильнее других отождествляют себя с категорией «Россияне», позитивнее оценивают будущее России и больше других убеждены в predeterminedности судьбы. Так-

Таблица 8.2
Социально-психологические типы отношения к угрозе ядерной войны

	1. Альтру- истические фаталисты (N=73)	2. Алар- мисты (N=95)	3. Выжи- вальщи- ки-ликвида- торы (N=62)	4. Гедонис- тические фаталисты (N=62)	5. Религи- озные фа- талисты (N=115)	6. Ро- мантики (N=75)	7. Стoron- ники раз- оружения (N=87)
1. В случае ядерного кризиса государственные лидеры будут действовать рационально и в интересах всего человечества, они не допустят войны	2,38	3,39	3,24	2,53	2,99	3,89	2,48
2. Учитывая возможность глобальной катастрофы, нужно сосредоточиться на настоящем и успеть получить от жизни удовольствие	3,26	3,48	4,31	4,19	3,34	3,09	2,09
3. Мы не можем ничего сделать с угрозой глобальной катастрофы и сами ее вряд ли переживем. Будут огромные жертвы, но кто-то из людей выживет, и жизнь будет продолжаться	4,03	4,07	3,97	2,26	3,31	1,63	1,75
4. Ядерную войну можно предотвратить, если пропорционально наращивать арсенал оружия массового уничтожения и поддерживать баланс сил	3,3	2,76	3,56	2,19	2,52	3,32	1,93

5. Мы не можем предотвратить угрозу глобальной катастрофы, поэтому нужно успеть сделать как можно больше для окружающих нас людей и человечества	4,1	3,03	3,77	3,58	3,52	1,67	2,1
6. Ядерную войну и другие глобальные катастрофы можно предотвратить, если объединить общественность и подталкивать правительства к действиям	2,11	4,38	3,58	2,31	3,37	4,23	3,97
7. Все в руках божьих: если суждено быть катастрофе, только от него зависит ее исход	1,78	1,24	2,98	1,19	4,06	1,67	1,69
8. Лучший способ предотвратить ядерный удар – нанести его первыми. Нужно уничтожить потенциального агрессора, чтобы обеспечить всем остальным мир и стабильность	1,47	1,37	3,95	1,71	1,75	1,37	1,4
9. Глобальную катастрофу можно пережить, если подготовиться к ней заранее (обучать людей навыкам выживания, строить убежища и т.п.)	3,21	3,76	4,21	2,27	3,08	3,61	2,18

же они ниже других оценивают свою информированность о проблемах ядерного сдерживания в международных отношениях, но более уверены в допустимости применения ядерного оружия.

К четвертому кластеру «Гедонистические фаталисты» (11%) были отнесены участники исследования, считающие, что в виду возможной глобальной катастрофы нужно сосредоточиться на настоящем и успеть получить от жизни удовольствие. По сравнению с другими типами, они мало озабочены глобальными рисками и меньше всех ориентированы на гармонию в отношениях с людьми. Как и «Альтруистические фаталисты», они мало ориентированы на будущее.

В пятый кластер «Религиозные фаталисты» (20%) были объединены респонденты, считающие, что ядерный апокалипсис и его исход целиком зависят от воли бога. По сравнению с другими типами, «Религиозные фаталисты» больше ориентированы на фаталистическое настоящее, считая, что будущее предопределено. Они характеризуются высокой религиозностью и низким социальным цинизмом.

Шестой кластер «Романтики» (13%) объединяет респондентов, уверенных, что государственные лидеры не допустят ядерной войны, так как будут действовать рационально и в интересах всего человечества. Романтики также верят в возможность воздействия на правительства через общественные инициативы. При этом именно «Романтики» ниже всего оценивают вероятность ядерной войны и менее других ее опасаются. По сравнению с другими группами, для них характерна наиболее сильная идентификация себя с широкими социальными категориями («единомышленники», «люди вашей национальности», «люди вашей религии», «человечество»). Среди всех групп у «Романтиков» наиболее позитивная гражданская идентичность: мысли о своей принадлежности к россиянам вызывают у них чувства гордости и уверенности.

Наконец, в седьмой кластер «Сторонники разоружения» (15%) вошли респонденты, считающие, что ядерную войну можно предотвратить, если объединить общественность и подталкивать правительства к действиям. Наряду с «Алармистами», «Сторонники разоружения» наиболее высоко оценивают свою информированность о проблемах ядерного сдерживания в международных отношениях. По сравнению с другими типами отношения к ядерной угрозе, для «Сторонников разоружения» характерна наибольшая уверенность в своей способности влиять на свою судьбу и будущее России, а также мнение о том, что применение ядерного оружия нельзя оправдать никакими обстоятельствами.

В целом анализ выделенных нами типов отношения к ядерной угрозе показывает, что фатализм и недоверие к социальным институтам связаны с признанием допустимости применения ядерного оружия. Ориентация на активные действия по предотвращению ядерной катастрофы связана с уверенностью в способности влиять на будущее, социальным доверием, сочетанием идентификации себя с широкими социальными категориями и позитивной гражданской идентичности.

Полученные данные указывают на то, что потеря уверенности в социальной стабильности, снижение доверия к другим людям, нарастание апокалиптических настроений могут запустить в обществе «спираль» поддержки радикальных мер, повышают число сторонников использования ядерного оружия для защиты позитивной национальной идентичности. Ксенофобия и вера в предопределенность судьбы могут быть использованы политиками для обеспечения поддержки обществом решений о нанесении упреждающего ядерного удара.

Низкое социальное доверие и фатализм повышают оценку личностью вероятности ядерного конфликта. Проведенный нами линейный регрессионный анализ ($N=503$, $F=4,19$; $p=0,002$; $R^2=0,392$) показал, что оценка вероятности ядерной войны в ближайшие 10 лет прямо зависит от идентификации респондентами себя с категорией «Европейцы» ($\beta=0,287$), значимости будущего России ($\beta=0,387$), уровня социального цинизма ($\beta=0,277$) и веры в предопределенность судьбы ($\beta=0,373$) и отрицательно связана с уровнем доверия к людям ($\beta=-0,322$) и верой в справедливость мира – награду за усилия ($\beta=-0,330$).

В условиях вероятного ядерного конфликта общественную поддержку безответственных стратегических решений тем легче обеспечить, чем меньше люди знают о природе ядерной угрозы и способах ее предотвращения. Корреляционный анализ по критерию Спирмена показал, что, чем ниже информированность о проблемах ядерного сдерживания, тем более респонденты склонны верить в неуправляемость ядерных рисков, менее готовы лично участвовать в предотвращении глобальной катастрофы и больше поддерживают упреждающий ядерный удар (таблица 8.4).

По-видимому, этот результат может объясняться эффектом когнитивного диссонанса: если мы не понимаем, как «устроен» механизм эскалации риска и считаем, что не можем никак повлиять на его вероятность, то стараемся не думать о таком риске, приуменьшаем его значимость (Festinger, 1957). Связь между низкой информированностью и поддержкой превентивного удара подтверждает,

Таблица 8.4Связь отношения к ядерной угрозе
и информированности о проблемах ядерного сдерживания

	Субъективная оценка своей информированности о проблемах ядерного сдерживания в международных отношениях
Озабоченность риском применения ядерного оружия	0,152***
России следует оказывать помощь другим странам в строительстве атомных электростанций	0,184***
Мне было бы страшно жить в 10 километрах от атомной станции	-0,124**
Все в руках божьих: если суждено быть катастрофе, только от него зависит ее исход	-0,185***
Лучший способ предотвратить ядерный удар – нанести его первыми. Нужно уничтожить потенциального агрессора, чтобы обеспечить всем остальным мир и стабильность	-0,130**
Я готов своими действиями поддерживать общественные инициативы, направленные на предотвращение глобальных катастроф	0,160***

Примечание: *** – $p < 0,001$; ** – $p < 0,01$.

что эффект когнитивного диссонанса может препятствовать адекватному восприятию последствий ядерного удара, вести к упрощенным решениям, снижающим национальную и глобальную стратегическую безопасность.

Очевидно, что субъективная оценка респондентами своей информированности о проблемах ядерного сдерживания не является надежным критерием и может быть завышена. Поэтому мы выбрали три группы студентов, чья специализация влияет на информированность о проблемах ядерного сдерживания и стратегической безопасности, – это международные отношения, психология и ядерная физика (таблица 8.5). Оказалось, что наиболее информированные студенты-международники меньше других склонны считать превентивный ядерный удар способом избежать катастрофы и наименее высоко оценивают вероятность глобальной ядерной войны. Менее информированные студенты-психологи ниже всего оценивают возможность повлиять на вероятность и исход ядерной войны, при этом именно они более всего озабочены ядерной угрозой и более готовы поддержать превентивный ядерный удар.

Таблица 8.5

Отношение к ядерной угрозе у студентов-международников,
студентов-психологов и студентов
физико-технических специальностей

	Международные отношения (N=46)	Психология (N=189)	Физико-технические специальности (N=48)	Значимость различий по критерию Краскела-Уоллиса
Озабоченность риском применения оружия массового уничтожения (ядерного, химического, биологического)	3,58	3,77	3,15	0,01
Все в руках божьих: если суждено быть катастрофе, только от него зависит ее исход	1,94	3,07	1,75	0,006
Лучший способ предотвратить ядерный удар – нанести его первыми. Нужно уничтожить потенциального агрессора, чтобы обеспечить всем остальным мир и стабильность	1,36	2,27	2,04	0,02
Поддержка развития ядерной энергетики	3,36	2,90	3,80	0,001
Общая значимость глобальных рисков	3,33	3,51	3,17	0,002
Вероятность того, что в ближайшие 10 лет будет ядерная война	1,47	1,59	1,66	0,015
Вероятность сценария глобальной ядерной катастрофы (средний ранг)*	3,29	2,80	2,78	0,012

Примечание: * – 1 – наибольшая вероятность, 4 – наименьшая вероятность.

На основе полученных данных можно сделать предположение о том, что, чем менее понятна угроза и чем меньше известно о способах ее предотвращения, тем более радикальные способы ее предотвращения считаются допустимыми. С другой стороны, информированность о развитии международных отношений может приводить к снижению оценки вероятности ядерной войны и переоценке рациональности поведения людей, принимающих стратегические решения.

Мы предполагали, что международная изоляция России в 2014–2016 гг. приведет к повышению оправданности нанесения превентив-

ного удара, росту поддержки гонки ядерных вооружений и повышению иллюзии возможности выжить в ядерной катастрофе. Для того чтобы проверить эту гипотезу, мы уравнили выборки студентов по полу и возрасту с помощью процедуры перевзвешивания. Как видно из приведенных в таблице 8.6 результатов анализа значимых различий, гипотеза подтвердилась лишь частично. Действительно, по сравнению с 2012 г., в 2016 г. студенты более склонны считать применение ядерного оружия допустимым. Однако при этом респонденты 2016 г. значительно ниже оценивают вероятность и неизбежность ядерной войны, более оптимистически оценивают способность политических лидеров действовать рационально и в интересах человечества, более высоко оценивают свою информированность о проблемах ядерного оружия. Динамика изменений социально-психологических характеристик носит противоречивый характер: с одной стороны, выросло число социальных категорий, с которыми идентифицируют себя респонденты, с другой — снизилось доверие к людям. Выросли позитивная оценка своего прошлого и убежденность студентов в способности влиять на свое будущее, ориентация на планирование будущего и протяженность индивидуальной временной перспективы. При этом существенно повысилась выраженность позитивных чувств в связи с принадлежностью к гражданам России, но снизилась готовность задумываться об отдаленном будущем своей страны (в 2012 г. студенты заглядывали в будущее России в среднем на 6–10 лет, в 2016 г. — на 3–5 лет).

Несмотря на то, что по сравнению с 2012 г., в 2014–2016 гг. объективное положение дел в области стратегической безопасности существенно ухудшилось (общая эскалация напряженности в международных отношениях, возобновление ядерных испытаний, размещение ядерных ракет вблизи российских границ и т. д.), студенческая молодежь считает ядерную войну менее вероятной.

Можно предположить, что в условиях патриотического подъема 2016 г., отмеченного российскими социологами¹, произошло не только укрепление позитивной гражданской идентичности, но и повышение уверенности в управляемости рисков, связанных с гонкой вооружений и возможным ядерным противостоянием. Снижение уровня доверия к людям, судя по приведенным нами ранее данным регрессионного анализа, должно было бы повысить оценку вероятности ядерного конфликта. Возможно, этого не произошло благода-

1 Пресс-выпуск ВЦИОМ, 2016, № 3136. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115747>.

Таблица 8.6

Отношение к ядерной угрозе у московских студентов в 2012 и 2016 гг.

	2012 г. (N=200, 50% – мужчины; 50% – женщины, 20 лет)	2016 г. (N=425, 50% – мужчины; 50% – женщины, 20 лет)	Значимость различий по критерию Манна–Уитни
Оправданность применения ядерного оружия	2,1	2,4	0,042
Вероятность того, что в ближайшие 10 лет будет ядерная война	2,1	1,9	0,002
Поддержка развития ядерной энергетики	2,7	2,9	0,003
В случае ядерного кризиса государственные лидеры будут действовать рационально и в интересах всего человечества, они не допустят войны	2,7	3,1	< 0,001
Все в руках божьих: если суждено быть катастрофе, только от него зависит ее исход	2,4	2,1	0,012
Мы не можем ничего сделать с угрозой глобальной катастрофы и сами ее вряд ли переживем	3,3	2,9	0,006
Мы не можем предотвратить угрозу глобальной катастрофы, поэтому нужно успеть сделать как можно больше для окружающих нас людей и человечества	4,1	2,8	< 0,001
Ядерную войну и другие глобальные катастрофы можно предотвратить, если объединить общественность и подталкивать правительства к действиям	2,9	3,7	< 0,001
Оценка собственной информированности о проблемах ядерного оружия в международных отношениях	2,3	2,6	0,001
Негативное прошлое	2,8	3,0	0,012
Гедонистическое настоящее	3,8	3,5	< 0,001

Продолжение таблицы 8.6

	2012 г. (N=200, 50% – мужчины; 50% – женщины, 20 лет)	2016 г. (N=425, 50% – мужчины; 50% – женщины, 20 лет)	Значимость различий по критерию Манна–Уитни
Будущее	3,5	3,7	0,001
Протяженность временной перспективы	6,8	7,2	0,023
Контроль судьбы	2,9	2,8	0,044
Религиозность	3,1	2,9	0,026
Позитивные чувства в связи принадлежностью к гражданам России	3,0	3,8	<0,001
Склонность задумываться о долгосрочном будущем России	5,8	5,6	0,021
Доверие к людям	2,8	2,5	<0,001
Отождествление себя с категорией «Люди вашего возраста»	3,1	3,2	0,05
Число социальных категорий, с которыми себя идентифицирует респондент	3,6	5,0	<0,001

ря укреплению гражданской идентичности, позитивной самооценки и веры в способность влиять на свое будущее.

По-видимому, одним из последствий роста патриотических преживаний перед лицом внешней угрозы и синдрома «осажденной крепости» может быть усиление сверхоптимизма и иллюзии контроля над ситуацией. Сами по себе данные эффекты носят позитивный характер, так как способствуют мобилизации сторонников ядерного разоружения, поддерживают позитивный образ будущего и мирные общественные инициативы. Вместе с тем они же могут привести к недооценке рисков. Мы не знаем, имеет ли место подобный эффект на уровне российских элит, но знаем, что ему может быть подвержен любой руководитель. Сверхоптимизм может сыграть злую шутку с лидерами, которые считают использование ядерного оружия абсолютно недопустимым. Под влиянием патриотических настроений в своей стране и в погоне за тактическими преимуществами стороны постепенно расширяют границы допустимого адекватного ответа на провокации друг друга, так как считают ситуацию управляемой, а поведение руководителей других стран – абсолютно рациональным.

Психологические механизмы распространения ядерного оружия и готовности к его применению

Как показывает исторический анализ, благодаря усилению государств, развитию институтов международных отношений и росту экономической взаимозависимости, за последние 200 лет войны стали менее кровавыми и менее выгодными. Даже с учетом катастрофических потерь во время Первой и Второй мировых войн, ситуация не идет ни в какое сравнение с более кровавыми эпохами, особенно с эпохой Палеолита (Назаретян, 2008; Gat, 2013).

Безусловно, ядерное сдерживание до сих пор играет свою роль в предотвращении третьей мировой войны. Однако история Карибского кризиса и Вьетнамской войны показывает, что ядерное устрашение работает далеко не всегда (Rühle, 2015). В условиях сетецентрической, дистанционной высокоточной войны в качестве инструментов устрашения все чаще используются неядерные виды оружия в сочетании с ядерными. Маломощные тактические ядерные заряды утратили роль орудия устрашения, но сохранили роль символа помощи союзникам и защиты от возможных агрессоров (Suchy, Thayer, 2014). Поэтому, несмотря на фатальность последствий ядерной войны, воз-

возможность использования ядерного арсенала по-прежнему активно эксплуатируется государствами.

Современные военные доктрины строятся на стратегическом сдерживании возможностью превентивного удара при провокации внутреннего вооруженного конфликта и риске распада государства, в котором ядерные и обычные вооружения используются как элементы единой системы (Полегаев, Алферов, 2016; Gat, 2013).

Все это позволяет сделать вывод о том, что преследование радикальных целей уничтожения противника в ядерной войне маловероятно; однако растет вероятность втягивания в ядерную войну через применение неядерного оружия. Иными словами, тактические решения, каждое из которых само по себе воспринимается властью как адекватный ответ на провокации, могут привести к фатальным ошибкам.

Реальные глобальные риски, связанные с ядерным оружием, усиливаются двумя процессами: во-первых, *распространением ядерного оружия* на фоне роста его технической доступности, а во-вторых, участвующей *демонстрацией государствами своей готовности использовать это оружие*. Испытания перспективных вооружений, действия по поддержанию готовности сил и средств к применению напоминают «танцы на краю пропасти» и постоянно испытывают запас прочности технических и человеческих систем безопасности. Следствием обоих процессов становится рост вероятности непреднамеренного срабатывания ядерных установок, попадания их в руки слабых, нестабильных государств, к террористическим организациям и т. п. Необходимые действия в случае ядерного взрыва обсуждаются сегодня всерьез, так как вероятность подобных событий растет (Chauhan, 2010; Davis, 2014).

Ниже мы рассмотрим некоторые из психологических механизмов, влияющих на эти два процесса. Незнание или игнорирование этих механизмов при принятии внешнеполитических решений чревато фатальными ошибками.

Психологические механизмы, лежащие в основе распространения ядерного оружия. Несомненно, существуют объективные факторы распространения ядерного оружия в условиях происходящего сегодня изменения архитектуры международных отношений. Это наличие ядерных стран-соседей, рост нестабильности в регионе, имеющийся у страны научно-технический и ресурсный потенциал и увеличение доступности ядерных технологий, степень интегрированности страны в мировую экономику, затрудненность контроля за соблюдением ДНЯО, подписавшими его неядерными странами,

а также приостановка ядерного разоружения (Тарасов, 2015). Наряду с этими политическими и экономическими факторами можно выделить несколько психологических механизмов, влияющих на распространение ядерного оружия: защита позитивной идентичности, дилемма безопасности и самосбывающиеся пророчества, эффекты фундаментальной ошибки атрибуции и сверхуверенности политического руководства.

Дж. Хайманс хорошо показывает роль механизма поддержания позитивной групповой идентичности в распространении ядерного оружия. Он опирается на пример двух ядерных держав (Франция и Индия) и двух стран, которые могли создать или приобрести ядерное оружие, но отказались от этой возможности (Австралия и Аргентина). К приобретению ядерного оружия склонны политические руководители с особым типом идентичности — «оппозиционные лидеры-националисты», которые, приходя к власти, испытывают одновременно и гордость за свою страну, и чувства фрустрации, унижения несправедливым положением страны на мировой арене. Сами по себе запугивание ядерной угрозой и ужесточение контроля за распространением ядерного оружия только усиливают недовольство сложившимся положением среди лидеров неядерных государств. Путь к снижению ядерной угрозы лежит не через демонстрацию недоверия и наращивание средств обнаружения, а через дипломатию, поддерживающую чувства национального достоинства у лидеров всех заинтересованных государств (Huymans, 2006, 2012, 2013).

Любопытно, почему столь немногие государства захотели и смогли реализовать программы по созданию ядерного оружия и почему такие программы потребовали гораздо больше времени, чем планировалось. На сегодняшний день 95% государств не имеют ядерного оружия и вовсе не потому, что не имеют средств к его созданию или приобретению. Одна из причин кроется в том, что лидеры, ослепленные фрустрацией и гордыней, демотивируют ученых и не могут создать для их работы соответствующих условий (Huymans, 2012).

М. Рубли на примерах государств, отказавшихся от своих программ по созданию ядерного оружия (Японии, Египта, Ливии, Швеции и Германии), показывает, что поведение национальных политических элит объясняется не столько экономическими и политическими факторами, сколько социально-психологическими: изменением первоначальных представлений под влиянием убеждения со стороны других руководителей, конформностью в отношении внутренних культурных и международных правил, идентификацией себя с другими государствами и лидерами. При этом каждая страна

по-своему конструирует образ ядерного оружия и его роли в своем будущем, проходя несколько стадий: сопоставление выгод и рисков от потери неядерного статуса, изменение предпочтений, смена идентификации (Rublee, 2009).

Характеристики государственной идентичности в международных отношениях не являются постоянными. Государственные руководители и дипломаты выбирают идентичности, учитывая расстановку сил на национальной и мировой арене. Так, например, руководители Китая и России вынуждены постоянно разрешать противоречия между образом сильного государства и образом государства, следующего международным нормам; английское правительство вынуждено разрешать противоречие между образом государства, ведущего войну с террором, и образом защитника демократических ценностей (Anstee, 2012).

Действительно, формирование международных норм в отношении гонки вооружений поддерживается процессами социальной идентификации и межгруппового сравнения. Оно тесно связано с поведением ядерных стран, выступающих для международного сообщества «ролевыми моделями» или «референтной группой». Тщательное сопоставление данных, полученных в разных науках, указывает на то, что ориентация стран ядерного клуба на разоружение действительно снижает мотивацию других государств к переходу в статус ядерных держав. Однако, учитывая особенности принятия государственных решений, одного разоружения недостаточно, чтобы остановить распространение ядерного оружия (Кнопф, 2012).

Ядерные программы Ирана и Северной Кореи опасны не сами по себе, поскольку создаваемые ими ядерные заряды по своей мощности не могут идти ни в какое сравнение с оружием ключевых держав ядерного клуба (Hunans, 2013). Психологическая опасность этих программ состоит в том, что они провоцируют руководство других неядерных стран к участию в большой игре на фоне все большей технической доступности средств массового уничтожения.

Следует подчеркнуть, что для запуска ядерной программы недостаточно наличия собственных технических возможностей. Работа над созданием ядерного оружия облегчается благодаря помощи со стороны ядерных государств, экспортирующих мирные атомные технологии.

Так, США помогали Ирану в 1957–1979 гг. и Индии в 2001–2008 гг., СССР экспортировал ядерные технологии в Ливию в 1975–1986 гг., Франция, Италия и Бразилия – в Ирак с 1975 по 1981 гг. Но военную направленность эти мирные программы приобретают тогда, ко-

гда руководство попавших в зависимость стран сталкивается с кризисом в международных отношениях и переживает фрустрацию (Fuhrmann, 2012).

Именно использование чувств уязвленного достоинства, превосходства, недоверия, несправедливости, беспомощности и уязвимости позволяет политическим лидерам оправдать начало военных действий в национальном массовом сознании. Например, именно к этим чувствам апеллировала администрация Дж. Буша, обосновывая необходимость вторжения в Ирак в марте 2003 г. защитой США от террористических атак и ядерного оружия, якобы скрываемого Саддамом Хусейном (Brewer, 2009; Eidelson, 2013).

Демонизация противника легко осуществляется не только в массовом сознании, но и в головах политиков, принимающих решения, так как интерпретация сторонами действий друг друга затруднена известной «*дилеммой безопасности*» (Booth, Wheeler, 2008; Jervis, 1978). Стремясь повысить степень обороноспособности своей страны, руководство принимает решения, которые руководители других стран воспринимают как признаки подготовки к нападению. Так раскручивается спираль эскалации напряженности в международных отношениях. Дилемма безопасности является частным случаем самосбывающихся пророчеств. Наблюдая за словами и действиями друг друга, стороны находят все больше подтверждений своим пессимистическим ожиданиям и все больше опираются на них в собственном поведении, подталкивая к приобретению оружия массового уничтожения.

Политикам крайне трудно отличить государство, принимающее защитные меры в навязанной ему ситуации, от государства, стремящегося к экспансии по воле своего лидера. Это может быть связано с *фундаментальной ошибкой атрибуции*: при объяснении действий личности или группы основное внимание уделяется их внутренним мотивам и чертам, а не особенностям ситуации, в которой те находятся (Росс, Нисбетт, 1999). Объективная ситуация в международных отношениях такова, что для обеспечения собственной безопасности государства вынуждены либо вступать в военные альянсы, гарантирующие поддержку более сильных партнеров, либо наращивать собственные вооруженные силы. Однако воспринимаются эти ситуативно обусловленные действия как проявление личностных особенностей лидеров. Парадокс состоит в том, что для большинства дипломатов и государственных руководителей характерна презумпция собственной невиновности: не учитывая феномена фундаментальной атрибутивной ошибки, они знают, что действу-

ют с целью самозащиты и думают, что это известно всем остальным. Классическим примером в этом отношении является ядерная программа руководства Северной Кореи. Эта программа разрабатывается для защиты политического режима, но воспринимается соседями как подготовка к войне и связывается с личностными особенностями авторитарного лидера страны.

Ошибочная интерпретация руководителями стран намерений друг друга приводит к уже обсуждавшемуся нами эффекту *самосбывающихся пророчеств*: чем более жесткие санкции вводят члены ядерного клуба против Ирана и Северной Кореи, тем больше они убеждают руководство этих стран в необходимости ядерного арсенала. Эта спираль взаимного недоверия раскручивается также благодаря эффекту *сверхуверенности* личности в своих суждениях и прогнозах. В международных отношениях этот эффект выражается в стремлении политиков сбросить со счетов точки зрения и факты, противоречащие выбранной позиции, а также в переоценке своей способности выявлять подлинные намерения, скрытые за действиями руководства других государств (Jervis, 1976). Например, И. В. Сталин в 1941 г. закрывал глаза на очевидные факты, ошибочно полагая, что гитлеровская Германия не начнет войну в ближайшее время.

Точно так же израильское руководство перед атакой египетских и сирийских войск, совершенной во время праздника Йом-Кипур 6 октября 1973 г., не смогло правильно оценить имевшуюся оперативную информацию, будучи убежденным в слабости арабских государств. И наоборот, сверхуверенные сторонники начала войны могут недооценивать готовность другой стороны к сопротивлению (Lebow, 1981). Ярким примером могут служить решение США о введении вооруженных сил в Афганистан, а также российские военные компании в Чечне. Сверхуверенность тесно связана с устойчивостью стереотипов и предубеждений. Например, предубеждение политиков Израиля в отношении абсолютной враждебности арабского мира подтолкнуло их к приобретению и созданию ядерного оружия. Не только решение о приобретении ядерного оружия, но и *принятие решений о демонстрации готовности его применить* находится под влиянием ряда психологических факторов. Важную роль здесь играют *закономерности переработки информации и принятия решений в условиях риска* (см. подробнее в первом параграфе данной главы).

Перед лицом угрозы политические лидеры склонны *упрощать ситуацию*, используя ложные сравнения (Stein, 2013). Так, во время вторжения Ирака в Кувейт Дж. Буш-старший назвал Саддама Хусейна Гитлером, хотя ни намерения, ни возможности этих историчес-

ривается как дилемма между риском войны сейчас и риском войны в гораздо менее благоприятных условиях позже (Levy, 2013). В целом высокая ориентация группы на ближайшее будущее, которую можно выразить формулой «сейчас или никогда», приводит к «зашориванию группового разума» (Kerr, Tindale, 2004). В таких условиях группа становится невосприимчивой к экспертным оценкам и прогнозам, расходящимся с уже сложившимися представлениями и мнением лидера. Иными словами, если решения принимаются в быстро меняющейся ситуации и при высоком риске, их качество зависит от внутригрупповой динамики сильнее, чем от компетентности экспертов или руководителей.

Можно выделить также *социетальные*, т. е. относящиеся к обществу в целом, факторы готовности к применению ядерного оружия. Они связаны прежде всего с давлением со стороны национальных и международных политических и бюрократических групп интересов, а также с влиянием СМИ и общественного мнения на позицию политиков (Allison, 1971; Fiske, Fischhoff, Milburn, 1983). Между тем общественное мнение в отношении ядерной угрозы легко поддается манипулированию. Иными словами, вероятно ситуация, когда в борьбе за власть оппозиционные или политические лидеры попытаются представить нанесение ядерного удара как вынужденный и относительно безопасный для населения страны выход из сложившегося положения.

Отсутствие ядерной катастрофы в автобиографической и коллективной памяти приводит к тому, что она достраивается воображением по аналогии с другими катастрофами, носящими локальный характер, имеющими совсем другие последствия. Построение таких ложных аналогий облегчается киноиндустрией и литературными произведениями постапокалиптического жанра.

Психологические детерминанты готовности к применению ядерного оружия: результаты эмпирического исследования

Чтобы выявить психологические факторы, влияющие на оценку допустимости применения ядерного оружия (таблица 8.7), мы сопоставили ответы студентов московских вузов, считающих, что применение ядерного оружия недопустимо ни при каких обстоятельствах (N=137), и студентов, считающих применение ядерного оружия в исключительных случаях вполне оправданным (N=140).

Оказалось, что убеждение в допустимости применения ядерного оружия сопряжено с уверенностью в неизбежности ядерной войны,

Таблица 8.7

Отношение к ядерной угрозе и допустимость применения ядерного оружия

	Респонденты, считающие, что применение ЯО недопустимо ни при каких обстоятельствах (N=137)	Респонденты, считающие, что применение ЯО в исключительных случаях допустимо (N=140)	Значимость различий по тесту Манна—Уитни
Озабоченность ядерной угрозой	3,2	2,7	0,001
Страх перед ядерной войной	1,8	1,5	0,011
Поддержка гонки ядерных вооружений	2,5	3,1	0,001
Поддержка развития ядерной энергетики	2,5	3,1	0,001
Уверенность в том, что в ближайшие 10 лет будет ядерная война	1,2	3,6	0,012
Вера в то, что ядерная война неизбежна	2,3	2,7	0,008
Ядерную войну можно предотвратить, если пропорционально наращивать арсенал оружия массового уничтожения и поддерживать баланс сил	2,4	2,9	0,003
Лучший способ предотвратить ядерный удар — нанести его первыми	1,3	2,4	0,001
Готовность своими действиями поддерживать общественные инициативы, направленные на предотвращение глобальных катастроф	3,6	3,1	0,010
Федеральное правительство готово к последствиям применения ядерного оружия	2,2	3,7	0,055
Россия хорошо защищена от вероятной ядерной атаки	1,7	4,1	0,001
Глобальную катастрофу можно пережить, если подготовиться к ней заранее (обучать людей навыкам выживания, строить убежища и т. п.)	3,0	3,5	0,004
Я думаю, что смогу выжить в ядерной войне	2,2	3,1	0,001

возможности выиграть ее упреждающим ядерным ударом, возможности выжить в ядерной войне и в защищенности России от вероятной ядерной атаки. Характерно также, что сторонники применения ядерного оружия убеждены в необходимости наращивания ядерного потенциала и менее готовы лично поддерживать общественные инициативы по предотвращению ядерной катастрофы.

По сравнению с женщинами, мужчины более склонны оправдывать применение ядерного оружия (среди сторонников применения ядерного оружия 60% мужчин, среди противников применения — 75% женщин). Анализ статистически значимых различий позволил выявить ряд индивидуально-психологических и социально-психологических особенностей, характерных для сторонников применения ядерного оружия (таблица 8.8).

Как выяснилось, они отличаются более выраженной гражданской идентичностью, мысли о своей принадлежности к россиянам вызывают у них чувства гордости и уверенности, они с оптимизмом смотрят в будущее России. Однако патриотизм сочетается у них с низким доверием к людям и более выраженным социальным цинизмом (низким уровнем доверия к социальным институтам), низким уровнем социального капитала. Они менее готовы отождествлять себя с людьми своего непосредственного окружения (категория «Соседи»), менее рассчитывают на поддержку знакомых при стихийных бедствиях. Ориентация на будущее сочетается у них с верой в предопределенность судьбы, а относительно низкая личностная тревожность и ориентация на гедонистическое настоящее — с негативной оценкой собственного прошлого. Выявленные нами психологические особенности сторонников применения ядерного оружия позволяют предположить, что их идентификация себя с сильной державой выполняет компенсаторные функции, восполняя нехватку эмоциональных связей с другими людьми.

Патриотические чувства в сочетании с низким социальным доверием и верой в предопределенность судьбы объединяются у сторонников применения ядерного оружия с иллюзией возможности выживания в ядерной войне и завышенной оценкой защищенности государства от ядерной атаки. Вместе эти характеристики образуют опасный социально-психологический синдром, повышающий готовность личности оправдывать радикальные, безответственные политические решения.

На наш взгляд, опасность данного синдрома заключается в том, что он повышает подверженность когнитивным искажениям в прогнозах (сверхуверенность, сверхоптимизм, нечувствительность к мас-

Таблица 8.8

Социально-психологические характеристики личности и оценка допустимости применения ядерного оружия

	Респонденты, считающие, что применение ЯО недопустимо ни при каких обстоятельствах (N=137)	Респонденты, считающие, что применение ЯО допустимо (N=140)	Значимость различий по тесту Манна-Уитни
Позитивные чувства в связи принадлежностью к гражданам России	3,6	4,1	0,001
Позитивная оценка будущего России	3,8	4,3	0,000
Значимость будущего России	5,1	5,4	0,027
Личностная тревожность	2,4	2,2	0,000
Негативное прошлое	2,8	3,1	0,024
Гедонистическое настоящее	3,5	3,7	0,028
Будущее	3,7	3,9	0,020
Контроль судьбы	2,7	2,9	0,028
Социальный цинизм	3,0	3,2	0,000
Доверие к людям	2,6	2,3	0,032
Число социальных категорий, с которыми идентифицирует себя респондент	6,0	4,9	0,008
Отожествление себя с категорией «Соседи»	3,0	2,6	0,018
Отожествление себя с категорией «Люди вашего возраста»	3,3	3,1	0,049
Отожествление себя с категорией «Европейцы»	3,5	3,0	0,001
Сколько из знакомых (за исключением родственников), на поддержку которых Вы рассчитываете, в случае, если окажетесь жертвой стихийного бедствия?	22,3	11,3	0,030

штабам потенциальных жертв), облегчает эффекты сдвига к риску и защиты позитивной идентичности при коллективном принятии решений. Выявленный нами синдром повышает уязвимость личности перед манипуляциями общественным сознанием, делает ее вероятной жертвой политических экстремистов, которые в критической ситуации могут сдвигать общественное мнение в направлении рискованных действий.

Особенно важным в этой связи является эффект самоуверенности. Как показал регрессионный анализ, при наличии данного синдрома (фатализм, низкое социальное доверие, низкая личностная тревожность и патриотические чувства), чем более информированными о ядерном сдерживании считают себя респонденты, тем более они склонны оправдывать применение ядерного оружия (см. таблицу 8.9).

Эти данные указывают на парадоксальную зависимость: знакомство сторонников применения ядерного оружия с дополнительной информацией о проблемах ядерного сдерживания в международных отношениях не разубеждает их, а напротив, укрепляет их уверенность в своей правоте. По-видимому, информирование об ужасных последствиях применения ядерного оружия способно поляризовать массовое сознание: одни становятся более озабоченными ядерной угрозой, другие, напротив, еще больше убеждаются в правомочности упреждающего ядерного удара. Это значит, что даже нейтральное, безоценочное обсуждение экспертами ядерной проблематики в СМИ и социальных медиа является обоюдоострым оружием: его легко использовать не только для повышения осознанности глобальных рисков, но и для мобилизации поддержки крайних мер. Дополнительная информация о глобальных рисках может приводить к упрощенному пониманию ситуации, усиливать эффект самоуверенности, сдвигая мнения к крайним, диаметрально противоположным полюсам.

Чтобы определить, при каких ситуациях применение ядерного оружия может найти поддержку в массовом сознании, в 2016 г. мы не только измеряли допустимость применения ядерного оружия, но и просили студентов московских вузов (N=433) назвать обстоятельства, при которых нанесение ядерного удара оправданно (таблица 8.10). Лишь 19,5% респондентов признали применение ядерного оружия допустимым. Среди случаев, в которых применение ядерного оружия допустимо, респонденты чаще всего указывали ответ на ядерный удар другой державы (35% ответивших на вопрос), защиту суверенитета при военном вторжении с использованием неа-

Таблица 8.9
Психологические детерминанты допустимости использования ядерного оружия
(коэффициенты линейной регрессии, N=433, 2016 г.)

Зависимые переменные	Предикторы, β								R²
	Контроль судьбы	Доверие к людям	Позитивная оценка будущего России	Убежденность том, что лучший способ предотвратить удар – нанести его первыми	Личностная тревожность	Число социальных категорий, с которыми себя идентифицирует респондент	Информированность о проблеме ядерного оружия в международных отношениях		
Допустимость применения ядерного оружия	0,159***	-0,130***	0,168***	0,300***	-0,131***	-0,148**	0,121**	0,340	

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; β – стандартизированные коэффициенты регрессии; R² – доля дисперсии.

Таблица 8.10
Представления студенческой молодежи о ситуациях,
в которых допустимо применение ядерного оружия (N=433, 2016 г.)

	Число ответов	% ответов	% респондентов, ответивших на вопрос
Только в ответ на ядерный удар другой державы	39	26,90	35,10
Для защиты суверенитета в случае военного вторжения с использованием ядерного оружия (угроза национальной безопасности, угроза уничтожения страны, для защиты мирного населения)	31	21,40	27,90

	Число ответов	% ответов	% респондентов, ответивших на вопрос
Превентивный удар для предотвращения войны (если другая сторона уже держит руку на пульсе, для уничтожения ЯО противника)	17	11,70	15,30
Для предотвращения глобальной природной или антропогенной катастрофы (падение астероида, эпидемия, зомби-апокалипсис, горящие газовые природные факелы, уничтожение биологического оружия, вышедшего из-под контроля и т.п.)	15	10,30	13,50
Для устранения угрозы терроризма (скопление террористов в одном месте, появление атомного оружия у террористических организаций, удар по стране, которая угрожает всему миру терроризмом)	14	9,70	12,60
При инопланетном вторжении	10	6,90	9,00
При неравенстве сил (силы противника намного превосходят собственные силы, безысходность, при потере большей части территории, критическое положение в ходе ядерной войны)	8	5,50	7,20
В состоянии войны (тактические ядерные удары по стратегическим центрам)	4	2,80	3,60
Прекращение военных действий, для предотвращения еще большего числа жертв	2	1,40	1,80
Когда обстоятельства более опасны, чем последствия применения ЯО	2	1,40	1,80
Для устранения угрозы сепаратизма	1	0,70	0,90
Перенаселение	1	0,70	0,90
Предательство национальных интересов правительством (террор против политической элиты своей страны)	1	0,70	0,90
Всего	145	100,00	130,60

активного риска в ходе принятия стратегических решений и переговоров.

Можно выделить несколько перспективных направлений исследований психологических аспектов стратегической безопасности.

Необходимы социально-психологические технологии повышения коллективной рефлексивности при принятии решений в кризисных ситуациях, характеризующихся угрозой базовым ценностям, дефицитом времени и высокой неопределенностью. Пристального изучения требуют механизмы групповой рефлексии не только в малых группах, но и в больших социальных группах и сетевых сообществах.

Требует уточнения роль социальной идентичности в принятии решения о приобретении и применении ядерного оружия. Мы все еще не имеем ясного представления о том, какие психологические факторы позволяют разрешить противоречие между нормами международного сообщества и стремлением действовать в интересах своей социальной группы (политико-экономической, национальной, религиозной и др.). Особенно важным в этой связи представляется изучение предпосылок глобальной идентичности, способности личности отождествлять себя не только со своим этносом и государством, но и со всем человечеством (Нестик, 2015b). До сих пор в контексте ядерного сдерживания изучались лишь те личностные характеристики руководителей, которые связаны с политическими ценностями, внутригрупповым и межгрупповым взаимодействием. Между тем малоизученной остается роль таких характеристик, как доверие к миру, оптимизм, характеристики временной перспективы. Исследования в области ядерного сдерживания посвящены в основном феноменам безопасности, избегания рисков, сохранения статус-кво. Важным психологическим условием предотвращения катастроф является позитивный образ будущего, способность ставить долгосрочные позитивные цели. Анализ преодоления кризисов показывает: чем более долгосрочные цели мы ставим перед собой при выходе из кризиса, тем больших жертв удастся избежать (Арманд, Люри, Жерихин, 1999). Долгосрочная перспектива позволяет абстрагироваться от частных, сдвигает внимание с анализа затрат на предвосхищение выгоды, подталкивает к позитивным оценка будущего (Нестик, 2014с; Krebs, Rapport, 2012). Психологические исследования свидетельствуют о том, что не алармистский подход, не нагнетание тревоги повышают готовность к действиям по предотвращению глобальных рисков, а постановка позитивных целей, поиск взаимовыгодных решений, повышение самооценки и возможностей для самореализации (Stoknes, 2015). Само по себе запугивание ядерной

угрозой и ужесточение контроля за созданием и распространением ядерных технологий только усиливают недовольство сложившимся положением среди лидеров неядерных государств. Путь к снижению ядерной угрозы лежит не через демонстрацию недоверия и наращивание средств обнаружения, а через дипломатию, поддерживающую чувства национального достоинства у политических элит всех заинтересованных сторон (Huymans, 2006).

Важной задачей остается изучение психологических механизмов формирования межличностного и межгруппового доверия при разных уровнях субъективного риска в ходе принятия стратегических решений и переговоров. Исследования в области организационной психологии и межличностного доверия позволяют предположить, что в кризисных ситуациях критерии доверия и недоверия сторон друг к другу меняются как по значимости, так и по содержанию. Это не может не влиять на практические рекомендации по разрешению кризисных ситуаций в международных отношениях.

По-прежнему мало изучены социально-психологические аспекты ядерного терроризма, т. е. проблема использования ядерного оружия в качестве несимметричного ответа. Между тем вероятность применения оружия массового уничтожения террористическими организациями продолжает расти. Требуют изучения социально-психологические механизмы, провоцирующие формирование гностического мировоззрения, приверженцы которого обретают смысл жизни через уничтожение существующего мира, культуру смерти (Неклесса, 2015; Соснин, Нестик, 2008).

Наконец, дальнейшего изучения требуют психологические факторы, влияющие на оценку допустимости применения ядерного оружия в массовом сознании. Необходимо изучение влияния постапокалиптических фильмов, игр и книг на отношение к ядерной угрозе. В связи с ростом масштабов терактов и других травмирующих катастрофических событий все более пристального внимания требует динамика коллективных эмоциональных состояний и дискурса ненависти, распространяющихся через социальные медиа. Несмотря на богатый опыт изучения коллективных эмоций в малых группах и организациях, собственно психологические исследования макрогрупповых эмоциональных состояний находятся пока в зачаточном состоянии.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

В обществе риска угрозы, возникающие на локальном уровне, быстро превращаются в глобальные и затрагивают большое число различных социальных групп. Рост скорости изменений сложности мира приводит к ускорению жизненных циклов развития групп и организаций, делает их более уязвимыми по отношению к внешним и внутренним вызовам. Социальные, экономические, политические и экологические вызовы XXI в. создают угрозу существования не только организациям, но и крупным сообществам — от городов до этнических групп и государств. Эти обстоятельства делают все более актуальным поиск факторов жизнеспособности как личности, так и различных социальных групп.

Феномен жизнеспособности группы

Под жизнеспособностью в широком смысле этого слова принято понимать устойчивость личности и группы к меняющимся условиям жизнедеятельности. Феномен жизнеспособности оказался в поле внимания психологов еще в 1950-е годы в связи с изучением детей из неблагополучных семей. Позднее исследования жизнеспособности получили развитие в других областях социальных и естественных наук: психологии семейных отношений (Walsh, 2006), социальной географии и экологии (Adger et al., 2005; Barr, Devine-Wright, 2012; Hobman, Walker, 2015; Holling, 1973), психологии малых групп и теории организаций (Bhamra, Dani, Burnard, 2012; Coutu, 2002; Sheffi, 2007; Sutcliffe, Vogus, 2003; Youssef, Luthans, 2007), сетевом анализе (Callaway et al., 2000; Navlakha, Faloutsos, Bar-Joseph, 2015), урбанистике (Vale, 2014; Vale, Campanella, 2005), политологии и макросоциологии (Ахиезер, 1996; Жизнеспособность России, 1996; Скурихин, 2010; Ястребов, Красилова, 2012).

Жизнеспособность личности характеризуется удовлетворенностью жизнью и уверенностью в своей способности влиять на будущее (Рыльская, 2014), самоофективностью, настойчивостью, совладанием и адаптацией, внутренним локусом контроля, духовностью, конструктивными межличностными взаимоотношениями (Махнач, 2014). В психологии личности жизнестойкость понимается как система убеждений человека о себе, о мире и об отношениях с миром, которая позволяет превращать трудности в преимущества через стойкое совладание — инициативное и активное вмешательство в события (Леонтьев, Рассказова, 2006; Maddi, 2006). Ключевыми компонентами жизнестойких убеждений являются вовлеченность, т. е. убежденность в том, что сопричастность к происходящему дает максимальный шанс найти нечто стоящее и интересное для личности; контроль, т. е. убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего; а также принятие риска, т. е. убежденность человека в том, что все, что с ним случается, способствует его развитию (Леонтьев, Рассказова, 2006).

В отличие от индивидуальной жизнеспособности, жизнеспособность группы обеспечивается межличностным и межгрупповым взаимодействием, она не сводима к личностным характеристикам членов группы. Жизнеспособность группы — это совокупность групповых характеристик и процессов, обеспечивающих адаптацию группы к меняющимся, труднопредсказуемым условиям совместной жизнедеятельности.

Жизнеспособность группы опирается как на психологические, так и непсихологические ресурсы, в том числе социально-демографический состав группы, физическое окружение, географические и экологические условия жизнедеятельности, доступ к технологиям, обеспеченность экономическими ресурсами, наличие организационных, законодательных и политических механизмов управления кризисными ситуациями и т. д. С социально-психологической точки зрения жизнеспособность группы — это *отношение членов группы к неблагоприятным условиям совместной жизнедеятельности и к совместной деятельности, направленной на защиту от коллективных угроз и использование возможностей для развития группы*.

Можно выделить несколько компонентов групповой жизнеспособности как социально-психологического феномена: ценностно-мотивационные (позитивные и отчетливые групповые цели, просоциальные ценности, групповое доверие), когнитивные (позитивная групповая идентичность, долгосрочный и позитивный образ коллективного будущего, групповая самоофективность, коллектив-

ная память о совместном преодолении трудностей, представления о сценариях совместной деятельности в кризисных условиях), аффективные (оптимизм, позитивные эмоциональные состояния), поведенческие (нормы, регулирующие просоциальное поведение, взаимную поддержку, изменение ролевой и коммуникативной структуры, организацию внутригруппового и межгруппового взаимодействия в кризисных ситуациях; групповая ретроспективная и проспективная рефлексивность; ориентация на нормы, поддерживающие эмоциональную саморегуляцию группы, совладание с коллективной травмой; предпочитаемые способы использования личных сетей контактов для решения общегрупповых задач).

Психологические факторы жизнеспособности малых групп

Исследования жизнеспособности различных социальных групп и организаций позволили выделить различные категории факторов, влияющих на способность группы противостоять неблагоприятным условиям жизнедеятельности.

В рамках социальной психологии семьи изучается ряд феноменов, по своему смыслу близких к понятию жизнеспособности: жизнестойкость, стабильность, устойчивость и совладание, совместная регуляция поведения как проявление субъектности семьи (Зуев, 2015; Ковалева, 2009, 2015; Махнач, 2012). В основе жизнеспособности семьи лежат позитивные индивидуальные факторы, факторы семейной поддержки и факторы благоприятных условий вне семьи (Махнач, Постылякова, 2013). Исследования семей в трудных экономических условиях позволили выделить три категории групповых характеристик, которые являются факторами жизнеспособности: систему коллективных представлений, особенности организации совместной жизнедеятельности группы, обеспечивающие взаимную поддержку и взаимодействие с другими группами, а также характеристики внутригрупповых коммуникаций (Mullin, Arce, 2008; Walsh, 2002, 2006). Система коллективных представлений включает в себя ценности заботы друг о друге и позитивный образ будущего, например, это вера семьи беженцев в то, что они смогут вернуться к нормальной жизни. Под организацией совместной жизнедеятельности подразумевается участие членов семьи в регулярных семейных ритуалах, способы поддержки друг друга, гибкое распределение ответственности. Важной особенностью коммуникаций в жизнестойких семьях является способность открыто обсуждать возникающие трудности. Эти предпосылки жизнеспособности превращают даже неожиданные стрес-

совые события в фактор развития семьи: они способствуют обогащению отношений и большей сплоченности (Куфтяк, 2014).

При этом исследователи склоняются к той точке зрения, что жизнеспособность является процессом адаптации личности и группы к трудностям, а не стабильной характеристикой (Conger, Conger, 2002; Luthar, Cicchetti, Becker, 2000). В ответ на стрессовые воздействия ресурсы семьи каждый раз переструктурируются, обеспечивая способы совладания, которые разрешают возникшую проблему (Махнач, Постылякова, 2013). Как отмечает К. Б. Зувев, структура стабильности семьи не имеет четко выраженной иерархии, значимость компонентов стабильности различается в разных семьях и на разных стадиях развития семейных отношений (Зувев, 2015).

В социальной психологии малых групп жизнеспособность рассматривается как способность группы к эффективной совместной деятельности в условиях высокой неопределенности, при неблагоприятных, стрессовых и экстремальных условиях. Исследования социально-психологических факторов успешности совместной деятельности в условиях стресса ведутся уже несколько десятилетий (Сарычев, 2008, 2011; Сарычев, Чернышев, 2000). Тем не менее разработка понятия жизнеспособности малой группы в социальной психологии началась относительно недавно и связана прежде всего с ростом неопределенности и скорости изменений в современных организациях (Meneghel, Martínez, Salanova, 2016; Sharma, Sharma, 2016).

Согласно концепции, развиваемой С. В. Сарычевым, надежность группы — это системное интегральное качество группы, актуализирующееся в напряженных и экстремальных ситуациях совместной деятельности. Можно выделить несколько факторов надежности группы: оптимизация групповой структуры с приоритетом направленной активности; развитие способности группы к ориентировке; самоуправляемость группы в сохранении организационного порядка; специфическая структура лидерства, в которой выделяются и дополняют друг друга стратегические и тактические лидеры; адекватная нравственно-позитивная реакция на ошибки членов группы в совместной деятельности (Сарычев, 2008). Среди компонентов надежности важнейшим является групповое сознание: единство мнений, принятие групповых целей, обобщенная и адекватная оценка условий совместной деятельности, полнота образа группового поведения и поведения каждого индивида на всех этапах осуществления совместной деятельности (Сарычев, 2011). Важную роль в формировании надежности группы играют групповая мотивация (способность членов группы согласованно и быстро актуализировать свои

чувства и волю, слить их в единое эмоционально-волевое состояние), общность образа организационных межличностных отношений (способность индивидов отражать представление всей группы о своих членах и характере их взаимодействия), социальная установка на обогащение организационных отношений в группе (оптимизацию распределения ролей, гибкое изменение взаимодействия членов группы), волевая и эмоциональная саморегуляция группы (различные способы поддержки друг друга, поддержание хорошего настроения), социальная установка на успешное преодоление трудностей, активное обращение к групповому опыту совместной деятельности, развитие способности к ориентировке (большое внимание согласованию предстоящих совместных действий, тщательная разработка плана совместной деятельности).

В зарубежных исследованиях групповая жизнеспособность понимается как динамичный социально-психологический процесс, защищающий членов группы от потенциального негативного воздействия внешних стрессовых условий совместной деятельности (Morgan, Fletcher, Sarkar, 2013). Жизнеспособность группы связывается с процессами социальной интеграции, выражением которых является социальный капитал группы – внутригрупповое доверие, развитые сети личных контактов, наличие «общего языка» и разделяемых членами группы представлений о совместной деятельности и мире (Lewis, Donaldson-Feilder, Pangallo, 2011; Morgan, Fletcher, Sarkar, 2013), а также общих знаний и идей, которыми обмениваются члены группы (Carley, 1991). Так, жизнеспособные команды инновационных предпринимателей характеризуются креативностью, доверием, гибкостью договорных отношений, ориентацией на взаимную поддержку и ценность межличностных отношений вне прямой зависимости от достижения экономических целей (Blatt, 2009). Жизнеспособность американских авиакомпаний, быстрее других восстановившихся после терактов 11 сентября, была основана на позитивных, долгосрочных межличностных отношениях в командах (Gittell et al., 2006). Исследования, проведенные в проектных группах, показывают, что стабильность их состава и устойчивые личные контакты прямо связаны с эффективностью обучения на совместном опыте и координацией совместных действий, более высокой способностью команд к инновациям и выводу новых продуктов на рынок (Yanqing, 2014). Вместе с тем связь между стабильностью состава групп и эффективностью принятия решений носит нелинейный характер. Полное отсутствие изменений в составе команды на протяжении проекта снижает внимание группы к деталям ситу-

ации, способность вырабатывать альтернативные пути решения задачи (Slotegraaf, Atuahene-Gima, 2011).

Как подчеркивает известный исследователь в области стратегического менеджмента Г. Хэмел, «жизнестойкость — это не ответ на разовый кризис и не намерстывание упущенного, это способность изменяться до того, как ситуация станет безнадежно очевидной» (Hamel, Välikangas, 2003, p. 53–54). В исследовании Д. Анконы и Х. Бресмана способность команд эффективно действовать в условиях высокой неопределенности получила название синдрома «X-команды». Под такими командами понимаются инновационные группы, ориентированные на предпринимательское поведение и адаптивность, эффективно управляющие внутренними и внешними отношениями, обеспечивающие внедрение разработанных ими идей, а также способные гибко менять свою структуру и состав в зависимости от стадии работы над задачей (Ancona, Bresman, Kaufer, 2002). Согласно модели Анконы и Бресмана, можно выделить несколько основных факторов способности команды к работе в условиях неопределенности. Во-первых, это внешняя деятельность, т. е. отслеживание и сбор новых идей в компании и у конкурентов, создание коалиций и лоббирование интересов команды в отношениях с высшим руководством, а также использование членами команды своих личных связей с сотрудниками других подразделений организации для координации командных усилий. Во-вторых, это оптимизация внутригруппового взаимодействия, под которой подразумевается проведение совещаний по обмену опытом и разработке видения будущего, прозрачность процедур принятия совместных решений, единые ритм и сроки работы, групповые договоренности о приоритетах или «эвристики», помогающие принимать решения в условиях неопределенности, а также своевременное получение и обновление информации. В-третьих, это готовность команды менять основную точку приложения своих усилий в зависимости от трех стадий своего жизненного цикла: 1) исследования альтернативных направлений; 2) разработки инновационных идей; 3) экспортирования, т. е. передачи своих идей и накопленных знаний другим командам. Каждая из трех фаз требует различного сочетания ключевых компонентов распределенного лидерства, когда руководство распределено по всем уровням компании, а каждый участник команды может брать на себя функции лидера в зависимости от решаемой задачи. К этим компонентам относятся функции осмысления контекста совместной деятельности, установления связей, разработки командного видения будущего, а также поиска новых способов совместной работы при реализации

этого видения. В-четвертых, это особенности групповой структуры и членства (так называемые X-факторы): разветвленные социальные сети членов команды и умение их использовать, гибкая групповая структура, а также высокая проницаемость групповых границ, допускающая включение в команду новых членов. В зависимости от этапа работы и стадии жизненного цикла команды ее члены могут занимать различное положение: в ядре команды, которое является носителем стратегических целей, ценностей и коллективной истории; в операционном ярусе, который выполняет текущую работу; во внешнем ярусе, состоящем из экспертов, привлекаемых под конкретную задачу (Анкона, Бресман, 2009).

Согласно подходу, предложенному Ш. и С. К. Шармой, в структуре командной жизнеспособности выделяются такие феномены, как ориентация на извлечение уроков из совместного опыта, ориентация на гибкое изменение подходов к организации совместной работы, развитая сеть личных контактов, наличие общего языка и стремления понять точку зрения друг друга, соответствие размера, состава группы и распределения ролей решаемой задаче, четкие групповые нормы, уверенность группы в способности справиться с задачей (Sharma, Sharma, 2016). Серия фокус-групп и анализ кейсов, проведенные П. Морганом, Д. Флетчером и М. Саркаром среди элитных спортивных команд, позволили им выделить пять социально-психологических процессов, поддерживающих жизнеспособность команды: механизмы трансформационного лидерства, развитие распределенного лидерства и совместной ответственности за командный результат, постоянное обучение на совместном опыте, укрепление групповой идентичности и поддержание позитивных коллективных эмоций (Morgan, Fletcher, Sarkar, 2015).

Психологические факторы жизнеспособности организаций

Выживание организаций и трудовых коллективов в условиях ускоряющихся изменений становится все более актуальной проблемой для всех заинтересованных сторон — акционеров, менеджмента и наемных работников. Так, например, непрерывно сокращается средняя продолжительность существования компаний, входящих в рейтинг S&P 500. В 1935 г. она составляла 90 лет, в 1958 — 61 год, в 1980 — 25 лет, а в 2016 составляет 14 лет. От 50 до 75% компаний, входящих в этот рейтинг, уступят место новым игрокам рынка в ближайшие 10 лет (Foster, 2012; Anthony, Viguerie, Waldeck, 2016). Сокращается средняя продолжительность работы сотрудника в одной организации, про-

исходит переход от постоянных трудовых коллективов к краткосрочным проектным группам. Члены одних групп одновременно включены во множество других (Bertolotti et al., 2015).

В области исследований жизнеспособности организаций можно выделить два направления (Richtnér, Löfsten, 2014). В первом из них жизнеспособность понимается как способность организации восстановиться после неожиданных и неблагоприятных внешних воздействий (Goldstein, 2011; Goffin et al., 2014). При этом основное внимание уделяется способности группы и организации отвечать на угрозы своему существованию. Во втором подходе жизнеспособность рассматривается как способность позитивно адаптироваться к изменениям, способность к реализации своего инновационного потенциала, созданию и использованию возможностей для развития (Hamel, Välikangas, 2003; Richtnér, Löfsten, 2014).

Исследования указывают на несколько факторов, поддерживающих способность организации предвидеть неблагоприятные изменения и адекватно реагировать на них (Hopkin, 2014). Исследование 8 организаций из различных отраслей, в ходе которого были проведены 80 полуструктурированных интервью с руководителями и сотрудниками, позволило выявить пять черт жизнестойкой организации. Во-первых, это сканирование рисков и возможностей, т. е. способность организации предвидеть проблемы и выстроенная система раннего предупреждения, основанная на контактах с подрядчиками, партнерами и приобретателями франшизы, а также на быстром извлечении уроков из совместного опыта. Во-вторых, это диверсифицированные активы, обеспечивающие гибкость при использовании новых возможностей и ответе на неблагоприятные изменения. В-третьих, система внутрикорпоративных коммуникаций и разветвленные личные сети контактов, через которые информация о рисках быстро передается лицам, принимающим решения (Atkins et al., 2011; Hopkin, 2014). Как подчеркивают авторы исследования, жизнеспособность организации в конечном счете определяется доверием между заинтересованными сторонами бизнеса и требует лидеров, способных связать друг с другом и собрать инвесторов, поставщиков, партнеров и руководителей для совместного поиска решений в трудной ситуации (Goffin et al., 2014).

Обследование организаций из списка Fortune 500 с более чем столетней историей показало, что наиболее «живучими» и способными к изменениям оказываются компании, где ценятся консерватизм в финансовых вопросах, чувствительность к внешнему миру, чувство собственной корпоративной уникальности и терпимость к новым

идеям и различию во мнениях. В таких компаниях люди ценятся больше финансовых и материальных активов, к ошибкам относятся как к возможностям обучения, стимулируется создание сообществ и развитие горизонтальных связей (де Гиус, 2004).

Исследование, проведенное среди 105 европейских компаний, показало, что успешность на сложных и труднопредсказуемых рынках связана как со стратегической гибкостью (способностью замечать изменения и быстро реагировать на них), так и с устойчивостью системы управления (четкость организационных целей, постоянство корпоративных ценностей и принципов в принятии решений). Наличие ясных целей, четкой и устойчивой организации позволяет компании сосредоточиться на экспериментировании и успешно управлять внедрением инноваций. Напротив, в организациях с запутанной структурой и культурой, поощряющей постоянное нарушение правил, инновации захлебываются в хаосе и авралах (Линдгрэн, Бандхольд, 2009). Выживание в эпоху быстрых перемен требует устойчивых ценностей при постоянно меняющейся стратегии. М. Линдгреном и Х. Бандхольдом были выявлены три фактора, влияющих на способность организации к предвидению будущего: «стратегическое мышление», «игра» и «созидание корпоративной культуры». Организации с развитым стратегическим мышлением раньше других обнаруживают изменения и разрабатывают сценарии развития событий. Компании, владеющие искусством «игры», быстро адаптируются к будущему через импровизацию, постоянное экспериментирование и обучение на собственном опыте. Наконец, компании с сильной корпоративной культурой устойчивы к изменениям благодаря поддержке доверия и внутрикorporативных сообществ, командного духа и высокой приверженности сотрудников долгосрочному видению (Линдгрэн, Бандхольд, 2009; Lindgren, 2012).

В структуре организационной жизнеспособности выделяют структурные, когнитивные, коммуникативные и эмоциональные составляющие (Richtnér, Löfsten, 2014; Sutcliffe, Vogus, 2003). Под структурными компонентами понимается наличие четких целей и стандартов, финансовых ресурсов, достаточных полномочий для совместного поиска решений в затруднительных ситуациях. Под когнитивными компонентами понимаются ценности и групповые нормы, облегчающие поиск решений в нестандартных ситуациях, а также наличие необходимых знаний и навыков для действия в сложных ситуациях (Richtnér, Löfsten, 2014; Sutcliffe, Vogus, 2003). Коммуникационные ресурсы – это прежде всего развитые сети личных контактов между руководителями, сотрудниками и внешними экспер-

тами, представителями подрядчиков, партнеров и клиентов. Такие сети позволяют быстро мобилизовать необходимый опыт и новые идеи, а также своевременно получать информацию о слабых сигналах приближающихся изменений (Lengnick-Hall, Beck, Lengnick-Hall, 2011). Наконец, эмоциональные компоненты отражают организационный климат, оптимизм, уровень организационного доверия, уверенность в том, что все вовлеченные стороны намерены сделать все возможное для решения проблемы.

Одним из ключевых условий выживания организации в условиях высокой неопределенности сегодня признается укрепление процессов коллективного диалога, осмысления и рефлексивности (Mack, 2013; Treuer, 2011). Если групповая рефлексия повышает способность управленческой команды адаптироваться к меняющимся условиям (стратегическую гибкость), то групповая идентификация на основе позитивного образа будущего выполняет совсем другую функцию — повышает приверженность совместным целям, несмотря на меняющиеся условия совместной деятельности. Иными словами, сформированное лидерами видение мотивирует и сплачивает коллектив, одновременно ослепляя его, усиливая эффекты группового давления и сдвига к риску. Групповая рефлексивность, напротив, делает группу более чувствительной к информации, противоречащей коллективным базовым убеждениям. Несмотря на разнонаправленность этих процессов, они тесно связаны друг с другом: групповая рефлексия в отношении долгосрочного будущего возможна лишь при сохранении позитивной групповой идентичности.

Противоречивую роль в поддержании жизнеспособности группы играют панические и тревожные коллективные состояния, возникающие при дефиците информации и воспринимаемой угрозе существованию группы. Это один из видов групповых эмоциональных состояний, возникающих под влиянием групповой идентификации, обмена переживаниями в межличностной коммуникации, сравнения членами группы своих переживаний друг с другом, а также эмоционального заражения (Rhee, 2009; Zhang et al., 2013b). С одной стороны, тревожные состояния выполняют мобилизующую функцию, обостряя внимание коллектива к угрозам. С другой стороны, они запускают защитные групповые механизмы, призванные сохранить позитивную идентичность: идентификация смещается на совместное прошлое, тогда как будущее оценивается негативно. Как показывает анализ предшествующих исследований, тревога по поводу будущего сужает внимание группы при принятии решений, снижает групповую креативность, одновременно повышая критичность чле-

нов группы по отношению друг к другу (Rhee, 2009). Таким образом, нагнетание тревоги по поводу будущего препятствует формулированию отчетливых и долгосрочных целей совместной деятельности и снижает жизнеспособность группы. Напротив, позитивные коллективные эмоции облегчают преодоление кризисов членами группы, повышая эффективность взаимодействия и стимулируя поиск нестандартных решений (Kaplan, Laport, Waller, 2013).

Жизнеспособность крупных социальных групп

В рамках теории устойчивого развития жизнеспособность группы изучается как способность локальных сообществ отвечать на глобальные угрозы, такие как изменение климата и исчерпание природных ресурсов (Dale, Newman, 2006; Barr, Devine-Wright, 2012). Жизнеспособность рассматривается как умение системы абсорбировать раздражители и так преобразовывать себя в ответ на изменения, чтобы сохранить те же структуру, идентичность и контуры обратной связи (Walker et al. 2004). Подчеркивается, что важным условием жизнестойкости является формирование позитивного коллективного образа будущего после кризиса (Hopkins, 2008).

К этой традиции примыкают исследования жизнеспособности городов. С одной стороны, жизнеспособность города определяется его привлекательностью для жизни, т. е. качеством среды жизнедеятельности человека и потенциалом городского развития (Муратова, 2015). С другой стороны, жизнеспособность города – это способность городского сообщества отвечать на угрозы своему существованию. Как подчеркивает Л. Вейл, жизнеспособность города определяется прежде всего ответом различных категорий жителей на вопрос о том, выживет ли он после потрясений: оправится ли Новый Орлеан от последствий урагана Катрина; сможет ли Гаити восстановиться после землетрясения 2010 года и т. п. (Vale, 2014). В этом отношении жизнеспособность группы обеспечивается механизмами самосбывающегося пророчества. В известной степени это выбор членов группы между двумя позициями: «Нужно уезжать» или «Здесь у нас есть будущее».

Понятие жизнеспособности используется также в исследованиях, посвященных крупным социально-демографическим группам. Согласно И. М. Ильинскому, жизнеспособность поколения – это способность выжить и развиваться в ухудшающихся условиях социальной и природной среды, воспроизвести и воспитать потомство, не менее жизнеспособное в биологическом и социальном планах

(Ильинский, 2001). П. И. Бабочкин выделяет факторы жизнеспособности поколения молодежи как социально-возрастной группы: физическое здоровье и способность к простому или расширенному воспроизводству здорового потомства; наличие просоциальных ценностей, объединяющих поколение; интегрированность молодежи в производственно-экономическую, социально-политическую, духовно-культурную и социально-бытовую жизнедеятельность общества; наличие внутриспоколенческих и межпоколенческих социальных связей (Бабочкин, 2000; Нестерова, 2010).

По-видимому, можно говорить о жизнеспособности страны. С точки зрения А. С. Ахиезера, жизнеспособность государства – это умение отвечать на новые вызовы истории, преодолевая противоречие между культурными программами разных социальных групп, стремящихся к самосохранению и придерживающихся разных моделей жизнеспособности. Поэтому жизнеспособность российского общества зависит от способности к межгрупповому диалогу и рефлексии коллективного прошлого (Ахиезер, 1996). А. А. Скляров выделяет три условия жизнеспособности страны: духовно-нравственное состояние, созидательная энергия и демографический капитал (Скляров, 2013). Г. А. Ястребов и А. Н. Красилова трактуют жизнеспособность общества как степень реализации потребностей населения в безопасности, образовании, здоровье, самореализации, демографическом и социальном воспроизводстве. При этом важными факторами жизнеспособности признается сплоченность общества и его способность противостоять распространению девиантного поведения (Ястребов, Красилова, 2012).

Нельзя не заметить, что при изучении таких разных социальных групп, как семья, малая группа и организация, выделяются схожие компоненты жизнеспособности. Во всех рассмотренных нами исследованиях так или иначе можно выделить несколько ключевых составляющих жизнеспособности группы: 1) жизнестойкие коллективные представления (в том числе уверенность группы в способности справиться с трудностями, долгосрочный позитивный образ будущего), сильная и позитивная групповая идентичность; 2) групповой социальный капитал (сети личных контактов, высокий уровень внутригруппового доверия, групповые нормы и ритуалы взаимной поддержки и совместного принятия решений); 3) групповая рефлексивность (ориентация на извлечение уроков из совместного опыта и обмен знаниями, готовность изменить подходы к организации совместной жизнедеятельности); 4) механизмы поддержания позитивных коллективных эмоций.

Групповая временная перспектива как фактор жизнеспособности группы

Исследования в области психологии индивидуальной жизнеспособности показывают, что люди с высокой жизнеспособностью обладают высокой компетентностью во времени, воспринимают свое настоящее как неразрывно связанное с прошлым и будущим (Рыльская, 2009а). Жизнеспособность личности связана со способностью ставить и удерживать долгосрочные цели, строить новые планы их достижения, если предыдущие оказались неуспешными (Махнач, 2014). Долгосрочность временной перспективы, особенности отношения членов группы к прошлому, настоящему и будущему играют важную роль и в формировании жизнеспособности группы.

Одним из первых на связь между жизнеспособностью и временной перспективой указал К. Левин в 1942 г. в статье «Временная перспектива и моральный дух» (Левин, 2000). Поводом для написания этой блестящей работы послужило изменение еврейского самосознания в период фашистского геноцида. Анализируя причины устойчивости социальной группы перед лицом внешних угроз ее существованию, Левин показал важную роль протяженности, связности и реалистичности временной перспективы: углубление своей истории (группового нарратива) в прошлое и будущее, расширение временного горизонта, в котором осмысливается происходящее, оказывается ценным личностным и групповым ресурсом выживания.

Для жизнеспособности группы важное значение имеет не только отношение членов группы к коллективному будущему, но и их отношение к совместному прошлому. Социальная группа, не помнящая свое прошлое и не поддерживающая память об отдаленных позитивных исторических событиях, теряет способность к выживанию в трудных условиях. Одной из важнейших функций коллективной памяти является поддержание позитивной групповой идентичности. Исследования представлений о значимых событиях и фигурах российской истории в больших социальных группах показывают, что ключевое место в коллективной памяти занимают те события, которые поддерживают позитивную идентичность группы (Емельянова, 2009; Емельянова, Кузнецова, 2013; Кузнецова, 2013). Исследования в области психологии времени свидетельствуют о том, что негативное отношение личности к своему прошлому снижает ее адаптивность к изменениям, способность к успешному совладанию с кризисом (Сырцова, 2008; Zimbardo, Boyd, 2008).

На групповом уровне негативное отношение к своему прошлому может провоцировать кризис идентичности, облегчать распространение социальных страхов, ксенофобии и аномии. Необходимость сохранения позитивной идентичности подталкивает социальные группы к формированию представлений о прошлом, которые поддерживают положительную самооценку. Например, один и тот же факт из истории вооруженного конфликта может освещаться в школьных учебниках истории совершенно по-разному в зависимости от того, в какой стране-участнице конфликта они написаны (Ферро, 1992). Отношение к своему прошлому в значительной степени определяет способность общества и отдельных его представителей справляться с возникшими в настоящем экономическими, социально-политическими и бытовыми трудностями (Емельянова, 2006, 2009).

Коллективная память как малых групп (например, управленческих и проектных команд), так и крупных социальных групп (например, этно-религиозных, социально-политических, социально-экономических) является важным фактором жизнестойкости, надежности и адаптивности группы. Неслучайно одним из инструментов психологической войны является целенаправленное сужение временного горизонта противника, ослабление его коллективной памяти. Для этого существует большое количество стратегий и тактик: интенсивное распространение информации об эмоционально значимых событиях недавнего прошлого; ограничение доступа к источникам информации об отдаленном историческом прошлом социальной группы; девальвация ценности прошлого для выживания в новых условиях, демонстрация принципиальной несопоставимости исторического опыта и реалий сегодняшнего дня; введение цензуры в контролируемых СМИ на проведение исторических параллелей между сегодняшними трудностями и трудностями, успешно преодоленными в прошлом.

Значимость позитивной оценки прошлого и ориентации на будущее для жизнестойкости личности подтверждена исследованиями с использованием Стэнфордского опросника временной перспективы. В основе этих работ лежит концепция сбалансированной индивидуальной временной перспективы, разработанная Зимбардо.

Сбалансированная временная перспектива характеризуется высокой ориентацией на позитивное прошлое, а также умеренно высокой ориентацией на будущее и гедонистическое настоящее при низкой ориентации на фаталистическое настоящее и негативное прошлое. Многочисленные исследования указывают на связь сбалансированной временной перспективы с осмысленностью жизни, субъектив-

ным благополучием, оптимизмом, позитивной аффективностью, устойчивостью к стрессам (Сырцова, 2008; Boniwell, Osin, Sircova, 2014; Zhang, Howell, Stolarski, 2013a; Zimbardo, Boyd, 2008).

Наши собственные исследования свидетельствуют о том, что социальные группы с позитивным отношением к совместному прошлому, настоящему и будущему характеризуются более высокой социальной интеграцией (уровень доверия и приверженности), более долгосрочной ориентацией при планировании и большей уверенностью в способности влиять на свою судьбу.

Гипотеза о существовании сбалансированной групповой временной перспективы, подтвердившаяся при исследовании отношения к времени в организациях, находит свое подтверждение и при исследовании больших социальных групп: позитивное отношение членов группы к коллективному прошлому, настоящему и будущему прямо связано с позитивной групповой идентичностью, просоциальными установками и доверием к социальным институтам (Нес-тик, 2014с, 2015а).

Огромное значение для жизнеспособности группы имеет долгосрочная ориентация ее членов, наличие отдаленных позитивных целей. Примечательно, что среди экономистов все большее признание получает точка зрения, согласно которой краткосрочная временная перспектива пагубна не только для жизнеспособности компании, но и для рынка в целом (Martin, 2015; Sinfield, Trotter, 2016). В январе 2016 г. на Давосском экономическом форуме шесть крупнейших глобальных пенсионных фондов, а также такие компании, как Barclays и Unilever, объявили о создании нового индекса долгосрочности корпоративных инвестиций — S&P Long-Term Value Creation Global Index. Индекс призван изменить стандарты поведения руководителей компаний и инвесторов через примеры успешных долгосрочно ориентированных компаний (Forelle, Benoit, 2016).

Наши исследования показывают, что готовность управленческих команд организаций к постановке долгосрочных целей, готовность обсуждать долгосрочные возможности и риски связаны с уровнем группового доверия, позитивными коллективными эмоциональными состояниями, позитивной групповой идентичностью (Нес-тик, 2014b, 2015а).

Между долгосрочностью временной перспективы и процесса социальной интеграции существует прямая взаимосвязь, эти феномены поддерживают друг друга. Исследования, проведенные нами среди студенческой молодежи, показывают, что оптимизм по отношению к будущему способствует формированию позитив-

ного социального капитала, облегчающего социальный обмен «поверх границ», т. е. между представителями различных социальных групп. Напротив, чем более негативным представляется испытываемым их будущее, тем выше уровень негативного социального капитала («связи для своих»), ниже уровень доверия к незнакомым людям и однороднее социальная сеть. Можно предположить, что ожидание трудностей заставляет наших испытуемых опираться прежде всего на сильные связи, доверительные, проверенные временем дружеские контакты. Возможно, именно самооценка и образ будущего выступают ключевыми регуляторами активности личности в расширении своей социальной сети за счет слабых связей, поверхностных знакомств. Чем выше социальная интеграция (доверие в сообществе, объем и разветвленность социальной сети его представителей), тем выше ориентация на поддержание долгосрочных отношений и тем более протяженным оказывается горизонт планирования будущего (Нестик, 2016d; Солдатова, Нестик, 2010).

Образ будущего в условиях неопределенности выполняет функцию преадаптации (Асмолов, 2015; Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2017), так как в большей или меньшей степени поддерживает многовариантность сценариев развития событий, служит запасом исторических альтернатив для стратегического диалога. Проявление готовности к диалогу предполагает долгосрочную перспективу отношений, ориентацию на будущее и оптимизм. Из исследований в области этологии и эволюционной динамики мы знаем, что кооперация и альтруизм являются выигрышными стратегиями только в долгосрочной перспективе (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2013; Боулз, 2011; Axelrod, 1990; Eibl-Eibesfeldt, 2000; Novak, Highfield, 2010). Природоохранное, ресурсосберегающее поведение связано с ориентацией на будущее (Corral-Verdugo, Fraijo-Sing, Pinheiro, 2006). Ориентация на настоящее и ближайшее будущее не располагает к выстраиванию отношений, она подталкивает к компромиссу, доминированию или уклонению от взаимодействия. Именно перспектива долгосрочных, а не однократных отношений создает условия для заинтересованности сторон в прояснении интересов друг друга, расширяет число потенциальных точек соприкосновения, повышает жизнеспособность группы.

Эксперименты, проведенные в рамках психологии социальных ситуаций, показывают, что субъективно переживаемый дефицит времени, когда временная перспектива сужена до границы между настоящим и будущим, резко повышает вероятность агрессии и снижает готовность личности к альтруистическому поведению (Cates et al., 1996; Darley, Batson, 1973). Исследования групповой динамики

ки свидетельствуют о том, что при сужении временной перспективы у членов группы повышается потребность в определенности, простых и окончательных решениях; возрастает стремление к единству мнений и предпочтений, групповое давление и конформность, снижающие способность группы принимать нестандартные решения в трудных ситуациях (Kruglanski et al., 2002). В целом высокая ориентация группы на ближайшее будущее, которую можно выразить формулой «сейчас или никогда», приводит к «зашориванию группового разума», т. е. к снижению внутреннего разнообразия, ориентации на авторитарное лидерство и сложившиеся групповые нормы (De Grada et al., 1999; Kerr, Tindale, 2004).

Рост социальной напряженности и ослабление жизнеспособности общества сопровождается снижением долгосрочной ориентации, негативной оценкой будущего, выраженной ориентацией на прошлое. Об этом убедительно свидетельствуют эмпирические исследования отношения к времени у жителей стран постсоветского пространства в 1990-е годы (Муздыбаев, 2000; Наумова, 1997; Нестик, 2011; Попова, 1999). Всплеск националистических движений и ксенофобии в России 1990–2000-х характеризовался преувеличенно позитивной оценкой прошлого и глубоко пессимистическими, негативно-фаталистическими ожиданиями относительно будущего (Гудков, 2000а; Нестик, 2014с). Заметим, что апокалиптическая художественная литература и соответствующие компьютерные игры и сегодня пользуются у российской молодежи высокой популярностью. Большая часть данной литературы может быть отнесена к образцам речи ненависти. В произведениях этого жанра будущее России предстает как война всех против всех, здесь в изобилии можно найти подробные описания межнациональной розни и массовых убийств (ряд книг проектов «Метро 2034» и «Сталкер», книги «Мародер» и «Мститель», вышедшие под псевдонимом Беркем аль Атоми и др.).

Представление личности об общей судьбе, общности своего будущего и будущего других индивидов и групп является одним из ключевых условий внутригрупповой и межгрупповой интеграции (Campbell, 1958). Как и у коллективной памяти, у коллективного образа будущего есть ряд важнейших социально-психологических функций: консолидирующая, целеобразующая, функция поддержания позитивной социальной идентичности, функция адаптации к новому, социальным изменениям, функция унификации автобиографических траекторий и др.

Как известно, утрата веры в будущее является одной из причин кризиса коллективной идентичности (Хёсле, 1994). Связь страха пе-

ред будущим и ксенофобии усиливается в обществе риска. Согласно У. Беку, человеку очень сложно ориентироваться в современном мире, ибо тенденция такова, что мир близких людей сужается, а чуждые сообщества, о которых известно немного, становятся все опаснее. Понятие «чужого» обретает невиданную мощь и силу потому, что все мы сталкиваемся с вызовами и неопределенностями, которые делают людей чужими друг для друга (Бек, 2008). Это порождает страх, непринятие и ксенофобию – новые угрозы существованию группы, для управления которыми необходимо целенаправленно формировать критический и в то же время позитивный коллективный образ будущего.

Укрепление жизнеспособности российского общества требует целенаправленного формирования позитивного образа будущего России. В сфере СМИ и социальных медиа необходимо стимулировать издательские, телевизионные и интернет-проекты, ориентированные на диалог о прошлом и будущем России как полиэтнического, культурно разнообразного государства. В сфере искусства могут быть организованы специальные фестивали, конкурсы и выставки, посвященные историческому прошлому и будущему страны, переключке эпох в российской культуре. В области науки необходимо поддерживать коллективные исследования, посвященные не только техническому и экономическому, но и социальному сценарному анализу, в частности, форсайт в области культуры, политических, межэтнических и межрелигиозных отношений. Необходимо поддерживать публичное обсуждение результатов таких исследований с привлечением известных политических, научных, культурных и религиозных деятелей. Образовательные стандарты в школе и вузах необходимо ориентировать на развитие таких компетенций, которые позволяют «работать с прошлым и будущим»: умения проводить исторические аналогии и опираться на историю при анализе ситуации в стране; умения анализировать жизненный опыт, накопленный предшествующими поколениями в своей семье; навыки долгосрочного планирования своей жизни, управления рисками; умения критически анализировать прогнозы. В экономической сфере необходимо поддерживать создание долгосрочных стратегических альянсов и «долгие деньги», т. е. снижать риски долгосрочных инвестиций, особенно в области НИОКР.

Из проведенного нами анализа временной перспективы как фактора жизнеспособности группы можно сделать три практических вывода. Во-первых, необходимо целенаправленно поддерживать различные формы долгосрочных партнерств и взаимопомощи, в ко-

торых добровольный обмен обязательствами происходит поверх групповых границ: профессиональные ассоциации, общества защиты вкладчиков, клубы бывших выпускников вузов, организации молодых матерей и другие формы гражданского общества, созданные с целью оказания взаимной помощи вне зависимости от политической и культурной принадлежности участников. Ориентация на долгосрочные отношения в рамках таких организаций создает условия для генерализации доверия и формирования разнородной сети контактов. Во-вторых, в состав компетенций, на развитие которых ориентирована система школьного и высшего образования, включая различные формы непрерывного образования в России, должны быть включены навыки долгосрочного планирования своей жизни, ориентация на отложенное потребление, умение планировать совместную деятельность, умение анализировать отдаленные коллективные возможности и риски, а также вести диалог при поиске решений системных, долгосрочных социальных проблем. Наконец, в-третьих, необходимы специальные усилия по формированию через СМИ и социальные сети позитивных долгосрочных сценариев развития России, публичный диалог о возможностях преодоления растущих коллективных угроз, формирование представлений об общности судьбы и ответственности граждан России перед своими потомками.

В заключение можно выделить несколько перспективных направлений исследований жизнеспособности группы в условиях локальных и глобальных рисков.

Во-первых, малоизученными остаются межгрупповые факторы жизнестойкости групп. Исследования свидетельствуют о том, что способность предвидеть и преодолевать кризисы тесно связана с разнообразием внешнегрупповых контактов. Однако роль межгрупповых отношений в формировании жизнеспособности группы изучена крайне мало. В каких случаях напряженность этих отношений (от ксенофобии до формирования образа врага и межгруппового конфликта) повышает или снижает жизнеспособность группы? В какой мере психология «осажденной крепости» способствует или препятствует выживанию группы в условиях кризиса?

Во-вторых, мы все еще мало знаем о том, каковы факторы жизнеспособности группы на разных стадиях группового развития. Исследования жизненного цикла организаций указывают на то, что «организационные патологии» и причины гибели различаются на разных

стадиях развития: на стадии интенсивного роста это риски сверхактивности, на стадии зрелости это эффекты «головокружения от успехов», а на более поздних стадиях — риски бездействия (Пригожин, 2003, 2007, 2010). Не прояснена и связь между продолжительностью существования группы и ее жизнеспособностью. Например, компании-долгожители — это в основном очень небольшие, часто семейные предприятия, которые не отличаются высокой эффективностью процессов и большой прибылью. Значит ли это, что групповая идентичность является более важным условием выживания, чем масштаб и инновационность совместной деятельности? Особый интерес представляет феномен «колосса на глиняных ногах» — крупных социальных общностей с ослабленной жизнеспособностью. Для понимания того, как ослабевает жизнеспособность крупных социальных групп, важное значение имеют исторические реконструкции социально-психологического состояния общества накануне социальных катастроф (Харитонов, 2017).

Отдельным и все более важным направлением исследований является изучение жизнеспособности социальных сетей. До сих пор внимание исследователей в этой области было сосредоточено на структурных, формально-динамических характеристиках сетей и способах преодоления их хрупкости в условиях кризиса или природного бедствия (Callaway et al., 2000; Navlakha, Faloutsos, Bar-Joseph, 2015). В частности, структурные характеристики позволяют предсказать вероятность распада социальных групп в виртуальной сети. Например, признаками увеличения жизнеспособности сетевых сообществ являются рост клик внутри них, низкая транзитивность и относительно небольшое число членов в ключевых узлах. Вероятность гибели группы тем выше, чем больше темпы роста ее членов опережают расширение разнообразия внешних связей, чем больше теснота связей внутри нее превышает тесноту связей в окружающем ее сообществе (Kairam, Wang, Leskovec, 2012). Крупные группы в сети выживают за счет обновления состава участников, тогда как небольшие интернет-сообщества существуют дольше без существенных изменений в своей структуре, при этом некоторые сообщества становятся самоподдерживающимися, тогда как другие существуют благодаря притоку участников извне (Kang et al., 2015; Patil, Liu, Gao, 2013; Ribeiro, 2014). Между тем жизнеспособность сетевых структур зависит от функционально-ролевого состава, групповой идентичности, уровня доверия, межличностных и групповых психологических процессов, которые обеспечивают преодоление кризисов развития. Требуется дальнейшего уточнения как сами стадии жизненного

цикла социальных сетей, так и связанные с ними психологические процессы. По-видимому, жизнеспособность социальных сетей разного типа, например, файлообменников, wiki-сообществ, краудсорсинговых проектов и т. д., может быть обусловлена разными сочетаниями факторов.

Еще один феномен, требующий изучения, — это жизнеспособность временных, спонтанно возникающих групп, которые все чаще используются бизнесом и общественными организациями для реагирования на неожиданные обстоятельства (Jacobsson, Hällgren, 2016; Lundberg, Rankin, 2014). С одной стороны, важно прояснить роль таких групп в поддержании жизнеспособности сообществ, в интересах которых они создаются. С другой стороны, эти группы имеют свой жизненный цикл и могут пролить свет на факторы, способствующие выживанию группы в экстремальных условиях, при высокой неопределенности внешней среды.

В-третьих, огромное практическое значение имеет разработка инструментов измерения социально-психологической жизнеспособности групп. По сравнению с индивидуальной жизнестойкостью, инструментарий изучения жизнеспособности групп находится в зачаточном состоянии (Sharma, Sharma, 2016). При этом важной теоретико-прикладной проблемой является выделение не только уровней жизнеспособности, но и ее социально-психологических типов.

В-четвертых, несмотря на большое число исследований в области антикризисного менеджмента и харизматического лидерства, остается открытым вопрос о том, что именно должен делать лидер для повышения жизнеспособности группы. При каких условиях более жизнеспособной оказывается группа с распределенным лидерством, когда лидерская роль не закреплена жестко за кем-то одним? И наоборот, почему перед лицом коллективной угрозы повышается потребность в прототипических лидерах, олицетворяющих собой групповую идентичность? Что делают авторитарные лидеры в кризисных ситуациях, чтобы избежать ловушек группового мышления и роковой ошибки первого лица, которому никто не может возразить?

В-пятых, все более актуальным становится изучение психологических факторов рефлексивности больших социальных групп, а также коллективных эмоциональных состояний (Нестик, 2015с). Исследования, проведенные на уровне индивидов и малых групп, свидетельствуют о том, что влияние рефлексивности на успешность совместной деятельности носит нелинейный характер (Журавлев, Нестик, 2012). Насколько это справедливо в отношении больших социальных групп и общества в целом? Как поддержать рефлексивность

коллективных рисков и их возможных последствий в радикализованном обществе? Что позволяет расширить временную перспективу при обсуждении возможных вариантов коллективного ответа на риски?

В связи с рефлексией травмирующего совместного опыта и будущих рисков все более важными становятся исследования механизмов формирования коллективных эмоциональных состояний (Нес-тик, Смолина, 2015). В эпоху глобальных социальных сетей тревога, паника и гнев распространяются подобно лесному пожару, за считанные часы охватывая миллионы людей. Что позволяет поддерживать позитивные эмоциональные состояния в условиях высокой неопределенности и надвигающейся угрозы? Каковы механизмы коллективного совладания с культурной травмой? Как поддержать «работу горя» и другие сложные и созидательные коллективные переживания в массовом сознании? Как при этом не спровоцировать ксенофобию, коллективную депрессию, фаталистические настроения?

Наконец, важное значение имеют исследования долгосрочной ориентации группы. Целый ряд исследований свидетельствует о том, что протяженность временного горизонта, в котором осмыслиется происходящее, оказывается ценным личностным и групповым ресурсом выживания, а групповая временная перспектива тесно связана с процессами социальной интеграции (Емельянова, 2009; Емельянова, Дробышева, 2013; Емельянова, Кузнецова, 2013; Нес-тик, 2014с). Как выживание крупных социальных групп связано с глубиной коллективной памяти, долгосрочностью и масштабностью коллективных целей?

Мы живем во все более динамичном, опасном и сложном мире. От того, смогут ли социальные науки ответить на эти и другие, пока не поставленные, вопросы, во многом зависит выживание нашего общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ускоряющиеся изменения в обществе и технологиях, происходящие в первые два десятилетия XXI в., а также нарастание глобальных природных и антропогенных рисков ставят перед наукой новые задачи, требующие осмысления научным сообществом. Ответом на них становится появление глобальной социологии и глобальной психологии, в фокусе внимания которых находятся социальные и психологические проблемы глобального сообщества и радикальные изменения человеческого бытия (Журавлев, Юревич, Мироненко, 2018; Мироненко, 2018; Психологические исследования глобальных процессов, 2018; Mays et al., 1996; Pawlik, d'Ydewalle, 1996). В ближайшие 20 лет науке придется искать ответы на целый ряд глобальных проблем. Многие из этих вызовов носят социально-психологический характер: например, интеллектуальное и ценностное расслоение общества, архаизация массового сознания и кризис доверия к социальным институтам, глобализация и столкновение культур, переход к сетевому обществу и множественная идентичность, «постгуманистические» технологии, необходимость массового переобучения в связи с автоматизацией и умиранием традиционных профессий, а также другие проблемы.

Пожалуй, главная особенность глобальных рисков состоит в том, что людям трудно поверить в свою способность влиять на угрозы такого масштаба. Глобальные риски окружают нас повсюду и стали частью нашей повседневной жизни, но мы представляем их как что-то разворачивающееся на другом конце света, мы отодвигаем их в отдаленное будущее, приписываем ответственность за них далеким от нас социальным группам. Теория уровней конструирования психологической дистанции подсказывает, что мы отдаляем от себя угрозы одновременно в четырех измерениях: вероятностном, социальном, временном и пространственном (Lieberman, Trope, 2014). Эти четыре

измерения тесно связаны друг с другом. Поэтому глобальные риски не только кажутся отдаленными во времени и маловероятными, они воспринимаются как чужая забота.

Такие риски слишком абстрактны для нас, чтобы стать насущным вопросом. Они становятся осязаемыми лишь тогда, когда увязаны с локальным, личным опытом. Поэтому предупреждение глобальных рисков требует ярких, эмоциональных примеров. Наши исследования свидетельствуют о том, что экономические проблемы и текущая социальная ситуация в стране могут оттеснить темы глобальных рисков на периферию общественного мнения. Чтобы сфокусировать внимание общественности на долгосрочных рисках, нужно увязать их с решением злободневных социальных проблем в области образования, здравоохранения, обеспечения занятости, эффективности работы государственных служб.

При этом важно учитывать, что наше отношение к различным рискам формируется под влиянием различных психологических механизмов. Для повышения осознанности и ответственности общества за долгосрочные последствия принимаемых решений необходимо учитывать, насколько значимыми и страшными кажутся последствия, насколько известен и понятен риск, в какой степени он затрагивает социальную идентичность и как часто обсуждается людьми с их непосредственным окружением.

Подводя итоги наших исследований, можно выделить несколько социально-психологических механизмов, влияющих на отношение личности и группы к глобальным рискам. Личный опыт столкновения с проявлениями глобальных угроз, а также алармистские новости в СМИ об их приближении повышают озабоченность глобальными рисками, но никак не сказываются на готовности к участию в их предотвращении и защите себя от их последствий. Более того, само по себе нагнетание тревоги по поводу глобальных рисков приводит к усилению фаталистических установок, укрепляет выученную беспомощность. Возникает когнитивный диссонанс между тревогой и собственным бездействием, который запускает различные защитные механизмы: снижение вероятности рисков, отодвигание их во времени и пространстве, использование дискурсивных стратегий их депроблематизации. Действенными оказываются такие сообщения о глобальных рисках, которые повышают самооценку аудитории и открывают новые возможности, содержат информацию о конкретных шагах, которые позволяют людям почувствовать, что они в большей мере могут влиять на свою жизнь.

Наши исследования показывают, что глобальная идентификация, т.е. готовность человека думать о себе как о части человечества, не противоречит патриотизму. Напротив, именно позитивная этническая и гражданская идентичность, а также идентификация с малой родиной, поддерживают наше чувство связи с человечеством и оптимизм в отношении глобального будущего.

Готовность личности поддерживать те или иные действия, направленные на предотвращение глобальных угроз, определяется образом мира и представлениями об обществе. Мы выделили три группы убеждений, выполняющих разные психологические функции при совладании с информацией о глобальных угрозах. Первая из них выполняет защитную функцию в условиях дефицита социальных ресурсов: убежденность в несправедливости общества, недоверие к социальным институтам, а также убеждение в предопределенности судьбы блокируют участие в коллективных действиях для предотвращения рисков, усиливают апокалиптизм и повышают ориентацию на радикальные решения. Вторая группа убеждений выполняет стабилизирующую функцию, способствует совладанию с тревогой перед глобальными угрозами через повышение приверженности групповым нормам: религиозность, ориентация на уважение к авторитетам, чистоту и святость в моральных оценках усиливают убеждение в необходимости возвращения к традиционным ценностям и более жесткому контролю за гражданами для предотвращения катастрофы. Консервативные убеждения способствуют повышению управляемости и мобилизации общества перед лицом беды, но при этом сдвигают общественное сознание к «ограничительным» мерам, которых может оказаться недостаточно. Так, например, один лишь рестриктивный подход к предотвращению техногенных рисков ослабляет социальное доверие и затрудняет публичный диалог, необходимый для выработки правил использования новых технологий. Наконец, третья группа убеждений выполняет функцию преадаптации к угрозам будущего через повышение толерантности к неопределенности. Относящиеся к этой группе убеждения в способности человека определять свое настоящее и будущее, ориентация на справедливость и заботу о людях, вера в социальную сложность, в наличие множества различных решений в одной и той же ситуации, а также вера в справедливость мира поддерживают ориентацию на прогнозирование и предотвращение глобальных угроз через сотрудничество, помогают не поддаваться соблазну упрощенных, популистских, радикальных решений. Именно опыт успешной кооперации, социальное доверие и ценность заботы о лю-

дах необходимо поддерживать при информировании о глобальных рисках.

О перспективах дальнейших исследований было уже много сказано в предыдущих главах монографии. Проведенный нами анализ позволяет констатировать, что до сих пор психология была сосредоточена в основном на работе с психологическими последствиями катастроф, а не на их предупреждении. Ситуация в данной области исследований стала меняться лишь в последние 10 лет. Однако мировая психологическая наука пока еще не готова в полной мере обеспечивать экспертную поддержку решений по предотвращению глобальных рисков.

Если воспользоваться классификацией возможных способов предупреждения экзистенциальных рисков, предложенной А. Турчиным, можно выделить несколько стратегий: 1) создание международной системы контроля за глобальными рисками, 2) формирование децентрализованной сети мониторинга рисков; 3) создание дружественного искусственного интеллекта, отслеживающего и предотвращающего риски; 4) повышение жизнеспособности человечества, уменьшение урона, наносимого катастрофой, с помощью технологий и более эффективной социальной организации; 5) освоение и колонизация космоса, обеспечивающие возможность развития человечества даже в том случае, если спасти Землю не удастся (Турчин, 2017). Наряду с этими позитивными стратегиями возможны сценарии на худший случай, от вполне рациональных (выживание в специально подготовленных бункерах, создание биологических банков и капсул времени для будущих цивилизаций) до маловероятных и даже иррациональных (спасение более технологически развитой инопланетной цивилизацией, божественное чудо). Особого внимания заслуживают контрпродуктивные идеи предотвращения катастрофы: запрет на потенциально опасные научные исследования, целенаправленный технологический регресс, меры по сокращению населения Земли, надежда на силу позитивного мышления и т. п.

Психологические предпосылки и последствия выбора между данными стратегиями практически не изучены. Что может подтолкнуть лиц, принимающих решение, к тому или иному сценарию спасения человечества? Какие когнитивные и мотивационные ловушки следует учитывать при принятии подобных решений? Какие социально-психологические механизмы будут задействованы при централизации контроля или при создании распределенной сети мониторинга рисков? Каковы психологические инструменты повышения жизнеспособности человечества (с учетом того, что до сих пор жизне-

способность исследовалась в основном на уровне личности и малых групп)? Какие психологические технологии позволят предотвратить соскальзывание к контрпродуктивным стратегиям при панической реакции общества на последствия той или иной природной или антропогенной катастрофы?

Хочется выразить надежду, что психологическое сообщество не оставит эти вопросы без ответа. Ведь наше выживание в ближайшие десятилетия будет зависеть не столько от технологического прогресса, сколько от техно-гуманитарного баланса и психологической компетентности.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ОПРОСНИК «ОТНОШЕНИЕ К ГЛОБАЛЬНЫМ РИСКАМ» Т. А. НЕСТИКА

При разработке методики мы исходили из теоретической структуры установочных образований, в которую входят ценностно-мотивационные, аффективные, когнитивные и поведенческие компоненты (Нестик, 2016а). При разработке опросника использовались некоторые пункты из методики «Отношение к ядерной угрозе» М. Ньюкомба и методики «Отношение к угрозам существования человечества» Р. Экерсли. Апробация опросника проводилась в 2018 г. на выборке взрослых россиян $N=924$ (32% – мужчины, 68% – женщины; возраст испытуемых составлял от 17 до 57 лет, средний возраст – 24,06 года). В итоговую версию опросника включены 47 утверждений, согласие с которыми респондентам предлагается оценить по 5-балльной шкале Лайкерта (1 – совершенно не согласен, 5 – полностью согласен). Конфирматорный факторный анализ с использованием структурного моделирования в программе Amos v. 20 подтвердил выделенную нами структуру отношения к глобальным рискам ($\chi^2=2741,804$; $df=946$; $CMIN/DF=2,898$; $p<0,001$; $CFI=0,909$; $GFI=0,884$; $RMSEA=0,045$; $Hi\ 90=0,047$; $Pclose=1$). Все коэффициенты ковариации и регрессии статистически значимо отличаются от нуля. Итоговая версия опросника состоит из 9 субшкал, по которым подсчитываются средние значения.

Аффективный компонент отношения к глобальным рискам:

- Тревога по поводу глобальных рисков (4, α Кронбаха = 0,722; $M=3,08$; $SD=0,951$): 1, 2, 3*, 5 (* – перевернутая шкала).

Примечание: ключи к данным методикам можно получить у Т. А. Нестика по адресу: nestik@gmail.com.

Когнитивный компонент отношения к глобальным рискам:

- Необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения (6, α Кронбаха = 0,733; $M=3,52$; $SD=0,744$): 12, 17, 22, 26, 30, 34.
- Фаталистическое игнорирование: сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой (6, α Кронбаха = 0,722; $M=2,82$; $SD=0,786$): 8, 9, 16, 23, 29, 32.
- Религиозный авторитаризм: возвращение к традиционным религиозным ценностям и контроль за гражданами (4, α Кронбаха = 0,622; $M=2,28$; $SD=0,829$): 11, 15, 18, 24.
- Радикальные решения: допустимость выживания одних за счет других (6, α Кронбаха = 0,699; $M=2,14$; $SD=0,740$): 14, 19, 20, 21, 25, 27.
- Оптимизм в отношении глобального будущего (6, α Кронбаха = 0,646; $M=3,26$; $SD=0,710$): 4, 28, 30, 31, 33, 35.
- Апокалиптизм: ожидание близкого конца человеческого рода (3, α Кронбаха = 0,617; $M=1,85$; $SD=0,794$): 6, 7, 10.

Поведенческий компонент отношения к глобальным рискам:

- Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков (6, α Кронбаха = 0,950; $M=2,43$; $SD=1,451$): 36, 37, 40, 41, 45, 46.
- Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких (6, α Кронбаха = 0,930; $M=2,13$; $SD=1,315$): 26, 38, 39, 42, 43, 44.

Инструкция: Пожалуйста, укажите степень своего согласия или несогласия с приведенными ниже утверждениями (1 – совершенно не согласен, 5 – полностью согласен).

1. Я чувствую страх, когда задумываюсь о будущем наших детей и внуков.
2. Меня тревожат сообщения в СМИ о растущих угрозах существованию человечества.
3. Я никогда не волновался по поводу глобальных рисков (таких как ядерная война, глобальные эпидемии, изменение климата и т. п.).
4. Многие люди склонны преувеличивать угрозы глобальной катастрофы.
5. Я чувствую тревогу за будущее своих детей, когда слышу о гонке вооружений.
6. С вероятностью более 50% человечество исчезнет с лица Земли в ближайшие 100 лет.

7. С вероятностью более 50% человечество исчезнет с лица Земли в ближайшие 10 лет.
8. Будущее мира не сулит ничего хорошего, так что лучше сосредоточиться на своей жизни и благе своих близких.
9. Следует наслаждаться той жизнью, которая у нас есть, а не тревожиться по поводу возможного будущего человечества.
10. Мы присутствуем при финале борьбы добра и зла в мире.
11. В случае кризиса государственные лидеры будут действовать рационально и в интересах всего человечества, они не допустят катастрофы.
12. Глобальную катастрофу можно предотвратить, если поддерживать паритет сил между мировыми державами.
13. Глобальные катастрофы можно с большой уверенностью предсказать заранее.
14. Ради спасения всего человечества можно пожертвовать жизнями отдельных людей.
15. Чтобы снизить риск глобальных катастроф, государства должны лучше контролировать действия своих граждан, даже если это потребует отказа от некоторых свобод.
16. Мы не можем ничего сделать с угрозой глобальной катастрофы и сами ее вряд ли переживем. Будут огромные жертвы, но кто-то из людей выживет, и жизнь будет продолжаться.
17. Ядерную войну и другие глобальные катастрофы можно предотвратить, если объединить общественность и подталкивать правительства к действиям.
18. Чтобы разрешить глобальные противоречия и угрозы, нам нужно вернуться к традиционным религиозным учениям и ценностям.
19. Ради спасения человечества допустимо применение ядерного оружия.
20. Нет ничего предосудительного в том, чтобы использовать страх людей перед глобальными угрозами в предвыборной кампании.
21. Перед лицом глобальной угрозы можно пожертвовать интересами жителей одной из стран ради всего человечества.
22. Чтобы предотвратить глобальные катастрофы, необходимо искать компромиссные решения и добиваться баланса сил.
23. Учитывая возможность глобальной катастрофы, нужно сосредоточиться на настоящем и успеть получить от жизни удовольствие.
24. Все в руках божьих: если суждено быть катастрофе, только от него зависит ее исход.

25. Лучший способ предотвратить ядерный удар – нанести его первыми. Нужно уничтожить потенциального агрессора, чтобы обеспечить всем остальным мир и стабильность.
26. Чтобы выжить, человечеству придется сплотиться и научиться договариваться перед лицом общей опасности.
27. Последствия изменения климата ставят страны в неравное положение, поэтому на переговорах по этой проблеме каждая страна должна защищать свои интересы.
28. Я не доверяю прогнозам грядущих катастроф, которые публикуются в СМИ.
29. Мы ничего не можем сделать, чтобы предотвратить глобальную катастрофу, поэтому нет смысла о ней задумываться.
30. Лучший способ предотвратить многие катастрофы – поддерживать оптимизм и ставить амбициозные цели.
31. В последний момент здравый смысл возобладает, и человечество будет спасено.
32. Мы не можем предотвратить угрозу глобальной катастрофы, поэтому нужно успеть сделать как можно больше для окружающих нас людей и человечества.
33. Нарастание глобальных угроз (таких, как изменение климата и сокращение ресурсов) даст импульс к дальнейшему технологическому развитию.
34. Глобальную катастрофу можно пережить, если подготовиться к ней заранее (обучать людей навыкам выживания, строить убежища и т. п.).
35. Нагнетание тревоги в СМИ по поводу глобальных катастроф только мешает поиску путей их предотвращения.
36. Я готов своими действиями поддерживать общественные инициативы, направленные на предотвращение глобальных катастроф.
37. Я готов подписывать публичные обращения в интернете, направленные на предотвращение глобальных рисков.
38. Я стараюсь быть в курсе того, что пишут СМИ о глобальных угрозах.
39. Я иногда обсуждаю глобальные угрозы со своими друзьями (экстремальные погодные явления, риск ядерной войны, эпидемии и т. п.).
40. Я готов жертвовать деньги на сохранение природы, если уверен в том, что они будут использованы по назначению.
41. Я готов участвовать в санкционированных митингах, чтобы привлечь внимание к рискам глобальных катастроф.

42. Я предпринимаю меры, чтобы природная или техногенная катастрофа не застала врасплох меня и членов моей семьи.
43. Я стараюсь предугадать последствия некоторых глобальных рисков и быть готовым действовать наилучшим образом после их наступления.
44. Я делюсь с близкими и знакомыми известной мне информацией, связанной с теми или иными глобальными рисками.
45. Я готов предложить свою помощь тем, чьи действия связаны с предотвращением тех или иных глобальных рисков.
46. Я готов жертвовать деньги в фонды, основной целью которых является предотвращение определенных глобальных рисков.
47. Я призываю своих знакомых быть готовыми к возможному наступлению природной или техногенной катастрофы.

Приложение 2

ШКАЛА «ЦЕННОСТЬ ВЫЖИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА» Т. А. НЕСТИКА

Шкала разработана для измерения ценностно-мотивационного компонента отношения к глобальным рискам. Апробация шкалы проводилась в 2018 г. на выборке взрослых россиян $N=924$ (32% – мужчины, 68% – женщины; возраст испытуемых составлял от 17 до 57 лет, средний возраст – 24,06 года). Шкала показала хорошую внутреннюю согласованность (5, α Кронбаха = 0,651; $M=3,23$; $SD=0,869$). Испытуемым предлагается выразить свое согласие с утверждениями по 5-балльной шкале Лайкерта (1 – совершенно не согласен, 5 – полностью согласен). Итоговый балл считается как среднее значение: 1*, 2, 3*, 4*, 5 (* – перевернутые шкалы).

Инструкция: Пожалуйста, укажите степень своего согласия или несогласия с приведенными ниже утверждениями (1 – совершенно не согласен, 5 – полностью согласен).

1. Думаю, человечество не заслуживает того, чтобы его спасали.
2. Выживание человечества – высшая ценность, ради которой можно пожертвовать всем остальным.
3. Рано или поздно человечество прекратит свое существование.
4. Люди – не венец эволюции и должны будут уступить место другим видам.
5. Мы должны сделать все для того, чтобы человечество выжило.

Приложение 3

«ШКАЛА ТЕМНОГО БУДУЩЕГО»

3. ЗАЛЕСКОГО

Шкала разработана авторским коллективом во главе с З. Залеским как скрининговый вариант методики Залеского «Тревога по поводу будущего» (Zaleski et al., 2017). Адаптация проводилась в 2018 г. на выборке студентов российских вузов (N=815; 27,5% – мужчины, 72,5% – женщины; средний возраст – 23,5 года). Шкала состоит из 5 утверждений, степень согласия с которыми респондентам предлагается оценить по шкале от 0 – «совершенно не согласен» до 6 – «совершенно согласен». При обработке использовалась шкала от 1 до 7 баллов: 0 кодируется как 1, 1 как 2 и т. д. При адаптации шкалы была осуществлена процедура прямого и обратного перевода на английский носителями языка. Конфирматорный факторный анализ, проведенный средствами программы Amos v. 20, показал высокое соответствие шкалы критериям согласия. Сравнивались три модели: двухфакторная ($\chi^2=24,117$; $df=4$; $cmin/df=6,029$; $p<0,001$; $RMR=0,061$; $CFI=0,986$; $GFI=0,989$; $RMSEA=0,079$; $Hi\ 90=0,110$; $Pclose=0,049$); модель с корреляциями между всеми вопросами шкалы ($\chi^2=227,762$; $df=2$; $cmin/df=113,881$; $p<0,001$; $RMR=0,591$; $CFI=0,847$; $GFI=0,911$; $RMSEA=0,372$; $Hi\ 90=0,414$; $Pclose<0,001$) и однофакторная модель, которая сошлась наилучшим образом ($\chi^2=0,687$; $df=2$; $cmin/df=0,344$; $p=0,709$; $RMR=0,012$; $CFI=1$; $GFI=1$; $RMSEA<0,001$; $Hi\ 90=0,051$; $Pclose=0,948$). Шкала продемонстрировала хорошую согласованность: α Кронбаха = 0,828; $M=3,42$; $SD=1,34$.

Инструкция: Пожалуйста, оцените степень своего согласия со следующими утверждениями о вас (0 – совершенно не согласен; 1 – не согласен; 2 – скорее не согласен; 3 – трудно сказать; 4 – скорее согласен; 5 – согласен; 6 – совершенно согласен).

1. Я опасаясь, что проблемы, с которыми я сейчас сталкиваюсь, останутся еще надолго.

2. Меня ужасает мысль о том, что я могу когда-то столкнуться с жизненными кризисами и трудностями.
3. Я боюсь того, что в будущем моя жизнь изменится к худшему.
4. Я опасаясь, что изменения политической и экономической ситуации поставят под угрозу мое будущее.
5. Меня беспокоит мысль о том, что в будущем я не смогу реализовать свои цели.

Приложение 4

МЕТОДИКА «ГЛОБАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ» Г. РИЗА

Методика «Глобальная социальная идентификация» разработана Г. Ризом для измерения готовности личности отождествлять себя с человечеством (Reese, Proch, Cohrs, 2014). Она состоит из 5 утверждений, согласие с которыми предлагается оценить по 5-балльной шкале.

Данные по апробации опросника на российской выборке, проведенной Т. А. Нестиком (N=943, средний возраст 24,9 года, 38% – мужчины, 62% – женщины): α Кронбаха = 0,861, M=2,56; SD=1,16.

Инструкция: Пожалуйста, укажите степень своего согласия или несогласия с приведенными ниже утверждениями (1 – совершенно не согласен, 5 – полностью согласен).

1. Я чувствую глубокую связь между собой и всем остальным человечеством.
2. Для меня важно чувство принадлежности к мировому сообществу.
3. Я чувствую себя тесно связанным с другими людьми, живущими на планете.
4. Я осознаю, что являюсь частью мирового сообщества.
5. Принадлежность к мировому сообществу является для меня важной частью ответа на вопрос о том, кто я такой.

Приложение 5

МЕТОДИКА «ГЛОБАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» А. ДЕР-КАРАБЕТЯНА И И. РУИЗ

Методика разработана А. Дер-Карabetяном и И. Руиз для измерения выраженности глобальной идентификации личности (Der-Karabetian, Ruiz, 1997). Она включает в себя 7 утверждений, степень согласия с которыми предлагается оценить по 6-балльной шкале от 1 – «совершенно не согласен» – до 6 – «полностью согласен». При апробации Т. А. Нестиком на российской выборке шкала показала хорошую пригодность (N=561, 38% – мужчины, 62% – женщины; средний возраст – 23,6 года; α Кронбаха= 0,801; M=3,02; SD=1,072).

Инструкция: Пожалуйста, укажите степень своего согласия или несогласия с приведенными ниже утверждениями (1 – совершенно не согласен, 6 – полностью согласен).

1. Мне кажется, что весь мир – одна большая деревня.
2. Мне кажется, что мои личные поступки могут повлиять на кого-то, кто живет в другой части земного шара.
3. Когда я задумываюсь о людях из других стран, мне кажется, что мы с ними как будто «соседи по лестничной площадке».
4. Я чувствую себя связанным с другими людьми на земном шаре, словно они являются частью моей семьи.
5. Мне кажется, что у людей из разных стран больше сходства, чем различий.
6. Я думаю о себе как о гражданине мира.
7. Я чувствую, что моя судьба связана с будущим остального человечества.

Приложение 6

«ШКАЛА ИДЕНТИФИКАЦИИ С ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ» С. МАКФАРЛЕНДА

Методика разработана С. Макфарлендом для измерения характеристик глобальной идентификации личности (McFarland, Webb, Brown, 2012; McFarland, Brown, Webb, 2013). В каждом из 9 пунктов шкалы предлагается оценить по шкале от 1 до 5, насколько предложенное высказывание соответствует отношению респондентов к 1) своему ближайшему окружению, 2) гражданам их страны и 3) человечеству в целом. До 2014 г. С. Макфарленд и его соавторы рассматривали методику как однофакторную, но дальнейшие исследования позволили выделить в ней две субшкалы. Первая представляет собой когнитивный аспект идентичности, измеряя идентификацию с человечеством (вопросы 1–4). Вторая субшкала измеряет эмоциональную вовлеченность, готовность помогать жителям планеты (вопросы 6–9). При обработке буквенные обозначения переводятся в баллы: А кодируется как 1, В – как 2, С – как 3, D – как 4, Е – как 5. Общий балл по шкале считается как сумма баллов по всем 9 вопросам в графе «Люди, живущие на нашей планете».

Адаптация проводилась Т. А. Нестиком в 2017–2018 гг. на выборке взрослых россиян (N=698; 35% – мужчины, 65% – женщины; средний возраст – 22,9 года). Шкала показала хорошую пригодность на российской выборке (α Кронбаха = 0,900; M=25,39; SD=7,42). Преимуществом методики является возможность отдельно оценить и затем сопоставить между собой выраженность идентификации с ближайшим окружением, гражданами своей страны и человечеством.

1. Насколько близкими к себе вы считаете эти группы людей?
А – совсем не близки; В – не очень близки; С – близки в какой-то мере; D – довольно близки; Е – очень близки

Люди моего ближайшего окружения	Россияне	Люди, живущие на нашей планете
A B C D E	A B C D E	A B C D E

2. Как часто вы используете слово «Мы» применительно к этим группам людей?

A – никогда; B – редко; C – от случая к случаю; D – часто; E – очень часто

Люди моего ближайшего окружения	Россияне	Люди, живущие на нашей планете
A B C D E	A B C D E	A B C D E

3. Как много общего, на ваш взгляд, между вами и этими группами людей?

A – совершенно ничего общего; B – мало общего; C – есть что-то общее; D – немало общего; E – очень много общего

Люди моего ближайшего окружения	Россияне	Люди, живущие на нашей планете
A B C D E	A B C D E	A B C D E

- ВНИМАНИЕ!** Пожалуйста, отвечайте на следующие вопросы, исходя из следующих значений шкалы:

A – абсолютно нет; B – очень мало; C – в какой-то мере; D – в значительной степени; E – в очень высокой степени

4. Иногда люди думают о тех, кто не является их родственниками, как о членах их «семьи». В какой степени вы считаете указанных ниже людей «своей семьей»?

Люди моего ближайшего окружения	Россияне	Люди, живущие на нашей планете
A B C D E	A B C D E	A B C D E

5. Насколько вы отождествляете себя с этими людьми (чувствуете себя их частью, чувствуете привязанность к ним, озабочены их будущим)?

Люди моего ближайшего окружения	Россияне	Люди, живущие на нашей планете
A B C D E	A B C D E	A B C D E

6. Насколько вы переживаете (бываете огорчены, стремитесь помочь), если с этими людьми происходит что-то плохое?

Люди моего ближайшего окружения	Россияне	Люди, живущие на нашей планете
A B C D E	A B C D E	A B C D E

7. Насколько вы хотели бы быть...

Ответственным по отношению к людям своего ближайшего окружения	Ответственным гражданином России	Ответственным жителем планеты Земля
A B C D E	A B C D E	A B C D E

8. Насколько сильной вы чувствуете свою преданность...

Людам своего ближайшего окружения	России	Человечеству
A B C D E	A B C D E	A B C D E

9. Если эти люди нуждаются, как сильно вы хотите им помочь?

Люди моего ближайшего окружения	Россияне	Люди, живущие на нашей планете
A B C D E	A B C D E	A B C D E

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова К. А.* Сознание как жизненная способность личности // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 32–43.
- Аветисова А. А.* Психологические особенности игроков в компьютерные игры // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 8 (4). С. 35–58.
- Агеев А. И.* Динамика и структура глобальных рисков // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2013. Т. 3. № 2 (5). С. 7–8.
- Адорно Т.* Исследование авторитарной личности. М.: Серебряные нити, 2001.
- Акимова А. Ю., Обознов А. А.* Доверие и недоверие человека технике // Психологический журнал. 2016. № 6. С. 56–69.
- Акимова А. Ю., Обознов А. А., Акимова А. И., Разина В. В.* Гендерные особенности представлений водителей о доверии и недоверии к автомобилю // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 2. С. 95–106.
- Акофф Р.* Планирование будущего корпорации. М.: Прогресс, 1985.
- Александров В. В., Моисеев Н. Н.* Ядерный конфликт глазами климатологов и математиков // Вестник АН СССР. 1984. № 11. С. 65–76.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Аллисон Г.* Концептуальные модели и Кубинский ракетный кризис // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 6. С. 256–266; 2001. № 1. С. 221–232.
- Аллисон Г. Т.* Ядерный терроризм. Самая страшная, но предотвратимая катастрофа. Пер. с англ. М.: ЛКИ, 2007.
- Анкона Д., Бресман Х.* Команды прорыва. Источники инноваций и лидерства в отрасли. Минск: Гревцов Баблишер, 2009.

- Апель К.-О.* Понятие первичной взаимответственности как предпосылка планетарной макроэтики // *Философия без границ: сб. ст. В 2 ч. Ч. 1.* М.: Издатель А. В. Воробьев, 2001. С. 47–67.
- Арбатов А. Г.* Крушение миропорядка: куда повернет Россия? // *Россия в глобальной политике.* 2017. Т. 15. № 6. С. 220–237.
- Арманд А. Д., Люри Д. И., Жерихин В. В.* и др. *Анатомия кризисов.* М.: Наука, 1999.
- Аршинов В. И., Горохов В. Г.* Социальное измерение NBIC-междисциплинарности // *Философские науки.* 2010. № 6. С. 22–35.
- Асмолов А. Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // *Психологические исследования: электронный научный журнал.* 2015. Т. 8. № 40. С. 1.
- Асмолов А. Г., Гусельцева М. С.* Психология как ремесло социальных изменений: технологии гуманизации и дегуманизации в обществе // *Мир психологии.* 2016. № 4 (88). С. 14–28.
- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М.* Историко-эволюционный синтез: взаимная помощь как фактор эволюции // *Вопросы психологии.* 2013. № 6. С. 3–14
- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М.* Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // *Вопросы психологии.* 2017. № 4. С. 3–26.
- Афонцев С. А.* Будущее глобального управления // *Мир через 100 лет / Под ред. И. С. Иванова и А. В. Картунова.* М.: НП РСМД–Весь мир, 2016. С. 22–29.
- Ахиезер А. С.* Жизнеспособность российского общества // *Общественные науки и современность.* 1996. № 6. С. 58–66.
- Бабочкин П. И.* Становление жизнеспособной молодежи в динамично изменяющемся обществе. М.: Социум, 2000.
- Багдасарян В. Э.* Национальная идентичность и проблемы национал-строительства // *Национально-культурная идентичность в современной России: истоки, особенности, перспективы.* СПб.: Алетейя, 2015. С. 21–42.
- Баева Л. В.* Аксиологический портрет поклонников компьютерных игр // *Информационное общество.* 2014. № 2. С. 27–34.
- Базаров Т. Ю.* Социальная психология нестабильности // *Константа в неопределенном и меняющемся мире: маленькая психологическая серенада к юбилею Г. М. Андреевой / Под ред. Ю. П. Зинченко, Т. Д. Марцинковской.* М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009. С. 144–164.
- Барабанов О. Н., Бордачев Т. В., Лукьянов Ф. А., Суслов Д. В., Сушенцов А. А., Тимофеев И. Н.* Война и мир 21 века. Международная

- стабильность и баланс нового типа. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М.: Валдайский клуб, 2016.
- Баринов Д. Н.* Социальные тревоги: понятие, природа, роль в жизни общества. М.: Алекс, 2010.
- Бартенев В. И.* США в поисках новых технологических основ военного превосходства дилеммы третьей стратегии компенсации // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 3 (48). С. 30–42.
- Батыршина Р. В.* Тенденции развития отношения общества к нанотехнологиям: максимальная польза или потенциальные риски // Вестник Казанского технологического ун-та. 2012. № 6. С. 183–188.
- Бауман З.* Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004.
- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс–Традиция, 2000.
- Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008.
- Бовина И. Б.* Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011а. № 3. С. 5–23.
- Бовина И. Б.* Риск: социально-психологический взгляд // Психология и право. 2011б. № 4. С. 1–10.
- Богатырь Н. В.* Современная технокультура сквозь призму отношений пользователей и технологий // Этнографическое обозрение. 2011. № 5. С. 30–39.
- Богатырь Н. В.* Роль пользовательских сообществ в создании и распространении технологических инноваций // Этнографическое обозрение. 2012. № 3. С. 88–104.
- Богачева Н. В., Войскунский А. Е.* Когнитивные стили и импульсивность у геймеров с разным уровнем игровой активности и предпочитаемым типом игр // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12 (1). С. 29–53.
- Богачева Н. В., Войскунский А. Е.* Компьютерные игры и креативность: позитивные аспекты и негативные тенденции // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 4. С. 29–40. doi: 10.17759/jm-fr.2017060403.
- Богдановская И. М., Иконникова Г. Ю., Королева Н. Н.* Роль современной информационно-коммуникативной среды в формировании идентичности и образа мира современных подростков // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7. № 1. С. 1–11. URL: <http://www.psyedu.ru>.
- Борисова А. М., Воловикова М. И.* Психолого-мировоззренческие функции праздника в российском обществе // Психологические проб-

- лемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 105–124.
- Бостром Н.* Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
- Боулз С.* Микроэкономика. Поведение, институты и эволюция. М.: Дело, 2011.
- Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В.* Психологическая оценка переживания террористической угрозы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Вахштайн В., Степанцов П., Чурсина Ю., Бардина С.* Публичный отчет по результатам социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ. М.: МВШСЭН–РВК, 2017. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf (дата обращения: 01.05.2018).
- Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.
- Витковская М. И.* Теоретико-методологические проблемы изучения страха в социологии // Вестник РУДН. 2003. № 4–5. С. 86–91.
- Витковская М. И.* Социальные страхи как предмет социологического исследования: Дис. ... канд. социол. наук. М.: РУДН, 2006.
- Войнилов Ю. Л., Полякова В. В.* Мое тело – моя крепость: общественное мнение о биомедицинских технологиях // Социология власти. 2016. № 1. С. 185–207.
- Войнилов Ю. Л., Фурсов К. С.* Социальный спрос на новые технологии // Наука, технологии, инновации. Вып. 41 от 21.02.2017. М.: НИУ ВШЭ, 2017. URL: https://issek.hse.ru/data/2017/02/21/1166418486/NTI_N_41_21022017.pdf (дата обращения: 01.05.2018).
- Войсунский А. Е.* Пол. Гендер. Интернет // Вестник Российского Гуманитарного научного фонда. 2004. № 1. С. 169–178.
- Войсунский А. Е.* Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010.
- Войтоловский Ф. Г.* Идеология «глобального управления»: от утопии к практике // Международная жизнь. 2011. № 9. С. 69–94.
- Войтоловский Ф. Г.* Проблемы легитимации внешнего вмешательства в гражданские силовые конфликты // Человеческое измерение мировой экономики и политики (Мировое развитие. Вып. 9). М.: ИМЭМО РАН, 2013. С. 30–38.
- Волков Ю. И.* Глобальные риски XXI века // Проблемы анализа рисков. 2015. Т. 12. № 2. С. 6–20.
- Воловикова М. И., Тихомирова С. В., Борисова А. М.* Психология и праздник. Праздник в жизни человека. М: Пер Сэ, 2003.

- Воробьев Ю.Л., Малинецкий Г.Г., Махутов Н.А.* Управление риском и устойчивое развитие. Человеческое измерение // *Общественные науки и современность*. 2000. № 6.
- Гаврилов К.А.* Социология восприятия риска. Опыт реконструкции ключевых подходов. М.: ИС РАН, 2009.
- Гаврилова Т.А.* Тревога смерти в теории управления ужасом Дж. Гринберга, Т. Пищинского и Ш. Соломона // *Психологический журнал*. 2011. Т. 32. № 1. С. 45–54.
- Гайнуллина Э.Н.* Ценностные ориентации студентов с игровой компьютерной аддикцией // *Вестник Башкирского университета*. 2008. Т. 13 (2). С. 395–396.
- Гаранина О.Д.* Социальные фобии миллениума: наука в образе Франкенштейна // *Научный вестник МГТУ ГА*. 2012. № 182. С. 40–45.
- Гейнс-Росс Л.* В ожидании роботов: чем интересен и страшен искусственный интеллект для простых людей // *Harvard Business Review – Россия*. 2016. 23 ноября. URL: <https://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/p18369>.
- Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // *Thesis*. 1994. № 5. С. 107–134.
- Гинзбург А.С.* Планета Земля в «послеядерную эпоху». М.: Наука, 1987.
- Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности. Совместное исследование ИМЭМО РАН и Атлантического совета / Пер. с англ. под ред. А. Дынкина, М. Барроуза. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
- Глобальное управление: возможности и риски / Отв. ред. В. Г. Барановский, Н. И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015.
- Глобальные риски. Деловой успех в беспокойные времена / Под ред. Клири Шон, Мальре Тьерри. М.: Вопросы экономики, 2011.
- ГМО: Контроль над обществом или общественный контроль / Под ред. В. Б. Копейкиной. М.: ГЕОС, 2005.
- Голиков Ю.Я.* Основные направления психологических исследований развития робототехники // *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики*. Вып. 7 / Под ред. А.А. Обознова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 369–387.
- Голиков Ю.Я.* Неопределенность и риски традиционных и новых областей высоких технологий и актуальные психологические проблемы их развития // *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики*. Вып. 8 / Под ред. А.А. Обознова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 11–29.

- Голицын Г. С., Гинзбург А. С.* Кибернетика, ноосфера и проблемы мира. М.: Наука, 1986. С. 78–93.
- Горбунова М. Ю., Фиглин Л. А.* Эмоции как объект социологических исследований: библиографический анализ // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 13–22.
- Горшков М. К., Крумм Р., Тихонова Н. Е.* и др. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013.
- Гостев А. А.* Патриотизм как духовно-нравственное качество личности // Современная личность: Психологические исследования / Отв. ред. М. И. Воловикова, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 100–117.
- Гостев А. А.* Глобальная психоманипуляция: психологические и духовно-нравственные аспекты. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Грачев Г. В.* Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М.: Изд-во РАГС, 1998.
- Гребенщикова Е. Г.* Биоэтические измерения технонауки: «Стадия-Два» и становление гибридных интерфейсов // Гуманитарные научные исследования. 2011. № 4. URL: <http://human.snauka.ru/2011/12/329> (дата обращения: 13.12.2017).
- Григорян Л. К., Ефремова М. В.* Связь коллективных эмоций вины и стыда с установками к аутгруппам в российском контексте // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 2. С. 61–70. doi: 10.17759/chp.2017130207.
- Громыко Ал. А.* О насущном: Европа и современный мир. М.—СПб.: Нестор-История, 2017.
- Грязнов Н. А.* Психологические проблемы разработки робототехнических комплексов и функции человекомашинного интерфейса // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 7 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 424–429.
- Гудков Л. Д.* К проблеме негативной идентификации // Мониторинг общественного мнения. 2000а. № 5. С. 35–44.
- Гудков Л. Д.* Страх как рамка понимания происходящего // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность / Ред. Т. И. Заславская. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2000б. С. 429–438.
- Данлэп Р. И.* Обыденное восприятие глобального риска // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная лите-

- ратура. Сер. 11. «Социология». Реферативный журнал. 2001. № 2. С. 52–57.
- Даудрих Н. И.* Социальная идентичность: методический аспект // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2000. № 12. С. 77–95.
- де Гуис А.* Живая компания. Рост, научение и долгожительство в деловой среде. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004.
- Демидов В. В., Дудин В. В.* Процесс принятия политических решений. Новосибирск: САУМК, 2008.
- Дергачева Е. А.* Тенденции и перспективы социотехноприродной глобализации. М.: Либроком—URSS, 2009.
- Дерябо С. Д., Ясвин В. А.* Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
- Дерябо С. Д.* Экологическая психология: диагностика экологического сознания. М.: МПСИ, 1999.
- Десятов И. В., Малинецкий Г. Г., Маненков С. К., Митин Н. А., Отоцкий П. Л., Ткачев В. Н., Шишов В. В.* Когнитивные центры как информационные системы для стратегического прогнозирования // Информационные технологии и вычислительные системы. 2011. № 1. С. 65–81.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: НИУ ВШЭ, 2013.
- Доронин А. И.* Дезинформация, или Война в королевстве кривых зеркал. М., 2001.
- Дробышева Т. В., Емельянова Т. П.* Коллективные чувства представителей разных групп общества в отношении значимых социальных явлений // Горизонты гуманитарного знания. 2015. № 4. С. 52–65.
- Дробышева Т. В., Емельянова Т. П.* Методический прием исследования динамики коллективных чувств к значимым социальным объектам // Наука. Культура. Общество. 2017. № 3–4. С. 80–91.
- Дьяконова Н. А., Юртайкин В. В.* Авторитарная личность в России и США: ценностные ориентации и локус контроля // Вопросы психологии. 2000. № 4. С. 51–60.
- Европа XXI века. Новые вызовы и риски. Под общ. ред. А. А. Громыко и В. П. Федорова. М.—СПб.: Нестор-История, 2017.
- Емельянова Т. П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Емельянова Т. П.* Культурная травма: социально-психологические аспекты // Материалы итоговой научной конференции Институ-

- та психологии РАН 14–15.02.2008 / Ред. А. Л. Журавлев, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 75–85.
- Емельянова Т. П.* Коллективная память с позиций конструкционизма // Междисциплинарные исследования памяти. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 17–32.
- Емельянова Т. П.* Когнитивные и эмоциональные компоненты образа будущего благосостояния у московских студентов // Знание. Понимание. Умение. М.: Изд-во МосГУ, 2012. № 2. С. 226–231.
- Емельянова Т. П.* Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016а.
- Емельянова Т. П.* Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016б. Т. 1. № 1. URL: <http://www.soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (дата обращения: 30.12.2017).
- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В.* Образ будущего благосостояния в обыденном сознании россиян // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 16–32.
- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В.* Коллективные чувства в отношении значимых социальных явлений: сравнительный анализ групп студентов православных и светских вузов // Психологические исследования. 2017а. Т. 10. № 53. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 30.12.2017).
- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В.* Характеристики коллективной памяти в контексте социально-психологических особенностей двух поколений // Горизонты гуманитарного знания. 2017б. № 5. С. 71–85.
- Емельянова Т. П., Кузнецова А. В.* Значимые фигуры российской истории в коллективной памяти разных групп общества // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 123–129.
- Ефремова М. В., Григорян Л. К.* Коллективные эмоции вины и стыда: обзор современных исследований // Современная зарубежная психология. 2014. Т. 3. № 4. С. 71–88.
- Жизнеспособность России: материалы научной конференции / Отв. ред. А. Володин и др. М.: Академия, 1996.
- Журавлев А. Л.* Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиной. М.: Пер Сэ, 2002. С. 51–81.
- Журавлев А. Л., Мироненко И. А., Юревич А. В.* Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.

- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы развития // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27–37.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016а. Т. 37. № 2. С. 19–28.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психологические факторы негативно-го отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016б. № 6. С. 5–14.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Психологические аспекты стратегической стабильности и ядерного сдерживания // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 5–24.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Социально-психологические аспекты геополитической стабильности и ядерного сдерживания в XXI веке. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Задорин И. В.* Социальные угрозы: опасения и тревоги населения стран «большой восьмерки» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2006. № 3 (79). С. 91–98.
- Зарубина Н. Н.* Научные знания как детерминанты трансформации практик питания // Вестник МГИМО. 2015. № 3 (42) С. 264–266.
- Земнухова Л.* Как робототехника победит технофобию // Robotoved.ru. 11.05.2017. URL: http://robotoved.ru/robototechnika_technofobiya.
- Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
- Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010.
- Зимбардо Ф., Нестик Т. А.* Интервью с Филиппом Зимбардо о будущем социальной психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 214–219.
- Зубок Ю. А., Ростовская Т. К., Смакотина Н. Л.* Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М.: ИТД «Перспектива», 2016.
- Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование // Социологические исследования. 2017. № 5 (397). С. 57–67.

- Зубок Ю. А., Чуров В. И.* Рискогенность социокультурной среды обитания как фактор формирования социальных настроений // Вестник Томского государственного ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 148–160.
- Зуев К. Б.* Стабильность семьи: определение понятия и перспективы исследований // Семья и личность: проблемы взаимодействия. 2015. № 1 (3). С. 34–40.
- Ибарра П., Китсьюз Дж.* Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007. С. 55–114.
- Иваненко Т. А.* Некоторые аспекты информированности граждан о продуктах, полученных из генно-модифицированных организмов // Вестник Адыгейского государственного ун-та. Сер. 4. «Естественно-математические и технические науки». 2011. № 4. С. 138–144.
- Иванов В. В., Малинецкий Г. Г.* Россия: XXI век. Стратегия прорыва: Технологии. Образование. Наука. М.: URSS, 2018.
- Иванов Д. Я., Шабанов В. Б.* Модель применения коалиций интеллектуальных мобильных роботов при ограниченных коммуникациях // Шестнадцатая национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием КИИ-2018 (24–27 сентября 2018 г., г. Москва, Россия). Труды конференции. В 2 т. Т. 1. М.: РКП, 2018. С. 97–105.
- Игнатенко А. С.* Социальные технологии и власть-знание // Наука и социальные технологии. М.: ИФ РАН, 2011.
- Изюмова И. В.* Критерии доверия клиентов к организации при разнотной субъективной оценке риска для здоровья: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2009.
- Ильин И. В., Леонова О. Г.* Исследование глобальных процессов: достижения, проблемы и перспективы // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 182–190.
- Ильин И. В., Урсул А. Д.* Эволюционная глобалистика (концепция эволюции глобальных процессов). М.: МГУ, 2009.
- Ильинский И. М.* Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория. М.: Голос, 2001.
- Информационные технологии поддержки принятия решений при оценке социальных рисков развития техногенных систем / Под науч. ред. Ю. А. Зубок, И. С. Шаповаловой, В. В. Ломакина. Белгород: Эпицентр, 2016.
- Каландаров К. Х.* Управление общественным сознанием. Роль коммуникативных процессов. М.: Гуманитарный центр «Монолит», 1998.

- Карпов В. Э.* От роевой робототехники к социуму роботов // Искусственный интеллект: проблемы и пути решения – 2018. Материалы конференции. М., 2018. С. 122–130.
- Карта страхов россиян: итоги лета. Пресс-выпуск № 3477. ВЦИОМ, 27.09.2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116418> (дата обращения: 01.12.2017).
- Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова. М.: Московский общественный научный фонд, 1999.
- Келли К.* Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
- Климатические и биологические последствия ядерной войны / Под ред. Е. П. Велихова. М.: Наука, 1987.
- Клопотова Е. Е., Кузнецова Т. Ю.* Использование «серьезных» компьютерных игр в образовательной работе с детьми // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 4. С. 41–45. doi: 10.17759/jmfr.2017060404.
- Ковалева Ю. В.* Изучение субъектной регуляции поведения с позиций психологии коллективного субъекта // Субъектный подход в психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 466–482.
- Ковалева Ю. В.* Жизнестойкость и совместная регуляция поведения семьи на этапе сепарации взрослых детей // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2015. № 1 (72). С. 15–22.
- Ковалева Ю. В., Журавлев А. Л.* Глобальная психология в условиях современных глобальных вызовов // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017а. С. 1830–1838.
- Ковалева Ю. В., Журавлев А. Л.* Современные глобальные вызовы и задачи глобальной психологии // Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное: монография / Под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017б. С. 8–14.
- Ковалева Ю. В., Соснин В. А.* Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты // Институт психологии Российской

- академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 119–142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document317.pdf> (дата обращения: 06.11.2017).
- Козлова М. А., Симонова О. А.* Моральные эмоции в ряду механизмов социального сплочения // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. Сер. 4. «Педагогика. Психология». 2016. № 4 (43). С. 103–119.
- Кокошин А. А.* Ядерные конфликты в XXI веке. Типы, формы, возможные участники. М.: Медиа-Пресс, 2003.
- Кокошин А. А.* Заметки о проблеме ядерного терроризма в современной мировой политике. М.: URSS, 2004.
- Кокошин А. А.* Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем: теоретические и прикладные вопросы. М.: Кранданд, 2009.
- Коллективные переживания социальных проблем: коллективная монография / Под ред. Т. Г. Стефаненко, С. А. Липатова. М.: Смысл, 2015.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Сущностные характеристики и факторы формирования российского менталитета // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 5–17.
- Кольцова В. А., Нестик Т. А., Соснин В. А.* Психологическая наука в борьбе за мир: история, направления исследований // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 5–15.
- Корнилова Т. В.* Принятие решений и риск: психология неопределенности. М., 2014. URL: www.rfh.ru/downloads/Books/144693004.
- Костин А. Н.* Влияние менталитета специалистов разных профессий на выбор стратегии автоматизации робототехнических систем // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 4. С. 82–105.
- Костин А. Н.* Инженерно-психологическая стратегия автоматизации управления роботомобилем // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 8 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 74–87.
- Кравченко С. А.* Новые риски еды: необходимость гуманистической биополитики // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 139–152.
- Кравченко С. А.* Риски и вызовы еды: необходимость гуманистической биополитики // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1 (09). С. 133–149.

- Кравченко С. А., Салыгин В. И.* Риски в сложном социуме: динамика уязвимостей для человечества, стратегия гуманистического поворота // Россия в новой социально-политической реальности. Вып. 3: Риски: стратегия, практика оптимизации и упреждения. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2015.
- Красников М. А.* Регулятивная функция дезинформации в процессе межличностного общения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
- Кругликова М.* Генно-модифицированный популизм. Кому выгоден закон о запрете ГМО // Коммерсантъ Деньги. № 6. 15.02.2016. С. 21.
- Крылова И. А.* Природоохранная компонента в системе коллективной безопасности // Пути к миру и безопасности. 2013. № 1 (44). С. 7–22.
- Кузнецов А. М.* Глобализация или космополитизация: об одном дискурсе современной западноевропейской социологии // Социологические исследования. 2014. № 12 (368). С. 12–20.
- Кузнецова А. В.* Коллективная память о значимых событиях и фигурах российской истории в различных социальных группах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МГППУ, 2013.
- Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В.* Психология жителей Интернета. 2-е изд. М.: URSS, 2011.
- Кузьмин В. В., Лыков С. В.* Влияние тревожного состояния на оценку опасных ситуаций в будущем // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 5. С. 63–65.
- Куксон К.* Земля не носит ГМО // Ведомости. 2016. № 4055. 14.04.
- Кулагина И. Ю., Сенкевич Л. В.* Отношение к смерти: возрастные, региональные и гендерные различия // Культурно-историческая психология. 2013. № 4. С. 58–65.
- Купрейченко А. Б.* Доверие и недоверие технике и социотехническим системам: постановка проблемы и обоснование подхода к исследованию // Ученые записки ИМЭИ. 2012. Т. 2. № 1. С. 126–137.
- Куфтяк Е. В.* Исследование устойчивости семьи при воздействии трудностей // Психологические исследования. 2010. № 6 (14). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 02.11.2017).
- Куфтяк Е. В.* Жизнеспособность семьи: теория и практика // Медицинская психология в России: электрон. науч. журнал. 2014. № 5 (28). URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 19.04.2016).
- Лаврова В. А., Лаврова Е. В.* Проблема воздействия СМИ на представление об опасности в XXI веке // Вестник Института мировых цивилизаций. 2016. № 12. С. 130–135.
- Лаврова Е. В.* Представления об опасности в современном российском обществе как фактор формирования образа России // Ин-

- формационная и психологическая безопасность в СМИ. Т. 2. М.: Аспект-Пресс, 2008. С. 354–265.
- Лаврова Е. В., Матвеева Л. В.* Содержание новостного дискурса и представление человека об опасности // Психологический журнал. 2016. Т. 16. № 37. № 4. С. 5–20.
- Левашов В. К.* Патриотизм в условиях глобализации: о чем свидетельствуют данные социологических опросов // Вестник Российской академии наук. 2005. Т. 75. № 2. С. 99–102.
- Левин К.* Временная перспектива и моральное состояние (1942) // Курт Левин. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000. С. 239–268.
- Левицкий Р., Сандерс Д., Барри Б., Минтон Дж.* Самое главное о переговорах. М.: Форум, 2006.
- Леонова О. Г.* Концептуализация понятия «глобализация» в современной науке // Век глобализации: исследование современных глобальных процессов. 2018. № 1. С. 15–24.
- Леонтьев Д. А., Овчинникова Е. Ю., Рассказова Е. И., Фам А. Х.* Психология выбора. М.: Смысл, 2015.
- Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006.
- Линдгрен М., Бандхольд Х.* Сценарное планирование: связь между будущим и стратегией. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2009.
- Линник Т. А., Нестик Т. А.* Социально-психологические механизмы конструирования социальных представлений о глобальном изменении климата // Экопсихологические исследования – 5: сборник научных статей / Ред.-сост. С. Ю. Жданова, М. О. Мдивани, В. И. Панов. Пермь: ОТ и ДО, 2018. С. 39–47.
- Липатов С. А., Стефаненко Т. Г.* Категория переживания, коллективных переживаний, коллективных эмоций: сравнительный анализ подходов // Коллективные переживания социальных проблем: коллективная монография / Под ред. Т. Г. Стефаненко, С. А. Липатова. М.: Смысл, 2015. С. 8–20.
- Логвинов И. Н., Сарычев С. В., Логвинова М. И., Логвинова Т. И.* Структура ценностных ориентиров молодежной субкультуры «Геймеров» // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. Т. 3. № 27. С. 262–269.
- Луманн Н.* Понятие риска // Thesis. 1994. № 5. С. 135–160.
- Магарил С. А.* Смыслы патриотизма: исторические трансформации // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 142–151.
- Майер-Шенбергер В., Кузьер К.* Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

- Максименко А. А., Пичугина Е. Г., Шмигирилова Л. Н., Панкратова Е. В.* Отношение россиян к достижениям научно-технического прогресса // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=20231> (дата обращения: 05.11.2017).
- Малинецкий Г. Г.* Размышления о немыслимом // А. В. Турчин. Структура глобальной катастрофы. Риски вымирания человечества в XXI веке. М.: URSS, 2008. С. 18–37.
- Малинецкий Г. Г.* Новая реальность и будущее глазами синергетики. Выступление Г. Г. Малинецкого на VIII Глобальном стратегическом форуме (РАН, 9 декабря 2008 г.).
- Малинецкий Г. Г.* Перспективы и технологии управления стратегическими рисками в первой половине XXI века // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2013. № 2. С. 15–17.
- Малинецкий Г. Г.* Техногенные ресурсы в контексте новой индустриализации России // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 4. С. 344–350.
- Мальшев В. П.* Трансгенные продукты, возможные риски и пути их снижения // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2012. № 1. С. 8–12.
- Мамонтова Т. В., Айбазов А. М., Русакова О. С.* Современные тенденции развития мирового и российского рынка биотехнологий в животноводстве // Сборник научных трудов ГНУ СНИИЖК. 2014. № 7. С. 292–300.
- Манойло А. В.* Государственная информационная политика в особых условиях. М.: МИФИ, 2003.
- Матвеева Л. В., Лаврова Е. В.* Исследование трансформаций представления об опасности под влиянием СМИ // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. «Психология». 2011. № 4. С. 66–75.
- Матвеева С. Я., Шляпентох В. Э.* Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 84–98.
- Махнач А. В.* Социокультурный экологический подход в исследовании жизнеспособности человека и семьи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 3. С. 67–75.
- Махнач А. В., Лактионова А. И.* Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Махнач А. В., Постылякова Ю. В.* Модель жизнеспособности семьи // Психологические исследования проблем современного россий-

- ского общества / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 438–460.
- Мельницкая Т. Б.* Информационно-психологическая безопасность населения в условиях риска радиационного воздействия: концепция, модель, технологии: Автореф. дис. ... докт. психол. наук. СПб., 2009.
- Микоян С. А.* Анатомия Карибского кризиса. СПб.: Academia, 2006.
- Милькова А.* Проблемы и тревоги россиян. URL: <http://obogatstve.ru/issledovaniya/278-problemy-i-trevogi-rossiyan> (дата обращения: 01.12.2017).
- Мир 2035. Глобальный прогноз / Под ред. А.А. Дынкина. ИМЭМО им. Е.М. Примакова, РАН. М.: Магистр, 2017.
- Миркин Я., Фомченков Т.* Кошмары нашего мира: составлен рейтинг глобальных рисков человечества // Российская газета. № 5977. 10 января 2013 г.
- Мироненко И. А.* Проблема личности и задачи современного этапа развития психологической науки // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 409–430.
- Михеев Е. А., Нестик Т. А.* Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 5–20.
- Моисеев Н. Н.* Алгоритмы развития. М.: Наука, 1987.
- Морозова Е. В., Мирошниченко И. В.* Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и для власти // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 140–152.
- Муздыбаев К.* Переживание времени в период кризисов // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 4. С. 5–21.
- Муратова А. А.* Методологические основы формирования индекса жизнеспособности города // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2015. № 26. С. 39–42.
- Назаретян А. П.* Технология и психология: к концепции эволюционных кризисов // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 82–93.
- Назаретян А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М.: Пер Сэ, 2001.
- Назаретян А. П.* Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии. Изд. 2-е. М.: ЛКИ, 2008.

- Назаретян А. П.* Нелинейное будущее: мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М.: Изд-во МБА, 2013.
- Назаретян А. П.* «Агентура влияния» в контексте глобальной геополитической перспективы // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 1. С. 160–171.
- Нанотехнологии: что это такое и зачем они нужны? ВЦИОМ. Пресс-вып. № 1004. 15.07.2008.
- Наумова Н. Ф.* Время человека // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 159–176.
- Наумова Т. А.* Образ «Я» интернет-зависимых и интернет-независимых социальных агентов в виртуальном пространстве: Дис. ... канд. психол. наук. Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ижевск, 2007.
- Неклесса А. И.* Сердце тьмы: травматическая инклюзия // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 2. С. 280–295.
- Нестерова А. А.* Структурная модель жизнеспособности и позитивной адаптации молодежи в условиях безработицы // Ученые записки РГСУ. 2010. № 7. С. 172–176.
- Нестик Т. А.* Отношение к времени в малых группах и организациях. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Нестик Т. А.* Коллективный образ будущего: социально-психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014а. № 1. С. 3–13.
- Нестик Т. А.* Отношение к будущему в российских управленческих командах: лидерское видение и корпоративный форсайт // Экономические стратегии. 2014b. № 2. С. 134–141.
- Нестик Т. А.* Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014с.
- Нестик Т. А.* Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени: Дис. ... докт. психол. наук. М.: ИП РАН, 2015а.
- Нестик Т. А.* Глобальная идентичность в обществе риска // Наука. Культура. Общество. 2015b. № 4. С. 130–140.
- Нестик Т. А.* Глобальные риски как психологический феномен // Пути к миру и безопасности. 2016а. № 1 (50). С. 24–38.
- Нестик Т. А.* Жизнеспособность группы как социально-психологический феномен // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Под ред. А. В. Махнача, Л. Г. Дикой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016b. С. 176–192.

- Нестик Т.А.* Психологические аспекты распространения ядерного оружия и готовности к его применению // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016с. Т. 1. № 1. С. 143–173.
- Нестик Т.А.* Социально-психологические механизмы долгосрочной ориентации // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016d. Т. 1. № 4. С. 16–60.
- Нестик Т.А.* Технофобия: социально-психологические факторы отношения к новым технологиям // Психология, управление, бизнес: проблемы взаимодействия. Коллективная монография / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.А. Жалагиной, Л.Ж. Каравановой, Е.Д. Короткиной. Тверь: ТГУ, 2016е. С. 52–65.
- Нестик Т.А.* Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017а. Т. 2. № 4. С. 145–185.
- Нестик Т.А.* Развитие цифровых технологий и будущее психологии // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2017b. № 3. С. 6–15.
- Нестик Т.А.* Коллективные страхи и проспективная рефлексия в условиях неопределенности // Человек в условиях неопределенности: сборник научных трудов в 2 т. / Под ред. Е.В. Бакшутовой, О.В. Юсуповой, Е.Ю. Двойниковой. Т. 2. Самара: Самар. гос. техн. ун-т, 2018а. С. 55–62.
- Нестик Т.А.* Коллективный образ будущего // Разработка понятий современной психологии Серия: Методология, теория и история психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018b. С. 401–430.
- Нестик Т.А.* Образ будущего и долгосрочная ориентация научного сообщества: социально-психологический анализ // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018с. С. 602–627.
- Нестик Т.А.* Психологические аспекты корпоративного форсайта // Форсайт. 2018d. Т. 12. № 2. С. 78–90.
- Нестик Т.А.* Социально-психологические аспекты отношения человека к новым технологиям // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 8 / Под ред. А.А. Обознова, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018е. С. 50–73.

- Нестик Т. А.* Перспективы использования больших данных в психологических исследованиях // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018f. С. 2146–2152.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018a. Т. 39. № 1. С. 127–138.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Психологические факторы негативно-го отношения россиян к новым технологиям // Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018b. С. 36–48.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л., Юревич А. В.* Глобальные вызовы и будущее психологии: развитие психологической науки и практики в цифровом обществе // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 698–713.
- Нестик Т. А., Ролдугина В. Н.* Образ будущего России у представителей поколения Z // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. 2018. Т. 2. № 2. С. 75–87.
- Нестик Т. А., Смолина И. А.* Коллективные эмоции при переживании коллективной травмы: состояние и перспективы исследований // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2015. № 2 (73). С. 43–48.
- Нестик Т. А., Солдатова Г. У.* Основные модели цифровой компетентности // Наука. Культура. Общество. 2016. № 1. С. 107–119.
- Нестик Т. А., Солдатова Г. У.* Представления о будущем цифровых технологий у российских студентов // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 90–118.
- Нестик Т. А., Стекланников В. Ю.* Социально-психологические предикторы тревоги личности по поводу климатических изменений и природных катастроф // Анализ, прогноз и управление природными рисками с учетом глобального изменения климата – ГЕОРИСК-2018: Материалы X Международной научно-практической конференции. В 2 т. / Отв. ред. Н. Г. Мавлянова. Т. 2. М.: РУДН, 2018. С. 364–369.
- Нестик Т. А., Хащенко Н. Н.* Чувство связи с природой и отношение личности к глобальным рискам: результаты эмпирического исследования // Экопсихологические исследования – 5: сбор-

- ник научных статей / Ред.-сост. С. Ю. Жданова, М. О. Мдивани, В. И. Панов. Пермь: ОТ и ДО, 2018. С. 62–69.
- Нисбетт Р., Пенг К., Чой И., Норензаян А.* Культура и системы мышления: сравнение холистического и аналитического познания // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 55–86.
- Обознов А. А., Акимова А. Ю.* Доверие человека технике как фактор надежности профессиональной деятельности // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 225–231.
- Панов В. И., Мдивани М. О., Кодесс П. Б., Лидская Э. В., Хисамбеев Ш. Р.* Экологическое сознание: теория, методология, диагностика // Психологическая диагностика. 2012. № 1. С. 3–126.
- Парыгин Б. Д.* Социально-психологический климат коллектива. Л.: Наука, 1981.
- Петелин Г.* Подорвались по тревоге. Россияне стали сильнее бояться ядерной войны // Газета.ru. 10.07.2015. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2015/07/10/7633061.shtml> (дата обращения: 05.01.2018).
- Питток Б., Акерман Т., Крутцен П., Мак-Кракен М., Шапиро Ч., Турко Р.* Последствия ядерной войны. Физические и атмосферные эффекты. М.: Мир, 1988.
- Позняков В. П.* Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Полегаев В. И., Алферов В. В.* О неядерном сдерживании, его роли и месте в системе стратегического сдерживания // Военная мысль. 2016. Июль.
- Попова И. М.* Представления о настоящем, прошедшем и будущем как переживание социального времени // Социологические исследования. 1999. № 10. С. 135–145.
- Представления россиян о будущем страны через 20 лет. Фонд «Общественное мнение», 2017. Доступно по ссылке: <http://fom.ru/Vudushchee/13169>.
- Преодоление разногласий в вопросах безопасности в 2015 году. Российская, американская, европейская позиции. Рабочая тетр. № 21/2015 / Гл. ред. И. С. Иванов. Российский совет по международным делам (РСМД). Пер. с англ. М.: Спецкнига, 2015.
- Пригожин А. И.* Методы развития организации. М.: МЦФЭР, 2003.
- Пригожин А. И.* Дезорганизация: Причины, виды, преодоление. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
- Приходько А. И.* Межгрупповые эмоции: основные направления исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2009. Т. 6. № 4. С. 103–116.

- Пригожин А. И.* Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М.: Дело, 2010.
- Прох В. Э., Марченко Т. А., Рыбников В. Ю., Мельницкая Т. Б.* Информационно-психологическая безопасность населения территорий с объектами ядерной энергии: Учебное пособие. Дубна: Международный ун-т природы, общества и человека, 2009.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Разумовский А.* Что мы едим? // Аграрное обозрение. 2015. № 1 (47). С. 42–44.
- Рассадина Т. А.* Трансформация традиционных ценностей россиян в постперестроечный период // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 95–102.
- Роботизация работы: возможность или опасность? ВЦИОМ. 2017. № 3538. 4 декабря. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116605>.
- Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация: Уроки социальной психологии. М.: Аспект-Пресс, 1999.
- Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009.
- Россиян пугает прогресс в сфере искусственного интеллекта и генной инженерии // MOMRI INSTITUTE Институт современных медиа. 26.01.2018. URL: <http://momri.org/rossiyan-puguet-progress-v-sfere-iskus> (дата обращения: 02.05.2018).
- Россияне рассказали о своих главных тревогах. URL: <https://news.mail.ru/society/23155548/?frommail=1> (дата обращения: 01.11.2017).
- Россияне стали больше бояться начала ядерной войны и голода. РБК, 29.01.2015. URL: <https://www.rbc.ru/society/29/01/2015/54c903649a794774d2637fd4> (дата обращения: 01.12.2017).
- Рошин С. К., Соснин В. А.* Психологическая безопасность: новый подход к безопасности человека, общества и государства // Российский монитор. 1995. № 6. С. 133–145.
- Рубцова О. В., Панфилова А. С., Артеменков С. Л.* Исследование взаимосвязи личностных особенностей игроков подросткового и юношеского возраста с их поведением в виртуальном пространстве (на примере групповой компьютерной игры «Dota 2») // Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

- логическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 1. С. 137–148. doi: 10.17759/pse.2018230112.
- Рыльская Е. А.* Психология жизнеспособности человека. Челябинск: ЧГПУ, 2009а.
- Рыльская Е. А.* Типы жизнеспособности человека // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2009b. № 30 (163). С. 24–30.
- Рыльская Е. А.* Научные подходы к исследованию жизнеспособности человека в зарубежной психологии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 57–58.
- Рюмина Л. И.* Манипуляции в СМИ как следствие «разорванной коммуникации» // Информационная и психологическая безопасность в СМИ. Т. 2. М.: Аспект-Пресс, 2008. С. 226–234.
- Сарычев С. В.* Надежность группы как психологический феномен // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 3. С. 100–105.
- Сарычев С. В.* Социально-психологическое исследование надежности малых групп в напряженных и экстремальных условиях // Социальная психология и общество. 2011. № 2. С. 5–16.
- Сарычев С. В., Чернышев А. С.* Социально-психологические аспекты надежности группы в напряженных ситуациях совместной деятельности. Курск: КГПУ, 2000.
- Седова Н. Н.* Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71.
- Седых Н. С.* Терроризм и глобальные риски современности: психолого-политический анализ // Международные отношения. 2013. № 1. С. 96–102.
- Селиверстова Н. А., Курганская М. Я.* Патриотизм // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 232–239.
- Селигмен А.* Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Семенов В. Е.* Российская идентичность и патриотизм в полиментальном обществе // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 3 (7). С. 116–142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document374.pdf> (дата обращения: 01.11.2017).
- Сергеев С. Ф.* Психологические аспекты роботизации в эволюции техногенного мира // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 7 / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 388–407.
- Сергеева А. С., Кириллов Б. А., Джумагулова А. Ф.* Перевод и адаптация краткого пятифакторного опросника личности (TIPI-RU):

- оценка конвергентной валидности, внутренней согласованности и тест-ретестовой надежности // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. №. 3. С. 138–154. doi: 10.17759/exppsy.2016090311.
- Скляров А. А. Национальная идея России как фактор повышения жизнеспособности страны // Вестник КемГУ. 2013. № 4 (56) С. 162–165.
- Скурихин С. И. Политическая жизнеспособность общества и человека // Власть. 2010. № 10. С. 36–38.
- Слотердайт П. Критика цинического разума / Пер. А. Перцева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001.
- Смолина И. А., Нестик Т. А. Обсуждение последствий терактов в интернете: состояние и перспективы исследования // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 137–147.
- Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Соколов А. В. Европа и Россия в ожидании будущего // Форсайт. 2009. № 1. С. 58–68.
- Соколов Ю. И. На пороге рискованного будущего // Проблемы анализа риска. 2014. Т. 11. № 2. С. 6–23.
- Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А. Молодежь в сети: сила и слабость социального капитала // Образовательная политика. 2010. № 3–4. С. 24–40.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А. Историко-эволюционная перспектива человечества: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Национальный психологический журнал. 2011а. № 2 (6). С. 15–24.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А. Историко-эволюционная перспектива человечества: от парадигмы конфликта к парадигме толерантности // Национальный психологический журнал. 2011б. № 2 (6). С. 15–24.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А. Отношение к интернету среди интернет-пользователей: технофобы и технофилы // Вестник Московского государственного областного ун-та. Сер. «Психологические науки». 2016. № 1. С. 54–61.
- Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю. Цифровая компетентность российских подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. М.: Фонд развития Интернета, 2013.

- Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.
- Соснин В. А., Нестик Т. А.* Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / Под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.
- Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Хрестоматия / Сост. И. Г. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007.
- Столяр В. Ю.* Доверие как инструмент управления глобальным риском // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 82—1. С. 330—336.
- Страхи и опасения россиян: причины, тенденции и пути преодоления / Под ред. В. Н. Шубкина. М.: Ин-т социологии РАН, 2003.
- Страхи. Левада-Центр, 12.09.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/09/12/strahi> (дата обращения: 01.12.2017).
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Сырцова А.* Возрастная динамика временной перспективы личности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.
- Сычев О. А., Беспалов А. М., Прудникова М. М., Власов М. С.* Особенности моральных оснований у монгольских, немецких и российских подростков // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 85—96.
- Талер Р., Санстейн К.* Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
- Тарабрина Н. В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.
- Тарабрина Н. В.* Психология посттравматического стресса. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Тарасов К. С.* Теоретические подходы к проблеме распространения ядерного оружия // Вестник МГИМО. 2015. № 4 (43). С. 130—138.
- Татарко А. Н., Лебедева Н. М.* Исследование социальных аксиом: структура и взаимосвязи с социально-экономическими установками россиян // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 4. С. 135—143.
- Тесленко О. А. У.* Бек: рефлексивность модернизации и становление глобального общества риска // Вестник Тверского государственного ун-та. Сер. «Философия». 2014. № 2. С. 228—243.
- Тимофеев И. Н.* Дилемма безопасности. Риск вооруженного конфликта между великими державами // Полис. 2009. № 4. С. 8—33.

- Тимофеев И. Н.* Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений. Рабочая тетр. № 18/2014 / Гл. ред. И. С. Иванов. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спец книга, 2014.
- Тихомирова С. В.* Динамика социальных представлений о празднике у современной российской молодежи: Дис. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2008.
- Тихомирова С. В.* Эмоции коллективного субъекта // *Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна / Под ред. К. А. Абульхановой.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 308–319.
- Трахтенберг А. Д.* Информационная революция в России: к вопросу о гендерной специфике освоения информационно-коммуникационных технологий в малом уральском городе // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук.* 2010. № 10. С. 225–242.
- Тревоги и опасения. Какие опасения испытывают люди относительно ситуации в стране, в мире, в повседневной жизни. ФОМ. 25 апреля 2018. URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/14011> (дата обращения: 05.05.2018).
- Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998.
- Турчин А. В.* О возможных причинах недооценки рисков гибели человеческой цивилизации // *Проблемы управления рисками и безопасностью. Труды Института системного анализа РАН.* Т. 31. М., 2007. С. 266–305.
- Турчин А. В.* Проблема стабильного развития и перспективы глобальных катастроф // *Общественные науки и современность.* 2010. № 1. С. 156–163.
- Турчин А. В.* Структура глобальной катастрофы: риски вымирания человечества в XXI веке: проект российского трансгуманистического движения / Отв. ред. И. В. Следзевский, В. Прайд. М.: URSS–ЛКИ, 2011.
- Турчин А. В.* План предотвращения глобальных рисков. 2017. URL: <http://immortality-roadmap.com/existru.html> (дата обращения: 02.05.2018).
- Турчин А. В., Батин М. А.* Футурология. XXI век: бессмертие или глобальная катастрофа? М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2013.
- Урнов М. Ю.* Эмоции в политическом поведении. М.: Аспект-Пресс, 2008.
- Урсул А. Д.* Глобальное управление: эволюционные перспективы // *Век глобализации.* 2014. № 1. С. 16–27.

- Урсул А. Д.* Становление глобального мира и переход к устойчивому будущему // *Мировая политика*. 2017. № 3. С. 16–32.
- Усова М. В.* Сетевые риски в глобальном обществе: социально-фило-софский аспект // *Власть*. 2014. № 4. С. 73–77.
- Федотова Н. Н.* Формируется ли глобальная идентичность: методологические размышления // *Знание. Понимание. Умение*. 2012. № 4. С. 8–14.
- Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992.
- Фрейхоф В.* Космополитизм // *Мир Просвещения. Исторический словарь*. М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 31–41.
- Халий И. А.* Патриотизм в России: опыт типологизации // *Социологические исследования*. 2017. № 2. С. 67–74.
- Харитонова Е. В.* Индивидуально-психологические проявления ано-мии в переломные периоды развития общества (20–е гг. XX ве-ка) // *Наука. Культура. Общество*. 2017. № 1. С. 26–37.
- Хащенко Н. Н.* Социально-психологические факторы жизнедеятель-ности личности на экологически неблагоприятных территориях (Чернобыльский след): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2002.
- Хёсле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // *Вопросы философии*. 1994. № 10. С. 112–123.
- Чазов Е. И., Ильин Л. А., Гуськова А. К.* Опасность ядерной войны. Точ-ка зрения советских ученых-медиков. М.: АПН, 1982.
- Чащин Е. В.* Формирование представлений о глобальных проблемах современности в информационном обществе и источники спе-куляций на этой теме // *Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология*. 2013. № 1 (13). С. 18–29.
- Чего опасаются россияне? М.: Институт социологии РАН, 2008.
- Чистопольская К. А., Ениколопов С. Н., Николаев Е. Л., Семикин Г. И.* Связь с природой: вклад в душевное благополучие // *Перспективы психологической науки и практики: сборник статей Междуна-родной научно-практической конференции*. РГУ им. А. Н. Косы-гина, 16 июня 2017 г. / Под ред. В. С. Белгородского, О. В. Ка-щеева, И. В. Антоненко, И. Н. Карицкого. М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А. Н. Косыгина», 2017. С. 764–767.
- Чистопольская К. А., Митина О. В., Ениколопов С. Н., Николаев Е. Л., Семикин Г. И., Озоль С. Н., Чубина С. А.* Создание кратких русско-язычных версий опросников «Отношение к смерти» и «Страх личной смерти» // *Суицидология*. 2017. Т. 8. № 4 (29). С. 43–55.

- Чудова И. В. Особенности образа «Я» «жителя Интернета» // Психологический журнал. 2002. № 1. С. 113–117.
- Чумаков А. Н. Технооптимизм. Технопессимизм // Малая российская энциклопедия прогнозтики / Гл. ред. И. В. Бестужев-Лада. М.: Институт экономических стратегий, 2007.
- Чумаков А. Н. О предмете и границах глобалистики // Век глобализации. 2008. № 1. С. 7–16.
- Чумаков А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. 2-е изд. М.: Проспект, 2017.
- Шебаршин Л. В. Рука Москвы: записки начальника советской разведки. М.: Центр-100, 1992.
- Шляховая Е. В. Социально-психологические факторы доверия пользователей к информации в электронной массовой коммуникации: Дис. канд. психол. наук. М., 2013.
- Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
- Штроо В. А. Исследование групповых защитных механизмов // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 5–15.
- Шубкин В. Н. Страхи в России // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 62–76.
- Шубкин В. Н., Иванова В. А. Страхи, тревоги, способность противостоять им // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В. А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 348–358.
- Шубкин В. Н., Иванова В. А. Массовая тревожность россиян как препятствие интеграции общества // Социологические исследования. 2005. № 2. С. 1–14.
- Щербатых Ю. В., Ноздрачев А. Д. Физиология и психология страха // Природа. 2000. № 5. С. 61–67.
- Юревич А. В., Журавлев А. Л. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 88–98.
- Юревич А. В., Цапенко И. П. Наука в современном российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Ядерное распространение. Новые технологии, вооружения и договоры / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009.
- Ядерное сдерживание и нераспространение / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: Московский центр Карнеги, 2005.
- Яницкий О. Н. Модернизация в России в свете концепции «общества риска» // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии / Под ред. Т. Заславской. М.: Интерцентр, 1997.

- Ястребов Г. А., Красилова А. Н.* Жизнеспособность российского и других постсоциалистических обществ: итоги 20-летия реформ // Мир России. Социология. Этнология. 2012. № 1. С. 140–163.
- A Report of the International Control of Atomic Energy / By C. I. Barnard, J. R. Oppenheimer, C. A. Thomas, H. A. Winne, D. E. Lilienthal. N. Y.: Doubleday & Co., 1946.
- Abrams D., Wetherell M., Cochrane S., Hogg M. A., Turner J. C.* Knowing what to think by knowing who you are: Selfcategorisation and the nature of norm formation, conformity and group polarization // British Journal of Social Psychology. 1990. V. 29. P. 97–119.
- Adam B.* Time and social theory. Cambridge, 1990.
- Adam B.* Timewatch. The social analysis of time. Cambridge, 1995.
- Adam B.* History of the Future: Paradoxes and Challenge // Rethinking History. 2010. V. 14. № 3. P. 361–378.
- Adam B.* Towards a Twenty-First-Century Sociological Engagements with the Future // Insights. 2011. V. 4. № 11. P. 1–18.
- Adger W. N., Hughes T. P., Folke C., Carpenter S. R., Rockström J.* Social-ecological resilience to coastal disasters // Science. 2005. V. 309. P. 1036–1039.
- Adorno T. W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D. J., Sanford R. N.* The Authoritarian Personality. N. Y.: Harper & Row, 1950.
- AI Now – 2017 Report. AI Now Institute, 2017. URL: https://ainowinstitute.org/AI_Now_2017_Report.pdf.
- Ajzen I.* The theory of planned behavior // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 1991. V. 50 (2). P. 179–211.
- Allen B. P.* Defeating Denial: Limited Nuclear War and the Small World Problem // Journal of Social Psychology. 1990. V. 130. № 5. P. 693–695.
- Allen B. P.* Frightening Information and Extraneous Arousal: Changing Cognitions and Behavior Regarding Nuclear War // Journal of Social Psychology. 1993. V. 133. № 4. P. 459–467.
- Allison G.* Essence of Decision. Boston: Little–Brown, 1971.
- Altemeyer B.* The authoritarian specter. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
- Altemeyer B.* What Happens When Authoritarians Inherit the Earth? A Simulation // Analyses of Social Issues & Public Policy. 2003. V. 3. № 1. P. 161–169.
- Alves-Oliveira P., Ribeiro T., Petisca S., di Tullio E., Melo F. S., Paiva A.* An empathic robotic tutor for school classrooms: Considering expectation and satisfaction of children as end-users // Proceedings of the 7th International Conference on Social Robotics, Paris, France. Springer Berlin–Heidelberg, 2015. URL: <http://gaips.inesc-id.pt/~poliveira/Alves-Oliveiraetal.2015.pdf> (дата обращения: 02.05.2018).

- Amichai-Hamburger Y.* Technology and well-being: designing the future // Technology and Psychological Well-being / Ed. by Y. Amichai-Hamburger. Cambridge University Press, 2009.
- Ancona D. G., Bresman H. M., Kaufner K.* The comparative advantage of X-teams // Sloan Management Review. 2002. V. 43. P. 33–39.
- Anstee J.* Norms and the management of identities: The case for engagement between constructivism and the social identity approach // V. P. Shannon, P. A. Kowert (Eds). Psychology and Constructivism in International Relations: An Ideational Alliance. Michigan: University of Michigan Press, 2012. P. 76–91.
- Anthony S. D., Viguerie S. P., Waldeck A.* Corporate Longevity: Turbulence Ahead for Large Organizations // Strategy & Innovation. 2016. V. 14. № 1. P. 1–9.
- Arnold K. M., McDermott K. B., Szpunar K. K.* Individual differences in time perspective predict auto-noetic experience // Consciousness and Cognition. 2011. V. 20. P. 712–719.
- Asplund T.* Metaphors in climate discourse: an analysis of Swedish farm magazines // Journal of Science Communication. 2011. V. 10 (4). P. 1–8.
- Atkins D., Fitzsimmons A., Parsons C.* et al. Roads to Ruin: A Study of Major Risk Events: Their Origins, Impact and Implications. L.: Airmic, 2011.
- Attitudes to global risk and governance survey 2018. Stockholm: Global Challenges Foundation, 2018. URL: <https://api.globalchallenges.org/static/files/ComRes2018.pdf>.
- Avin S., Wintle B. C., Weitzdörfer J.* et al. Classifying global catastrophic risks // Futures. 2018. September. doi: 10.1016/j.futures.2018.02.001.
- Axelrod L. J., Newton J. W.* Preventing Nuclear War: Beliefs and Attitudes as Predictors of Disarmist and Deterrentist Behavior // Journal of Applied Social Psychology. 1991. V. 21. № 1. P. 29–40.
- Axelrod R.* The evolution of cooperation. N. Y.: Basic Books, 1990 [1984].
- Bandura A.* Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1986.
- Barber S. J., Mather M.* Forgetting in context: The effects of age, emotion and social factors on retrieval-induced forgetting // Memory & Cognition. 2012. V. 40 (6). P. 874–888.
- Barr S., Devine-Wright P.* Resilient communities: sustainabilities in transition // Local Environment. 2012. V. 17 (5). P. 525–532.
- Barsh D. P., Lipton J. E.* The Caveman and the Bomb: Human Nature, Evolution and Nuclear War. N. Y., 1985.
- Bar-Tal D.* Why does fear override hope in societies engulfed by intractable conflict, as it does in the Israeli society // Political Psychology. 2001. V. 22. P. 601–627.

- Bar-Tal D.* Sociopsychological foundations of intractable conflicts // *American Behavioral Scientist*. 2007. V. 50. N. 11. P. 1430–1453.
- Bar-Tal D., Bennink G.* The nature of reconciliation as an outcome and as a process // *From conflict resolution to reconciliation* / Ed. by Y. Bar-Siman-Tov. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 11–38.
- Bar-Tal D., Halperin E., De Rivera J.* Collective Emotions in Conflict Situations: Societal Implications // *Journal of Social Issues*. 2007. V. 63. № 2. P. 441–460.
- Bassett J. F.* Psychological defenses against death anxiety: integrating terror management theory and firestone's separation theory // *Death Studies*. 2007. V. 31. P. 727–750.
- Bauer M.* Resistance to new technology: nuclear power, information technology and biotechnology // *Resistance to New Technology. Nuclear Power, Information Technology and Biotechnology* / Ed. by M. Bauer. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 1–42.
- Beattie G., Sale L., McGuire L.* An inconvenient truth? Can a film really affect psychological mood and our explicit attitudes towards climate change? // *Semiotica*. 2011. V. 187. P. 105–125. doi: 10.1515/semi.2011.066.
- Beaudry A., Pinsonneault A.* The other side of acceptance: studying the direct and indirect effects of emotions on information technology use // *MIS Quarterly*. 2010. V. 34 (4). P. 689–A3.
- Beck U.* Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmes // *The risk society and beyond. Critical issues for social theory* / Eds B. Adam, U. Beck, J. Loon. L.: Sage Publications, 2005. P. 211–229.
- Beck U.* *The Cosmopolitan Vision*. Cambridge–Malden, Mass.: Polity, 2006.
- Beck U.* Imagined Communities of Global Risk. Lecture for the Risk Conference in Shanghai, September 2009. P. 1–18.
- Beckert J.* *Imagined Futures. Fictional Expectations and Capitalist Dynamics*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2016.
- Beckman P. R.* Sociology and nuclear weapons: A view from outside // *Sociological Forum*. 1992. V. 7. № 1. P. 7–27.
- Berejikian J. D.* A Cognitive Theory of Deterrence // *Journal of Peace Research*. 2002. V. 39. № 2. P. 165–183.
- Berglez P., Höijer B., Olausson U.* Individualisation and nationalisation of the climate issue: two ideological horizons in Swedish news media // T. Boyce, J. Lewis (Eds). *Climate change and the media*. N. Y.: Peter Lang Publishing Group, 2009. P. 211–223.
- Berns G. S, Laibson D., Loewenstein G.* Intertemporal choice – toward an integrative framework // *Trends in Cognitive Sciences*. 2007. V. 11 (11). P. 482–488.

- Bertolotti F., Mattarelli E., Vignoli M., Macrì D. M.* Exploring the relationship between multiple team membership and team performance: The role of social networks and collaborative technology // *Research Policy*. 2015. V. 4. P. 911–924.
- Bessi A.* Personality traits and echo chambers on Facebook // *Computers in Human Behavior*. 2016. V. 65. P. 319–324.
- Bhamra R. S., Dani S., Burnard K.* Resilience: the concept, a literature review and future directions // *International journal of Production Research*. 2012. V. 49. № 18. P. 5375–5393.
- Bian J., Yoshigoe K., Hicks A., Yuan J., He Z., Xie M.* et al. Mining Twitter to Assess the Public Perception of the “Internet of Things” // *PLoS ONE*. 2016. V. 11 (7). e0158450. doi: 10.1371/journal.pone.0158450.
- Bianco K.* What if video games could help fight climate change? No, really // *Wired*. Thursday, 6 September 2018. URL: <https://www.wired.co.uk/article/climate-change-game-design-simcity-civilisation>.
- Bilgin B., Brenner L.* Temporal distance moderates description dependence of subjective probability // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2008. V. 44. № 3. P. 890–895.
- Blatt R.* Resilience in entrepreneurial teams: Developing the capacity to pull through // *Frontiers of Entrepreneurship Research*. 2009. V. 29 (11). P. 1–16.
- Blight J. G.* Can psychology help reduce the risk of nuclear war? Reflections of a “Little Drummer Boy” of Nuclear Psychology // *Journal of Humanistic Psychology*. 1988. V. 28. № 2. P. 7–58.
- Blumberg H. H.* Peace psychology after the Cold War: A selective review // *Genetic, Social & General Psychology Monographs*. 1998. V. 124. № 1. P. 5–37.
- Bode L., Vraga E. K.* In Related News, That Was Wrong: The Correction of Misinformation Through Related Stories Functionality in Social Media // *Journal of Communication*. 2015. V. 65. P. 619–638.
- Boehnke K., Schwartz Sh. H.* Fear of War: Relations to Values, Gender and Mental Health in Germany and Israel // *Peace & Conflict*. 1997. V. 3. № 2. P. 149–165.
- Boniwell I., Osin E., Sircova A.* Introducing time perspective coaching: A new approach to improve time management and enhance well-being // *International Journal of Evidence Based Coaching & Mentoring*. 2014. V. 12. № 2. P. 24–40.
- Booth K., Wheeler N. J.* The security dilemma: fear, cooperation and trust in world politics. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008.
- Bore I.-L. K., Reid G.* Laughing in the Face of Climate Change? Satire as a Device for Engaging Audiences // *Public Debate Science Communication*. 2014. V. 36. № 4. P. 454–478.

- Bostrom N.* Existential Risks: Analyzing Human Extinction Scenarios and Related Hazards // *Journal of Evolution and Technology*. 2002. V. 9. № 1. URL: <http://jetpress.org/volume9/risks.html>.
- Bostrom N.* Existential Risk Prevention as Global Priority // *Global Policy*. 2013. № 4. P. 15–31. doi: 10.1111/1758-5899.12002.
- Bostrom N., Cirkovic M. M.* Introduction // *Global Catastrophic Risks* / Eds N. Bostrom, M. M. Cirkovic. L.–N. Y.: Oxford University Press, 2008. P. 1–29.
- Bostrom A., Lashof D.* Weather or climate change? // *Creating a Climate for Change: Communicating Climate Change and Facilitating Social Change* / Eds S. C. Moser, L. Dilling. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2007. P. 31–43.
- Bouquet C.* Building global mindsets: An attention-based perspective. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2005.
- Brams S. J.* Superpower Games: Applying Game Theory to Superpower Conflict. New Haven, CT: Yale University Press, 1985.
- Brewer S.* Why America Fights: Patriotism and War Propaganda from the Philippines to Iraq. N. Y.: Oxford University Press, 2009.
- Brodie B.* Strategy in the Missile Age. Princeton University Press, 1959.
- Bronfenbrenner U.* The mirror image in Soviet–American relations: A social psychologist’s report // *Journal of Social Issues*. 1961. V. 17. P. 45–56.
- Brosnan M., Joiner R., Gavin J.* et al. The Impact of Pathological Levels of Internet-Related Anxiety on Internet Usage // *Journal of Educational Computing Research*. 2012. V. 46. № 4. P. 341–356.
- Brosnan M. J.* Technophobia: The psychological impact of information technology. London: Routledge, 1998.
- Brown S. A., Venkatesh V.* Model of Adoption of Technology in the Household: A Baseline Model Test and Extension Incorporating Household Life Cycle // *MIS Quarterly*. 2005. V. 29 (4). P. 399–426.
- Browne M.* The Atom and the Way. L.: Gollanez, 1946.
- Brundage M., Avin Sh., Clark J., Toner H.* et al. The Malicious Use of Artificial Intelligence: Forecasting, Prevention and Mitigation. 2018 // arXiv:1802.07228 [cs. AI]. URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1802/1802.07228.pdf>.
- Buchan N. R., Brewer M. B., Grimalda G., Wilson R. K., Fatas E., Foddy M.* Global social identity and global cooperation // *Psychological Science*. 2011. V. 22. P. 821–828. doi: 10.1177/0956797611409590.
- Buckner R. L.* The role of the hippocampus in prediction and imagination // *Annual Review of Psychology*. 2010. V. 61. P. 27–48.
- Callaway D. S., Newman M. E. J., Strogatz S. H., Watts D. J.* Network robustness and fragility: percolation on random graphs // *Physical Review Letters*. 2000. V. 85. № 25. P. 5468–5471.

- Callon M., Rabeharisoa V.* The Growing Engagement of Emergent Concerned Groups in Political and Economic Life: Lessons from the French Association of Neuromuscular Disease Patients // *Science, Technology and Human Values*. 2008. V. 33. № 2. P. 230–261.
- Campbell D. T.* Common fate, similarity, and other indices of the status of aggregates of person as social entities // *Behavioural Science*. 1958. V. 3. P. 14–25.
- Cannon H. M., Yaprak A.* Will the real-world citizen please stand up! The many faces of cosmopolitan consumer behavior // *Journal of International Marketing*. 2002. V. 10. № 4. P. 30–52.
- Capaldi C. A., Dopko R. L., Zelenski J. M.* The relationship between nature connectedness and happiness: a meta-analysis // *Frontiers in Psychology*. 2014. V. 5. P. 976.
- Carle J.* Climate Change Seen as Top Global Threat Americans, Europeans, Middle Easterners Focus on ISIS as Greatest Danger // *Pew Research Center*. 2015. July. P. 1–18. URL: <http://www.pewglobal.org/2015/07/14/climate-change-seen-as-top-global-threat>.
- Carley K.* A theory of group stability // *American Sociological Review*. 1991. V. 56 (3). P. 331–354.
- Carter M., Gibbs M., Wadley G.* Death and Dying in DayZ // *IE'13 Proceedings of The 9th Australasian Conference on Interactive Entertainment: Matters of Life and Death*. Melbourne, 2013. Article № 22. P. 1–6. doi: 10.1145/2513002.2513013.
- Castro P., Lima M. L.* Old and new ideas about the environment and science: An exploratory study // *Environment and behavior*. 2001. V. 33. № 3. P. 400–423.
- Cates D. S., Shontz F. C., Fowler S., Vavak C. R.* The effects of time pressure on social cognitive problem-solving by aggressive and nonaggressive boys // *Child Study Journal*. 1996. V. 26. № 3. P. 163–191.
- Chandler M. A.* Developing a measure of nuclear war anxiety: a factor analytic study // *Humboldt Journal of Social Relations*. 1991. V. 16. № 2. P. 39–64.
- Charting trends in apocalyptic and post-apocalyptic fiction. How geopolitical fears have changed over the past 70 years // *The Economist*. 2017. Apr. 12. URL: <https://www.economist.com/prospero/2017/04/12/charting-trends-in-apocalyptic-and-post-apocalyptic-fiction>.
- Chauhan A.* *Aftermath of a Nuclear Attack: A Case Study of Post-strike Operations*. New Delhi: Pentagon Press, 2010.
- Chen J. Y. C., Barnes M. J., Wright J. L., Stowers K., Lakhmani S. G.* Situation awareness-based agent transparency for human–autonomy teaming effectiveness // *Proc. SPIE 10194, Micro- and Nanotechnology*

- Sensors, Systems and Applications IX, 101941V (May 18, 2017). doi: 10.1117/12.2263194; 10.1117/12.2263194.
- Chibnall J. T., Wiener R. L.* Disarmament Decisions as Social Dilemmas // *Journal of Applied Social Psychology*. 1988. V. 18. № 10. P. 867–879.
- Chien S. Y., Semnani-Azad Z., Lewis M., Sycara K.* Towards the Development of an Inter-cultural Scale to Measure Trust in Automation // P. L. P. Rau (Ed.). *Cross-Cultural Design. CCD 2014. Lecture Notes in Computer Science*. V. 8528. Springer, Cham, 2014. P. 35–46.
- Chmiel A., Sienkiewicz J.* et al. Collective Emotions Online and Their Influence on Community Life // *PLoS ONE*. 2011. V. 6. № 7: e22207. doi: 10.1371/journal.pone.0022207.
- Christie D. J.* Opposing Ideologies on the Immutability of Human Behavior and Social Systems // *Peace & Conflict*. 2003. V. 9. № 4. P. 333–337.
- Christie D. J.* What is Peace Psychology the Psychology of? // *Journal of Social Issues*. 2006. V. 62. Iss. 1. P. 1–17.
- Clarke R. A., Eddy R. P.* Warnings: Finding Cassandras to Stop Catastrophes Hardcover. N. Y.: HarperCollins Publishers, 2017.
- Cleveland M., Laroche M., Papadopoulos N.* Cosmopolitanism, consumer ethnocentrism, and materialism: An eight-country study of antecedents and outcomes // *Journal of International Marketing*. 2009. V. 17 (1). P. 116–146.
- Cleveland M., Laroche M., Takahashi I., Erdogan S.* Cross-linguistic validation of a unidimensional scale for cosmopolitanism // *Journal of Business Research*. 2014. V. 67. P. 268–277.
- Collins R.* Stratification, Emotional Energy and the Transient Emotions // *Research Agendas in Sociology of Emotions* / Ed. by T. D. Kemper. N. Y.: State University of New York Press, 1987. P. 27–57.
- Colman A.* Attitudes & Opinions // *Youth Studies Australia*. 1997. V. 16. № 1. P. 3.
- Columbus P. J.* Attitudes about reality and college students' opinions about nuclear war // *Psychological Reports*. 1993. V. 73. № 1. P. 249–250.
- Conger R., Conger K.* Resilience in Midwestern families: Selected findings from the first decade of a prospective longitudinal study // *Journal of Marriage and Family*. 2002. V. 63. P. 361–373.
- Cook J., Oreskes N., Doran P. T., Anderegg W. R. L., Verheggen B., Mairbach E. W., Rice K.* Consensus on consensus: A synthesis of consensus estimates on human-caused global warming // *Environmental Research Letters*. 2016. V. 11 (4) [048002]. doi: 10.1088/1748-9326/11/4/048002.
- Corral-Verdugo V.* The positive psychology of sustainability // *Environment, Development & Sustainability*. 2012. V. 14. № 5. P. 651–666.

- Corral-Verdugo V., Fraijo-Sing B., Pinheiro J. Q.* Sustainable Behavior and Time Perspective: Present, Past, and Future Orientations and Their Relationship with Water Conservation Behavior // *Interamerican Journal of Psychology*. 2006. V. 40. № 2. P. 139–147.
- Coutu D. L.* How resilience works // *Harvard Business Review*. 2002. V. 80. № 5. P. 46–50.
- Cox D. N., Evans G.* Construction and validation of a psychometric scale to measure consumer's fears on novel food technologies: the food technology neophobia scale // *Food quality and preference*. 2008. V. 19. P. 704–710.
- Coyle S. J.* Sustainable and resilient communities. N. Y.: Wiley, 2011.
- Crepaz M. M. L., Polk J. T., Bakker R. S., Singh Sh. P.* Trust Matters: The Impact of Ingroup and Outgroup Trust on Nativism and Civicness // *Social science quarterly*. 2014. V. 95. № 4. P. 938–959. doi: 10.1111/ssqu.12082.
- Cseh M., Davis E. B., Khilji Sh. E.* Developing a global mindset: learning of global leaders // *European Journal of Training & Development*. 2013. V. 37. № 5. P. 489–499.
- Cummings M. L., Roff H. M., Cukier K., Parakilas J., Bryce H.* Artificial Intelligence and International Affairs Disruption Anticipated. Chatham House Report. International Security Department & US and the Americas Programme. L.: The Royal Institute of International Affairs, 2018.
- Dale A., Newman L.* Sustainable community development, networks and resilience // *Environments Journal*. 2006. V. 34 (2). P. 17–27.
- Damsbo-Svendson M., Bom Frøst M., Olsen A.* A review of instruments developed to measure food neophobia // *Appetite*. 2017. V. 113. P. 358–367.
- Darley J. M., Batson C. D.* From Jerusalem to Jericho: A study of situational and dispositional variables in helping behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1973. V. 27. P. 100–119.
- Data Science Report 2017. URL: https://visit.crowdfunder.com/rs/416-ZBE-142/images/CrowdFlower_DataScienceReport.pdf (дата обращения: 01.03.2018).
- Davidson M.* The Mid-Twentieth Century Atom. L.: Hutchinson, 1946.
- Davis F. D.* Perceived usefulness, perceived ease of use, and user acceptance of information technology // *MIS Quarterly*. 1989. V. 13 (3). P. 319–339.
- Davis J.* Post Detonation Nuclear Forensics // *AIP Conference Proceedings*. 2014. V. 1596. P. 206–209.
- De Grada E., Kruglanski A. W., Mannetti L., Pierro A.* Motivated cognition and group interaction: Need for closure affects the contents and processes of collective negotiations // *Journal of Experiential Social Psychology*. 1999. V. 35 (4). P. 346–365.

- De Rivera J., Carson H. A.* Cultivating a Global Identity // Journal of Social and Political Psychology. 2015. V. 3 (2). P. 310–330. doi: 10.5964/jssp.v3i2.507.
- De Rivera J., Páez D.* Emotional climate, human security and culture of peace // Journal of Social Issues. 2007. V. 63. P. 233–253.
- Delanty G., He B.* Cosmopolitan Perspectives on European and Asian Transnationalism // International Sociology. 2008. V. 23. № 3. P. 323–344.
- Del Vicario M., Bessi A., Zollo F. et al.* The spreading of misinformation online // Proceedings of the National Academy of Sciences 2016. V. 113. № 3. P. 554–559.
- DeMuth D. H., Melnick J.* What Happens When They Talk About It? Family Reactions to Nuclear War // Peace & Conflict. 1998. V. 4. Iss. 1. P. 23–34.
- Denying death: An interdisciplinary approach to terror management theory / Eds L. Harvell, G. S. Nisbett. N. Y.: Routledge, 2016.
- Der-Karabetian A.* World-mindedness and the nuclear threat: A multinational study // Journal of Social Behavior and Personality. 1992. V. 7. P. 293–308.
- Der-Karabetian A., Michelle A.* Psychological Predictors of Sustainable Behavior in College Samples From the United States, Brazil and the Netherlands // American International Journal of Social Science. 2015. V. 4. № 6. P. 29–39.
- Der-Karabetian A., Ruiz Y.* Affective bicultural and global-human identity scales for Mexican-American adolescents // Psychological Reports. 1997. V. 80. P. 1027–1039.
- Desvousges W. H., Johnson F. R., Dunford R. W., Boyle K. J., Hudson S. P., Wilson K. N.* Measuring Natural Resource Damages with Contingent Valuation: Tests of Validity and Reliability // Contingent Valuation: A Critical Assessment / Ed. by J. A. Hausman. Amsterdam: North Holland Publishers, 1993.
- Deutsch M.* Psychological alternatives to war // Journal of Social Issues. 1962. V. 18. P. 97–119.
- Deutsch M.* Going Beyond “Beyond Deterrence” // Journal of Social Issues. 1987. V. 43. № 4. P. 149–153.
- Devos T., Silver L. A., Mackie D. M., Smith E. R.* Experiencing intergroup emotions // From prejudice to intergroup emotions: Differentiated reactions to social groups / Eds D. M. Mackie, E. R. Smith. Philadelphia, PA: Psychological Press, 2002. P. 111–133.
- Dickinson J.* The people paradox: Self-esteem striving, immortality ideologies and human response to climate change // Ecology and Society. 2009. V. 14 (1). № 34. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol14/iss1/art34>.

- Dietvorst B. J., Simmons J. P., Massey C.* Algorithm aversion: people erroneously avoid algorithms after seeing them err // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2015. V. 144 (1). P. 114–126.
- Dinello D.* *Technophobia! Science Fiction Visions of Posthuman Technology*. Austin: University of Texas Press, 2005.
- Dobryakova M. S., Kotelnikova Z.* Social embeddedness of technology: Prospective research areas // *Foresight-Russia*. 2015. V. 9. № 1. P. 6–19.
- Dodds J., Chong-de L.* Chinese teenagers' concerns about the future: A cross-national comparison // *JAMA: Journal of the American Medical Association*, 3/17/93. V. 269. № 11. P. 1378.
- Dolan Th. M.* *Unthinkable and Tragic: The Psychology of Weapons Taboos in War* // *International Organization*. 2013. V. 67. № 41. P. 37–63.
- D'Olimpio L., Beard M., Stokes P.* Philosophy and Fallout 4: what's the appeal of the post-apocalypse? // *The Conversation*. November 17, 2015 7:05pm GMT. URL: <http://theconversation.com/philosophy-and-fallout-4-whats-the-appeal-of-the-post-apocalypse-50759>.
- Donat E., Brandtweiner R., Kerschbaum J.* Attitudes and the Digital Divide: Attitude Measurement as Instrument to Predict Internet Usage // *Informing Science: the International Journal of an Emerging Transdiscipline*. 2009. V. 12. P. 38–56.
- Douglas M.* *Risk and Blame: Essays in Cultural Theory*. L.: Routledge, 1992.
- Douglas M., Wildavsky A. B.* *Risk and Culture: An essay on the selection of technical and environmental dangers*. Berkeley: University of California Press, 1982.
- Dower N., Williams J.* *Global citizenship. A critical introduction*. N. Y.: Routledge, 2002.
- Dunlap R. E.* Clarifying anti-reflexivity: conservative opposition to impact science and scientific evidence // *Environmental Research Letters*. 2014. № 9. doi: 10.1088/1748-9326/9/2/021001.
- Dye T. R.* The local–cosmopolitan dimension and the study of urban politics // *Social Forces*. 1963. V. 41. P. 239–246.
- Earle T. C., Cvetckovich G.* Culture, cosmopolitanism and risk management // *Risk Analysis*. 1997. V. 17 (1). P. 55–65.
- Early-Adams P., Wallinga Ch., Skeen P., Paguio L. P.* Coping in the Nuclear Age: The Practitioner's Role // *Families in Society*. 1990. V. 71. № 9. P. 558–562.
- Eckersley R, Cahill H., Wierenga A., Wyn J.* *Generations in dialogue about the future: The hopes and fears of young Australians*. Melbourne: Australian Youth Research Centre, 2007.
- Eckersley R.* Nihilism, fundamentalism or activism: Three responses to fears of the Apocalypse // *Futurist*. 2008. V. 42. P. 35–39.

- Edelman Trust Barometer. Executive Summary 2017. URL: <http://www.edelman.com/executive-summary> (дата обращения: 01.02.2018).
- Edelman Trust Barometer. Executive Summary 2018. URL: http://cms.edelman.com/sites/default/files/2018-02/2018_Edelman_TrustBarometer_Executive_Summary_Jan.pdf (дата обращения: 01.02.2018).
- Edgerton D.* The shock of the old: technology and global history since 1900. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Eibl-Eibesfeldt I.* In der Falle des Kurzzeitdenkens. München–Zürich: Piper, 2000.
- Eidelson R. J.* How Leaders Promote War by Exploiting Our Core Concerns // Peace Review. 2013. V. 25. № 2. P. 219–226.
- Ellermann H., Glowsky D., Kromeier K.-U., Andorfer V.* How Global are Our Memories? An Empirical Approach using an Online Survey // Paper presented at the annual meeting of the American Sociological Association, TBA, N. Y. Aug. 11, 2007. P. 1–20.
- Etheredge L. S.* Personality Effects on American Foreign Policy, 1896–1968: A Test of Interpersonal Generalization Theory // American Political Science Review. 1978. V. 72. № 2. P. 434–451.
- Eyssel F., Hegel F.* (S)he's got the look: Gender stereotyping of robots // Journal of Applied Social Psychology. 2012. V. 42 (9). P. 2213–2230.
- Fabick St. D.* Two Psychologically Based Conflict Resolution Programs: Enemy Images and US & THEM // Journal for Social Action in Counseling & Psychology. 2007. V. 1. № 1. P. 72–81.
- Falk R.* The Making of Global Citizenship // The Condition of Citizenship / Ed. by B. van Steenberg. L.: Sage Publications, 1994. P. 127–140.
- Fearful warriors: A psychological profile of U. S.–Soviet relations / Ed. by R. K. White. N. Y: Free Press, 1986.
- Feinberg M., Willer R.* Apocalypse soon? Dire messages reduce belief in global warming by contradicting just-world beliefs // Psychological Science. 2011. V. 22 (1). P. 34–38.
- Feinberg M., Willer R.* The Moral Roots of Environmental Attitudes // Psychological Science. 2013. V. 24. № 1. P. 56–62.
- Fenn J.* When to leap on the Hype Cycle. Advanced Technologies & Applications. Gartner, 1995.
- Fernández I., Páez D.* The benefits of Expressive Writing after the Madrid Terrorist Attack: Implications for Emotional Activation and Positive Affect // British Journal of Health Psychology. 2008. V. 13. P. 31–34.
- Fernández-Dols J. M., Carrera P., Hurtado de Mendoza A., Oceja L.* Emotional Climate as Emotion Accessibility: How Countries Prime Emotions // Journal of Social Issues. 2007. V. 63. P. 339–352.

- Feshbach S., White M. J.* Individual Differences in Attitudes Towards Nuclear Arms Policies: Some Psychological and Social Policy Considerations // *Journal of Peace Research*. 1986. V. 23. № 2. P. 129–139.
- Festinger L.* A theory of cognitive dissonance. Stanford, CA: Stanford University Press, 1957.
- Fetherstonhaugh D., Slovic P., Johnson S., Friedrich J.* Insensitivity to the Value of Human Life: A Study of Psychophysical Numbing // *Journal of Risk and Uncertainty*. 1997. V. 14. № 3. P. 283–300.
- Fincher R.* Cosmopolitan or ethnically identified selves? Institutional expectations and the negotiated identities of international students // *Social & Cultural Geography*. 2011. V. 12. № 8.
- Fiske S. T., Fischhoff B., Milburn M. A.* Images of Nuclear War: An Introduction // *Journal of Social Issues*. 1983. V. 39. № 1. P. 1–6.
- Flynn-Jones E.* Don't Forget to Die: A Software Update is Available for the Death Drive // *The Dark Side of Game Play / Eds T. Mortensen, J. Linderroth, A. Brown*. L.: Routledge, 2015. P. 50–66.
- Forelle Ch., Benoit D.* Activists Beware: Huge Investors Debut New Long-Term Index // *The Wall Street Journal*. Jan. 21, 2016.
- Foster R. N.* Creative Destruction Whips through Corporate America: An Insight Executive Briefing on Corporate Strategy // *Strategy & Innovation*. 2012. V. 10. № 1. P. 1–6.
- Fox-Cardamone L., Hinkle S., Hogue M.* The Correlates of Antinuclear Activism: Attitudes, Subjective Norms and Efficacy // *Journal of Applied Social Psychology*. 2000. V. 30. № 3. P. 484–498.
- Frederick S., Loewenstein G., O'Donoghue T.* Time discounting and time preference: a critical review // *Journal of Economic Literature*. 2002. V. 40. № 2. P. 351–401.
- Freedly A., DeVisser E., Weltman G., Coeyman N.* Measurement of trust in human–robot collaboration // *Collaborative Technologies and Systems*, 2007. CTS 2007. doi: 10.1109/CTS.2007.4621745.
- Frenda S. J., Nichols R. M., Loftus E. F.* Current Issues and Advances in Misinformation Research // *Current Directions in Psychological Science*. 2011. V. 20. № 1. P. 20–23.
- Frey K.* Nuclear Weapons as Symbols: The Role of Norms in Nuclear Policy Making // *IBEI Working Papers*. 2006. V. 3. P. 4–19.
- Friedman R. S., Foerster J.* Effects of Motivational Cues on Perceptual Asymmetry: Implications for Creativity and Analytical Problem Solving // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. V. 88. № 2. P. 263–275.
- Fuhrmann M.* Atomic Assistance: How “Atoms for Peace” Programs Cause Nuclear Insecurity. Ithaca–L.: Cornell University Press, 2012.

- Fuld K., Nevin J.A.* Why Doesn't Everyone Work to Prevent Nuclear War? A Decision Theory Analysis // *Journal of Applied Social Psychology*, 1988. V. 18. № 1. P. 59–65.
- Future Expectations for Europe. Pan-European Futures Study with Comments by 19 Futurists // U. Reinhardt, G. T. Roos (Eds). *Stiftung fur Zukunftsfragen*. Primus Verlag, 2008.
- Gaerling T., Kristensen H., Backenroth-Ohsako G., Ekehammar B., Westells M. G.* Diplomacy and Psychology: Psychological Contributions to International Negotiations, Conflict Prevention and World Peace // *International Journal of Psychology*. 2000. V. 35 (2). P. 81–86.
- Gaertner S. L., Dovidio J. F.* Reducing intergroup bias: The common ingroup identity model. Philadelphia, PA: Psychology Press–Taylor & Francis, 2000.
- Gaidos S.* Thanks for the future memories // *Science News*. 2008. V. 173. Iss. 19. P. 26–29.
- Garatti M., Rudnitski R. A.* Adolescents' views on war and peace in the early phases of the Iraq conflict // *Adolescence*. 2007. V. 42. № 167. P. 501–523.
- Gat A.* Is war declining – and why? // *Journal of Peace Research*. 2013. V. 50. № 2. P. 149–157.
- Geitner C., Sawyer B. D., Birrell S., Jennings P., Skrypchuk L., Mehler B., Reimer B.* A Link between Trust in Technology and Glimpse Allocation in On-road Driving // *Proceedings of the 9th International Driving Symposium on Human Factors in Driver Assessment, Training and Vehicle Design*. Manchester, VT, 2017. P. 263–269.
- George A.* Presidential Decisionmaking and Foreign Policy: The Effective Use of Information and Advice. Boulder, Colo.: Westview, 1980.
- Gervais M.* Social Representations of Nature: The case of the Braer oil spill in Shetland. Ph. D. thesis, University of London, 1997.
- Ghazali A. S., Ham J., Barakova E. I., Markopoulos P.* Effects of Robot Facial Characteristics and Gender in Persuasive Human–Robot Interaction // *Frontiers in Robotics and AI*. 2018. V. 5. № 73. doi: 10.3389/frobt.2018.00073.
- Giddens A.* Living in a Post-Traditional Society // U. Beck, A. Giddens, S. Lash. *Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Cambridge: Polity, 1994. P. 56–109.
- Gilbert D., Lee-Kelley L., Barton M.* Technophobia, Gender Influences and Consumer Decision-Making for Technology-Related Products // *European Journal of Innovation Management*. 2003. V. 6. № 4. P. 253–263.
- Gilbert J. K., Lin H. S.* How might adults learn about new science and technology? The case of nanoscience 10. Validation and exploration of instruments for assessing public knowledge of and attitudes toward na-

- notechnology // *Journal of Science Education and Technology*. 2013. V. 22. P. 548–559.
- Gittell J. H., Cameron K., Lim S., Rivas V.* Relationships, layoffs and organizational resilience airline industry responses to September 11 // *The Journal of Applied Behavioral Science*. 2006. V. 42 (3). P. 300–329.
- Gjesme T.* Some Factors Influencing Perceived Goal Distance in Time: A Preliminary Check // *Perceptual Motor Skills*. 1981. V. 53 (Aug.). P. 175–182.
- Glassner B.* *The Culture of Fear: Why Americans Are Afraid of the Wrong Things: Crime, Drugs, Minorities, Teen Moms, Killer Kids, Mutant Microbes, Plane Crashes, Road Rage & So Much More*. N.Y.: Basic Books, 2010.
- Goffin K., Hopkin P., Szejczewski M.* et al. *Roads to Resilience: Building Dynamic Approaches to Risk to Achieve Future Success*. L.: Airmic, 2014.
- Goldstein B. E.* *Collaborative resilience: Moving through crisis to opportunity*. Cambridge: MIT Press, 2011.
- Goldstein S. B., Dudley E. A., Erickson C. M., Richer N. L.* Personality traits and Computer anxiety as predictors of Y2K anxiety // *Computers in Human Behavior*. 2002. V. 18. P. 271–284. doi: 10.1016/S0747-5632(01)00047-4.
- Gollwitzer P. M., Heckhausen H., Steller B.* Deliberative and implemental mind-sets: Cognitive tuning toward congruous thoughts and information // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 59 (6). P. 1119–1127.
- González A., Ramírez M. P., Viadel V.* Attitudes of the Elderly Toward Information and Communications Technologies // *Educational Gerontology*. 2012. V. 38. Iss. 9. P. 585–594.
- Gosling S. D., Rentfrow P. J., Swann W. B. Jr.* A very brief measure of the Big-Five personality domains // *Journal of Research in Personality*. 2003. V. 37. P. 504–528.
- Gray C. S., Payne K.* Victory is Possible // *Foreign Policy*. 1980. V. 39. P. 14–27.
- Greenberg J.* Understanding the Vital Human Quest for Self-Esteem // *Perspectives on Psychological Science*. 2008. V. 3. № 1. P. 48–55.
- Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon Sh.* The causes and consequences of the need for self-esteem: A terror management theory // *Public and private self* / Ed. by R. F. Baumeister. N.Y.: Springer-Verlag, 1986. P. 189–212.
- Grijalva Th. C., Lusk J. L., Shaw W. D.* Discounting the Distant Future: An Experimental Investigation // *Environmental & Resource Economics*. 2014. V. 59. P. 39–63.
- Grimley N.* Identity 2016: “Global citizenship” rising, poll suggests // *BBC World*. 28 April 2016. URL: <http://www.bbc.com/news/world-36139904> (дата обращения: 20.09.2017).

- Grinstein A., Riefler P.* Citizen of the (green) world? Cosmopolitan orientation and sustainability // *Journal of International Business Studies*. 2015. V. 46. P. 694–714. doi: org/10.1057/jibs.2015.1.
- Gunn W. D., Horvath P.* The Effects of an Anti-Nuclear War Film on Attitudes toward Nuclear Issues // *Journal of Psychology*. 1987. V. 121. № 6. P. 615–622.
- Ha J. G., Page T., Thorsteinsson G.* A Study on Technophobia and Mobile Device Design // *International Journal of Contents*. 2011. V. 7. № 2. P. 17–25.
- Hackett J. D., Omoto A. M., Matthews M.* Human rights: The role of psychological sense of global community // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2015. V. 21. P. 47–67. doi: 10.1037/pac0000086.
- Haddon L.* Domestication Analysis, Objects of Study and the Centrality of Technologies in Everyday Life // *Canadian Journal of Communication*. 2011. V. 36. P. 311–323.
- Haklay M.* Citizen Science and Volunteered Geographic Information: Overview and Typology of Participation // *Crowdsourcing Geographic Knowledge. Volunteered Geographic Information (VGI) in Theory and Practice* / Eds D. Sui, S. Elwood, M. Goodchild. Berlin: Springer, 2012. P. 105–122.
- Halal W., Marien M.* Global megacrisis: A survey of four scenarios on a pessimism-optimism axis // *Journal of Futures Studies*. 2011. V. 16. P. 65–84.
- Halfmann K., Hedgcock W., Denburg N. L.* Age-Related Differences in Discounting Future Gains and Losses // *Journal of Neuroscience, Psychology & Economics*. 2013. V. 6. № 1. P. 42–54.
- Hamel G., Välikangas L.* The quest for resilience // *Harvard Business Review*. 2003. V. 81. № 9. P. 52–63.
- Hamilton S. B., Chavez E. L., Keitlin W. G.* Thoughts of Armageddon: The relationship between nuclear threat attitudes and cognitive/emotional responses // *International Journal of Mental Health*. 1986. V. 15. P. 189–207.
- Hamilton S. B., Knox Th. A., Keilinwilliam G.* Relationship Between Family Socioeconomic Status and Cognitive/affective Responses to The Threat of Nuclear War // *Psychological Reports*. 1986. V. 58. № 1. P. 247–250.
- Hancock J. T.* The future of lying. Technology, Education & Design (TED). Winnipeg, MN, 2012. URL: http://www.ted.com/talks/jeff_hancock_3_types_of_digital_lies.
- Hancock P. A., Billings D. R., Schaefer K. E., Chen J. Y., De Visser E. J., Parasuraman R.* A meta-analysis of factors affecting trust in human–robot interaction // *Human Factors*. 2011. V. 53. P. 517–527. doi: 10.1177/0018720811417254.

- Hand E.* Citizen science: People power // *Nature*. 2010. V. 466 (7307). P. 685–687. doi: 10.1038/466685a.
- Hardisty D. J., Weber E. U.* Discounting the future green: Money versus the environment // *Journal of Experimental Psychology*. 2009. V. 138 (3). P. 329–340.
- Härtel Ch. E. J., Ashkanasy N. M., Zerbe W. J.* What an emotions perspective of organizational behavior offers // *Emotions in organizational behavior*. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates Inc., 2005. P. 515–527.
- Hawley G. G., Leifson S. W.* *Atomic Energy in War and Peace*. N. Y.: Reinhold Publishing Co., 1945.
- He B.* Transnational Civil Society and the National Identity Question in East Asia // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. 2004. V. 10. № 2. P. 227–246.
- Heidenreich S., Wittkowski K., Handrich M., Falk T.* The dark side of customer co-creation: exploring the consequences of failed co-created services // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2015. V. 43. № 3. P. 279–296.
- Helbling M., Teney C.* The cosmopolitan elite in Germany: transnationalism and postmaterialism // *Global Networks*. 2015. doi: 10.1111/glob.12073.
- Hendrickx L., Nicolaij S.* Temporal discounting and environmental risks: The role of ethical and loss-related concerns // *Journal of Environmental Psychology*. 2004. V. 24. № 4. P. 409–422.
- Herek G. M., Janis I. L., Huth P.* Decision Making During International Crises // *Journal of Conflict Resolution*. 1987. V. 31. № 2. P. 203–226.
- Hertwig R., Erev I.* The description–experience gap in risky choice // *Trends in Cognitive Sciences*. 2009. V. 13. P. 517–523.
- Hett E. J.* The development of an instrument to measure global-mindedness. Unpublished doctoral dissertation. University of San Diego, 1993.
- Hirst W., Echterhoff G.* Remembering in Conversations: The Social Sharing and Reshaping of Memories // *Annual Review of Psychology*. 2012. V. 63. № 1. P. 55–79.
- Ho Sh. M., Hancock J. T., Booth Ch., Liu X.* Computer-Mediated Deception: Strategies Revealed by Language-Action Cues in Spontaneous Communication // *Journal of Management Information Systems*. 2016. V. 33. № 2. P. 393–420.
- Hobman E. V., Walker I.* Stasis and change: social psychological insights into social-ecological resilience // *Ecology & Society*, 2015. V. 20 (1). P. 587–598.
- Hoffman A.* *How Culture Shapes the Climate Change Debate*. Stanford: Stanford University Press, 2015.

- Hogan J. M., Smith T. J.* Polling on the issues // *Public Opinion Quarterly*. 1991. V. 55. № 4. P. 534–569.
- Höjjer B.* Emotional anchoring and objectification in the media reporting on climate change // *Public Understanding of Science*. 2010. V. 19 (6). P. 717–731.
- Holling C. S.* Resilience and stability of ecological systems // *Annual Review of Ecology and Systematics*. 1973. V. 4. № 17.
- Holsti O. R.* Crisis decision making // *Behavior, society and nuclear war*. V. 1. N. Y.: Oxford University Press, 1989. P. 8–84.
- Hornsey M. J., Harris E. A., Bain P. G., Fielding K. S.* Meta-analyses of the determinants and outcomes of belief in climate change // *Nature Climate Change*. 2016. V. 6. № 6. P. 622–626. doi: 10.1038/nclimate2943.
- Hopkin P.* Achieving Enhanced Organisational Resilience by Improved Management of Risk: Summary of Research Into the Principles of Resilience and the Practices of Resilient Organisations // *Journal of Business Continuity & Emergency Planning*. 2014. V. 8. № 3. P. 252–262.
- Hopkins R.* The transition handbook. Totnes: Green Books, 2008.
- Horlick-Jones T.* Risk and time: from existential anxiety to post-enlightenment fantasy // *Health, Risk & Society*. 2013. V. 15. № 6–7. P. 489–493.
- Horstmann A. C., Bock N., Linhuber E., Szczuka J. M., Straßmann C., Krümer N. C.* Do a robot's social skills and its objection discourage interactants from switching the robot off? // *PLoS ONE*. 2018. V. 13 (7). e0201581. doi: 10.1371/journal.pone.0201581.
- Howell L.* et al. Digital wildfires in a hyperconnected world // *WEF Report*. 2013. № 3. P. 15–94.
- Hymans J.* The Psychology of Nuclear Proliferation: Identity, Emotions and Foreign Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Hymans J. E. C.* Achieving Nuclear Ambitions: Scientists, Politicians and Proliferation. N. Y: Cambridge University Press, 2012.
- Hymans J. E. C.* The Threat of Nuclear Proliferation: Perception and Reality // *Ethics & International Affairs*. 2013. V. 27. № 3. P. 281–298.
- Ipsos MORI. Understanding society: the power and perils of data. Ipsos, 2014. URL: https://www.ipsos-mori.com/DownloadPublication/1687_sri-understanding-society-july-2014.pdf.
- Ipsos MORI. BBC Global Survey – A world divided? 23 April 2018. Ipsos, 2018a. URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/bbc-global-survey-world-divided>.
- Ipsos MORI. Impersonal service? Ensuring AI enhances rather than diminishes the customer experience. 14 June 2018. Ipsos, 2018b. URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/impersonal-service-ensuring-ai-enhances-rather-diminishes-customer-experience>.

- Ipsos MORI. What worries the world? 9 April 2018. Ipsos, 2018c. URL: <https://www.ipsos.com/ipsos-mori/en-uk/what-worries-world-march-2018>.
- Iten G. H., Steinemann S. T., Opwis K.* Choosing to Help Monsters: A Mixed-Method Examination of Meaningful Choices in Narrative-Rich Games and Interactive Narratives // Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing. April 21–26, 2018. Montréal, QC, 2018.
- Jacobsson M., Hällgren M.* Impromptu teams in a temporary organization: On their nature and role // International Journal of Project Management. 2016. V. 34. P. 584–596.
- Janis I. L.* Victims of Groupthink. N. Y.: Houghton Mifflin, 1972.
- Janoff-Bulman R.* Assumptive worlds and the stress of traumatic events: Applications of the schema construct // Social Cognition. 1989. V. 7 (2). P. 113–136.
- Jarrahi M. H.* Artificial Intelligence and the Future of Work: Human–AI Symbiosis in Organizational Decision Making // Business Horizons. 2018. V. 61 (4). P. 577–586.
- Jarymowicz M., Bar-Tal D.* The dominance of fear over hope in the life of individuals and collectives // European Journal of Social Psychology. 2006. V. 36. P. 367–392.
- Jaspal R., Nerlich B., Cinnirella M.* Human responses to climate change: Social representation, identity and socio-psychological action // Environmental Communication. 2014. V. 8. № 1. P. 110–130.
- Javidan M., Bowen D.* The Global Mindset: A New Source of Competitive Advantage // Rotman Management. 2015. Spring. P. 42–47.
- Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1976.
- Jervis R.* Cooperation Under the Security Dilemma // World Politics. 1978. V. 30. № 2. P. 167–214.
- Jervis R.* Perceiving and coping with threat // R. Jervis, R. N. Lebow, J. G. Stein. Psychology and Deterrence. L.: The John Hopkins University Press, 1985. P. 13–33.
- Jervis R., Lebow R. N., Stein J. G.* Psychology and Deterrence. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1985.
- Jian J.-Y., Bisantz, A. M., Drury C. G.* Foundations for an Empirically Determined Scale of Trust in Automated Systems // International Journal of Cognitive Ergonomics. 2000. V. 4 (1). P. 53–71. doi: 10.1207/S15327566IJCE0401_04.
- Joffe H.* Risk: From perception to social representation // British Journal of Social Psychology. 2003. V. 42. P. 55–73.
- Johnson D. P., Tierney D.* The Rubicon theory of war: How the path to conflict reaches the point of no return // International Security. 2011. V. 36. P. 7–40.

- Johnson R. D.* From ground zero to a year after The Day After. Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association, Los Angeles, 1985.
- Johnson S. K., Johnson C. S.* The secret life of mood: causes and consequences of unconscious affect at work // Research on emotion in organization. V. 5. Emotions in Groups, Organizations and Cultures / Eds N. M. Ashkanasy, W. J. Zerbe, Ch. E. J. Härtel. UK: Emerald Group Publishing, 2009. P. 103–121.
- Joiner R., Gavin J., Brosnan M.* et al. Gender, Internet Experience, Internet Identification and Internet Anxiety: A Ten-Year Followup // CyberPsychology, Behavior & Social Networking. 2012. V. 15. № 7. P. 370–372.
- Jung Y., Peng W., Moran M.* et al. Low-income minority seniors' enrollment in a cybercafe: Psychological barriers to crossing the digital divide // Educational Gerontology. 2010. V. 36. P. 193–212.
- Kahn H.* On Thermonuclear War. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1961.
- Kahn H.* On Escalation: Metaphors and Scenarios. N. Y.: Frederick A. Praeger, 1965.
- Kairam S., Wang D. J., Leskovec J.* The Life and Death of Online Groups: Predicting Group Growth and Longevity // WSDM'12 Proceedings of the fifth ACM international conference on Web search and data mining. WSDM'12, February 8–12, 2012. N. Y., 2012. P. 673–682.
- Kaler M. E.* The World Assumptions Questionnaire: Development of a measure of the assumptive world. A Ph. D. dissertation. The University of Minnesota, 2009.
- Kang A. R., Park J., Lee J., Kim H. K.* Rise and Fall of Online Game Groups: Common Findings on Two Different Games // Proceedings of the 24th International Conference on World Wide Web (WWW'15). ACM, N. Y., 2015. P. 1079–1084.
- Kaplan S., Laport K., Waller M. J.* The role of positive affectivity in team effectiveness during crises // Journal of Organizational Behavior. 2013. V. 34. P. 473–491.
- Kasperson J. X., Kasperson R. E., Pidgeon N., Slovic P.* The social amplification of risk: assessing fifteen years of research and theory // The Social Amplification of Risk / Eds N. Pidgeon, R. E. Kasperson, P. Slovic. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 13–46.
- Kass L. R.* The Problem of Technology // Technology in the western political tradition / A. M. Melzer, J. Weinberger, M. R. Zinman. Sage House: Cornell University, 1993. P. 1–25.
- Keck M. E., Sikkink K.* Activists Beyond Borders. Ithaca: Cornell University Press, 1998.

- Keenan M., Popper R.* Comparing foresight “style” in six world regions // *Foresight*. 2008. V. 10. № 6. P. 16–38.
- Kellstedt P., Zahran S. M., Vedlitz A.* Personal efficacy, the information environment and attitudes toward global warming and climate change in the United States // *Risk Analysis*. 2008. V. 28. P. 113–126.
- Kelly J. R., Barsade S. G.* Mood and emotions in small groups and work teams // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2001. V. 86 (1). P. 99–130.
- Kennedy B., Funk C.* Public Interest in Science and Health Linked to Gender, Age and Personality. URL: <http://www.pewinternet.org/2015/12/11/public-interest-in-science-and-health-linked-to-gender-age-and-personality> (дата обращения: 05.05.2016).
- Kent A.* A Critical Look at Risk Assessments for Global Catastrophes // *Risk Analysis*. 2004. V. 24. P. 157–168.
- Kerr N. L., Tindale R. S.* Group performance and decision making // *Annual Review of Psychology*. 2004. V. 55. P. 623–655.
- Khong Y.* Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu and the Vietnam Decisions of 1965. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992.
- Khripunov I.* The Social and Psychological Impact of Radiological Terrorism // *The Nonproliferation Review*. 2006. V. 13. № 2. P. 275–316.
- Kierulff S., Zippin D.* Nuclear attitudes: Beliefs, knowledge and opinions regarding nuclear weapons. Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association, Los Angeles, 1985, August.
- Kierulff St.* Armageddon Theology and the Risk of Global War: The Limits of Religious Tolerance in the Nuclear Age // *Journal of Humanistic Psychology*. 1992. V. 32. № 4. P. 92–107.
- Kim A., Kim Y., Jackson S. E., Ployhart R. E.* Multilevel Influences on Voluntary Workplace Green Behavior: Individual Differences, Leader Behavior and Coworker Advocacy // *Journal of Management*. 2014. September 2. doi: 10.1177/0149206314547386.
- Kivikangas J. M., Lönnqvist J.-E., Ravaja N.* Relationship of moral foundations to political liberalism–conservatism and left–right orientation in a Finnish representative sample // *Social Psychology*. 2017. V. 48 (4). P. 246–251. doi: 10.1027/1864-9335/a000297.
- Klastrup L.* Why Death Matters: Understanding Gameworld Experience // *Journal of Virtual Reality and Broadcasting*. 2007. V. 4. № 3. URL: <https://www.jvrb.org/past-issues/4.2007/1022/420073.pdf>.
- Klein H. K., Kleinman D. L.* The Social Construction of Technology: Structural Considerations // *Science, Technology and Human Values*. 2002. V. 27. № 1. P. 28–52.

- Klisanin D.* Collaborative Heroism: Exploring The Impact of Social Media Initiatives // *Media Psychology Review*. 2015. V. 9 (2). URL: <http://mprcenter.org/review/collaborative-heroism-in-social-media-initiatives>.
- Knight H.* How humans respond to robots: Building public policy through good design. *Brookings Report*, 2014. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2014/07/HumanRobot-PartnershipsR2.pdf>.
- Knight W.* The Dark Secret at the Heart of AI // *MIT Technology Review*. 11 April 2017. URL: <https://www.technologyreview.com/s/604087/the-dark-secret-at-the-heart-of-ai>.
- Knopf J. W.* Nuclear Disarmament and Nonproliferation // *International Security*. 2012. V. 37. № 3. P. 92–132.
- Kosinski M., Wang Y., Lakkaraju H., Leskovec J.* Mining Big Data to Extract Patterns and Predict Real-Life Outcomes // *Big Data in Psychology*. Special issue of *Psychological Methods*. 2016. V. 21. № 4. P. 493–506. doi: 10.1037/met0000105.
- Kotov A.* A computational model of consciousness for artificial emotional agents // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2017. V. 10. № 3. P. 57–73.
- Krebs R. R., Rapport A.* International Relations and the Psychology of Time Horizons // *International Studies Quarterly*. 2012. V. 56. № 3. P. 530–543.
- Kruglanski A. W., Shah J. Y., Pierro A., Mannetti L., Livi S., Kosic A.* The closing of the “group mind” and the emergence of groupcentrism. Presented at Society of Experiential Social Psychology, Columbus, OH, 2002.
- Kull St.* *Minds at War: Nuclear Reality and the Inner Conflicts of Defense Policymakers*. N. Y.: Publisher Basic Books, 1988.
- Kulman I. R., Akamatsu T. J.* The Effects of Television on Large-Scale Attitude Change: Viewing “The Day After” // *Journal of Applied Social Psychology*. 1988. V. 18. № 13. P. 1121–1132.
- Kuppens T., Yzerbyt V. Y.* Group-Based Emotions: The Impact of Social Identity on Appraisals, Emotions and Behaviors // *Basic and applied social psychology*. 2012. V. 34. P. 20–33.
- Kurz T.* The psychology of environmentally sustainable behavior: fitting together pieces of the puzzle // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2002. V. 2. P. 257–278.
- Kwan D., Carson N., Addis D. R., Rosenbaum R. S.* Deficits in past remembering extend to future imagining in a case of developmental amnesia // *Neuropsychologia*. 2010. V. 48 (11). P. 3179–3186.
- Larsen K. S.* Attitudes toward nuclear disarmament and their correlates // *Journal of Social Psychology*. 1985. V. 125 (1). P. 17–21.
- Last Call For Datatopia... Boarding Now! Four Future Scenarios on the Role of Information and Technology in Society, Business and Personal Life, 2030. Gartner Inc., 2014.

- Lawrence S. J.* Consumer xenocentrism and consumer cosmopolitanism: the development and validation of scales of constructs influencing attitudes towards foreign product consumption. Wayne State University Dissertations. Paper 606. Wayne State University, 2012.
- Lebow R. N.* Between Peace and War: The Nature of International Crisis. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.
- Lee K. M., Jung Y., Kim J., Kim S. R.* Are physically embodied social agents better than disembodied social agents? The effects of physical embodiment, tactile interaction and people's loneliness in human–robot interaction // *International Journal of Human–Computer Studies*. 2006. V. 64 (10). P. 962–973.
- Lee K. M., Peng W., Jin S.-A., Yan C.* Can robots manifest personality? An empirical test of personality recognition, social responses and social presence in Human–Robot Interaction // *Journal of Communication*. 2006. V. 56 (4). P. 754–772.
- Lee R. B., Baring R., Sta Maria M., Reysen S.* Attitude towards technology, social media usage and grade-point average as predictors of global citizenship identification in Filipino University Students // *International Journal of Psychology*. 2017. V. 52. № 3. P. 213–219. doi: 10.1002/ijop.12200.
- Leiserowitz A.* Climate change risk perception and policy preferences: The role of affect, imagery and values // *Climatic Change*. 2006. V. 77. P. 45–72.
- Lengnick-Hall C. A., Beck T. E., Lengnick-Hall M. L.* Developing a capacity for organizational resilience through strategic human resource management // *Human Resource Management Review*. 2011. V. 21. № 3. P. 243–255.
- Leslie J.* The End of the World: The Science and Ethics of Human Extinction. London: Routledge, 1996.
- Leung A. K.-Y., Koh K., Tam K.-P.* Being Environmentally responsible: Cosmopolitan orientation predicts pro-environment behavior // *Journal of Environmental Psychology*. 2015. V. 43. P. 79–94. doi: 10.1016/j.jemvp.2015.05.011.
- Leung K., Bond M. H.* Introduction // *Psychological aspects of social axioms: understanding global belief systems* / Eds K. Leung, M. H. Bond. N. Y.: Springer, 2010. P. 1–12.
- L Levine H. B.* The Psychology of the Nuclear Threat: A Bibliography // *International Review of Psycho-Analysis*. 1987. V. 14. P. 13–19.
- Levinson P.* Toy, mirror and art: the metamorphosis of technological culture // *Philosophy, Technology and Human Affairs* / Ed. by L. Hickman. College Station, TX: Ibis, 1985. P. 162–175.

- Levy J. S.* Psychology and Foreign Policy Decision-Making // The Oxford Handbook of Political Psychology. 2nd ed / Eds L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Levy O., Taylor S., Boyacigiller N. A., Beechler Sh.* Global Mindset: A Review and Proposed Extensions // The Global Mindset / Ed. by M. Javidan, R. M. Steers, M. A. Hitt (Advances in International Management. V. 19). Amsterdam: Elsevier JAI, 2007. P. 11–47.
- Lewis R., Donaldson-Feilder E., Pangallo A.* Developing resilience: Research insight. L.: CIPD Publications, 2011. URL: <http://www.cipd.co.uk/hr-resources/research/developing-resilience.aspx>.
- Liberman N., Trope Y.* Temporal construal theory of intertemporal judgment and decision // G. Loewenstein, D. Read, R. Baumeister (Eds). Time and choice: Economic and psychological perspectives on intertemporal choice. N. Y.: Sage; 2003. P. 217–240.
- Liberman N., Trope Y.* Traversing psychological distance // Trends in Cognitive Sciences. 2014. V. 18 (7). P. 364–369. doi: 10.1016/j.tics.2014.03.001.
- Limayem M., Hirt S. G.* Force of Habit and Information Systems Usage: Theory and Initial Validation // Journal of the AIS. 2003. V. 4 (1). P. 65–97.
- Lindenfeld L., McGreavy B.* Entertaining our way to engagement? Climate change films and sustainable development values // International Journal of Sustainable Development. 2014. V. 17. № 2. P. 123–136.
- Lindgren M.* 21st Century Management: Leadership and Innovation in the Thought Economy. L.: Palgrave Macmillan, 2012.
- Liu J. H., Goldstein-Hawes R., Hilton D.* Social Representations of Events and People in World History across 12 Cultures // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2005. V. 36. № 2. P. 171–191.
- Lorenzoni I., Leiserowitz A., Doria M. D., Poortinga W., Pidgeon N. F.* Cross-national comparisons of image associations with “global warming” and “climate change” among laypeople in the United States of America and Great Britain. Journal of Risk Research. 2006. V. 9 (3). P. 265–281.
- Lowe T., Brown K., Dessai S., de França Doria M., Haynes L., Vincent K.* Does tomorrow ever come? Disaster narrative and public perceptions of climate change // Public Understanding of Science. 2006. V. 15. № 4. P. 435–457. doi: 10.1177/0963662506063796.
- Luhmann N.* Risk: A Sociological Theory. N. Y.: Walter de Gruyter, 1993.
- Lum K., Isaac W.* To predict and serve? // Significance. 2016. V. 13. № 5. P. 14–19. doi: 10.1111/j.1740-9713.2016.00960.x.
- Lundberg J., Rankin A.* Resilience and vulnerability of small flexible crisis response teams: implications for training and preparation // Cognition, Technology & Work. 2014. V. 16 (2). P. 143–155.

- Luthar S., Cicchetti D., Becker B.* The construct of resilience: A critical evaluation and guidelines for future work // *Child Development*. 2000. V. 71. P. 543–562.
- Machine learning: the power and promise of computers that learn by example. DES4702. April 2017. L.: The Royal Society, 2017. URL: <https://royalsociety.org/~media/policy/projects/machine-learning/publications/machine-learning-report.pdf>.
- Mack T. C.* Foresight as Dialogue // *Futurist*. 2013. V. 47. № 2. P. 46–50.
- MacKay R. B., McKiernan P.* The role of hindsight in foresight: refining strategic reasoning // *Futures*. 2004. V. 36. P. 161–179.
- Maddi S. R.* Hardiness: The courage to grow from stresses // *The Journal of Positive Psychology*. 2006. V. 1 (3). P. 160–168.
- Maibach E. W., Nisbet M., Baldwin P., Akerlof K., Diao G.* Reframing climate change as a public health issue: an exploratory study of public reactions. *BMC Pub Health*. 2010. V. 10. P. 299. doi: 10.1186/1471-2458-10-299.
- Malsch A.* Prosocial behavior beyond borders: Understanding a psychological sense of global community. Unpublished doctoral dissertation. Claremont, CA: Claremont Graduate University, 2005.
- Malsch A. M., Omoto A. M.* Prosocial behavior beyond borders: Understanding a psychological sense of global community. Unpublished manuscript, Department of Psychology. Claremont, CA: Claremont Graduate University, 2007.
- Martin R. L.* Yes, Short-Termism Really is a Problem // *Harvard Business Review*. October 09, 2015.
- Martínez-Córcoles M., Teichmann M., Murdvee M.* Assessing technophobia and technophilia: Development and validation of a questionnaire // *Technology in Society*. 2017. V. 51. P. 183–188.
- Matheny J. G.* Reducing the risk of human extinction // *Risk Analysis*. 2007. V. 27. P. 1335–1344.
- Mayer F. S., Frantz C. M.* The connectedness to nature scale: A measure of individuals' feelings in community with nature // *Journal of Environmental Psychology*. 2004. V. 24. P. 504–515.
- Mays V. M., Rubin J., Sabourin M., Walker L.* Moving Toward a Global Psychology // *American Psychologist*. 1996. V. 51. № 5. P. 485–487.
- Mayton D. M.* Personality Correlates of Nuclear War Threat Perception // *Journal of Social Psychology*. 1986a. V. 126. № 6. P. 791–700.
- Mayton D. M.* Spontaneous concern About Nuclear War by College Students // *Basic & Applied Social Psychology*. 1986b. V. 7. № 3. P. 185–193.
- Mayton D. M.* Measurement of Nuclear War Attitudes: Methods and Concerns // *Basic & Applied Social Psychology*. 1988. V. 9. № 4. P. 241–263.

- McClenney J. T., Neiss R.* Responses to the threat of nuclear war: An experimental study of attitudes. Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association, Toronto, August, 1984.
- McClenney L., Neiss R.* Psychological Responses to the Threat of Nuclear War // *Journal of Applied Social Psychology*. 1989. Part 1. V. 19. № 15. P. 1239–1267.
- McClure S. M., Laibson D. I., Loewenstein G. F., Cohen J. D.* Separate Neural Systems Value Immediate and Delayed Monetary Rewards // *Science*. 2004. № 306 (5695). P. 503–507.
- McCright A., Dunlap R.* The politicization of climate change and polarization in the American public's views of global warming, 2001–2010 // *Sociological Quarterly*. 2011. V. 52. P. 155–194.
- McCubbin H. I., McCubbin M. A.* Typologies of resilient families: emerging roles of social class and ethnicity // *Family Relations*. 1988. V. 37. P. 247–254.
- McFarland S., Brown D., Webb M.* Identification With All Humanity as a Moral Concept and Psychological Construct // *Current Directions in Psychological Science*. 2013. V. 22 (3). P. 194–198.
- McFarland S., Hornsby W.* An Analysis of Five Measures of Global Human Citizenship // *European Journal of Social Psychology*. 2015. V. 45. P. 806–817.
- McFarland S., Webb M., Brown D.* All humanity is my ingroup: A measure and studies of identification with all humanity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. V. 103. P. 830–853. doi: 10.1037/a0028724.
- McGreavy B., Lindenfeld L.* Entertaining our way to engagement? Climate change films and sustainable development values // *International Journal of Sustainable Development*. 2014. V. 17. № 2. P. 123–136.
- McGregor H. A., Lieberman J. D., Greenberg J., Solomon S., Arndt J., Simon L., Pyszczynski T.* Terror management and aggression: Evidence that mortality salience motivates aggression against worldview-threatening others // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. V. 74 (3). P. 590–605. doi: 10.1037/0022-3514.74.3.590.
- McKenzie D., Wajcman J.* (Eds). *The Social Shaping of Technology*. L.: Open University Press, 1985.
- McKenzie-Mohr D., McLoughlin J. G., Dyal J. A.* Perceived Threat and Control as Moderators of Peace Activism: Implications for Mobilizing the Public in the Pursuit of Disarmament // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 1992. V. 2. № 4. P. 269–280.
- McMillan D. W., Chavis D. M.* Sense of community: A definition and theory // *Journal of Community Psychology*. 1986. V. 14. P. 6–23.

- Memes That Kill: The Future of Information Warfare // CBIInsights Research Briefs. 2018. May 3. URL: <https://www.cbinsights.com/research/future-of-information-warfare>.
- Meneghel I., Martínez I., Salanova M.* Job-related antecedents of team resilience and improved team performance // *Personnel Review*. 2016. V. 45. № 3. P. 505–522.
- Merton R. K.* The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action // *American Sociological Review*. 1936. V. 1. № 6. P. 894–904.
- Merton R. K.* The Self-Fulfilling Prophecy // *Antioch Review*. 1948. V. 8. P. 193–210.
- Metag J., Marcinkowski F.* Technophobia towards emerging technologies? A comparative analysis of the media coverage of nanotechnology in Austria, Switzerland and Germany // *Journalism*. 2014. V. 15. № 4. P. 463–481.
- Meya J. N., Eisenack K.* Effectiveness of gaming for communicating and teaching climate change. THESys Discussion Paper № 2017-3. Humboldt – Universität zu Berlin, Berlin, Germany, 2017. P. 1–31. URL: https://www.iri-thesys.org/discussion-papers/paper-pdfs/discussion-paper-11_meya_eisenack-final-small.pdf.
- Military Policy and National Security* / Eds W. William W. Kaufmann. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1956.
- Miller D., Johns M., Mok B., Gowda N.* et al. Behavioral Measurement of Trust in Automation: The Trust Fall // *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society 2016 Annual Meeting*. 2016. V. 60. № 1. P. 1849–1853. doi: 10.1177/1541931213601422.
- Miller J. D., Inglehart R.* Public attitudes toward S&T // *Leadership in Science and Technology: A reference handbook* / W.S. Bainbridge (Ed.). L.: Sage Publications, 2012. P. 298–306.
- Mitchell D. J., Russo J. E., Pennington N.* Back to the future: Temporal perspective in the explanation of events // *Journal of Behavioral Decision Making*. 1989. V. 2 (1). P. 25–38.
- Mitchell K.* Educating the national citizen in neoliberal times: from the multicultural self to the strategic cosmopolitan // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2003. V. 28. P. 387–403.
- Mitchell K.* Geographies of identity: the intimate cosmopolitan // *Progress in Human Geography*. 2007. V. 31. P. 706–720.
- Mocanu D., Rossi L., Zhang Q., Karsai M., Quattrociochi W.* Collective attention in the age of (mis)information // *Computers in Human Behavior*. 2015. V. 51. P. 1198–1204.
- Monroe K.* The heart of altruism: Perception of a common humanity. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1996.

- Moon H.-J.* The Post-Apocalyptic Turn: a Study of Contemporary Apocalyptic and Post-Apocalyptic Narrative. Theses and Dissertations. Paper 615. The University of Wisconsin—Milwaukee, 2014.
- Morawski J. G., Goldstein Sh. E.* Psychology and Nuclear War: A Chapter in Our Legacy of Social Responsibility // *American Psychologist*. 1985. V. 40. № 3. P. 276–345.
- Morgan P. B., Fletcher D., Sarkar M.* Defining and characterizing team resilience in elite sport // *Psychology of Sport and Exercise*. 2013. V. 14 (4). P. 549–559.
- Morgan P. B. C., Fletcher D., Sarkar M.* Understanding team resilience in the world's best athletes: A case study of a rugby union World Cup winning team // *Psychology of Sport and Exercise*. 2015. V. 16. № 1. P. 91–100.
- Mullin W. J., Arce M.* Resilience of Families Living in Poverty // *Journal of Family Social Work*. 2008. V. 11. № 4. P. 424–440.
- Myers T., Nisbet M., Maibach E., Leiserowitz A.* A public health frame arouses hopeful emotions about climate change // *Climatic Change*. 2012. № 113. P. 1105–1112.
- Nadler J. T., Lowery M. R.* Emotional expression, gender, personality and workplace and appropriate behaviors // *Research on emotion in organization*. V. 5. *Emotions in Groups, Organizations and Cultures* / Eds N. M. Ashkanasy, W. J. Zerbe, Ch. E. J. Härtel. UK: Emerald Group Publishing, 2009. P. 23–44.
- Nass C., Moon Y., Green N.* Are machines gender neutral? Gender-stereotypic responses to computers with voices // *Journal of Applied Social Psychology*. 1997. V. 27 (10). P. 864–876.
- Navlakha S., Faloutsos C., Bar-Joseph Z.* MassExodus: modeling evolving networks in harsh environments // *Data Mining & Knowledge Discovery*. 2015. V. 29 (5). P. 1211–1232.
- Neal A. G.* *National Trauma and Collective Memory*. N. Y.: Sharpe, 1998.
- Neale M., Bazerman M.* Negotiator cognition and rationality: A behavioral decision theory perspective // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1992. V. 51. P. 157–175.
- Nelson L., Slem C.* Attitudes about arms control and effects of The Day After. Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association, Toronto. ERIC Document Reproduction Service № ED 257-699, 1984.
- Nelson L. J., Moore D. L., Olivetti J., Scott T.* General and personal mortality salience and nationalistic bias // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1997. V. 23 (8). P. 884–892.
- Newcomb M. D.* Nuclear Attitudes and Reactions: Associations With Depression, Drug Use and Quality of Life // *Journal of Personality & Social Psychology*. 1986. V. 50. № 5. P. 906–920.

- Newcomb M. D.* Nuclear Anxiety and Psychological Functioning Among Young Adults // *Basic & Applied Social Psychology*. 1988. V. 9. № 2. P. 107–134.
- Newcomb M. D.* Assessment of Nuclear Anxiety Among American Students: Stability Over Time, Secular Trends, and Emotional Correlates // *Journal of Social Psychology*. 1989. V. 129. № 5. P. 591–608.
- Nistor N., Göğüş A., Lerche Th.* Educational technology acceptance across national and professional cultures: a European study // *Educational Technology Research & Development*. 2013. V. 61 (4). P. 733–749.
- Nistor N., Lerche T., Weinberger A., Ceobanu C., Heymann O.* Towards the integration of culture into the Unified Theory of Acceptance and Use of Technology // *British Journal of Educational Technology*. 2014. V. 45 (1). P. 36–55.
- Nolen-Hoeksema S., Davis C. G.* Positive responses to loss: Perceiving benefits and growth // *Handbook of positive psychology* / Eds C. R. Snyder, S.J. Lopez. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 598–603.
- Nomura T., Suzuki T., Kanda T.* Measurement of negative attitudes toward robots // *Interaction Studies*. 2006. V. 7 (3). P. 436–454.
- Novak M., Highfield R.* *SuperCooperators. Altruism, Evolution and Human Behaviour Or Why We Need Each Other to Succeed*. N. Y.: Free Press, 2010.
- O'Neill S., Nicholson-Cole S.* “Fear won’t do it”: promoting positive engagement with climate change through visual and iconic representations // *Science Communication*. 2009. V. 30. № 3 P. 355–279.
- Odum A. L.* Delay discounting: Trait variable? // *Behavioural Processes*. 2011. V. 87. № 1. P. 1–9.
- Olausson U.* Towards a European Identity? The News Media and the Case of Climate Change // *European Journal of Communication*. 2010. V. 25. № 2. P. 138–152.
- Oliner S., Oliner P.* *The altruistic personality: Rescuers of Jews in Nazi Europe*. N. Y.: Free Press, 1988.
- Oppenheimer M., Todorov A.* Global Warming: The Psychology of Long Term Risk // *Climatic Change*. 2006. V. 77. № 1. P. 1–6.
- Osiceanu M.-E.* Psychological Implications of Modern Technologies: “Technofobia” vs “Technophilia” // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. V. 180. P. 1137–1144.
- Pantzar M.* Domestication of Everyday Life Technology: Dynamic Views on the Social Histories of Artifacts // *Design Issues*. 1997. V. 13. № 3. P. 52–65.
- Pappas J., Pappas E.* The Sustainable Personality: Values and Behaviors in Individual Sustainability // *International Journal of Higher Education*.

2015. V. 4. № 1. P. 12–21.
- Parlett N., Foyster R., Ho P.* Will robots really steal our jobs? An international analysis of the potential long term impact of automation. PwC, 2018. URL: https://www.pwc.com/hu/hu/kiadvanyok/assets/pdf/impact_of_automation_on_jobs.pdf.
- Pasquale F.* The black box society: The secret algorithms that control money and information. Cambridge: Harvard University Press, 2015.
- Patil A., Liu J., Gao J.* Predicting group stability in online social networks // Proceedings of the 23th International Conference on World Wide Web (WWW'13). ACM, N. Y., 2013. P. 1021–1030.
- Paul T. V.* Nuclear Taboo and War Initiation in Regional Conflicts // The Journal of Conflict Resolution. 1995. V. 39. № 4. P. 696–717.
- Paul T. V.* The tradition of non-use of nuclear weapons. Stanford, CA: Stanford University Press, 2009.
- Pawlik K., d'Ydewalle G.* Psychology and the global commons: Perspectives of international psychology // American Psychologist. 1996. V. 51. № 5. P. 488–495.
- Pennebaker J. W., Harber K. D.* A social stage model of collective coping: The Loma Prieta earthquake and the Persian Gulfwar // Journal of Social Issues. 2003. V. 49. P. 125–145.
- Penner L., Brannick M. J., Webb S., Cornell P.* Effects of volunteering of the September 11th, 2001 attack: An archival analysis // Journal of Applied Social Psychology. 2005. V. 7. P. 1333–1360.
- Pfiffner J. P.* Presidential Decision Making: Rationality, Advisory Systems, and Personality // Presidential Studies Quarterly. 2005, 35. P. 217–228.
- Pichler F.* Cosmopolitanism in a global perspective: An international comparison of open-minded orientations and identity in relation to globalization // International Sociology. 2012. V. 27. № 1. P. 21–50.
- Pichler F.* “Down-to-Earth” Cosmopolitanism: Subjective and Objective Measurements of Cosmopolitanism in Survey Research // Current Sociology. 2009. V. 57. № 5. P. 704–732.
- Pichlmair M.* Assembling a Mosaic of the Future: The Post-Nuclear World of Fallout 3 // Eludamos. Journal for Computer Game Culture. 2009. № 3 (1). P. 107–113.
- Pilisuk M.* Addictive Rewards in Nuclear Weapons Development // Peace Review. 1999. V. 11. № 4. P. 597–600.
- Pinch T., Bijker W.* The Social Construction of Facts and Artifacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other // The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology / W. Bijker, T. Hughes, T. Pinch (Eds). Cambridge, MA: MIT Press, 1987. P. 17–50.

- Plous S.* Thinking the Unthinkable: The Effects of Anchoring on Likelihood Estimates of Nuclear War // *Journal of Applied Social Psychology*. 1989. V. 19. № 1. P. 67–91.
- Plous S.* The Nuclear Arms Race: Prisoner's Dilemma or Perceptual Dilemma? // *Journal of Peace Research*. V. 30. № 2. 1993. P. 163–179.
- Poikolainen K., Kanerva R., Lönnqvist J.* Increasing fear of nuclear war among adolescents before the outbreak of the Persian Gulf War // *Nordic Journal of Psychiatry*. 1998. V. 52. Iss. 3. P. 197–202.
- Polak F.* The image of the future. L.—N. Y.: Elsevier Publishing, 1973.
- Poole S.* Why video games are obsessed with the apocalypse // *BBC Future*. 15 August 2017. URL: <http://www.bbc.com/future/story/20170815-why-video-games-are-obsessed-with-the-apocalypse>.
- Poortinga W., Pidgeon N. F.* Exploring the Structure of Attitudes Toward Genetically Modified Food // *Risk Analysis: An International Journal*. 2006. V. 26. № 6. P. 1707–1719.
- Posner R.* Catastrophe: Risk and Response. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Poushter J., Manevich D.* Globally, People Point to ISIS and Climate Change as Leading Security Threats // *Pew Research Center*, August, 2017. P. 1–32. URL: <http://www.pewglobal.org/2017/08/01/globally-people-point-to-isis-and-climate-change-as-leading-security-threats/>.
- Pozzi M., Marta E., Marzana D., Gozzolib C., Ruggieri R. A.* The Effect of the Psychological Sense of Community on the Psychological Well-Being in Older Volunteers // *Europe's Journal of Psychology*. 2014. V. 10 (4). P. 598–612.
- Prati G., Pietrantonio L. C.* Psychosocial predictors of post traumatic growth and benefit finding: A meta-analysis // *Proceedings of the 10th European Conference on Traumatic Stress*. Opatija, Croatia, 2007.
- Pruitt D. G., Rubin J. Z.* Social conflict escalation, stalemate, and settlement. N. Y.: Random House, 1986.
- Psychological Aspects of Nuclear War*. Ed. by James A. Thompson. Chichester, N. Y.: John Wiley & Sons Inc, 1985.
- Psychology and Global Climate Change: Addressing a Multi-Faceted Phenomenon and Set of Challenges*. Report of the American Psychological Association, Task Force on the Interface Between Psychology and Global Climate Change. APA, 2009. URL: <http://www.apa.org/science/about/publications/climate-change.aspx>.
- Psychology and the Prevention of Nuclear War: A Book of Readings* / Ed. by Ralph White. N. Y.: New York University Press, 1986.
- Pynadath D. V., Barnes M., Wang N., Chen J. Y. C.* Transparency Communication for Machine Learning in Human-Automation Interaction //

- Human and Machine Learning. Visible, Explainable, Trustworthy and Transparent. Ed. by J. Zhou and F. Chen. Cham: Springer, 2018. P. 75–90. doi: 10.1007/978-3-319-90403-0_5.
- Pyszczynski T.A., Solomon S., Greenberg I.* In the wake of 9/11: The psychology of terror. Washington, DC: American Psychological Association, 2002.
- Qin W., Brown J. L.* Public reactions to information about genetically engineered foods: effects of information formats and male/female differences // *Public Understanding of Science*. 2007. V. 16 (4). P. 471–488.
- Qu Ch., Ling Y., Heynderickx I., Brinkman W.-P.* Virtual Bystanders in a Language Lesson: Examining the Effect of Social Evaluation, Vicarious Experience, Cognitive Consistency and Praising on Students' Beliefs, Self-Efficacy and Anxiety in a Virtual Reality Environment // *PLoS ONE*. 2015. V. 10. № 4. P. 1–26. DOI: 10.1371/journal.pone.0125279.
- Rakow T., Heard C. L., Newell B. R.* Meeting Three Challenges in Risk Communication: Phenomena, Numbers and Emotions // *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*. 2015. № 2. October 1. P. 147–156.
- Ramaswamy V., Ozcan K.* The Co-creation Paradigm. Stanford, California: Stanford Business Books. 2014.
- Ramo L. G.* How can we make sense of emotional and social competences within organizational settings? // *Research on emotion in organization*. V. 5. Emotions in Groups, Organizations and Cultures / Eds Charmine E. J. Härtel, Neal M. Ashkanasy, W. J. Zerbe. UK: Emerald Group Publishing, 2009. P. 1–23.
- Randle M., Eckersley R., Miller L.* Societal and personal concerns, their associations with stress, and the implications for progress and the future // *Futures*. 2017. V. 93. P. 68–79.
- Randle M. J., Eckersley R.* Public perceptions of future threats to humanity and different societal responses: a cross-national study // *Futures*. 2015. V. 72. P. 4–16.
- Rao A., Cameron E.* The Future of Artificial Intelligence Depends on Trust. If it is to drive business success, AI cannot hide in a black box // *Strategy+business*. 2018. № 91. July 31, 2018. URL: <https://www.strategy-business.com/article/The-Future-of-Artificial-Intelligence-Depends-on-Trust> (дата обращения: 03.08.2018).
- Rees M.* Our Final Century: Will the Human Race Survive the Twenty-first Century? Oxford: William Heinemann, 2003.
- Reese G., Berthold A., Steffens M. C.* As high as it gets: Ingroup projection processes in the superordinate group humans // *International Journal of Intercultural Relations*. 2016. V. 50. P. 39–49.
- Reese G., Kohlmann F.* Feeling global, acting ethically: Global identification and Fairtrade consumption // *The Journal of Social Psychology*. 2015.

- V. 155 (2). P. 98–106. doi: 10.1080/00224545.2014.992850.
- Reese G., Proch J., Cohrs J. C.* Individual differences in responses to global inequality // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2014. V. 14. P. 217–238. doi: 10.1111/asap. 12032.
- Reese G., Proch J., Finn C.* Identification with all humanity: The role of self-investment and self-definition // *European Journal of Social Psychology*. 2015. V. 45. P. 426–440. doi: 10.1002/ejsp.2102.
- Reeves B., Nass C.* *The Media Equation: How People Treat Computers, Television and New Media Like Real People and Places*. Stanford: CSLI Publications, 1996.
- Rehm M., Krogsgaard A.* Negative affect in human robot interaction: Impoliteness in unexpected encounters with robots // *RO-MAN 2013: The 22nd IEEE International Symposium on Robot and Human Interactive Communication*. RO-MAN 2013, Gyeongju. Piscataway, N.J.: IEEE, 2013. P. 45–50.
- Retzinger S., Scheff T.* Emotion, Alienation, and Narratives: Resolving Intractable Conflict // *Mediation Quarterly*. 2000. V. 18 (1) P. 71–85.
- Reysen S., Katzarska-Miller I.* A model of global citizenship: Antecedents and outcomes // *International Journal of Psychology*. 2013. V. 48. P. 858–870. doi: 10.1080/00207594.2012.701749.
- Rhee S.-E.* Group emotions and group outcomes: the role of group-member interactions // *Affect and Groups. Research on Managing Groups and Teams / Eds E. A. Mannix, M. A. Neale, C. P. Anderson*. V. 10. Oxford, UK: Elsevier Ltd., 2007. P. 65–95.
- Rhinesmith S. H.* Global mindsets for global managers // *Training and Development*. 1992. V. 49. № 5. P. 63–68.
- Ribeiro B.* Modeling and Predicting the Growth and Death of Membership-based Websites // *Proceedings of the 23th International Conference on World Wide Web (WWW'14)*. ACM, New York, 2014. P. 653–664.
- Richtner A., Löfsten H.* Managing in turbulence: how the capacity for resilience influences creativity // *R&D Management*. 2014. V. 44. № 2. P. 137–151.
- Riefler P., Diamantopoulos A.* Consumer cosmopolitanism: Review and replication of the CYMYC scale // *Journal of Business Research*. 2009. V. 62. P. 407–419.
- Rime B.* Emotion elicits the social sharing of emotion: Theory and empirical review // *Emotion Review*. 2009. V. 1. P. 60–85.
- Rime B., Paez D., et al.* Social sharing of emotion, post-traumatic growth, and emotional climate: Follow-up of Spanish citizen's response to the collective trauma of March 11th terrorist attacks in Madrid // *European Journal of Social Psychology*. 2010. V. 40. P. 1029–1045.
- Rogers E.* *Diffusion of innovations* (5th ed.). N. Y.: Free Press, 2003.

- Rohrbeck R.* Corporate Foresight. Towards a Maturity Model for the Future Orientation of a Firm. Berlin–Heidelberg: Springer-Verlag, 2011.
- Rosenthal-von der Pütten A. M., Schulte F. P., Eimler S. C., Sobieraj S., Hoffmann L., Maderwald S.* et al. Investigations on empathy towards humans and robots using fMRI // *Computers in Human Behavior*. 2014. V. 33. P. 201–212.
- Ross C., Swetlitz I.* IBM’s Watson supercomputer recommended “unsafe and incorrect” cancer treatments, internal documents show // *STAT+*. July 25, 2018. URL: <https://www.statnews.com/2018/07/25/ibm-watson-recommended-unsafe-incorrect-treatments>.
- Rublee M. R.* Nonproliferation Norms: Why States Choose Nuclear Restraint. Athens: University of Georgia Press, 2009.
- Rühle M.* Deterrence: what it can (and cannot) do // *NATO Review*. 2015. P. 1.
- Rumore D., Schenk T., Susskind L.* Enhancing Communities’ Readiness to Adapt to Climate Change Through Role-Play Simulations // *Nature Climate Change*. 2016. V. 6. P. 745–750.
- Russo Th. J., Lyon M. A.* Predictors of College Students’ Levels of Knowledge and Concern about Nuclear War // *Journal of Applied Social Psychology*. 1990. Part 2. V. 20. № 9. P. 739–750.
- Sakamoto T., Hoshiro H.* Simulating the Process of Policy Making: The Case of the Cuban Missile Crisis // *Conference Papers – International Studies Association, 2006 Annual Meeting*. P. 1–32.
- Sampson D., Smith H. P.* A scale to measure world-minded attitudes // *Journal of Social Psychology*. 1957. V. 45. P. 99–106.
- Samuel L. R.* Future: A Recent History. Austin, TX: University of Texas Press, 2009.
- Saran A., Kalliny M.* Cosmopolitanism: Concept and Measurement // *Journal of Global Marketing*. 2012. V. 25. № 5. P. 282–291.
- Sauermann H., Franzoni Ch.* Crowd Science User Contribution Patterns and Their Implications (January 6, 2015). Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS), January 20, 2015. V. 112. № 3. URL: <http://ssrn.com/abstract=2545945>.
- Savelkaeva A., Poliakova V., Fursov K.* Structure of Social Attitudes to Science and Technology: National and Individual Determinants. Working papers by NRU Higher School of Economics. Series WP BRP «Science, Technology and Innovation». WP BRP 52/STI/2015.
- Schaefer K. E.* Measuring Trust in Human Robot Interactions: Development of the “Trust Perception Scale-HRI” // R. Mittu, D. Sofge, A. Wagner, W. Lawless (Eds). *Robust Intelligence and Trust in Autonomous Systems*. Boston, MA: Springer, 2016. P. 191–218. doi: 10.1007/978-1-4899-7668-0_10.

- Scharre P.* Army of None: Autonomous Weapons and the Future of War. N. Y.: W. W. Norton, 2018.
- Schelling Th. C.* Arms and Influence. New Haven: Yale University Press, 1966.
- Schmid U.* Post-Apocalypse, Intermediality and Social Distrust in Russian Pop Culture // Russian analytical digest. 2013. V. 126. URL: <http://www.css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/RAD-126-2-5.pdf>.
- Schofield J. W., Pavelchak M. A.* Fallout From The Day After: The Impact of a TV Film on Attitudes Related to Nuclear War // Journal of Applied Social Psychology. 1989. V. 19. № 5. P. 433–448.
- Schuman H., Ludwig J., Krosnick J. A.* The Perceived Threat of Nuclear War, Salience and Open Questions // Public Opinion Quarterly. 1986. V. 50. Iss. 4. P. 519–536.
- Shunk D., Winter J.* The relationship between risk attitudes and heuristics in search tasks: a laboratory experiment // Journal of Economic Behavior and Organization. 2009. V. 71. P. 347–360.
- Selbst A. D., Powles J.* Meaningful Information and the Right to Explanation // Proceedings of Machine Learning Research. 2018. V. 81. P. 1–1. URL: <http://proceedings.mlr.press/v81/selbst18a/selbst18a.pdf>.
- Sergeev V. M., Akimov V. P., Lukov V. B., Parshin P. B.* Interdependence in a Crisis Situation // Journal of Conflict Resolution. 1990. V. 34. № 2. P. 179–207.
- Shafer D. M.* Moral Choice in Video Games: An Exploratory Study // Media Psychology Review. 2012. V. 5 (1). URL: <http://mprcenter.org/review/shafermoralchoicegames>.
- Shafer D. M., Janicke S., Seibert J.* Judgment and Choice: Moral Judgment, Enjoyment and Meaningfulness in Interactive and Non-Interactive Narratives // IOSR. Journal of Humanities and Social Science. 2016. V. 21 (8). P. 97–106. doi: 10.9790/0837-2106010106.
- Sharma S., Sharma S. K.* Team Resilience: Scale Development and Validation // Vision. 2016. V. 20. № 1. P. 37–53.
- Shchebetenko S.* “The best man in the world”: Attitudes toward personality traits // Psychology. Journal of Higher School of Economics. 2014. V. 11 (3). P. 129–148.
- Sheffi Y.* The resilient enterprise: Overcoming vulnerability for competitive advantage. Cambridge: MIT Press, 2007.
- Shepherd L., Spears R., Manstead A. S. R.* “This will bring shame on our nation”: The role of anticipated group-based emotions on collective action // Journal of Experimental Social Psychology. 2013. V. 49 (1). P. 42–57.
- Sheridan T. B., Parasuraman R.* Human–automation interaction // Reviews of Human Factors and Ergonomics. 2005. V. 1. № 89. P. 89–129.

- Silverman A.* Research in Social Movements: Where have all the peace activists gone? // *Conflicts & Change*. 1991. V. 13. P. 153–170.
- Silverman J. M., Kumka D. S.* Gender Differences in Attitudes Toward Nuclear War and Disarmament // *Sex Roles*. 1987. V. 16. № 3/4. P. 189–203.
- Silverstone R.* Domesticating Domestication. Reflection on the Life of a Concept // *Domestication of Media and Technology* / Eds Th. Berker, M. Hartmann, Y. Punie, K. Ward. Maidenhead: Open University Press, 2006. P. 229–248.
- Simon M. W.* Asymmetric Proliferation and Nuclear War: The Limited Usefulness of an Experimental Test // *International Interactions*. 2004. V. 30. № 1. P. 69–85.
- Simonite T.* AI experts want to end “black box” algorithms in government // *Wired Business*. 10.18.17. URL: <https://www.wired.com/story/ai-experts-want-to-end-black-box-algorithms-in-government>.
- Simonite T.* Tech firms move to put ethical guard rails around AI // *Wired Business*. 05.16.18. URL: <https://www.wired.com/story/tech-firms-move-to-put-ethical-guard-rails-around-ai>.
- Sinfield J., Trotter A.* How CFOs Can Take the Long-Term View in a Short-Term Economy // *Harvard Business Review*. March 15, 2016.
- Sinkovics R., Stottingen B., Schlegelmilch B. B., Ram S.* Reluctance to Use Technology-Related Products: Development of a Technophobia Scale // *Thunderbird International Business Review*. 2002. V. 44. № 4. P. 477–494.
- Slotegraaf R. J., Atuahene-Gima K.* Product development team stability and new product advantage: the role of decision-making processes // *Journal of Marketing*. 2011. V. 75. P. 96–108.
- Slovic P.* The More Who Die, the Less We Care // P. Slovic. *The Feeling of Risk: New Perspectives on Risk Perception (Earthscan Risk in Society)*. N. Y.: Earthscan, 2013.
- Smith A.* U. S. Views of Technology and the Future: Science in the next 50 years. URL: <http://www.pewinternet.org/2014/04/17/us-views-of-technology-and-the-future> (дата обращения: 05.05.2018).
- Smith N., Joffe H.* How the public engages with global warming: A social representations approach // *Public Understanding of Science*. 2013. V. 22. № 1. P. 16–32.
- Smith N., Leiserowitz A.* The Role of Emotion in Global Warming Policy Support and Opposition // *Risk Analysis: An International Journal*. 2014. V. 34. № 5. P. 937–948.
- Smith N. W., Joffe H.* Climate Change in the British Press: The Role of the Visual // *Journal of Risk Research*. 2009. V. 12 (5). P. 647–663.
- Solomon S., Greenberg J., Pyszczynski T.* A terror management theory of social behavior: The psychological functions of self-esteem and cultur-

- al worldviews // *Advances in Experimental Social psychology*. 1991. V. 24 (C). P. 93–159. doi: 10.1016/S0065-2601(08)60328-7.
- Spain R. D., Bustamante E. A., Bliss J. P.* Towards an Empirically Developed Scale for System Trust: Take Two // *Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting*. 2008. V. 52. № 19. P. 1335–1339.
- Spreng R. N., Mar R. A., Kim A. S. N.* The Common Neural Basis of Autobiographical Memory, Prospection, Navigation, Theory of Mind and the Default Mode: A Quantitative Meta-analysis // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2009. V. 21. Iss. 3. P. 489–510.
- Steers M.-L. N., Wickham R. E., Acitelli L. K.* Seeing Everyone Else's Highlight Reels: How Facebook Usage is Linked to Depressive Symptoms // *Journal of Social and Clinical Psychology*. 2014. V. 33. № 8. P. 701–731. doi: 10.1521/jscp.2014.33.8.701
- Stein J. G.* Threat perception in international relations // *The Oxford Handbook of Political Psychology*. 2nd ed / Eds L. Huddy, D. O. Sears, J. S. Levy. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Steinemann S. T., Iten G. H., Opwis K., Forde S. F., Frasseck L., Mekler E. D.* Interactive Narratives Affecting Social Change. A Closer Look at the Relationship Between Interactivity and Prosocial Behavior // *Journal of Media Psychology*. 2017. V. 29 (1). P. 54–66. doi: 10.1027/1864-1105/a000211.
- Steinert H.* Unspeakable September 11th: Taken-for-granted assumptions, selective reality constructions and populist politics // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2003. V. 27. P. 651–665.
- Stephan W. G., Stephan C. W.* An integrated threat theory of prejudice // *Reducing prejudice and discrimination* / Ed. by S. Oskamp. Mahwah, N.J.: Psychology Press, 2000. P. 23–45.
- Stern E. K.* *Crisis Decisionmaking: A Cognitive Institutional Approach*. Stockholm: Swedish National Defence College, 2003.
- Sternberg R. J., Soriano L. J.* Styles of conflict resolution // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1984. V. 47. № 1. P. 115–126.
- Stevens J. R., Cushman F. A., Hauser M. D.* The ecology and evolution of patience in two New World monkeys // *Biology Letters*. 2005. № 1. P. 223–226.
- Stewart G. A.* The Relationship Between Adolescents' Concern Over the Threat of Nuclear War and Several Personality Dimensions // *Canadian Journal of Behavioral Science*. 1988. V. 20. № 4. P. 452–460.
- Stoknes P. E.* *What We Think About When We Try Not To Think About Global Warming: Toward a New Psychology of Climate Action*. Vermont: Chelsea Green Publishing, 2015.

- Stoner I. A. F.* Risky and cautious shifts in group decisions: the influence of widely held values // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1968. V. 4. P. 442–459.
- Story J. S. P., Barbuto J. E., Luthans F., Bovaird J. A.* Meeting the challenges of effective international HRM: analysis of the antecedents of global mindset // *Human Resource Management*. 2014. V. 53. № 1. P. 131–155.
- Stromquist N. P.* Theorizing Global Citizenship: Discourses, Challenges and Implications for Education // *International Journal of Education for Democracy*. 2009. V. 2. № 1. P. 6–29.
- Suchy P., Thayer B. A.* Weapons as political symbolism: the role of U. S. tactical nuclear weapons in Europe // *European Security*. 2014. V. 23. № 4. P. 509–528.
- Sunstein C. R.* Precautions Against What? The Availability Heuristic and Cross-Cultural Risk Perception // *Alabama Law Review*. 2005. V. 75. P. 57–75.
- Sunstein C. R.* *Worst-Case Scenarios*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007.
- Sutcliffe K. M., Vogus T. J.* Organizing for Resilience // *Positive Organizational Scholarship: Foundations of a New Discipline* / K. S. Cameron, J. E. Dutton, R. E. Quinn (Eds). San Francisco: Berrett-Koehler, 2003. P. 94–110.
- Suwajanakorn S., Seitz S. M., Kemelmacher-Shlizerman I.* Synthesizing Obama: Learning Lip Sync from Audio // *SIGGRAPH*. 2017. URL: <http://grail.cs.washington.edu/projects/AudioToObama>.
- Syrdal D. S., Dautenhahn K., Koay K. L., Walters M. L.* The Negative Attitudes towards Robots Scale and reactions to robot behaviour in a live human–robot interaction study // *Adaptive and Emergent Behaviour and Complex Systems: Proceedings of the 23rd Convention of the Society for the Study of Artificial Intelligence and Simulation of Behaviour (AISB 2009)*. Edinburgh, 2009. P. 109–115.
- Tajfel H.* *Differentiation Between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations*. L.: Academic Press. 1978.
- Taliaferro J. W.* *Balancing risks: Great power intervention in the periphery*. Ithaca: Cornell University Press, 2004.
- Tanaka S. C., Yamada K., Yoneda H., Ohtake F.* Neural mechanisms of gain-loss asymmetry in temporal discounting // *The Journal of Neuroscience*. 2014. V. 34 (6). P. 5595–5602.
- Tapscott D.* *Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World?* N. Y.: McGraw Hill, 2009.
- Taylor P.* Catastrophes and insurance // *Global Catastrophic Risks* / Eds N. Bostrom, M. M. Cirkovic. L.–N. Y.: Oxford University Press, 2008. P. 164–183.

- Tegmark M.* Life 3.0: being human in the age of artificial intelligence. N. Y.: Knopf, 2017.
- Tenenboim-Weinblatt K., Neiger M.* Print is Future, Online is Past. Cross-Media Analysis of Temporal Orientations in the News // Communication Research November 21, 2014. doi: 10.1177/0093650214558260.
- Teney C., Lacewell O. P., De Wilde P.* Winners and losers of globalization in Europe: attitudes and ideologies // European Political Science Review. 2013. November. P. 1–21.
- Tetlock Ph. E., McGuire Ch. B., Mitchell G.* Psychological Perspectives on Nuclear Deterrence // Annual Review of Psychology. 1991. V. 42. P. 239–276.
- Thaler R.* Some empirical evidence on dynamic inconsistency // Economic Letters. 1981. V. 8. № 3. P. 201–207.
- The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order / Ed. by B. Brodie. N. Y.: Harcourt Brace, 1946.
- The Global Catastrophic Risks – 2016. A report of the Global Challenges Foundation/Global Priorities Project. Oxford, 2016.
- The Global Catastrophic Risks – 2017. A report of the Global Challenges Foundation/Global Priorities Project. Oxford, 2017.
- The Global Citizenship: a growing sentiment among citizens of emerging economies: Global Poll. URL: http://www.globescan.com/images/images/pressreleases/BBC2016-Identity/BBC_GlobeScan_Identity_Season_Press_Release_April%2026.pdf (дата обращения: 20.05.2018).
- The Global Risks Report 2013. 8th Edition. World Economic Forum, 2013. URL: <http://reports.weforum.org/global-risks-2016> (дата обращения: 20.05.2018).
- The Global Risks Report 2016. 11th Edition. World Economic Forum, 2016. URL: http://opim.wharton.upenn.edu/risk/library/Global_Risks_2013.pdf (дата обращения: 20.05.2018).
- The Global Risks Report 2017. 12th Edition. World Economic Forum, 2016. URL: http://www3.weforum.org/docs/GRR17_Report_web.pdf (дата обращения: 20.05.2018).
- The Global Risks Report 2018. 13th Edition. World Economic Forum, 2018. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GRR18_Report.pdf (дата обращения: 20.07.2018).
- The World of 2035. Global Outlook / Ed. by prof. Alexander Dynkin. Moscow: Magistr, 2018.
- Thies J., Zollhöfer M., Stamminger M., Theobalt C., Nießner M.* Face2Face: Real-time Face Capture and Reenactment of RGB Videos // The IEEE Conference on Computer Vision and Pattern Recognition (CVPR), 2016. P. 2387–2395. URL: <http://www.niessnerlab.org/projects/thies-2016face.html>.

- Thorpe S., Brosnan M.* Does computer anxiety reach levels which conform to DSM IV criteria for specific phobia? // *Computers in Human Behavior*, 2007. V. 23. P. 1258–1272.
- Tint B.* History, Memory, and Intractable Conflict // *Conflict Resolution Quarterly*. 2010. V. 27. № 3. P. 239–256.
- Tiryakian E., Beck U.* Cosmopolitanism as Imagined Communities of Global Risk // *American Behavioral Scientist*. 2011. V. 55. № 10. P. 1346–1361.
- Toma L., Hancock T.* Self-Affirmation Underlies Facebook Use // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2013. V. 39. № 3. P. 321–331.
- Tonn B.* Beliefs about human extinction // *Futures*. 2009. V. 41. P. 766–773.
- Treyer S.* Changing perspectives on foresight and strategy: from foresight project management to the management of change in collective strategic elaboration processes // *Foresight for Dynamic Organisations in Unstable Environments: A Search for New Frameworks* / Eds S. Mendonça, B. Sapio. L.–N. Y.: Taylor and Francis, 2011. P. 67–76.
- Trope Y., Liberman N.* Construal-Level Theory of Psychological Distance // *Psychological Review*. 2010. V. 117. № 2. P. 440–463.
- Turchin A., Denkenberger D.* Classification of global catastrophic risks connected with artificial intelligence // *AI & Society*. 2018. P. 1–17. doi: 10.1007/s00146-018-0845-5.
- Turner R. H., Kiecolt K. J.* Responses to uncertainty and risk: Mexican American, black, and Anglo beliefs about the manageability of the future // *Social Science Quarterly*. 1984. V. 65 (2). P. 665–679.
- Tversky A., Kahneman D.* Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty // *Journal of Risk and Uncertainty*. 1992. V. 5 (4). P. 297–323.
- Urry J.* *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2002.
- Vale L. J.* The Politics of Resilient Cities: Whose Resilience and Whose City? // *Building Research & Information*. 2014. V. 42. № 2. P. 191–201.
- Vale L. J., Campanella Th. J.* Axioms of Resilience // *The Resilient City: How Modern Cities Recover From Disaster* / Eds Th. J. Campanella, L. J. Vale. N. Y.: Oxford University Press, 2005. P. 335–356.
- van der Heijden H.* User Acceptance of Hedonic Information Systems, // *MIS Quarterly*, 2004. V. 28 (4). P. 695–704.
- Van Ijzendoorn M.* Moral judgment and concern about nuclear war // *Youth & Society*. 1987. V. 18. № 3. P. 283–301.
- Van Zomeren M., Spears R., Leach C. W.* Exploring psychological mechanisms of collective action: Does relevance of group identity influence how people cope with collective disadvantage? // *British Journal of Social Psychology*. 2008. V. 47. P. 353–372.

- Venkatesh V., Morris M. G., Davis G. B., Davis F. D.* User acceptance of information technology: Toward a unified view // *MIS Quarterly*. 2003. V. 27 (3). P. 425–478.
- Venkatesh V., Thong J. Y. L., Xu X.* Consumer acceptance and use of information technology: extending the unified theory of acceptance and use of technology // *MIS Quarterly*. 2012. V. 36. № 1. P. 157–178.
- Vergès P.* L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // *Bulletin de psychologie*. 1992. V. XLV. № 405. P. 203–209.
- Verleye K, Jaakkola D, Helkkula A, Aarikka-Stenroos D.* The co-creation experience from the customer perspective: its measurement and determinants // *Journal of Service Management*. 2015. V. 26. № 2. P. 321–342.
- Vishwanath A.* The psychology of the diffusion and acceptance of technology // S. S. Sundar (Ed.). *The Handbook of Psychology of Communication Technology*. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2014. P. 314–331.
- Vosoughi S., Roy D., Aral S.* The spread of true and false news online // *Science*. 2018. V. 359. № 6380. P. 1146–1151. doi: 10.1126/science.aap9559.
- Wagner R. V.* Psychology and the Threat of Nuclear War // *American Psychologist*. 1985. V. 40. Iss. 5. P. 531–535.
- Wagner R. V.* Distinguishing between Positive and Negative Approaches to Peace // *Journal of Social Issues*. 1988. V. 44. № 2. P. 1–15.
- Wagner R. V.* Tribute to Milton Schwebel, Editor par Excellence // *Peace & Conflict*. 2001. V. 7. № 3. P. 197–200.
- Waldron I., Baron J., Frese M., Sabini J.* Activism Against Nuclear Weapons Build-up – Student Participation in the 1984 Primary Campaigns // *Journal of Applied Social Psychology*, 1988. V. 18. № 10. P. 826–836.
- Walker B. H., Holling C. S., Carpenter S. R., Kinzig A.* Resilience, adaptability and transformability in social-ecological systems // *Ecology and Society*. 2004. V. 9 (2). № 5. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol9/iss2/art5/>.
- Wallinga Ch., Boyd B. J., Skeen P., Paguio L. P.* Children and Nuclear War // *Childhood Education*. 1991. V. 67. № 4. P. 260–264.
- Walsh F.* A family resilience framework: Innovative practice approaches // *Family Relations*. 2002. V. 5 (2). P. 130–137.
- Walsh F.* *Strengthening family resilience*. 2nd ed. N. Y.: Guilford, 2006.
- Wang H.-Y., Wang S.-H.* User acceptance of mobile internet based on the unified theory of acceptance and use of technology: investigating the determinants and gender differences // *Social behavior and personality*. 2010. V. 38. № 3. P. 415–426.
- Wang N., Pynadath D. V., Hill S. G.* Building Trust in a Human–Robot Team with Automatically Generated Explanations // *Interservice/Industry*

- Training, Simulation and Education Conference (I/ITSEC) 2015. Paper № 15315. P. 1–12. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/c056/d0852a30cd5719aae5e333ca6b935287e15d.pdf> (дата обращения: 02.05.2018).
- Weber E. U.* Experience-based and description-based perceptions of long-term risk: why globalwarming does not scare us (yet) // *Climatic Change*. 2006. V. 77. № 1/2. P. 103–120.
- Weedon J., Nuland W., Stamos A.* Information Operations and Facebook. April 27, 2017. Facebook Inc., 2017.
- WEF. The New Physics of Financial Services. Understanding how artificial intelligence is transforming the financial ecosystem / Eds R.J. McWatters, R. Galaski. World Economic Forum – Deloitte, August 2018. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_New_Physics_of_Financial_Services.pdf.
- Weil M. M., Rosen L. D.* A Study of Technological Sophistication and Technophobia in University Students from 23 Countries // *Computers in human behavior*. 1995. V. 11. № 1. P. 95–133.
- Werner P. D., Roy P. J.* Measuring activism regarding the nuclear arms race // *Journal of Personality Assessment*. 1985. V. 49. P. 181–186.
- West M. A.* Reflexivity and work group effectiveness: A conceptual integration // *Handbook of work group psychology* / Ed. by M. A. West. Chichester: Wiley, 1996. P. 555–579.
- Westjohn S. A., Arnold M. J., Magnusson P., Zdravkovic S., Zhou J. X.* Technology readiness and usage: a global-identity perspective // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2009. V. 37. № 3. P. 250–265.
- Wilkins R., Lewis Ch.* Sex and drugs and nuclear war: secular, developmental and Type A influences upon adolescents // *Journal of Adolescence*. 1993. V. 16. № 1. P. 23–41.
- Wohlstetter A.* The Delicate Balance of Terror // *Foreign Affairs*. 1959. V. 37. № 2. P. 211–234.
- Wu J. S., Lee J. J.* Climate change games as tools for education and engagement // *Nature Climate Change*. 2015. V. 5. P. 413–418.
- Yagoda R. E., Gillan D. J.* You want me to trust a robot? The development of a human–robot interaction trust scale // *International Journal of Social Robotics*. 2012. V. 4 (3). P. 235–248.
- Yanqing W., Hong G., Xiaojing F., Jie Y.* On measuring team stability in cooperative learning: An example of consecutive course projects on software engineering. 1/2014. URL: <http://arxiv.org/abs/1401.6244>.
- Youssef C., Luthans F.* Positive organizational behavior in the workplace: the impact of hope, optimism and resilience // *Journal of Management*. 2007. V. 33. P. 774–800.

- Yudkowsky E.* Cognitive biases potentially affecting judgement of global risks // *Global Catastrophic Risks* / Eds N. Bostrom, M. M. Cirkovic. L.–N. Y.: Oxford University Press, 2008. P. 91–119.
- Yugo H.* Effects of Trust Building Process on Perspective Taking in Collaborative Problem Solving: An Experimental Investigation Using Agents // *Journal of the Japanese Society for Artificial Intelligence*. 2017. V. 32. № 4. P. 1–9.
- Zakour A. B.* Information technology acceptance across cultures // *Information resources management: Global challenges* / Ed. by W. K. Law. Hershey: Idea, 2007. P. 25–53.
- Zaleski Z.* Behavioral effects of self-set goals for different time ranges // *International Journal of Psychology*. 1987. V. 22. P. 17–38.
- Zaleski Z.* Future anxiety: Concept, measurement and preliminary research // *Personality and Individual Differences*. 1996. V. 21 (2). P. 165–174.
- Zaleski Z.* Future Orientation and Anxiety // *Understanding behavior in the context of time: Theory, research and application* / A. Strathman, J. Joireman, A. Strathman, J. Joireman (Eds). Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2005. P. 125–141.
- Zaleski Z., Sobol-Kwapinska M., Przepiorka A., Meisner M.* Development and validation of the Dark Future scale // *Time & Society*. 2017. V. 0 (0). P. 1–17. doi: 10.1177/0961463X16678257.
- Zandbwerg E., Meyers O., Neiger M.* Past Continuous: Newsworthiness and the Shaping of Collective Memory // *Critical Studies in Media Communication*. 2012. V. 29. № 1. P. 65–79.
- Zartman I. W.* Ripeness: The Hurting Stalemate and Beyond // *International Conflict Resolution After the Cold War* / Eds P. C. Stern, D. Druckman. Washington, DC: National Academy Press, 2000. P. 225–250.
- Zerubavel Y.* *Recovered Roots: Collective Memory and the Making of Israeli National Tradition*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Zeugner-Roth K. P., Žabkar V., Diamantopoulos A.* Consumer Ethnocentrism, National Identity and Consumer Cosmopolitanism as Drivers of Consumer Behavior: A Social Identity Theory Perspective // *Journal of International Marketing*. 2015. V. 23. № 2. P. 25–54.
- Zhang J., Carpenter D., Ko M.* Online astroturfing: A theoretical perspective // *Proceedings of the Nineteenth Americas Conference on Information Systems*, Chicago, Illinois, August 15–17, 2013. URL: https://www.researchgate.net/profile/Darrell_Carpenter/publication/286729041.
- Zhang J. W., Howell R. T., Stolarski M.* Comparing three methods to measure a balanced time perspective: The relationship between a balanced time perspective and subjective well-being // *Journal of Happiness Studies*. 2013. V. 14. № 1. P. 169–184.

- Zhang K., Fang P., Goetz Th., Ringo J.* Antecedents and Consequences of Group Emotions: Empirical Evidence from China. Presented at the 13th European Congress of Psychology. Stockholm, Sweden, 9–12 July 2013.
- Zhang X., Ko M., Carpenter D.* Development of a scale to measure skepticism toward electronic word-of-mouth // *Computers in Human Behavior*. 2016. V. 56. P. 198–208. doi: 10.1016/j.chb.2015.11.042.
- Zimbardo Ph.* *The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil*. N. Y.: Random House, 2007.
- Zimbardo Ph., Boyd J.* Putting Time into Perspective. A Valid, Reliable Individual-differences Metric Measurement // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. V. 77. № 6. P. 1271–1288.
- Zimbardo Ph., Boyd J.* *The time paradox: the new psychology of time that will change your life*. N. Y.: Free Press, 2008.
- Zollo F., Quattrociochi W.* Social Dynamics in the Age of Credulity: the misinformation risk and its fallout // *Digital Dominance. The Power of Google, Amazon, Facebook and Apple* / Eds M. Moore, D. Tambini. N. Y.: Oxford University Press, 2018. P. 342–370.
- Zou J., Schiebinger L.* AI can be sexist and racist – it’s time to make it fair // *Nature*. 2018. V. 559. P. 324–326. doi: 10.1038/d41586-018-05707-8.
- Zweigenhaft R. L.* Providing information and shaping attitudes about nuclear damages: Implications for public education // *Political Psychology*. 1985. V. 6. P. 461–480.
- Zweigenhaft R. L., Jennings Ph., Rubinstein S. C., Van Hoorn J.* Nuclear Knowledge and Nuclear Anxiety: A Cross-Cultural Investigation // *Journal of Social Psychology*. 1986. V. 126. № 4. P. 473–484.

Научное издание

Нестик Тимофей Александрович
Журавлев Анатолий Лактионович

ПСИХОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Редактор — *Е. Ю. Рыжова*

Оригинал-макет, верстка и обложка — *С. С. Фёдоров*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13
Тел.: +7 (495) 540-57-27
E-mail: vbelop@ipras.ru; www.ipras.ru

Сдано в набор 29.10.18. Подписано в печать 11.11.18
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 25,1. Уч.-изд. л. 21,5
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6